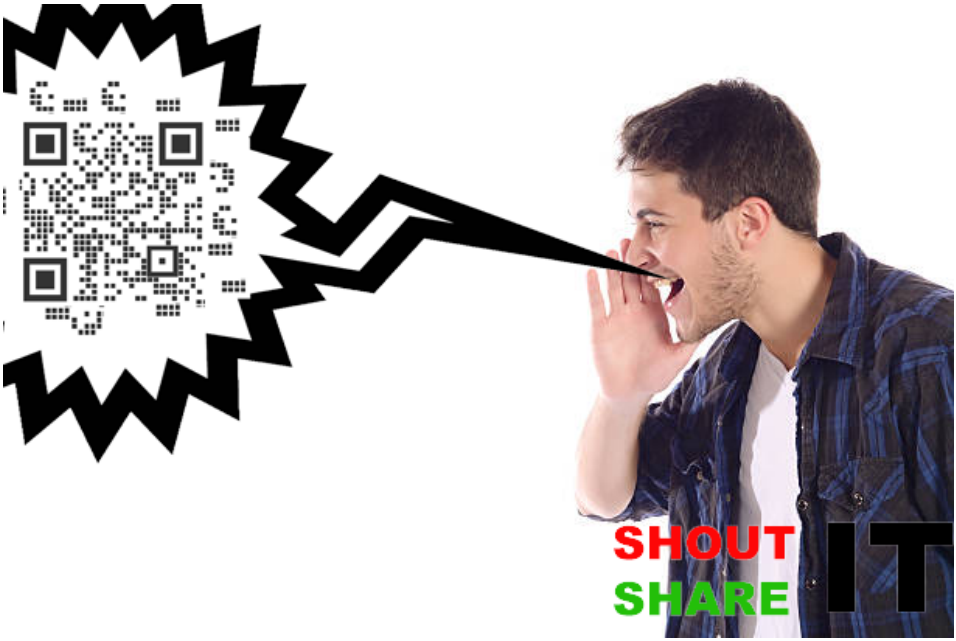
Е. Г. РЕШИН

ГЕНЕРАЛ КАРБЫШЕВ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В повести рассказывается о национальном герое нашей страны, замечательном человеке, обладавшем железной волей, стойком патриоте Родины, Герое Советского Союза Дмитрии Михайловиче Карбышеве. Автор повести бывший военный комиссар одного из инженерных соединений Е. Г. Решин лично знал генерала Карбышева. Он проделал большую работу, собрал ценные документы и воспоминания друзей героя. Для широкого круга читателей.

- Евгений Решин
  -
  - Слово к читателю
  - Часть первая
    -
    - И жизнь, и смерть — подвиг
    - Потомок сибирских казаков
    - Старший брат
    - Третьих каникул не было
    - «Неблагонадежные»
    - Найденная стезя
    - Снова в Михайловском замке
    - Брест-Литовская крепость
    - Бескиды
    - В гражданскую, с Фрунзе
    - Педагог, ученый[4]
    - Коммунист
    - На линии Маннергейма
    - Западная граница
  - Часть вторая
    -
    - Война
    - Острув-Мазовецка
    - Замостье
    - Офлаг XIII-Д
    - В сетях гестапо
    - Нюрнберг — Лангвассер
    - Флоссенбюрг
    - Майданек
    - Освенцим
    - «Академия» убийц
    - Последний шаг в бессмертие

- Смоленский бульвар, 15
- Любовь и память народа

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

Евгений Решин
ГЕНЕРАЛ КАРБЫШЕВ
Документальная повесть

Жизнь героя не знает предела,
Средь живых он остался живой,
Песня грянула и загремела,
Знамя вспыхнуло над головой.

Ираклий Абашидзе

Е. Г. Решин (1892–1983) прожил долгую, богатую событиями жизнь. В 1916 году — участник большевистского подполья Канавина и политической забастовки в Сормове. В феврале 1917 года вступил в партию большевиков. В дни февральской революции вел агитационную работу среди солдат в Нижнем Новгороде. Принимая деятельное участие в создании отрядов рабочей милиции и Красной Гвардии, с оружием в руках боролся за власть Советов в дни Октября.

В ноябре 1918 года на Восточном фронте встретились

начальник 6-го военно-полевого строительства Д. М. Карбышев и военный комиссар этого соединения Е. Г. Решин. Совместная работа оставила неизгладимый след в памяти комиссара.

До конца своих дней Евгений Григорьевич Решин активно участвовал в партийной и общественной работе.

Слово к читателю

Дорогой друг! В этой повести нет ни одного вымышленного имени. Все здесь подтверждено или документами, или свидетельствами родных, друзей, очевидцев.

Я имел счастье близко знать замечательного человека, народного героя Дмитрия Михайловича Карбышева. Многие годы нас связывала дружба, рожденная в пламени гражданской войны.

С той давней поры я не терял связи со своим фронтовым товарищем. О встречах с ним у меня сохранились дневниковые записи. Кое-что я постарался восстановить по памяти. А все остальное, иными словами большая часть книги, — результат переписки с соратниками и друзьями Дмитрия Михайловича, кропотливого поиска в архивах и в книгах о Великой Отечественной войне.

Мне довелось видеться со многими бывшими узниками гитлеровских концентрационных лагерей — с теми, кто боролся рядом с Карбышевым в фашистском плену. Они передавали мне свои записи, великодушно делились всем, что знали о Карбышеве.

Я побывал на родине Дмитрия Михайловича в Омске и там, где пролегал его славный боевой путь в годы четырех войн — первой мировой, гражданской, с белофиннами и Великой Отечественной.

Глубоко убежден, что каждый честный трудовой человек не только нашей необъятной страны, но и всей земли должен знать о бессмертном подвиге Д. М. Карбышева. Он был одним из тех, кто в условиях гитлеровского плена самоотверженно боролся с адом фашизма. Боролся и отдал этой священной борьбе все, что мог: неуемную волю и энергию, кипучую страсть воина, несгибаемое упорство революционера и жизнь.

Считаю своим долгом сообщить имена тех, чьи письма, публикации, книги и рукописи, чья разносторонняя помощь способствовали созданию этой документальной повести.

Прежде всего я приношу сердечную благодарность жене и боевому спутнику Д. М. Карбышева — Лидии Васильевне и старшей дочери Елене Дмитриевне, ее мужу Владимиру Александровичу Семенову, а также Татьяне Дмитриевне и Алексею Дмитриевичу Карбышевым и Зинаиде Алексеевне Филатовой. Общение с семьей прославленного генерала дало возможность узнать о нем много подробностей и фактов, рассказать читателям о его кремневом характере.

Мне помогли инженерная секция военно-научного общества при ЦДСА имени М. В. Фрунзе, а также близкие друзья,

сослуживцы, ученики и воспитанники Дмитрия Михайловича Карбышева: генералы Е. В. Леошеня, Ф. М. Савелов, Н. Ф. Слюнин, М. Ф. Сочилов, А. А. Винский, В. А. Огородников, В. Я. Пляскин, А. Д. Цирлин, А. Ф. Хренов, К. С. Назаров, А. В. Сухомлин, И. П. Галицкий, В. К. Мордвинов, С. А. Маркушевич, М. М. Барсуков, М. Т. Каракоз, П. Д. Морозов, Я. Д. Чанышев, Г. В. Шевченко; офицеры В. А. Нечаев, М. К. Шевчук, Д. С. Борисов, Г. И. Матузас, Д. И. Шор, С. М. Эпштейн.

О начале Великой Отечественной войны, борьбе генерала Карбышева за выход из окружения, его отваге и выдержке в боевых столкновениях с превосходящими по числу и вооружению фашистами — об этом удалось рассказать благодаря воспоминаниям полковников Г. А. Валюшкина, Г. К. Здорного, бывшего директора школы деревни Низок Минской области П. М. Лычковского, секретаря парткома совхоза Городищенский Барановичского района И. И. Сташинского, полковников М. В. Догадина и Г. Н. Митропольского.

А летопись всего пережитого Дмитрием Михайловичем в фашистском плену на героическом его пути в бессмертие составлена по воспоминаниям и письмам советских воинов, боровшихся с фашизмом в гитлеровских лагерях, — П. П Кошкарова, А. К. Ужинского, Т. Б. Кублицкого, В. А. Иванова, В. М. Филатова, П. И. Мишина, Н. И. Митрофанова, Н. Л. Белоруцкого, Н. Ф. Панасенко, Н. С. Гусевой, В. Ф. Буковского, В. И. и Н. Н. Сахаровых, И. И. Воронца, А. С. Санина, Р. Т. Червинского, А. П. Есина, Н. Ф. Михайлова, Л. И. Гофмана, П. П. Павлова, Л. Я. Стояновского, Р. Р. Черношея, В. И. Герасимова, П. С. Махура, М. А. Шамшеева, И. И. Вишневского, А. С. Бабенко, Л. В. Подгурского, Ф. Н. Кюнга, Ю. П. Демьяненко, П. И. Генрихова, Героя Советского Союза П. М. Гаврилова и многих других.

Свыше сорока писем узников фашистских лагерей любезно передал мне писатель С. С. Смирнов.

В книге использованы материалы друзей и сослуживцев Д. М. Карбышева, опубликованные в сборнике «Солдат, герой, ученый» (Воениздат, 1961), и очерк Г. Новогрудского «Герой Советского Союза Д. М. Карбышев» (Воениздат, 1948).

Глубоко благодарен за проявленный интерес и заботу о моей книге бывшему директору Института марксизма-ленинизма Социалистической единой партии Германии доктору Людвигу Эйнеке, заместителю директора этого же института Эрнсту Дилю, а также научному сотруднику института Гансу Шуману, приславшим ценные документальные материалы.

Выражаю также искреннюю благодарность зарубежным узникам гитлеровских лагерей, борцам Сопротивления, которые

откликнулись на мою просьбу и прислали важные материалы о своих встречах с генералом Карбышевым. Генрих Дюрмайер, генеральный секретарь Интернационального комитета лагеря Маутхаузен, был с Карбышевым в Освенциме, Заксенхаузене и Маутхаузене. Австрийский коммунист Ганс Маршалек написал в своей книге «Маутхаузен напоминает» главу о гибели генерала Карбышева; французский коммунист, генеральный секретарь содружества узников Маутхаузена Эмиль Валле и лейтенант-полковник Дедион были очевидцами гибели генерала и донесли до нас последние его слова.

Считаю также необходимым отметить большую работу, проделанную писателем Л. Д. Давыдовым, за которую я ему благодарен.

Насколько же книга нам удалась — судить читателям.

Е. Г. Решин

Часть первая
ОТЕЧЕСТВУ ВЕРЕН

Огромная сила стоит за плечами,
Огромная жизнь расправляет крыла!

Дмитрий Кедрин

И жизнь, и смерть — подвиг

Скорбная, горькая известность выпала на долю маленького, неприметного австрийского городка Маутхаузен. Такая же известность, как у Треблинки и Майданека, Бухенвальда и Освенцима…

Вскоре после оккупации Австрии гитлеровскими войсками в марте 1938 года вблизи тихого и уютного Маутхаузена началось строительство очередного нацистского концентрационного лагеря. Не обычного, как другие, а особого типа: лагеря смерти.

На документе узника, который попадал сюда, имелась зловещая пометка: «Возвращение нежелательно». Или: «Возвращению не подлежит».

Отсюда не вернулись 122 677 узников. Среди них 32 180 советских военнопленных и мирных граждан — казненных, замученных пытками и истязаниями, заживо сожженных.

В памяти грядущих поколений Маутхаузен навсегда останется заклейменным, как место чудовищных злодеяний.

Но тот же Маутхаузен всегда будет и немеркнущим символом безграничного мужества и героизма антифашистов.

…Цветущая зеленая долина. С одной стороны ее опоясывает голубая широкая лента Дуная. С другой — живописные холмы, густо заросшие лесом.

За холмами, за лесом видна гора. Очертания ее четко обозначены на фоне величественных Альп. Издали кажется, что на вершину горы присел и притаился готовый к прыжку хищный зверь, подстерегающий свою жертву. По мере приближения к горе становятся ясно различимыми высокие и мрачные каменные стены, сторожевые башни, массивные, окованные железом ворота. Все это производит впечатление заброшенной средневековой крепости.

Но не в далекие средние века, а в близкое нам и еще кровоточащее черное время разгула фашизма руками узников возведены и трехметровые стены, и башни с деревянными арками, и галерея с пулеметными бойницами, в которых сейчас птицы вьют гнезда.

Руками узников протянута и дополнительная ограда в пять рядов колючей проволоки. По ней был пропущен электрический ток высокого напряжения. Кое-где на ограде болтались железные бляшки с нарисованными на них черепами и перекрещенными костями: «Берегись! Не прикасайся! Смертельно!»

Ныне нет бляшек. Проволока заржавела. Ограда поникла и осела.

Но все равно к ней прикоснуться страшно.

За оградой, поодаль от нее, зияет, словно кратер вулкана, заброшенная каменоломня. В нее можно опуститься по ста восьмидесяти шести крутым ступеням из нетесаного гранита. Узники называли ее лестницей смерти. На ней ежедневно оставались сотни трупов людей.

А вот и газовые камеры — «лаборатория» доктора Кребсбаха. Педантичный доктор следил по секундомеру, какой газ смертоносней, действует на людей всего быстрее и надежней.

Адская печь крематория… Над его закопченной трубой круглые сутки взвивались вместе с клубами дыма огненные языки зловещего пламени. Приторный дым, пахнувший горелым человеческим мясом, ветер разносил далеко по холмам и долинам.

Клокотал, гудел, неистовствовал лагерь-душегуб, наводил ужас на всю округу.

Сейчас там тишина и спокойствие.

Сторожкая тишина. Тревожное спокойствие.

Стоит присмотреться повнимательнее, и повсюду можно заметить притаившиеся тени прошлого. Его не забыть. От него никуда не уйти.

Прошли десятилетия, целое поколение отделяет человечество от злодеяний, творившихся в Маутхаузене. Воздух над ним чист и прозрачен.

Но человеку здесь, если он человек, невмоготу. Сжимает тисками сердце. Стынет кровь. Дышать нечем. И чудится: гарь и дым все еще висят непроницаемой пеленой, окутывают лагерь.

И невольно приходят на память строки узника этого лагеря, рижского портового грузчика и поэта Эйжена Вевериса:

Маутхаузен, Мордхаузен —
Марш колодников во тьму.
Дантов ад окутан дымом,
День в дыму и ночь в дыму.

Перед окованными железом воротами Маутхаузена возвышается монумент.

Из крупного массива благородного белого мрамора, точно из ледяной глыбы, вырастает исполинская фигура воина. Он стоит, могучий и сильный, полный веры в правоту и торжество того дела, за которое сражался.

На темной широкой гранитной плите пьедестала высечено на двух языках — русском и немецком:

«*Дмитрию Карбышеву. Ученому. Воину. Коммунисту. Жизнь и смерть его были подвигом во имя жизни*».

Не по прихоти своего воображения, не произвольно советский скульптор Владимир Цигаль выбрал материалом для памятника белоснежный, почти прозрачный мрамор, подобный плывущему в океане айсбергу.

Откройте скрипучую железную калитку, войдите внутрь лагеря.

Лагерь начинается просторной площадью — аппельплацем. На ней заключенные дважды в день — утром и вечером, в дождь и снег, на резком ветру и нестерпимом солнцепеке — часами простаивали, пока их пересчитывали, проверяли.

Тут же нацисты совершали показательные казни. Тут же устраивали дикие «игры». Узников травили собаками — так фашистские палачи тренировали псов.

С левого края аппельплаца, на сторожевой башне, все еще висит посреди одной из стен стальная цепь. Ею палач обвязывал шею узника. Свободный конец медленно затягивался за спину обреченного. Наступало постепенное удушье. Носильщики уносили труп в крематорий.

Рядом с цепью — стальные кольца. На них вешали заключенных и не снимали по нескольку дней. Дабы мертвые устрашали живых.

Дальше — стена плача. Осталось тайной, почему ей дали такое название. Возле нее не роняли слез. Здесь стояли те, кого допрашивали, над кем велось нацистскими палачами «следствие». Сюда приводили мужественных и отважных. Приводили, чтобы склонить к измене, предательству.

«Следствие» тянулось долго. Иногда несколько недель подряд. Не достигнув цели, лагерное командование применяло к непокорным наиболее изощренные методы пыток, варварские способы казни.

Остановитесь перед стеной плача. Прочтите надпись на вмурованной здесь мемориальной доске — она имеет прямое отношение к памятнику, который вы видели у входа в лагерь:

«*На этом месте мучительной смертью погиб генерал-лейтенант инженерных войск Советской Армии Герой Советского Союза Карбышев Дмитрий Михайлович 1880–1945 гг.*

В ночь с 17 на 18 февраля 1945 года, после зверских пыток, немецкие фашисты вывели генерала Карбышева на мороз, сняли с него всю одежду и обливали холодной водой до тех пор, пока тело генерала не превратилось в ледяной столб. Труп генерала фашисты

сожгли в печах Маутхаузена. Пытки и издевательства не сломили волю пламенного борца за освобождение народов мира от фашистского ига.

Генерал Карбышев погиб смертью героя».

Легендой, примером доблести и героизма стал бессмертный подвиг советского генерала.

Подвиг во имя жизни.

И живущие на земле должны помнить, как священную заповедь, настойчивое напоминание Карбышева:

> «*Главное — не покоряться, не пасть на колени перед врагом!*»

И еще — его последние слова:

> «*Бодрее, товарищи! Думайте о своей Родине, в мужество вас не покинет!*»

А кто же он сам? Какие титанические силы вознесли его к славе и бессмертию? Что знаем мы о его предках и родителях, где рос и воспитывался этот воин-богатырь?

Постараемся проследить, как закалялся его характер, как формировались стойкость, верность долгу, беспредельная преданность своему народу.

Потомок сибирских казаков

В XVI веке в бескрайних просторах Сибири стали возникать поселения, сыгравшие известную роль в развитии этого необъятного края.

Со всех концов России, главным образом с Дона, Урала, из Башкирии, стрельцы и ратники, разного рода и звания служивые и штрафные оседали на необжитых степях и становились «крепостными» казаками.

Крепостными не потому, что принадлежали, как тогда почти все безземельное русское крестьянство, крепостникам-помещикам, а в ином смысле. Поселенцы сами возводили и сами охраняли свои крепости, несли государственную пограничную и конвойную службу.

Нелегкая служба. Суровое житье.

Но поначалу обособленного военного сословия в Сибири еще не существовало. Казаков здесь просто именовали по городу или острогу, в котором их поселяли.

В Березове — березовскими. В Тюмени — тюменскими. В Красноярске, Томске, Омске, на Енисее — красноярскими, томскими, омскими, енисейскими…

Казаки не только охраняли далекие границы Российского государства, они считались наиболее верным и преданным войском. Казачьим уставом было предусмотрено несение полицейской службы. Казаков привлекали и к подавлению революционных вспышек среди рабочих и крестьян — казачьи нагайки и сабли усмиряли народы Сибири, восставшие против царского произвола и угнетения.

Но издавна в рядах самого казачества существовало классовое расслоение. И из среды верноподданных служивых выходило немало людей, которые становились потом на сторону трудового народа и боролись за его счастье.

Потомком таких сибирских казаков был и Дмитрий Михайлович Карбышев — об этом рассказали сохранившиеся архивы.

В середине двадцатых годов прошлого века сибирские казаки, которыми командовал генерал Капцевич, губернатор Западной Сибири, обосновались в Омске. Одновременно они начали строить укрепления в киргизской степи: Каркалинское, Баян-Аульское, Аман-Карагайское, Кокчетавское, Акмолинское, Кушмуринское… В каждом из них обосновался казачий конный отряд.

А там, где появлялся отряд, сразу же росли казачьи поселки.

Проникли они далеко на юг — за Семиречье, заняли обширный край.

В казачьем войске особо отличился сотник Иван Карбышев. Да и в сотники (офицерский чин, равный поручику в армейской пехоте) его произвели «за удаль и отвагу».

Уцелели рапорты по начальству — в них с достаточной полнотой описано несколько подвигов сотника Ивана Карбышева.

В одной из баталий Иван Карбышев с конным отрядом в две сотни и приданным в дополнение артиллерийским расчетом рассеял скопища приверженцев хана Сарыджана Касимова у озера Кургальджин. Хан бежал. Казаки захватили пленных и трофеи.

Отвага, смекалка, казачья лихость — все это сочеталось в Иване Карбышеве с жаждой познания. Он охотно принимал участие в нескольких научных экспедициях землепроходцев середины прошлого века, которые изучали природные особенности и естественные богатства Семиречья.

И здесь работа Ивана Карбышева была замечена. Войсковой старшина Абакумов предложил ему войти в состав экспедиции, снискавшей впоследствии особую популярность своим тщательным обследованием района у озера Иссык-Куль, считавшегося до этого недоступным и диким.

Уже в чине полковника Иван Карбышев возглавил казачий поход в глубь казахской степи. Здесь был заложен город Верный, центр Семиреченского казачьего войска, выросший при Советской власти в большой и красивый город — теперь это столица Казахской республики Алма-Ата.

Близкий родич Ивана Карбышева Илья, дед Дмитрия Михайловича, не оставил после себя никаких документов в подтверждение своей удали или радения к наукам. Его жизнь протекала скромней. Известно только, что он, как и Иван, с успехом окончил военное училище Сибирского казачьего войска. На ратной службе стал обер-офицером и ничем не посрамил боевой славы семьи.

— Два его сына — Михаил и Алексей — по фамильной традиции тоже не свернули с военной стези. К тому времени училище было преобразовано в кадетский корпус — братья оказались среди первых его выпускников, А дальше — войсковая служба.

Михаил Ильич начал ее в середине прошлого века. В отличие от подавляющего большинства казаков он пренебрег возможностью обзавестись землей, не имел никакого пристрастия к сельскому хозяйству и по характеру напоминал Ивана Карбышева. Наряду с ревностным отношением к службе Михаил

Ильич был непоседлив. Он постоянно стремился в дальние края, к необжитым землям.

Если судить по послужному списку, можно сказать, что Михаилу Ильичу улыбалась фортуна, его повсюду сопровождала удача. В послужном списке следуют одно за другим повышения в чине, поощрения и награды. Да и личная жизнь его сложилась удачно. Он женился по любви на дочери коллежского советника Александре Ефимовне Лузгиной. Венчались они в станице Каркаралы, где находился казачий отряд.

Отсюда, из Каркаралы, Михаил отправил своему племяннику — студенту Петербургского университета Александру Шайтанову — письмо, полное неожиданных признаний.

«Любезный друг мой Саша!

Давным-давно собирался писать тебе, да не знал твоего адреса. А вот ныне, именно с прошлой почтой, твой отец был так добр, что сообщил мне его, и я спешу исполнить свое желание.

Прежде всего считаю нужным известить тебя, что я уже женат. Спустя дня три после свадьбы, венчали нас 24 августа, я с женой отправился в Омск, где пытался было застать тебя, но, к сожалению, немного запоздал — ты уже уехал.

Из Омска мы возвратились опять в степь, и вот теперь проживаем в Каркаралах, откуда я и пишу тебе.

Описывать тебе нашу степную жизнь было бы излишне потому, что ты с ней сам был примерно знаком. В ней пока ничего не изменилось. Все та же дичь и тоска смертельная…».

Тоска смертельная! Почему же? Почему ничего не изменилось и каких он ждал перемен? Чего вообще желал и к каким «райским садам» стремился?

Вот что мы узнаем из дальнейших строк.

«…Отец твой пишет, что ты поступил уже в университет. Слушаешь лекции. Но главное он не сказал, то есть, по какому факультету ты проходишь курс. По юридическому ли, как ты раньше желал, или по другому какому. Я полагаю, что ты не изменил свое желание и поступил на этот факультет. Впрочем, как бы то ни было, я от души желаю тебе полных успехов в благом твоем намерении посвятить себя наукам и надеюсь, что добрые порывы твои не охладеют, а более разгорячатся при общем стремлении современной молодежи учиться…

Да, теперь наступило такое время, когда ученая молодежь не останется в накладе, а пойдет все вперед да вперед…

Из письма Дмитрия Афанасьевича видно также, что ты ждешь меня в Питере. Да, если бы не сложились так мои обстоятельства, то есть если бы я нынче не женился, то, наверное, был бы теперь в Питере, я был бы, может, вместе с тобой, жили бы на

Васильевском…».

Канцеляристы продолжали вписывать в послужной список Михаила Ильича Карбышева повышения, поощрения, награды. На его груди блестели ордена Станислава, Анны третьей степени, медаль за участие в баталиях 1855–1856 годов.

Но мрачноватое облачко тоски и внутренней неудовлетворенности постепенно разрасталось в грозовую тучу, заслоняя блеск полученных наград. Он недоволен собой. Иначе могла бы сложиться его судьба. Он принадлежал к поколению казаков, у которых с новой силой и по-новому пробудилось свободолюбие Ермаковой вольницы.

Еще одна характерная деталь. Михаил Ильич увлекся фотографией — это было редким пристрастием. Аппараты стоили очень дорого, отличались сложным, хитроумным устройством. Процесс проявления и печатания снимков не мыслился без специальных знаний.

В одном из писем в Питер, все к тому же племяннику-студенту, Михаил Ильич напоминает: «…до сих пор не бросаю намерения позаняться фотографией и непременно хочу для этого поехать в столицу, только теперь поеду уже не один, а с женой, которую тоже хочу поучить чему-нибудь доброму. Во всяком случае раньше будущей осени отправляться мне отсюда нельзя, а осенью непременно хотелось бы приступить к исполнению давнишнего своего желания, побывать на Неве, посмотреть, как живут люди, и поучиться чему желаю».

И еще одна приписка с важным поручением: «P. S. Не можешь ли ты, Саша, достать и прислать мне фотографическую химию? Хочу постепенно ознакомиться с искусством фотографии».

Между тем и семье появился первенец Владимир. Побывать в столице супругам, к сожалению, так и не пришлось.

Семья росла. Вслед за Владимиром родились Софья, Михаил, Евгения. Когда старший сын достиг школьного возраста, Михаил Ильич по болезни уволился из Иррегулярных казачьих войск и перебрался со всей семьей в Омск.

Сперва он поступил помощником бухгалтера в губернское акцизное управление Западной Сибири. Там ему, однако, не сиделось на месте. Он поменял спокойную кабинетную должность на суетную и кочевую. Отправился младшим смотрителем на Карасукские соляные озера.

В Омске он появлялся изредка, наездами. Большую часть времени проводил на промыслах и в той же степи, куда, несмотря на «дичь и тоску смертельную», его манило и влекло, как плененную птицу из клетки на волю, на простор.

Опять-таки — почему?

Там, в степи, он находил применение своей неистраченной энергии, своей мятущейся деятельной натуре. Там осваивались земли. Кочевники приобщались к оседлому, образу жизни. Смельчаки-краеведы вели разведку природных сокровищ края. На озерах промысловики добывали соль. За нею приезжали из ближних и дальних мест чумаки, крестьяне, рыбаки.

А в Омске Михаилу Ильичу было тоскливо. «Человек в Омске, — писал о той поре журнал „Сибирские вопросы“, — ценился только как поручик, генерал, статский советник. Город без общества, без общественной жизни, город сослуживцев, зараженных формой, инстанцией… Омск ничего не производил. Канцелярский и военный, он не мог жить без плошек для иллюминаций и свеч для канцелярий: три завода заботились об этом».

Известный путешественник и ученый Григорий Николаевич Потанин, к слову сказать, также окончивший Сибирский кадетский корпус, называл Омск «тщедушным городом Акакиев Акакиевичей».

А семья все росла. Появились на свет еще дети, но жить остались только двое мальчуганов — Сергей и самый младший Дмитрий.

Михаил Ильич высоко ценил образование, науку. Но служба вдали от дома и семьи на протяжении многих лет подавала ему возможности воспитывать по своему желанию и разумению четырех сыновей и двух дочерей. Столь же мало занималась ими и мать, Александра Ефимовна. Она была женщиной болезненной и слабой, и дети пользовались относительной свободой, чувствовали себя «вольными казаками».

Но Михаил Ильич все-таки сумел направить детей по верному пути. Он увлек их учебой, привил вкус к литературе, заронил в их сознание свободолюбие.

Влечение к науке, литературе, запретные мечты о вольнице в семье одной из боевых казачьих династий корнями уходят в Сибирский кадетский корпус.

Несколько поколений молодых Карбышевых вышло на самостоятельную дорогу из его стен. Кто же их воспитывал? Чье влияние прослеживается в поведении, в направлении мыслей Михаила Ильича и его детей?

Прежде всего это Н. Ф. Костылецкий, преподаватель русской словесности. Он раскрывал кадетам не только поэтическую прелесть, но и взрывчатую силу произведений русских классиков, всегда объявлял себя горячим почитателем Белинского. Революционно-демократические идеи неистового Виссариона

молодой педагог излагал с таким воодушевлением, что многие кадеты искренне видели в нем самого опального критика, скрывавшегося под чужим именем.

В конце концов стараниями фискалов крамола педагога дошла до генерала. Увещевания, угрозы, дисциплинарные взыскания — ничто не помогло. «Костылецкий, — как пишет его биограф академик А. К. Моргулян, — оставался до конца жизни стойким борцом против крепостничества, верил, что придет час свободы. Это был человек кристальной чистоты, всегда смело стоявший за правду. Он с убийственным сарказмом говорил о крепостнических порядках в России, о несправедливости и косности, с которыми надо бороться… Впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде».

Еще один педагог — Г. В. Гансевский, сосланный в Сибирь за сочувствие декабристам и участие в студенческих волнениях в Петербурге, казалось бы, должен был «извлечь урок». И не извлек. Вопреки министерским предписаниям «доводить курс истории в кадетских корпусах лишь до конца Отечественной войны 1812 года», он на своих лекциях захватывал более поздние — «крамольные» годы. Посвящал кадетов в подробности восстания декабристов, уделял внимание «преступному» хождению в народ революционеров-народников. И, что уж совсем нетерпимо, рассказывал кадетам о французской революции.

И еще один воспитатель снискал симпатий кадетов, также был явным носителем «крамолы». Это В. П. Лободовский. Он читал курс отечественной и европейской литературы. Но на каждой лекции почему-то уклонялся в сторону от предмета и вел недозволенные речи на злободневные социальные темы.

Разумеется, генерал ведать не ведал о том, что привлек для воспитания кадетов в духе верности и преданности трону и отечеству личного друга Николая Гавриловича Чернышевского.

В доме Карбышевых довольно часто упоминались имена перечисленных выше педагогов. Почтением пользовались тут и питомцы кадетского корпуса Григорий Николаевич Потанин и Чокан Велиханов. Михаил Ильич хорошо знал обоих. Он рассказывал детям о возмутившей его до глубины души «гражданской казни» Потанина в мае 1868 года на Базарной площади Ильинского форштадта, свидетелем которой он был и не мог об этом забыть до конца своей жизни.

Гораздо позднее Потанин в своих воспоминаниях дал примечательную характеристику Сибирскому кадетскому корпусу:

«…Мы вышли из корпуса с большим интересом к

общественным делам… Еще на школьной скамье мы задумывались, как будем служить прогрессу… Любовь к прогрессу у нас включалась в любовь к Родине… Мы смотрели на себя как на будущих борцов… Мы даже сочувствовали революции там, где общество не могло мирными средствами проложить путь к прогрессивным учреждениям…».

Судя по всему, Михаил Ильич усвоил эти же взгляды и убеждения. Это подтверждается и его дружескими связями с близким родственником Александром Шайтановым, которого царские жандармы сурово преследовали за принадлежность к революционной группе. Именно поэтому было так сильно стремление Михаила Ильича попасть в столицу и быть вместе с Александром на Васильевском острове, у берегов Невы.

Обнаруженные нами архивные документы позволили прояснить личность студента юридического факультета Петербургского университета Александра Дмитриевича Шайтанова.

Хорунжий Сибирского казачьего войска, он был также питомцем кадетского корпуса в Омске. Приехав из Сибири в Петербург, Александр сразу же обратил на себя излишне пристальное внимание жандармов. Они завели на него «дело», установили негласный надзор, и шпики выследили опасные связи молодого сибиряка с местными революционерами. Затем последовал арест за участие в студенческих волнениях 1861 года. Петропавловская крепость. Сырой тюремный каземат Кронштадта.

После отбытия наказания студент подвергается уже гласному полицейскому надзору. Александру удается ускользнуть от слежки, но ненадолго. Жандармы настигают его в Москве и вновь сажают — на сей раз в Бутырскую тюрьму за принадлежность, к революционной группе Потанина — Ядринцева, по обвинению «в готовности принять участие в вооруженном восстании». Из Бутырок Александра Шайтанова по этапу доставляют в Омскую тюрьму. Ввиду особой важности следственная комиссия передает его «дело» на рассмотрение Сената. Последний, согласно мнению Государственного совета, 20 февраля 1868 года приговорил Шайтанова «к лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленный уезд Архангельской губернии».

Очередной этап — из Омска в далекую Пинегу.

Пять лет суровой ссылки. Наконец, измученному и больному Александру «дозволено» возвратиться на родину, в Западную Сибирь, и поселиться под полицейским надзором в Усть-Каменогорске.

Не одно лишь кровное родство побуждало Михаила Ильича

поддерживать дружескую переписку с Александром Шайтановым — родство было и духовным.

Михаил Ильич только по воле случая избежал подобной судьбы.

«…Я впервые узнала о далекой Сибири еще в раннем детстве из материнских рассказов. Она очень любила делиться с нами, детьми, своими воспоминаниями и делала это обычно по вечерам перед сном.

А мы, дети, зачарованно слушали ее».

Это — из воспоминаний Зинаиды Алексеевны Филатовой, внучки Михаила Ильича от его дочери Евгении. Она рассказала о быте семьи Карбышевых в конце прошлого столетия.

«Таинственной и необычайно интересной казалась нам, выросшим в теплом солнечном Крыму, эта далекая Сибирь, с ее трескучими морозами и долгой зимой, снегами, заносившими по пояс улицы старого Омска, где жило на тихой улице в большом доме на горе семейство Карбышевых.

Широкий Иртыш вставал в нашем детском воображении как огромная северная река, связанная в песнях с легендарной фигурой Ермака — атамана вольного сибирского казачества.

На Иртыше дети Карбышевых, такие нам близкие и знакомые, проводили длинные летние дни и вечера в катании на лодках и в разнообразных играх на островах.

Несмотря на то что все это были лишь воспоминания далекого детства нашей матери, ее рассказы, живые и увлекательные благодаря ее чудесной памяти, оживляли картины далекого прошлого этой замечательной семьи.

Ясно представляю себе всех братьев. Смуглые, черноволосые и темноглазые, невысокого роста, но зато коренастые и ладно скроенные. Семнадцатилетний Владимир держал себя совсем по-взрослому. У него были свои гимназические друзья, однако он выбирал время для бесед и игр с братьями и сестрами и относился к ним сердечно и просто.

Михаил был моложе на шесть лет, но страшно хотел во всем быть похожим на Владимира, подражал ему, тянулся за ним. Сергею не исполнилось еще и шести, и они вместе с самым маленьким братом — четырехлетним и тщедушным Митей — копались в земле, что-то строили, рыли миниатюрные окопы, насыпали холмики, которые, вероятно, в их воображении служили мощными редутами, неприступными крепостями.

Часто ребята убегали на развалины старой „крепостцы“ и вели „войны“, затевали „баталии“. У Сережи и Мити после таких игр пунцово пылали щеки.

В играх иногда участвовали и обе сестры — мечтательная

Софья, о которой говорили: „Вся в мать“, и Евгения, внешне очень похожая на отца — такой же удлиненный овал лица, мягкие очертания губ, карие, чуть раскосые живые глаза под темными бровями, высокий лоб и над ним корона непокорных волос, заплетенных в тугую косу. Она рано проявила склонность к домашнему хозяйству, хотя была младше Софьи на четыре года, но постепенно стала делать по дому все, что не успевала или не могла делать мать.

Отец служил далеко, в киргизской степи, и болезненной, хрупкой матери не хватало ни сил, ни времени заниматься детьми. Они были предоставлены самим себе. Летом пропадали на Иртыше. Зимой, особенно в каникулы на святках, любимым их развлечением считалось катание с гор на салазках.

Катушку делали ребята сами. Заливали ее водой у себя во дворе или уходили на более высокие крутые берега Иртыша, откуда летели вниз так, что дух захватывало и свистело в ушах. Катались до изнеможения, уши и носы приходилось оттирать снегом, чтобы не отморозить. Меховых шуб в семье Карбышевых не носили. Даже дети были одеты довольно легко, в ватные кацавейки, папахи, платки, валенки.

Старшие ребята учились: Володя — в Омской мужской гимназии, Софья и Евгения — в женской, а Михаил — в Сибирском кадетском корпусе.

Малыши Сережа и Митя сначала постигали грамоту с помощью старших. Особенно много возилась с ними Евгения. Утром ей приходилось вставать пораньше, затемно, чтобы самой не опоздать в гимназию и успеть накормить и проводить на занятия братьев и сестру.

При свечах пили чай и завтракали. Сами, без мамы, которая обычно вставала позже».

Старший брат

Июль 1884 года. Младшему в семье, Мите, не хватало несколько месяцев до четырех лет. Он еще даже не грезил о заплечном ранце и школьной парте, когда его старший брат Владимир успешно окончил Омскую классическую гимназию.

Родителей никогда не беспокоила успеваемость первенца. С начальных классов Владимир считался одним из лучших учеников, был для остальных примером, в тетрадях его никто не видел троек, постоянными отметками были пятерки и даже пятерки с плюсом.

И все-таки получение аттестата зрелости с отличием — событие в семье чрезвычайное, из ряда вон выходящее.

Накануне, поздним вечером, приехал с дальнего соляного промысла отец.

А на следующее утро, с рассветом, в доме воцарилось радостное возбуждение.

День 4 июля выдался теплый, солнечный, без единого облачка на голубом небосводе.

Пили чай раньше обыкновенного, и все вместе дружно стали готовиться к праздничному обеду и приему гостей.

Братья с отцом переставляли мебель, старались обеспечить в гостиной необходимый простор для танцев. Сестры Софья и Евгения старательно убирали квартиру, натирали полы, украшали комнаты цветами, наводили повсюду блеск.

Александра Ефимовна, позабыв о своей постоянной хвори, оживленная, сияющая, хлопотала с кухаркой на кухне.

Митя, предвкушая веселье, ликовал. Он вертелся около старших, старался внести свою долю в приятные хлопоты и приготовления к семейному празднику. Но при этом оказывался почти неотступно около Володи. Куда Володя — туда и Митя. За что возьмется Володя, за то и Митя.

— А не сбегать ли нам с тобой, Димок-Дымок, к Сарахановым? — неожиданно, точно заговорщик, предложил Володя.

Старший брат, в отличие от других домочадцев, звал Митю по-своему, и в устах Володи это звучало и ласково и нежно.

Владимир был в глазах Мити человеком особенным. Он много времени уделял ребятам, играл с ними, любил повозиться и не кичился своим старшинством. Вот за, что Митя души не чаял в старшем брате. А может, еще и за то, что Володя года два тому назад безбоязненно пробирался к нему и подолгу оставался с ним — на такое никто из родных не осмеливался. Митя тогда лежал в

отдельной комнате, совершенно изолированно от остальных домочадцев. Его мучила тяжелая и заразная болезнь — оспа. Даже мать боялась близко подойти к его постели. А Володя не боялся, часто приходил и рассказывал что-нибудь очень интересное, и Митя забывал о саднящем зуде.

Вслед за Володей стали изредка наведываться и другие братья и сестры, особенно Женя. Она читала детские книжки, показывала разноцветные картинки, но Митя картинок не видел — лицо и тело его покрывали оспенные язвы, ресницы слипались, глаза почти нельзя было открыть.

Няня-калмычка смачивала в настое из каких-то трав куски марли и прикладывала их к его лицу и телу. Примочки успокаивали. Ослабевал зуд. И мальчик переставал расчесывать ручонками волдыри. Но настоящее облегчение наступало лишь с приходом Володи. Его рассказы всегда поднимали настроение у малыша — герои всех Володиных историй были смелыми, терпеливыми, выносливыми и справедливыми.

Вскоре Митя поправился. Помог ему в этом целительный кумыс, чистый степной воздух и купание в Иртыше и Оми. И снова Володя: это он избавил Митю от робости и страха перед быстрой и бурной волной, научил плавать.

Через два года Митя и вовсе окреп, хотя с виду казался слабым. Следы оспинок остались на всю жизнь и напоминали о тяжелой хвори, перенесенной в раннем детстве.

— Давай, Димок-Дымок, сбегаем все-таки к Сараханчикам-Сарафанчикам! — повторил Володя шепотом.

— Давай! И через черный ход, — тоже шепотом ответил Митя, — никто нас не заметит…

Хотя им вовсе не к чему было таиться, все же так интересней. Через кухонную дверь, со двора, они незаметно исчезли из дому.

Хорошо шагать по городу со старшим братом. Митя и не подозревал, что это последняя прогулка перед долгой разлукой. А Володя знал об этом и мысленно прощался с родным Омском.

Карбышевы жили в центральном, тогда лучшем районе города — Казачьем форштадте. В том же районе вольготно расположились четырехэтажные здания Сибирского кадетского корпуса с массивными колоннами у парадного подъезда. А отсюда уже рукой подать и до дворца краевого генерал-губернатора и атамана. Дворец его утопал в зелени. Пышный сад на английский манер, цветники. Южнее сада расположилась Казачья площадь — очень просторная, несмотря на то, что всю середину ее занял монументальный военный собор, где хранилось знамя Ермака Тимофеевича. Внутри собора на постаменте покоился свинцовый гроб с забальзамированными останками

генерал-майора Чирикова, одного из первых атаманов Сибири.

Братья чинно прошествовали по Никольскому проспекту и подошли к изреженным перелескам. Здесь все еще без устали размахивали широкими крыльями старенькие, замшелые ветряки. Их дощатые крыши казались седыми от густого мучного налета.

Машут нам, здороваются с нами! — Щелкнув лихо каблучками сапог, как бравый казак, Митя отдал мельницам честь по всей форме. — Здравь желаю, ваш скородь! — и залился раскатисто безудержным ребячьим смехом. Ему свойствен был по природе юмор, с детства мальчик рос весельчаком.

— А мне кажется, что ветряки со мной не здороваются, а прощаются, — с грустью обронил Володя.

Они прошли по Полковой, потом по Войсковой, с нее свернули на Конюшенную, с Конюшенной на Лагерную, И очутились на главной улице — Атаманской.

По Атаманской братья дошли до левого берега Оми. По деревянному мосту перешли через реку, на правый ее берег — в Любину рощу. Зеленокудрые березы приветливо клонились от легкого ветра.

Роща была всем мила, но днем в ней никто не гулял, потому что поблизости раздавались крики зазывал, шум бойкого торга — рядом располагался городской базар.

Пришлось протиснуться сквозь толпу, заполнявшую обжорный и мясной ряды базара. За ними начинались две старинные параллельные улицы — Бутырская и Скорбященская.

Маленький Митя знал, почему присвоены этим улицам такие названия. Тайком убегал он сюда с соседскими ребятами наблюдать, как под конвоем солдат с винтовками наперевес гнали партиями каторжан и ссыльных. Арестанты гремели кандалами, глухо стучали деревянными колодками, брели понуро по неровным булыжникам мостовой. Спотыкались, падали и, поднявшись, снова брели. Многие из них стонали от боли, хрипло и надсадно кашляли. Некоторые озирались вокруг запавшими глазами, полными ненависти и злобы к своим мучителям.

Молча провожала каторжных сгрудившаяся толпа. Она набегала к обочинам дороги, мрачно застывала. Часто кто-нибудь кидал узникам ломоть хлеба или какую-нибудь еду, завернутую в тряпицу.

Иногда партия каторжных останавливалась, и тогда народ у обочин начинал с ними громкую перекличку через живой заслон конвоиров:

— Откуда вас гонят?

— Из московских Бутырок!

— А куда?

— В Тобольский каторжный острог!

— А дальше куда?

— Сибирь велика. Загонят, не воротишься…

Скорбная дорога, слезами омытая. Из тюрьмы в тюрьму, из острога в острог. Вот и улицы названы по ней — Бутырская и Скорбященская.

Неспешно беседуя, братья незаметно подошли к дому, где квартировала семья крестьянина Сараханова. Володя знал, что глава этого немалого семейства продал свой скудный надел земли в станице Кобырдахской на Тобольщине и подался в Омск на заработки.

Конечно, не принято было в те времена родовому казаку знаться с сыном крестьянина. Но Володя подружился с Костей Сарахановым сразу же после того, как познакомился с ним в гимназии.

Константин был старше Володи и опередил его в гимназии на один класс. Однажды на большой перемене они очутились вдвоем в коридоре у раскрытого окна. Поглядели на то, как бегают и резвятся гимназисты во дворе, перекинулись между собой шуткой, острым словцом.

Так состоялось знакомство.

Сын офицера, родовой казак — и сын бесправного крестьянина, считавшегося иногородним даже в своей станице. Что могло быть между ними общего? Ну хотя бы сидели за одной партой или учились в одном классе, были бы ровесниками или соседями, тогда куда ни шло. А тут и учились врозь, и жили в противоположных концах города. Но нежданно-негаданно они крепко подружились.

Володя зачастил к Сарахановым. Среди местных кумушек пошла молва: причиной этому вовсе не Костя и не книжки, которые они вдвоем почитывают. И не шахматы, которым они отдают предпочтение перед крокетом или теннисом. Влечет Володю младшая сестренка Кости — она-то и вскружила голову юноше.

Кумушки, как известно, приметливы… Володе нравилась Костина сестра. Но раньше, чем он ее увидел, гораздо раньше, чем разобрался в своих чувствах к девушке, он искренне привязался к Константину. Обоих волновала неустроенность жизни. Оба подолгу размышляли над тем, как ее переделать. Костя где-то доставал запрещенные книжки, брошюры и давал их под строжайшей тайной Володе.

Это было в начале восьмидесятых годов прошлого века. Незадолго перед тем прогремел на всю Россию выстрел «Народной воли». Он попал в цель, но цели не достиг. Деспота-

самодержца не стало, но и воля народу не досталась. Место старого царя на престоле занял молодой. Вместо Александра II — Александр III.

Молодой самодержец превзошел в лютости своего покойного батюшку. Реакция распоясалась. К Омску и дальше, в глубь Сибири, потянулись нескончаемой чередой партии «политических». Революционеров гнали по столбовой в пересыльные тюрьмы, остроги и крепости, в дальнюю ссылку и на каторгу.

За год до того, как Володя получил аттестат зрелости, Константин благополучно распрощался с гимназией.

— Выскочил, а могли вышибить, — признался тогда Костя своему другу. И познакомил его с гимназическим нелегальным кружком. Они заранее условились, что через год встретятся в Казани, в университете.

Володя, как и Костя, хотел быть врачом и решил вслед за товарищем поступать на медицинский факультет. Перспектива попасть в Казань казалась Володе очень соблазнительной. Слухи об этом большом городе на Волге доходили до Омска. Речной порт, бойкий торг, ярмарки, перевалка грузов, много рабочих, грузчиков, студентов. А еще намеками кое-кто давал понять, что там, в Казани, есть подполье, серьезные дела замышляются революционерами…

Промелькнул год. Костя, возмужавший, в студенческой форме, приехал в Омск на каникулы. Встретился с Володей и огорошил товарища: собирается с медицинского перевестись на юридический. Как же так? Ведь оба мечтали врачевать людей…

— Видишь ли, Владимир Михайлович, — сказал Константин нарочито несколько высокопарно, — ныне самый опасный больной — наше российское общество. Вся страна — вот кто, сударь, позарез нуждается в радикальном исцелении. Знания медицины мало для того, чтобы прописать такому пациенту верное и быстродействующее лекарство.

А своему переходу на юридический факультет дал такое объяснение:

— Кому больше всего необходимо разбираться в законах Российской империи? А? Поразмысли-ка, дружок! Всяким законникам — судьям, прокурорам? Черта с два!

Для них законы не писаны. Они все равно норовят любой закон обойти и нарушить. Куда важнее уметь толковать законы тому, кто в любую минуту может оказаться вне закона…

…Возвращались в форштадт вчетвером. Впереди Алевтина, Костина сестренка, вела за руку Митю. Володя с Костей несколько поотстали, увлеченные беседой после долгой разлуки.

Праздничный обед удался на славу. Чуть раскрасневшийся от радости, Михаил Ильич поднялся и зачитал гостям весьма лестную характеристику из сыновнего аттестата зрелости: «… поведение его было отличное. Исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ выше всякой похвалы. Прилежание отличное и любознательность образцовая…».

Дочитал Михаил Ильич характеристику и от себя прибавил:

— Скреплено гербовой печатью и собственноручно подписано директором гимназии!

После праздника наступили будни. Михаил Ильич заметался. Ему очень хотелось устроить судьбу сына лучше своей. Только теперь он ощутил свою беспомощность, ничтожный результат усердной войсковой службы. Не принесли ему душевной радости и многолетние скитания в степи, вдали от дома.

Офицерский чин, звание дворянина, ордена… Все это приобретало особый смысл и силу, когда у их обладателя были достаток, сбережения, солидный доход.

А откуда взяться деньгам у заурядного чиновника, надворного советника, младшего смотрителя Карасукских соляных озер? Да еще обремененного большой семьей — шестеро детей, больная жена. Нет, его скромного жалованья, как ни хитри, как ни изворачивайся, а на три дома не хватит. А делить жалованье предстояло теперь именно на три дома — Михаил Ильич в степи, жена с детьми в Омске, а Володя будет в Казанском университете…

Прикидывал и так и эдак, размышлял, что бы такое продать или заложить… Видно, другого выхода не найти, как только бить челом войсковому атаману, просить, чтобы послали Володю в университет на казенный счет. Сын казачьего офицера, аттестат с отличием, поведение образцовое — неужели откажет начальство, радеющее о благе отечества?

Метался, тяжело и горько переживал неурядицы Михаил Ильич. Особенно оттого, что не с кем было поделиться и не у кого попросить совета. Жене сказать обо всем он не хотел — у нее и без того шалят нервы, расстроится, еще пуще захворает. Открыться приятелям — без толку. Одни посочувствуют, да ничем не помогут. Другие, быть может, даже позлорадствуют: «Простирай ножки по одежке, мы-то сами обходимся без университетов, обойдется и твой сынок. Казачий университет — саблю наголо, марш в атаку!»

Ночью, втайне от домашних, составил Михаил Ильич ходатайство, а наутро отнес в правление Сибирского казачьего войска без особой надежды на положительный ответ. Он не знал,

что совсем недавно войсковому атаману в Петербурге министр просвещения Делянов выразил «неудовольствие самого государя-императора» почти полным отсутствием сословия казаков — оплота самодержавия — в университетах.

— Бравых казаков меньше, чем кухаркиных сынков! — с раздражением отчитывал атамана министр.

Через несколько дней, сам себе не веря, потирая лоб от приятного изумления, Михаил Ильич читал и перечитывал желанную резолюцию, наложенную на его прошении. Владимир Карбышев посылался в Казанский университет стипендиатом правления Сибирского казачьего войска.

Александра Ефимовна, ничего не подозревая о тяжких переживаниях мужа, снаряжала Володю в путь. Железной дороги в ту пору еще не было, ее проложили гораздо позже. Из Омска в Казань ездили на перекладных — путь предстоял долгий.

Мать очень волновалась за сына. Она не на шутку тревожилась, вздыхала и охала, находилась в каком-то смятении. И в то же время ее переполняло безмерное счастье, ликование — первенец выходит в люди.

А Митя поскучнел, не находил себе места. Боялся надолго отлучаться из дому, почти не убегал со двора. Все ему казалось, что брат внезапно уедет, не попрощавшись с ним.

Отозвав однажды Володю в укромный уголок, Митя под большим секретом открыл ему:

— Всю азбуку знаю. И по складам умею… Женя научила.

— Молодчина, Димок-Дымок! Напиши мне в Казань письмецо.

— Напишу! А ты ответишь? Володя, ответишь?

— Непременно отвечу.

— Не забудь, печатными буквами, — запнувшись досказал мальчуган. — Я только по-печатному знаю…

Он еще не знал всей азбуки и «по-печатному». Но решил во что бы то ни стало одолеть ее за время, пока Володя доедет до Казани.

Проводили Володю. И с того дня мальчуган будто сразу подрос. Он привязался к Жене. В «компенсацию» за то, что она его учила по вечерам грамоте, стал ей помогать по хозяйству.

О том времени Евгения Михайловна так рассказывала дочери: «Митя рано пристрастился к чтению — как только он с моей помощью одолел эту премудрость. Благодаря его способностям и отличной памяти он очень скоро стал выделяться среди других детей. Часто на память пересказывал целый отрывок из прочитанной сказки, особенно понравившейся ему».

А вот отрывок из воспоминаний племянника Дмитрия

Михайловича Карбышева Владимира. Записал эти воспоминания омич Александр Степанович Санин.

«Бывало, чуть рассветет, Митя уже проснулся, быстро оделся, умылся. Подпоясавшись отцовским ремнем, он надевал через плечо самодельную шашку, а на голову казачью папаху и мчался вниз по лестнице на кухню. Там на табурете стоял большой самовар. Митя наливал в него воды и разжигал докрасна угли. Когда самовар закипал, мальчуган обходил еще спящих родителей, братьев и сестер, будил их. Каждому из проснувшихся он, становясь во фронт и приложив руку к папахе, рапортовал:

— Соизвольте встать, ваше высокоблагородие! Самовар кипит, стол накрыт, чай разлит… Советую меня послушать, поскорее чаю откушать.

Кто научил его этой складной побудке-прибаутке, неизвестно. Но она действовала как талисман, мгновенно поднимала всех на ноги».

В мальчике трепетала военная жилка…

Однажды во время гражданской войны Дмитрий Михайлович после разбора очередной боевой операции сказал автору этой книги, бывшему тогда его комиссаром:

— А знаете, Евгений Григорьевич, мне с детства очень нравилось строить крепости, играть в войну со своими сверстниками, воображать себя казаком в тяжелом походе, в жестоком бою… Да и в доме я старался быть бравым казачонком. В редкие дни, когда приезжал отец с промысла, я с нетерпением ждал вечера. Уговорю, бывало, его, и он посадит меня на колени и начнет мне — в который раз! — как взрослому рассказывать подробности баталий, за которые его наградили орденами…

И Дмитрий Михайлович принимался вспоминать все, что узнал в детстве от своего отца.

Было просто поразительно, как живо, стараясь не упустить малейших подробностей, характерных примет времени, словно оживляя давно отзвучавшие баталии, пересказывал он услышанное в далеком детстве.

Все перипетии отважных походов отца с Лягужским и Урджанским казачьими отрядами навсегда сохранились в памяти Д. М. Карбышева.

Третьих каникул не было

Осенью 1884 года Владимир Карбышев был зачислен студентом медицинского факультета Казанского университета.

Следующее лето будущий медик проводил с родными, делясь «полным коробом» впечатлений о старинном, шумном, многоязычном городе, признанном столицей Поволжья.

Несколько раз за время каникул наведывался с промыслов отец. За чаем, в обед и в ужин он засиживался с Владимиром дольше других и все расспрашивал сына:

— Отчитайся-ка, Володя, чем примечательна твоя Казань-столица?

Володя знал, что интересует отца, и подготовил для него своего рода экономический обзор. Привычка регулярно просматривать газеты исподволь помогла студенту накопить в памяти достаточно любопытных сведений. Он выкладывал их, делясь с отцом и делая попутно кое-какие обобщения, пересыпая цифры и факты собственными пояснениями.

Рассуждения первенца позволяли отцу сделать вывод, что будущий медик не замкнулся в своей науке, не чурается проблем, хотя и далеких от анатомии и физиологии человека, но зато близких к «анатомии» и «физиологии» человеческого общества.

Митя прислушивался к разговорам Володи с отцом, далеко не все понимал, но не подавал виду, что слушает, и не расспрашивал.

А Володя без устали развертывал перед отцом картины большого города. Десятки фабрик и заводов. Несколько тысяч рабочих. Свыше тридцати мельниц, которые перемалывают тысячи пудов пшеницы и ржи. Есть железная дорога, по ней ходят поезда. В университете тысяча студентов. А у студентов даже свой «Латинский квартал» — как в Париже. Только в Казани его называют Старо-Горшечной улицей. Тут ютится, собирается на буйные сходки, бродит по вечерам учащаяся молодежь. Она имеет и свой «клуб» — лавку Деренкова.

В этой бакалейной лавочке Володя обрел немало приятелей. Среди них сам Андрей Степанович Деренков, начитанный человек и бессребреник. Нисколько на лавочника не похож. Собрал большую библиотеку — охотно дает книги студентам. Заглядывает к нему булочник Алексей Пешков, сочинитель и вольнодумец. Бывает и молодой прозаик Евгений Чириков, которого считают восходящей звездой русской литературы.

Другое общество, лекции профессоров, масса новых впечатлений, разительные контрасты с застойным бытом омичей

— а домашние признали Володю прежним. Совсем не переменился. Такой же молодой, веселый. Ничуть не повзрослел. И нрав по-прежнему общительный. И студенческая форма по сравнению с гимназической не придала ему еще солидности.

А через год он опять приехал на каникулы в Омск.

Как-то братья вели непринужденную беседу. Володя ласково взъерошил волосы меньшего и обронил загадочно:

— Одно твое имя, Димок-Дымок, способно повергнуть в страх и трепет всю императорскую фамилию…

— Как так?

— А очень просто. Цареубийцу Каракозова тоже звали Дмитрием. — Не оттенком гордости: — Между прочим, он был студентом Казанского университета.

В другой раз братья и сестры заспорили между собой о том, кого можно считать настоящими друзьями. Приводили разные примеры. Называли многих знаменитых людей: Пушкина и Кюхельбекера, Герцена и Огарева, Белинского и Некрасова, Чернышевского и Добролюбова…

— Володя с Костей! — воскликнул Митя. Ему тоже очень хотелось высказать свое мнение.

— Верно, братушка, — подтвердил Владимир. — Мы с Костей — единомышленники. Стремимся к одной дели. И думаем одинаково. Поэтому крепче такой дружбы, по-моему, в жизни не бывает…

Никто не знал и не догадывался о настоящем смысле сказанного. Все прояснилось гораздо позднее.

…На третье лето весь дом томился ожиданием Володи. Каждый приготовил для него подарок. Мите шел восьмой год, и он к приезду брата выучил пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке» да еще несколько песен из «Руслана и Людмилы». Он предвкушал не только похвалы в свой адрес, но был уверен, что Володя привезет, как бывало раньше, вкусные татарские лакомства. Правда, давал их Володя не сразу и не «зазря», а со смыслом, как заслуженную награду за хорошее чтение стихов или сметливость, за быстрый счет или красивое плавание.

Наступила пасхальная неделя. А Володи все нет и нет. Задержали экзамены? Заболел? Что-либо приключилось?

Родители терялись в догадках. Мать сразу почувствовала неладное. Загоревала. Проходя мимо постели, где спал Володя, мимо фотографии выпускников гимназии, висевшей на стене в застекленной рамке, она останавливалась, смотрела на сына и частенько плакала.

Нервничал и отец, хотя держался по-мужски, не выдавал своего волнения. Он прибыл с промысла повидаться с сыном.

Безмерно гордился им. Шутка сказать — перешел уже на третий курс. Осталось совсем немного до заветного диплома. Отцу уже мерещилась в центре города на видном месте медная табличка, привинченная к парадной двери: «Доктор В. М. Карбышев — прием по внутренним болезням».

Ах, как жаждал отец в свои молодые годы получить высшее образование! Ему это не удалось. Зато сыну повезло…

Так — или примерно так — рассказывал Дмитрий Михайлович Карбышев своему комиссару о далеком детстве, о жизни в Омске, о событии, которое поколебало, встряхнуло устои их дома, сразу разрушило спокойствие, кажущееся благополучие семьи…

Третьих каникул у Владимира не было. Узнали об этом не сразу. Михаил Ильич посылал в Казань одну телеграмму за другой и не получал ответа. Тогда он решил отправиться к сыну. Запросил разрешение на дополнительный отпуск у начальства промыслов.

Потянулись тревожные, настороженные дни. Дети присмирели. В доме говорили вполголоса, а то и вовсе шепотом, как у постели больного.

Затих и Митя. Он понимал, что с братом стряслось что-то неладное. Надо и ему, Мите, хоть он и очень мал, во что бы то ни стало чем-то помочь родителям. А чем и как он может помочь?

И у мальчугана неожиданно возникла мысль: а что если спросить у Алевтины? И он без спросу побежал через весь город к Сарахановым.

Так семилетний паренек разрешил загадку, покончил с мучительной неизвестностью. Он передал отцу, что Костя прислал письмо и в нем намеками сообщил об аресте Володи.

— А почему Алевтина сама это письмо не принесла? — спросил отец, ничему не веря.

— Ее к нам не пускают, — сказал хмуро Митя. — Меня она тоже встретила у калитки, а в дом не повела.

События нахлынули внезапно и разворачивались с отчаянной быстротой.

Посреди ночи всех разбудил громкий стук в дверь.

Михаил Ильич встал, зажег свечу, сошел по лестнице из спальной в переднюю, спросил:

— Кто там?

— Полиция, — послышался в ответ знакомый голос дворника.

В открытую дверь вошло несколько жандармов и полицейских. За ними понятые. Начался обыск. Он длился до утра.

Жандармы и полицейские перевернули весь дом вверх дном.

Вспарывали подушки. Поднимали половицы. Даже тюфячок на кроватке Мити и тот прокололи шомполом насквозь. Особенно долго рылись в книгах и письмах Владимира. Потом тщательно осмотрели двор. Обшарили сараи, спустились в погреб, избороздили шашками землю в огороде. Двое полицейских забрались через слуховое окно на чердак. Там, кроме старой рухляди, ничего не обнаружили.

Наконец обыск прекратили. Пристав сел к столу и составил протокол. Прочел вслух. Протокол подписали понятые и хозяин дома.

В тот же день начальник жандармского управления Омска отдал распоряжение взять семью Карбышевых под негласный надзор. Но раньше чем назначенный филер появился у дома и стал назойливо прогуливаться мимо окон, нагло заглядывая в них, Михаил Ильич успел выехать в Казань.

Митю больше всего поразила внезапно наступившая в квартире тишина. Она осталась навсегда в его памяти.

«Когда отец уехал, — много лет спустя вспоминал Д. М. Карбышев, — у нас в доме все время стояла мертвая тишина. Куда девалось наше детское веселье, шумные игры, беготня по комнатам, затеи, озорство? Все мы, как по чьему-то злому наговору-заклинанию, приутихли. Мать, убитая горем, ссутулилась, сникла, смотрела все время вниз, на пол, боясь поднять глаза, чтобы мы не прочли в них ее отчаяния.

Отец застрял в Казани надолго. Писем оттуда не посылал. А вернувшись, почти ничего домашним не поведал.

Внешне он очень изменился. Побледнел, осунулся. Случившееся подкосило его под корень. Он так и не воспрянул духом, постепенно угасал.

Мы не знали, при каких обстоятельствах и за что Володю арестовали, в чем его вина. Не знали и того, что отцу удалось взять его временно на поруки, до суда освободить из-под стражи, но брат оставался под следствием и строгим полицейским надзором более года.

Затем Володю приговорили к одиночному тюремному заключению на восемь месяцев с подчинением после отбывания наказания негласному полицейскому надзору в течение двух лет.

Его снова взяли под стражу и препроводили в острог.

Вероятно, опять стараниями отца, казачьего офицера, Володя был переведен из казанского острога в Омский тюремный замок.

Все это нам открылось после того, как моего старшего брата с очередной партией заключенных доставили в наш город.

Взрослые в семье, наверное, знали о том, когда пригонят очередную партию арестантов в Омск, и с ними Владимира. Отец

с матерью заранее ушли из дому, захватив с собой узел с вещами и продуктами. А Сереже и мне, оставшимся дома, принес эту горькую весть вбежавший к нам во двор чужой мальчуган:

— Айда за мной! Повидаете своего братца. Его гонят с каторжными…

— Куда гонят?

— Знамо куда. Не в Иртыше бултыхаться. В остроге с кандалой миловаться.

Проговорил серьезно, без усмешки, и побежал…

Братья за ним. Вот они с пригорка смотрят во все глаза на бредущую партию, окольцованную усиленным конвоем… Идут за ней. Забегают вперед. Ищут во все глаза Володю…

В запыленной, грязной одежде, кто с котомкой, а кто с узлом, все обросшие, бородатые, тянулись узники черной толпой.

Ребята никак не могли отыскать брата. И тут из гущи толпы Владимир сам их заметил, закричал:

— Димок-Дымок!.. Серега!

Братья вздрогнули, оглянулись. Вместе с ними стояла и смотрела на двигавшуюся толпу узников вереница взрослых и мальчишек. Останавливались прохожие, любопытные. А может быть, и такие же, как они, высматривавшие своего отца или брата. Появились и полицейские. Стали теснить и разгонять толпившихся у обочины дороги.

Митя с Сережей оробели, побоялись откликнуться на Володин зов…»

Что же все-таки произошло со студентом Владимиром Карбышевым?

Едва он успел впервые осенью 1884 года переступить через порог курсовой аудитории, как случилось непредвиденное событие. Студентам объявили о новом университетском уставе. Его сразу же прозвали «казарменным».

За ним последовали особые «Правила» поведения студента. Их окрестили «тюремными».

Университет превратился в подобие застенка.

Володя еще в Омске был подготовлен к протесту, к борьбе с самовластием держиморд. В среде казанских студентов он без колебаний присоединился к тем из них, кто твердо решил отстаивать свои права.

Константин Сараханов ввел своего друга-омича в Сибирское землячество, которое к тому времени официально объявили распущенным, но оно продолжало существовать в Казани на полулегальном положении.

В землячестве Володя познакомился с некоторыми единомышленниками Александра Ульянова. То были

однокурсники Александра по Петербургскому университету, исключенные из него и высланные из столицы за революционную работу.

Опубликовано примечательное исследование омского краеведа А. О. Лейфера. В нем приводятся доказательства тесной связи Сибирского землячества студентов Казанского университета с народовольцами, в частности, с петербургской группой Александра Ульянова.

А. О. Лейфер пишет: «Не сохранилось прямых указаний на то, какого характера задания выполнял Владимир Карбышев в первые полтора-два года своего пребывания в университете. Но, несомненно, что 5 ноября 1886 года он принял активное участие в срыве так называемого университетского акта — ежегодного официального торжества, проводившегося в день основания Казанского университета».

Близость Владимира Карбышева к группе Александра Ульянова и сочувствие ей подтверждается и прямыми уликами, которые послужили поводом к его аресту и осуждению.

1 марта 1887 года по России разнеслась весть о неудачном покушении на Александра III. Девять студентов-террористов были схвачены жандармами. Черносотенная печать требовала беспощадной расправы с ними.

Вслед за правительственными газетами по стране разлетелись тысячи подпольных листовок и прокламаций. Кто их составлял и распространял? Разные по тексту, отпечатанные на гектографе или мимеографе, а то и написанные от руки, они призывали народ протестовать против готовящейся казни отважных революционеров.

Прокламации появились и в Казани. Наклеенные на афишные тумбы, заборы, фасады зданий «присутственных мест», они звали к продолжению революционной борьбы. Свыше двухсот прокламаций фискалы обнаружили только в университете.

Курсовой инспектор факультета, служивший одновременно осведомителем охранки, взял на заметку всех, кого он подозревал в составлении и распространении подпольной литературы.

В свой кондуит он внес и Владимира Карбышева. Запросил также университетскую библиотеку: не состоит ли Владимир в ней и если да, то что читает, какие книги им взяты?

Пока инспектор подбирал ключи для изобличения заподозренного им студента, штатные агенты охранки опередили дилетанта. Они набрели на след подпольщика Николая Баранова. Внезапно нагрянули к нему на квартиру, произвели обыск. Обнаружили два гектографа, около трех фунтов шрифта и различные приспособления для печатания, в том числе и

химический состав, употребляемый при тайнописи.

Из устроенного в стене тайника были извлечены рукопись «К противникам русского государственного строя», программа труппы «Освобождение труда», гектографированные отрывки из брошюры «Варшавский процесс 29», пачка воззваний и… письмо.

В нем-то, в этом письме, оказался между строк текст прокламации, написанный химическими чернилами, с подробным описанием покушения на царя Александра III 1 марта 1887 года. Заканчивался листок призывом к продолжению борьбы. Как видно, это был оригинал той самой прокламации, которая распространялась по всему городу.

Жандармам оставалось выяснить, кто же автор письма. От Баранова они не сумели добиться нужных показаний. Он держал себя на допросах дерзко. Никого не выдал. Признался виновным в гектографировании и распространении брошюр против самодержавия. Объяснил, что делал это сознательно. Он считал своим долгом везде, где бы он ни жил, «пропагандировать свои убеждения и вовлекать в борьбу с самодержавием все новые силы».

— А от кого вы получали, сударь, рукописи гектографированных брошюр? — допытывался следователь. — Почерк-то не ваш. Зачем же усугублять свое положение и брать на себя чужую вину?

— Я нарочно изменял почерк, чтобы оставаться инкогнито!

— Отлично, сударь! — продолжал следователь. — Надеюсь, однако, самому себе вы письма не посылали… Да и в нем почерк не ваш… Чье же оно?

— Откуда мне знать? Видите сами — письмо без подписи… Следовательно, я не являюсь его автором. Его писал кто-то другой…

Следствие зашло в тупик. Но опять услужили жандармы. Ими была установлена слежка за квартирой арестованного Баранова. Вскоре явился туда студент Казанского ветеринарного института Листов. Его схватили. Обыск в комнате Листова не прибавил никаких улик. Ничего предосудительного у него не нашли. Случайный знакомый?

Жандармы заглянули в соседнюю комнату. Ее занимал студент местного университета Владимир Карбышев. Сын казачьего офицера до сих пор был у полиции вне подозрений. Жандармы даже извинились за вторжение.

И Владимир совсем не ждал непрошеных гостей. Его никто не успел предупредить об аресте Баранова и провале связного Листова. Обыск застиг его врасплох.

У Владимира нашли не только запрещенную литературу, но и

незаконченные рукописи, явно предназначенные для гектографирования.

В «предварилке» началось следствие.

— Откуда у вас брошюра «Варшавский процесс двадцати девяти»?

— Занес какой-то студент, посоветовал почитать… Имени не упомню.

— А «Царь-голод»?

— Кто-то забыл у меня, а кто — право, не знаю…

— Зачем студенту-медику надобно переписывать речь польского преступника Варынского, произнесенную им на суде?

— Ради заработка. Дала какая-то мадам, похвалила мой почерк, обещала прийти за рукописью и хорошо заплатить.

— Почему же вы, ожидая заказчицу, не переписали речь до конца?

— Потому что текст показался мне преступным. Вот и бросил переписывать. Из боязни подвергнуться из-за него ответственности.

— А что же нам не сообщили?

— Побоялся, что не поверите…

Жандармский ротмистр спокойно подтвердил:

— Угадали, не поверим…

Листая страницы книги «Исторические идеи Огюста Конта», забранной у Карбышева при обыске, ротмистр вдруг протянул ее подследственному и резким голосом спросил:

— А что это за надпись вот тут, на полях тридцать второй страницы? Если не ошибаюсь, на французском языке, не так ли?

— Да, на французском.

— Переведите.

— Извольте: «Революция будет в России в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году».

— Кто же этот прорицатель?

— Право, не ведаю, — ответил спокойно Владимир. — Да и вам беспокоиться совершенно излишне. Конечно, революции не миновать. Но срок ее указан несбыточный… Она нагрянет не так скоро…

— А вы остроумны, молодой человек! — сквозь зубы произнес ротмистр.

Казанское губернское жандармское управление незамедлительно сообщило ректору университета «об аресте и привлечении к формальному дознанию в качестве обвиняемого в совершении преступных действий» студента Владимира Карбышева.

Ректор поспешил известить о том же попечителя Казанского

учебного округа.

Попечитель, в свою очередь, донес в Петербург — министру просвещения.

Министр распорядился немедленно исключить Карбышева из числа студентов «за политическую неблагонадежность» и запретил ему «впредь до особого распоряжения» входить в здание университета.

Владимир и без того не мог войти в свою «альма матер», потому что уже не мог выйти из одиночной тюремной камеры…

Между тем жандармы догадались сличить текст письма к Баранову с рукописным текстом «Воззвания по поводу покушения на Александра III». Почерк оказался одинаковым. Автор воззвания отыскался. Не было сомнения в том, что это и есть Владимир Карбышев.

Дальнейший ход событий читатели знают. За исключением одной чисто формальной подробности: приговор, вынесенный без суда, в административном порядке был направлен на «высочайшее соизволение» и утвержден самолично государем-императором в Гатчине 25 мая 1888 года.

«Неблагонадежные»

Конец мая восемьдесят восьмого — не круглая дата для Мити. Он родился 14 октября восьмидесятого — 26 октября по новому стилю. Скоро ему восемь. Всего-навсего восемь. Возраст безмятежного детства. Пора утренняя, ранняя.

Митя делал первые робкие шаги в мир, полный первозданной прелести и чудес. Все ему было внове, удивительно и загадочно.

Мать верила в бога и водила Митю в церковь. Отец превозносил науку, считая ее всесильной: Володя вслух мечтал о победе над болезнями и продлении жизни человека. Михаил собирал коллекции растений, бабочек, хотя был кадетом и, следовательно, готовился к военной карьере. Сестры зачитывались толстыми романами и грезили о любви. Сережа, как и Митя, еще ни к чему не пристрастился. Оба присматривались к окружающему и прислушивались к разговорам взрослых.

Все шло своим чередом до ареста старшего брата. Беда с Володей заставила Митю раньше времени повзрослеть. Он узнал горечь разлуки и горе, которому ничем нельзя помочь.

Он услышал голос Володи в толпе заключенных и понял, что в тюрьме, за чугунными решетками, томятся не только воры и разбойники, но и такие щедрые на доброту люди, как его брат.

Неравенство, насилие, гнет — все эти непонятные для него слова обрели смысл. Впрочем, скорее всего восьмилетний мальчик ощущал почти физически само неравенство, и притеснение, и гнет — они причиняли ему боль и обиду. Он воображал себя на месте старшего брата и страдал за него.

— Володя искал правду и поплатился! — сказал однажды за чаем отец.

А его, Митю, учат всегда говорить правду, быть честным. Вот и он вырастет и когда-нибудь за правду поплатится…

Мать ежедневно относила узелок с передачей Володе. Иногда брала с собой Митю. Пусть не слоняется один, не томится скукой. Соседские ребята перестали с ним играть. Некоторые дразнили обидным словом «острожник». Задиры лезли в драку, норовили избить.

Осенью его не определили в гимназию, хотя он был вполне подготовлен и жадно тянулся к учебе.

Однажды, идя с мамой к тюрьме, они встретили Алевтину. Мальчик ее давно не видел и очень обрадовался. Но девушка даже не улыбнулась. Она была грустна, чем-то расстроена. Мать спросила ее об успехах Кости.

— Какие там успехи, — с безнадежностью махнула рукой

девушка, — догоняет Володю…

— То есть как это?

— А так. Исключили из университета, арестовали, пригрозили тюрьмой, а пока из Казани выслали в Нижний Новгород. Там взяли под надзор… Вот в одиночку еще не загнали…

— Откуда ты идешь такая хмурая? — спросила Александра Ефимовна.

Девушка зарделась, показала рукой на тюрьму:

— От своего друга…

— Кто же он? И за что ж его-то? — Александра Ефимовна отвела Алевтину в сторону от дороги и о чем-то долго с нею шепталась, должно быть для того отвела, чтобы Митя их не слышал. К его крайнему удивлению, они на прощание обнялись и расцеловались.

Александре Ефимовне в тот день не разрешили свидания с сыном.

— Дважды не выводим, — сказал ей грубо тюремный надзиратель, хлопнул дверью и тяжелыми шагами прогремел по коридору. Разговор оборвался.

«Ниточка не оборвалась, вьется», — подумалось матери. И она сообразила, что, наверное, через Алевтину доходят к Володе вести о Косте.

Она не ошиблась. Но Алевтина была далеко не единственным связным.

Володя многое знал о своих друзьях по Казани. Крепостные стены его одиночного каземата смогли бы устоять при артиллерийской осаде батареями самого крупного калибра. Но они не служили преградой для незримой связи между революционерами.

В Омский острог проникли и печальные вести о Константине Сараханове.

С начала 1886 года в жандармском управлении на него было заведено особое «дело». Первая агентурная запись изобличала Константина в принадлежности к запрещенному Сибирскому землячеству. Следующая — в знакомстве «с политически неблагонадежными лицами» и пособничестве некоторым «разыскиваемым по политическим делам» студентам, скрывающимся от властей.

Но такие грехи, пожалуй, легко было отыскать почти у каждого из тысячи студентов Казанского университета. Охранка ждала более весомых улик. С середины августа. 1887 года он стал публиковать в газете «Казанский биржевой листок» литературные обзоры, весьма дерзкие по содержанию.

Обозреватель специально выбирал художественные произведения, которые давали повод порассуждать о роли личности в истории, о притеснениях в царской армии, о колонизации малых народностей или толстовском непротивлении злу, «которое хуже всякого зла для угнетаемых классов».

В поле зрения Сараханова находились А. Н. Радищев, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. В. Шелгунов, Д. Н. Мамин-Сибиряк. Обозреватель ратовал за книги революционных демократов и не скрывал своих симпатий к А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову…

Кому тогда из власть предержащих могла нравиться такая деятельность студента? Наконец настал долгожданный час, когда он сам дал «законный» повод для расправы.

Это произошло вскоре после того, как младший брат казненного Александра Ульянова Владимир появился в Казани, был зачислен студентом юридического факультета и вступил в Самаро-Сибирское землячество.

В начале декабря 1887 года на юридическом факультете был обнаружен один из тайных царских прислужников — доносчик Милонов. Его решили публично судить.

Заседание городского общестуденческого суда проходило под председательством Константина Сараханова. Разумеется, Владимир Ульянов, уже принимавший, как и Сараханов, активное участие в общественной жизни студентов, не мог не присутствовать на этом суде. В своей среде Владимир Ульянов слыл ожесточенным и непримиримым врагом царского режима.

Когда подсудимого изобличили свидетели и он во всем сознался, встал председатель студенческого суда и заявил:

— До тех пор, пока состав суда не вынесет приговор Милонову, мы заседание не прекратим. Приговор надо в эту же ночь гектографировать, а на заре разбросать и расклеить по улицам Казани.

Милонов был публично разоблачен и опозорен. Его изгнали из студенческой среды, объявили «вне закона чести».

Приговор студенты встретили с редким единодушием. Наутро, 3 декабря 1887 года, его читали рабочие фабрик Крестовникова и Алафузова, грузчики всех пристаней, уличные прохожие.

Вечером по городу распространился слух о том, что студенты-судьи арестованы. Негодование революционной молодежи еще более возросло.

4 декабря занятия во всех аудиториях университета были сорваны. Студенты устремились в актовый зал на сходку. Впереди

оказался Владимир Ульянов. Кто-то с кафедры крикнул:

— Товарищи! Поклянемся, что мы все, как один человек, будем отстаивать наши требования, не предадим друг друга…

— Клянемся!..

Требования были зачитаны и приняты. Студенты хлынули из зала, и снова одним из первых оставил в знак протеста свой студенческий билет Владимир Ульянов. А на следующий день, 5 декабря, он подал заявление с просьбой исключить его из университета.

Казанский губернатор распорядился арестовать зачинщиков «бунта». Так Ульянов попал в тюрьму — ту самую, где уже находился Сараханов. 7 декабря Владимира Ульянова выслали в деревню Кокушкино, под негласный надзор полиции.

Через некоторое время Константина Сараханова постигла та же участь — его выслали в Нижний Новгород. В «Казанском биржевом листке» прекратили печатать литературные обзоры.

Только 11 мая 1888 года газета неуклюже извинилась перед читателями: «Литературные заметки запоздали несколько вследствие отъезда г. Сараханова, который до сих пор вел этот отдел».

Эту последнюю новость о своем гимназическом и университетском друге Владимир Карбышев узнал с опозданием, уже в Омской тюрьме. Сюда попали и списки исключенных студентов. В первый же из них, на 39 человек, были занесены фамилии К. К. Сараханова и В. И. Ульянова.

Выйдя из одиночной камеры после окончания срока заключения, Владимир Карбышев не почувствовал себя на воле.

Осуществлялась вторая часть приговора: негласный полицейский надзор в течение двух лет. Владимира угнали на затерявшийся в безлюдной степи Зайсанский пост Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской губернии. Недоучившегося врача определили рядовым казаком в третий конный полк Сибирского казачьего войска.

Арест и осуждение Владимира повлияли на судьбу всей семьи Карбышевых. Она стала «политически неблагонадежной». Клеймо «неблагонадежности» больно ударило и по Мите: он слишком рано почувствовал настороженность, пренебрежение, а то и неприязнь, которую стали проявлять к нему некоторые сверстники. Это не могло не отразиться на формировании взглядов мальчика, наложило отпечаток на всю его жизнь.

А как же в дальнейшем сложились судьбы Владимира Карбышева и его друга Константина Сараханова?

В далеком, унылом и почти безлюдном Зайсане, в ссылке, Владимир Карбышев числился штрафным казаком в сторожевом отряде. Под строгим присмотром «верных трону» и связанных с жандармерией офицеров он томился в духовном одиночестве. Сравнительно короткий срок тюремного заключения оказался вполне достаточным для того, чтобы разрушить его здоровье. Он заболел неврастенией в острой форме.

Нетрудно представить, каким счастливцем посчитал себя Владимир, когда в далекий Зайсан добралась Алевтина. Вскоре они поженились. Родители охотно дали согласие на этот брак — обе семьи оказались уравненными одним и тем же клеймом «политически неблагонадежных».

Митя за несколько лет разлуки со старшим братом заметно подрос. Ему очень хотелось повидаться с Володей, подробнее и точнее дознаться о «преступлении», вернее — о правде Володи, за какую он так поплатился.

Между тем в Омск к родителям дошла радостная весть: у Владимира и Алевтины родился сын. Пришел к концу и срок полицейского надзора. Владимир добился увольнения из полка и переселился поближе к родительскому гнезду — в Омск, поступил на службу в акцизное управление.

Вернуться в университет, закончить медицинский факультет, стать врачом — обо всем этом не могло быть и речи. Одолевали семейные невзгоды, болезнь.

Очевидно, Владимир не нашел в себе силы и достаточной энергии, чтобы вернуться к подпольной борьбе, но все-таки связи с ней не терял. И жандармы следили за ним, не оставляли в покое. Когда наследник престола Николай вздумал в девяностые годы прошлого века совершить по Сибири вояж и собирался приехать в Омск, полиция заблаговременно навела в городе «чистоту и порядок». Владимира Карбышева арестовали и без всякого видимого повода посадили в тюремную одиночку. Там его продержали до тех пор, пока Николай не отбыл на значительное расстояние от Омска.

Уж они-то, царские власти, превосходно знали, кто для них опасен!

О Константине Сараханове, теперь не только друге, но и родственнике Владимира, в семье Карбышевых говорили с уважением.

Каким-то чудом он сумел вернуться в Казань, выдержал экзамены экстерном на кандидата прав и получил университетский диплом. Потом его опять выследили, обвинили в принадлежности к революционным кружкам, организованным Николаем Евграфовичем Федосеевым, в участии в тайных

сходках.

Юрист Сараханов сумел отвести предъявленные ему обвинения. За недостатком явных улик товарищ министра внутренних дел Российской империи вынужден был ограничиться по отношению к Константину административной мерой пресечения — высылкой из Казани и запрещением жить в пятидесяти других крупных промышленных городах страны.

Константин выехал в Симбирск, на родину Ульяновых. Не застал там тех, кого надеялся встретить, и перебрался в Саратов, стал сотрудничать в газете «Саратовский листок». Сараханов старался оживить работу среди ссыльных и местной революционной молодежи. Его обыскивали, арестовывали, сажали в тюрьму. Выйдя за ее ворота, он принимался опять за свое дело.

Митя Карбышев знал обо всем этом из разговоров, которые велись в его семье. Но никогда сам ни о чем не спрашивал Володю, чувствуя, что он держит в секрете свои связи.

В последний раз Дмитрий виделся и беседовал со своим старшим братом перед отъездом в Петербург. Старший неожиданно стал толковать с младшим о будущем. Задумывался ли Митя, что его ждет впереди? Чего бы ему хотелось достичь? На какую вершину намерен забраться?

В самом деле, какие пути Митя себе выбирал? Скорее всего ему хотелось во что бы то ни стало прибиться к берегу, обрести твердую специальность, стать самостоятельным человеком.

Да, быть во всем Человеком — не зависеть от обстоятельств, заниматься делом, по душе избранным, а не навязанным ему по принуждению…

Знал ли тогда юноша Дмитрий Карбышев, отдавал ли себе отчет в том, что мечты и стремления приведут его на путь истинного служения народу?

Найденная стезя

Михаилу Ильичу с большим трудом удалось определить своего одиннадцатилетнего сына в кадетский корпус. Здесь он был единственным «приходящим» кадетом. Выходцу из крамольной семьи запретили жить в интернате, бесплатно учиться, получать обмундирование и питаться в столовой за казенный счет.

На второй год учебы положение подростка ухудшилось. Умер отец.

Вот как об этом писал Дмитрий Михайлович в автобиографии: «В связи с арестом брата Владимира семья была под надзором полиции, я не был принят в корпус для обучения на государственный счет и, в виде исключения, учился за свой счет, хотя мать овдовела и не имела средств к жизни»!

А вот как вспоминает Елена Дмитриевна рассказы отца о его годах учебы.

«…Рассказывал отец увлекательно, образно. Слушая его, отчетливо представляла далекий заснеженный сибирский город, темные, пустынные, в снежных сугробах улицы. Защищая лицо от колючего ветра, в тонкой шинели, в ботинках бежит мальчик, за спиной у него ранец. Это папа. Несколько кварталов отделяли дом, где жила семья Карбышевых, от Сибирского кадетского корпуса, и нелегко было 11-летнему мальчику в пургу и стужу проделывать этот путь. Он был единственным кадетом, которому не предоставлялось права жить в корпусе и получать пособие. Но горячее желание получить образование помогло ему преодолеть все трудности. Он хорошо учился…».

Очень скромная оценка.

На самом деле лучшими учениками в классе, по свидетельству старшего брата Сергея, также учившегося в корпусе, были Митя Карбышев и его приятель Митя Тартышев.

Когда кто-нибудь из вызванных к доске кадетов не знал урока, то вызывали по обыкновению Карбышева.

Учитель же французского языка, большой шутник и любимец кадетов, обычно вызывал их вдвоем:

— Митя в квадрате, к ответу!

Или:

— Кар-Тар-бышев, идите к доске…

Митя считался одним из лучших учеников по рисованию, он охотно рисовал не только на уроках по этому предмету. Он мог легко и быстро набросать карандашом карикатуру, остроумный шарж на товарища, а подчас и на педагога. Изобличенного

карикатуриста наказывали, даже сажали в карцер. Однако он не унимался, был в своих рисунках по-прежнему колок и дерзок. Что касается товарищей по классу, то они подогревали, подзадоривали своего художника и крепко дружили с ним.

Исключительное положение Мити в незавидном качестве «приходящего кадета» длилось несколько лет. Его в какой-то мере уравняли в правах с другими только в 1894 году, учитывая выдающиеся способности и успехи. Это было сделано на основании «высочайшего повеления» и специального «предписания» командующего Омским военным округом.

Сибирский кадетский корпус со времени своего основания прочно сохранял репутацию одного из лучших в России военных учебных заведений. В нем сочетались общепедагогические начала воспитания с подготовкой питомцев к переходу в военное училище.

Кроме строевых занятий, к которым преимущественно относились лагерные сборы, преподавались военная гимнастика, фехтование, плавание и топография.

Большое место отводилось общеобразовательным предметам: математике, физике, космографии, географии, истории, естественной истории, русскому языку и словесности, законоведению, французскому и немецкому языкам.

Обращалось также внимание на эстетическое воспитание кадетов. Их обучали музыке, пению, танцам и рисованию.

В корпусе было семь классов. Для строевых занятий они объединялись в три роты. Каждый класс имел офицера-воспитателя. Каждая рота — своего командира, как правило, подполковника или даже полковника.

Для командной практики и поддержания высокой дисциплины лучшие кадеты назначались на различные должности. При этом они несли ответственность за поведение остальных и были обязаны оказывать нравственное влияние на своих товарищей, служить примером, образцом в поведении.

По отзывам педагогов, Дмитрий Карбышев обладал превосходной памятью, разносторонними дарованиями, исключительными способностями к истории и математике. С детства он пристрастился к книгам, эта страсть не утихла и в отрочестве — он отличался от своих сверстников более широким кругозором. Писал он легко и быстро, красивым четким почерком. Прекрасно владел русским языком и умел лаконично, четко излагать свои мысли. Ясное логическое мышление единодушно отмечали педагоги при оценках его работ.

Окончил Дмитрий кадетский корпус по первому разряду. Его наградили похвальным листом и памятным подарком — красочно

оформленной книгой-альбомом «Япония и японцы».

Влияние семьи, учеба в корпусе помогли развить в характере юноши мужество, стойкость, волю и трудолюбие. Все это в нем сочеталось с беззаветной любовью к Родине.

Но одаренного восемнадцатилетнего юношу мало прельщала военная карьера. Мечтая с детских лет о том, чтобы созидать и строить, обладая недюжинными данными к «графическому мышлению» — рисованию и черчению, Дмитрий хотел поступить в Академию художеств или в Институт гражданских инженеров, или, в крайнем случае, на физико-математический факультет университет.

Желание было, да не было средств. Скудной вдовьей пенсии, получаемой матерью, едва хватало на расходы по дому. Вот почему семейный совет решил, что Дмитрий пойдет по стопам родителя, не нарушит традиции исконных сибирских казаков-воинов. А вот какую избрать профессию? Тут все были единодушны — инженерную.

В июле 1898 года, еще за месяц до окончания корпуса Дмитрием, его мать, Александра Ефимовна, явилась на прием к директору генерал-майору Кичееву и подала ему прошение:

«…Изъявляю свое согласие на направление сына моего в Николаевское инженерное училище, за неимением же вакансии — в Михайловское артиллерийское».

Осень 1898 года. С тревожным чувством покидал Дмитрий Михайлович родной город, дом на Полковой улице в Казачьем форштадте, где прошли его детство и юность. Жаль было расставаться с матерью, братьями и сестрами. Тяжела была разлука и с товарищами по кадетскому корпусу, с которыми крепко подружился.

Он понимал, что в значительной мере предоставлен самому себе, что теперь не может рассчитывать на чью-либо материальную помощь и сам должен пробиваться и люди.

Старший брат, прощаясь, сказал ему:

— Ну, Митя, завидую тебе! Будешь в Петербурге, куда покойный отец так мечтал попасть… Будешь учиться в Михайловском замке, где учился Достоевский. Наши омские старожилы и тюрьма наша запомнили его в кандалах. А он считал для себя моральными кандалами, своего рода острогом ничуть не лучше и не хуже омского, — учение в инженерном училище. Почему? Имел иное призвание… Думается мне, что с тобой не так — ты должен именно там найти свою стезю…

И вот окончено долгое, утомительное путешествие. Дмитрий в Петербурге.

После грязного, захолустного, пыльного Омска — пышная, нарядная, шумная столица с ее Невским проспектом, с закованной в гранит красавицей Невой, стройными и величественными дворцами и парками. Поразительные контрасты ошеломили молодого провинциала.

Он не успел прийти в себя от восхищения столицей, не смог как следует осмотреться, — а уже началась учебная страда в Николаевском инженерном училище. И все остальное отошло на задний план.

Всего два года занял у Дмитрия полный курс инженерного училища. Время пролетело незаметно… Режим жесткий, программа напряженная. Кроме теоретических и общеобразовательных предметов было много специальных — фортификация, подрывное и минное дело, военные сообщения (дороги, железнодорожное дело, мосты, переправы), телеграфия и другие средства связи. Много внимания отводилось практическим занятиям и строевой подготовке, Да что там толковать о Петербурге, если юнкер едва выкраивал время на осмотр бывшего дворца Павла I, т. е. собственного училища. А дворец этот вдохновил юного Пушкина на оду «Вольность». Красота сооружения, воздвигнутого по проекту знаменитого русского зодчего В. И. Баженова французским архитектором Бренна, не могла остаться незамеченной Дмитрием.

Много лет спустя Дмитрий Михайлович, провожая свою дочь на учебу в Ленинград, с восторгом вспоминал Михайловский замок, его гармоничные формы, его красоту, оставшуюся на века явлением в истории искусства.

И даже не упомянул о глухой мартовской ночи, когда в этом же замке с согласия сына — наследник престола — был задушен его венценосный отец. Цареубийство, дворцовый переворот — не этим было примечательно для Карбышева величественное здание, украшающее город на Неве.

Дмитрий Карбышев нашел свое призвание именно в инженерном училище. Поэтому его не утомляли, а радовали инженерные дисциплины. Топография и фортификация были для него весьма интересны. Теория сооружения кронверков и батарей раскрывалась перед ним, как ровная степь перед всадником, где ничто не заслоняет горизонта.

Он попал в свою стихию.

Теперь он твердо знал, чему себя посвятить.

Однако не следует полагать, что занятия поглотили его целиком и для него вовсе не существовало никаких других увлечений. С детства его манил таинственный сонм звезд в безбрежном небесном океане. Он задумывался над великой

тайной мироздания. А когда в Петербурге ему впервые удалось попасть вместе со своим однокурсником Григорием Вискуновым в Пулковскую обсерваторию — там, заглянув в телескоп, он поразился увиденным. И долго не мог оторвать очарованного взгляда от Луны, от Венеры, от обоих ковшей — Большой и Малой Медведиц!.

Вискунов мечтал стать воздухоплавателем. Он грезил о межпланетных путешествиях и зачитывался Жюль Верном. Его дружок Дмитрий Карбышев раз и навсегда решил остаться верным военно-инженерному делу. И все-таки на досуге брался за астрономию, зачитывался книгами о звездных мирах.

— Зачем тебе, — удивлялся Григорий, — заглядываться на небо, если не стремишься летать?

— Хочу найти свою звезду, — полушутя-полусерьезно отвечал Дмитрий. — У каждого человека должна быть своя путеводная звезда!

Осенью 1900 года Дмитрий с отличными оценками по всем предметам закончил по первому разряду Николаевское инженерное училище и получил звание подпоручика.

Вскоре его назначили в 1-й Восточно-Сибирский саперный батальон.

С батальоном он находился в Мукдене. Оттуда был командирован на выполнение специального инженерного задания в Ляоян и Фын-Хуачен.

Задание выполнено точно в срок. Дмитрию Михайловичу доверяют заведование подрывным классом батальона, а вслед за этим и телеграфном.

В июне 1903 года Дмитрия Михайловича производят в поручики.

Жизнь в армии была заполнена ратным трудом.

Воинское соединение, в которое входил 1-й Восточно-Сибирский саперный батальон, совершило сложный и тяжелый переход в Маньчжурию. Солдаты еще были в пути, когда вспыхнула русско-японская война.

Как вступил в нее молодой поручик со своей ротой?

1-й Восточно-Сибирский саперный батальон укреплял позиции, устанавливал войсковую связь, наводил переправы и строил мосты, участвовал в разведке боем под городами Фучжоу, Кайджоу, Дачапу, Тишичао, Янтаем, Сандепу, обеспечивал действия пехоты, конницы и артиллерии в преодолении с боями Сандалинского и Гаутулинского перевалов, а в составе Восточно-Сибирского корпуса участвовал в боях под Шахэ и Мукденом. Отважный офицер вел своих солдат на выполнение заданий командования, успешно обеспечивал в инженерном отношении

боевые действия корпуса.

29 марта 1905 года ему пришлось производить рекогносцировку маршрута от Хайуена и пунктов переправ через реки Ляохэ и Маятадазыхе, северо-западнее Инкоу. При этом Дмитрий Михайлович всюду делал съемки местности, промеры рек…

Май и июнь были для батальона особенно тяжелыми. Пришлось отходить с боями от Вафангау. Поручик Карбышев командовал гелиографистами — их отряд шел во главе войсковых колонн и поддерживал связь между ними. Не раз, идя впереди, солдаты Карбышева вступали в перестрелку с японскими заставами. Но это были уже привычные для Карбышева стычки с врагом. Примерно за полгода до этого Дмитрий Михайлович, командированный в Порт-Артур, попал в пути в засаду японцев. Собрав казачьи посты, он сумел их вывести из окружения и присоединиться к батальону.

Отважный офицер вел своих солдат на выполнение заданий командования; отражал натиск яростно атакующего врага. И в памяти Дмитрия часто воскресали рассказы отца о казачьих походах и перепалках, о доблести всего их казачьего рода.

Нет, он не осрамил фамильной чести Карбышевых, хоть война царской России с Японией и была проиграна.

Потеря Порт-Артура, как отмечал В. И. Ленин, обнаружила внутреннюю гнилость царизма. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Капитуляцию Порт-Артура Ленин считал прологом капитуляции царизма.

Дмитрий Карбышев прошел сквозь огонь, прокалился в самом пекле войны. Он оставался на полях сражений с первого до последнего выстрела. И выстоял.

Он показал себя не только храбрым, но и талантливым офицером-сапером, в совершенстве знающим свое дело. Карбышев постоянно заботился о солдатах и разделял с ними всю меру опасности и риска, все тяготы боев и походов.

Может быть, поэтому солдаты относились с особым уважением и любовью к своему командиру, хотя его назначили к ним прямо из училища и был он младше большинства своих подчиненных.

Его ратный труд был оценен по достоинству — три медали, пять боевых орденов! А последний, пятый — Святой Анны «За храбрость».

Да, он повторил и приумножил воинскую славу отца. Однако не кичился ею, вел себя так, как подобает русскому солдату. И тяжело переживал поражение, стоившее Родине многих жертв.

Конечно, он видел и то, почему все так произошло. Он был

свидетелем невежества, тупости и продажности отдельных генералов и адмиралов.

Когда до Восточно-Сибирского саперного батальона, в котором служил Карбышев, дошли вести о революции 1905 года, о Кровавом воскресенье в Петербурге, о баррикадах Красной Пресни в Москве, среди солдат начались волнения: они настойчиво требовали скорейшего возвращения домой.

Но батальон, отправленный после войны из Маньчжурии в Никольск-Уссурийский, застрял там якобы потому, что перегружены Сибирская и Забайкальская дороги.

Солдаты настаивали на своем требовании. Особенно в роте, которой командовал Карбышев. Начались волнения, митинги, протесты. Дмитрию Михайловичу приказали усмирить «смутьянов». А он встал на сторону солдат, объяснил им всю подоплеку мнимых заторов на транспорте: солдат не отправляют домой не потому, что мало вагонов и паровозов, а потому, что царские власти боятся притока свежих революционных сил в центральные районы страны.

Нашелся провокатор, донес о Карбышеве командованию. Оно решило предать его военному суду. Но ни один солдат не подтвердил справедливости доноса. «Дело» о вольнодумстве командира и преступной близости его к солдатам было передано на рассмотрение офицерского «суда чести».

Предстоит отыскать это злополучное «дело». Выявить полностью то, как «верные слуги царя и отечества» пытались очернить отважного и честного офицера, любимца солдат, заслужившего в бою пять наград.

Дальневосточный краевед А. Чукарев предпринял интересный поиск материалов о том, каким был Никольск-Уссурийский как раз в то время, когда там находился Карбышев. Краевед пришел к выводу, что Дмитрий Михайлович безусловно знал о созданном в этом городе Союзе крестьян Южно-Уссурийского края.

Чукареву удалось выяснить и время офицерского «суда чести» над Карбышевым — август 1906 года.

В ответ на обвинение в том, что он позорит честь офицера русской армии, якшаясь с бунтующими нижними чинами, Дмитрий Михайлович бросил в лицо своим обвинителям:

— Не я, а те, кто заставляет войска стрелять в безоружных людей, пороть крестьян в селах, — вот кто позорит честь офицеров.

Других сведений о суде пока нет, за исключением самого приговора: общество офицеров потребовало от Дмитрия Михайловича подать в отставку, уйти в запас сроком на год. Суд проявил «великодушие», учитывая заслуги обвиняемого и

полагая, что он «одумается», раскается.

В поисках пристанища и работы Карбышев переехал из Никольск-Уссурийского во Владивосток. Но и там крамольному офицеру нельзя было устроиться на гражданскую службу. Тяжелое материальное положение заставило его пробавляться случайным заработком чертежника.

Но призвание оказалось сильнее любых обстоятельств. Дмитрий Михайлович выписал из Петербурга необходимые учебники для подготовки в Инженерную академию. В 1907 году во Владивостоке формировался еще один саперный крепостной батальон. Срочно понадобились опытные офицеры. Об этом узнал Карбышев. Ради того чтобы стать инженером-фортификатором, он возвратился в царскую армию, в которой не хотел служить, и стал командиром роты Владивостокского крепостного саперного батальона.

«Работы было много, крепость реконструировалась, — вспоминает А. Чукарев. — Возводили бетонные форты вокруг Владивостока, на вершинах сопок расчищали площадки для орудий, строили укрытия для стрелков, пулеметные гнезда… Целыми днями Карбышева можно было видеть на строительных объектах, а в остальное свое время он упорно готовился в академию»[1].

Выдержав предварительные испытания во Владивостоке, Дмитрий Михайлович опять отправился в Петербург.

Снова в Михайловском замке

Интересные подробности о жизни Д. М. Карбышева приведены в записках старого товарища и сослуживца Карбышева полковника В. М. Догадина, переданных Центральному военно-инженерному историческому музею. Впервые он встретился с Дмитрием Михайловичем через два года после русско-японской войны — в Петербурге, в том самом Михайловском замке, где Карбышев окончил инженерное училище, а затем уже вернулся сюда, чтобы держать экзамены в Инженерную академию.

Вот отрывки из неопубликованных воспоминаний В. М. Догадина, воссоздающих не только обстановку в академии, но и образ самого Карбышева, — надеемся, читатель не посетует на пространность этого свидетельства.

«…Держать экзамен полагалось в так называемой „обыкновенной форме“ (мундир с погонами и красным кушаком, при орденах), и на груди многих офицеров сияли орденские отличия.

Особенно много этих отличий, привлекавших к себе общее внимание, было у офицера, прибывшего с Дальнего Востока. У него ордена были не только на груди, где носились ордена третьей и четвертой степени, но и на шее у воротника. Здесь блистал орден Станислава второй степени с мечами. Больше ни у кого из офицеров такого ордена не было.

Да и грудь этого офицера была разукрашена необычайно. Ордена Владимира, Анны, Станислава, все с мечами и бантами. Левее их располагались три медали…

Ростом он был ниже многих других офицеров. Волосы черные, коротко стриженные, зачесанные кверху. Маленькие усы, закрученные на концах. На смуглом лице — следы оспы. По своему сложению он был худощав, строен и подтянут.

Говорил он тихо, не повышая голоса, быстрым говорком, отрывистыми фразами, уснащая их афоризмами и острыми словечками. Привлекший наше внимание офицер оказался Дмитрием Михайловичем Карбышевым, прибывшим из Владивостокского крепостного саперного батальона. Ему было тогда около двадцати восьми лет… Он был таким же, как и все остальные товарищи, только отличался большей сдержанностью и как бы настороженностью, которая казалась нам сухостью. Только теперь мне стала понятна его замкнутость, когда в его биографии я прочитал следующее: „В 1906 г. я ушел с военной службы в запас. Причина — нежелание служить в царской армии. Поводом

послужило предъявленное мне обвинение в агитации среди солдат, за что я привлекался к суду „Общества офицеров“.

Экзамены в академии начались 20 августа 1908 года. Сдавать их предстояло по 23 предметам в течение одного месяца. Абитуриент отвечал перед комиссией по вынутому им билету. Если не смог дать удовлетворительных ответов, ему предоставлялось право взять второй билет и отвечать на него уже в присутствии инспектора класса полковника Зубарева.

Офицерам, не ответившим и на второй билет, полковник крепко жал руки и желал удачи на будущий год.

С первых же дней многие офицеры удостоились крепкого рукопожатия инспектора.

Дмитрий Карбышев был тщательно подготовлен. Как сейчас вижу его небольшую стройную фигуру у классной доски. Слегка наклоненная голова, серьезное лицо. Он спокойно и уверенно отвечал на вопросы билета, чуть помахивал утвердительно в такт своим словам правой рукой, в которой держал мелок“».

Кандидат военных наук полковник П. И. Бирюков разыскал документы, подтверждающие воспоминания В. М. Догадина.

За 25 дней Дмитрий Михайлович сдал 23 вступительных экзамена. Его знания были оценены: по алгебре, геометрии, тригонометрии — 10 баллов, дифференциальному исчислению — 9, аналитической геометрии, военным сообщениям, долговременной фортификации — и, полевой фортификации и минному искусству — 11,3, статике сооружений — 11,5, атаке и обороне крепостей и истории осад — 12 баллов.

Все это были так называемые главные дисциплины. Но и другие предметы Карбышев знал не хуже. Он получил высшую оценку по тактике, топографии, физике, химии и по требуемым трем видам черчения — фортификационному, топографическому, архитектурному — по 12 баллов. По артиллерии и строительному искусству — 11, русскому языку — 11, французскому — 9, немецкому — 8. Средняя оценка по всем дисциплинам составила у штабс-капитана Карбышева 10,92 балла. Его зачислили в списки принятых в академию первым.

Учеба в академии была рассчитана на три года — младший и старший классы и дополнительный курс. Последний предназначался для подготовки офицеров корпуса военных инженеров.

Чтобы получить право быть оставленным на дополнительный курс, слушатель должен был при двенадцатибалльной системе оценки знаний иметь не менее десяти баллов в среднем и не менее восьми по каждому предмету.

«В младшем классе, — вспоминает В. М. Догадин, —

изучались преимущественно теоретические дисциплины и было очень мало проектов. Лекции занимали ежедневно по четыре часа.

Классные комнаты находились на втором этаже Михайловского замка, со входом из спального зала.

Между классами — комната дежурного штабс-офицера, заведующего слушателями. Они называли его в шутку „классной дамой“.

Практические занятия по химии проходили на третьем этаже в специально оборудованной химической лаборатории.

Столы в классах стояли в три ряда. Дмитрий Карбышев занял место в первом ряду посредине класса.

Мы были разобщены и не знали друг друга: все приехали из разных частей, вместе встречались только на лекциях, а жили на разных квартирах частных домов.

Зато после весенних экзаменов, на практике по геодезии, проводившейся в районе Парголово — Белоостров, к северу от Петербурга, мы несколько сблизились — все офицеры жили во время съемок в деревне Юкки.

Жизнь у нас была напряженной и трудной. За один месяц каждому предстояло выполнить большой объем мензуальной, глазомерной, инженерной и геодезической съемок.

И вот здесь-то всех поразил Карбышев. Он обладал особым умением выполнять чертежи, артистически работал чертежным перышком.

В то время как мы, наводили на план горизонтали очень осторожно специальным кривым рейсфедером, вращающимся по оси, Дмитрий Михайлович обходился обыкновенным чертежным пером. В его руке оно оживало и безошибочно бегало по листу ватмана.

В ответ на наше единодушное восхищение он только заметил:

— Что ж тут удивительного? Ведь я около года зарабатывал себе на хлеб этим делом.

Но он нам тогда не сказал, почему это так случилось. А мы, конечно, не стали его расспрашивать.

В программе старшего класса академии также главенствовали теоретические предметы. Проектированием мы занимались только по строительному делу и по сводам.

И вот при составлении проекта свода Карбышев опять выделился из общей среды, показал удивительную работоспособность и склонность к детализации. Да еще вдумчивую обстоятельность при решении технической задачи.

Я навсегда запомнил тот день, когда мы принесли профессору показывать чертежи сводов. У каждого из нас проект

занимал половину ватманского листа, не больше, а то и меньше.

Карбышев подготовил столько вариантов свода, что чертежи его едва поместились на двух ватманских листах. Если бы мы не готовили этот проект одновременно, я бы никогда не поверил тому, что можно одному человеку столько успеть за одну ночь.

Всех поразила такая работоспособность. А он в ответ на наше изумление тихонько посмеивался и бросал в наш адрес в равной мере острые и добродушные реплики.

Готовность Карбышева выполнять задания педагогов тщательно, обстоятельно и быстро была исключительной.

У меня сохранился „Список с баллами офицеров старшего класса Николаевской инженерной академии по результатам годичного экзамена за курс 1909–1910 учебного года“. Из него видно, что в старших классах приходилось изучать 32 предмета. При этом следует иметь в виду и жесткие требования: при сдаче экзаменов не допускались никакие переэкзаменовки. Офицер, не выдержавший какого-либо экзамена, независимо от того, в каком классе он состоял, должен был возвращаться в свою часть. А если он хотел продолжить учение в академии, то обязан был держать снова вступительный экзамен в младший класс. Не зря по этому поводу профессор (одновременно и академии и Технологического института) доктор чистой математики Б. М. Койялович пошучивал:

— У меня две категории учеников — приблизительно одного возраста, одинакового развития и одних знаний. Но в институте редкий студент с первого раза выдерживает испытание. А в академии мне редко и с большим трудом удается „срезать“ одного офицера.

Вот почему у слушателей было мало времени для развлечений и отдыха.

Весной 1910 года офицеры старшего класса выехали в крепость Ковно для участия в тактико-фортификационных занятиях под руководством генерала Ипатовича-Горанского.

Потом нас распределили по крепостям для практики. Карбышев, Борейко, Максимов и я остались в Ковно. К этому времени сумма баллов по главным предметам у Дмитрия Михайловича составляла 264,1, а средний балл — 11,68. По вспомогательным предметам соответственно — 118,4, при среднем — 10,7. Лучших оценок ни у кого не было.

В те времена существовали особые книжки со списками всех строевых офицеров, а также военных инженеров по их чинам и в порядке их старшинства в данном чине. Этими списками в масштабе всей России руководствовалось Главное инженерное управление при назначении на вновь открывшуюся вакансию.

Книжки продавались свободно в магазинах и в шутку их называли „книжками честолюбия“.

Все офицеры старшего класса, перечисленные в вышеуказанном списке, считались окончившими академию и получали право носить академический значок.

Но до списка и значка в дополнительном классе, где занимались исключительно проектированием, предстояло разработать одиннадцать проектов по самым различным областям техники. В том числе по фортификации — крепость и форт, по гражданскому строительству — крупное здание, а также проекты по мостам, электротехнике, водопроводу и канализации города, по отоплению и вентиляции, по атаке и обороне крепостей.

Чтобы слушатель усердней занимался теми предметами, которые особенно нужны военному инженеру, была принята специальная система оценки: все предметы делились на главные и вспомогательные. Баллы, полученные по важным предметам, таким, например, как проект по фортификации, при выводе среднего балла вычислялись с коэффициентом „3“. А за проекты по строительному делу — с коэффициентом „2“. Следовательно, отметка по фортификации значительно влияла на средний балл, что заставляло нас серьезнее заниматься специальными военными дисциплинами.

На третьем году обучения лекций читалось значительно меньше, и мы, слушатели дополнительного курса, еще реже встречались друг с другом, проводя большую часть времени на своих квартирах за чертежами и расчетами.

Весной 1911 года наши проекты рассмотрела экзаменационная комиссия. Председателем ее был профессор Константин Иванович Величко, тот самый, которому принадлежал проект крепости Порт-Артур. Его внимание привлек разработанный Карбышевым проект крепости и форта. Проект признали лучшим. Дмитрий Михайлович получил за него премию имени генерала Кондратенко, героя Порт-Артура.

Устные экзамены Карбышев также сдал лучше всех.

В итоговой ведомости дана следующая оценка его знаний по окончании академии:

„…Фортификационные проекты, речные и морские сооружения, воинские здания, санитарно-строительное дело, отопление и вентиляция, архитектурные проекты, проектирование машин и подъемных механизмов — 12 баллов;

Проекты фортов и батарей — 11,8;

Строительные проекты — 11,7;

Проекты крепостей, водоснабжения и гидравлика, статика сооружений, проектирование тепловых двигателей — 11,5;

Инженерная оборона государства, проекты сводов — 11,3;

Проектирование и строительство мостов, проект по водоснабжению, дороги, проекты центрального отопления и вентиляции, термодинамика, тепловые двигатели — 11;

Мосты — 10,5;

История осад — 10,1;

Средний балл по главным предметам (с учетом коэффициента значимости каждой дисциплины в курсе академии) — 11,54.

Средний балл по вспомогательным предметам — 11,63“.

„Быть лучшим из лучших, — вспоминает о своем товарище В. М. Догадин, — занять первое место по успеваемости среди тех, кто прошел через все труднейшие барьеры и испытания, отличиться в таком огромном числе наук — на такое был способен только человек, обладающий недюжинными способностями и характером бойца“.

Таковым и был Д. М. Карбышев».

В 1911 году Карбышев как лучший выпускник получил право первым выбрать себе место дальнейшей службы из наличного числа вакансий. Он остановился на Севастопольской крепости и был назначен командиром роты Севастопольского крепостного минного батальона.

Но это было весной, в мае, после того, как в Зимнем дворце представили царю молодых выпускников и торжественно прочли перед их строем «высочайший» приказ: Карбышеву и его товарищам присвоили звание военного инженера и произвели в следующий офицерский чин.

Карбышев стал капитаном.

К этому времени на западе назревала война. Начался новый этап развития крепостей вдоль нашей западной границы, и туда потребовались высококвалифицированные специалисты. Карбышеву вместо Севастополя предложили должность младшего производителя работ в Осовце или Брест-Литовске. Он выбрал Брест-Литовск.

Почему прельстил молодого инженера этот ничем не примечательный городок с населением в 30–35 тысяч украинцев, русских, поляков, евреев?

Догадин, последовавший примеру Дмитрия Михайловича и доверившийся его выбору, все же спросил:

— А почему не Осовец?

— А потому, — ответил Карбышев, — что Брест-Литовск во многом интересней. — И тут он обнаружил завидное знание истории этого города. Он рассказал подробности его

возникновения на месте древнейшего славянского поселения у слияния двух рек: Буга и Муховца. Раскрыл стратегическую важность старой крепости, которую начали возводить в сороковых годах XIX века и все улучшали, достраивали.

— Она еще достойно послужит Родине, вот посмотрите, я в этом глубоко убежден, — заключил Карбышев. И, будто между прочим, напомнил: — Там в кадетском корпусе учился Ярослав Домбровский…

Упоминание о пламенном польском революционере Домбровском, генерале Парижской коммуны, неожиданно увело разговор в сторону. Приятелям пришло на память, что и в самой Инженерной академии, расположенной вблизи императорского дворца, генерального штаба и «третьего отделения», как называли жандармское управление, не так уж давно, во второй половине XIX века произошли события, которые показали, что революционные веяния совсем не чужды питомцам высшего военного учебного заведения, опекаемого царем.

Питомцы академии, например, еще помнили, как в конце 1860 года подпоручик Инженерной академии Никонов демонстративно отказался извиниться перед преподавателем за якобы «неуместное объяснение», которое он давал у доски. Никонову пригрозили исключением. Тогда в знак протеста все обучающиеся офицеры подали рапорт об отчислении их вместе с Никоновым. Угрозы и уговоры начальства повлияли лишь на одиннадцать человек. Остальные сто пятнадцать офицеров остались непоколебимыми.

Царь назначил следствие, велел подготовить и судебную расправу, однако тут же испугался огласки и решил потушить иными методами это «вопиющее происшествие».

Но все же протест офицеров академии стал известен всему миру. Приказ об их отчислении был кем-то доставлен в Лондон, и герценский «Колокол» его опубликовал 3 февраля 1861 года. Вот каким был вывод А. И. Герцена, напечатанный под царским приказом: «Россия может радоваться и гордо смотреть на свою молодежь. В одном военно-учебном заведении нашлось сто двадцать шесть офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения, испортить свою карьеру, чем молчать перед нелепыми поступками начальства. Только одиннадцать раскаялись. Недаром мы с такой теплой надеждой смотрим на молодое поколение военных. Честь им и слава».

В русской армии, особенно среди офицерства, долгое время тайно передавался из рук в руки этот номер «Колокола». Видимо, о нем знал и Карбышев.

Брест-Литовская крепость

В начале лета 1911 года, когда Дмитрий Михайлович со своими товарищами по академии Догадиным, Максимовым, Алексеевым и Десницким приехали в Брест-Литовск, там уже велась реконструкция крепости — начали проектировать отдельные ее форты, перестраивать и усиливать бетоном старые кирпичные пороховые погреба и казармы, заложили новый форт Дубиники.

Проекты разрабатывали на месте сами инженеры под общим руководством известного фортификатора профессора Инженерной академии генерала Н. А. Буйницкого, довольно часто наведывавшегося в Брест-Литовск.

Карбышеву, безусловно, импонировало то, что он мог стать автором проекта, создать его на месте, зная местные условия, а не «витая в облаках». Радовало и то, что он мог самостоятельно, как строитель, осуществлять свой замысел, за всем следить, ничего не упуская.

Конечно, было и чем огорчаться. Его возмутили неимоверно медленные темпы строительства: реконструкцию крепости растянули на десять лет. Форты и другие сооружения рассчитывали возводить не сразу, а в порядке очередности. На каждый форт отводилось три года. Первый — на напольный вал с помещением для дежурной части. Второй — на боковые его стороны — фасы. Третий — на казармы с горжей, т. е. тыльной частью укреплений, которая, как правило, менее всего подвержена атаке.

При таком заторможенном темпе строительства, вызванном, очевидно, недостатком отпускаемых средств, нельзя (шло рассчитывать на то, что в нужный момент крепость сумеет во всеоружии встретить врага.

Так оно и вышло. К началу первой мировой войны Брест-Литовская крепость не была готова и наполовину. Она имела только один законченный форт; несколько других были в производстве.

Вернемся, однако, в Брест-Литовск 1911 года.

Непосредственными начальниками Карбышева были здесь генерал-майор А. К. Овчинников (в советское время начальник Электротехнической, а потом Военно-инженерной академии) и два его помощника: по строительной части полковник Г. И. Лагорио, племянник известного художника, а по хозяйственной — полковник Н. В. Короткевич-Ночевной, который обладал достаточными энергией и опытом и фактически держал все

производство в своих руках.

До этого Короткевич служил в Варшавской крепости, преподавал в Варшавском технологическом институте и построил известное здание Польского государственного банка. Он успевал до обеда выполнять необходимые дела в крепостном инженерном управлении, после обеда объезжал на машине по очереди все постройки на фортах, а вечером готовил письменные доклады начальству и договоры с подрядчиками. Одновременно он слыл азартным игроком в теннис, и Карбышев часто сражался с ним на кортах, попутно ведя увлекательную беседу.

Полковник Короткевич не случайно сошелся с Дмитрием Михайловичем. Оба они были мягкими по нраву и очень вежливыми людьми. Никогда не только не грубили подчиненным, но даже не позволяли себе повышать голоса, предпочитая вести разговор в спокойном, деловом тоне. Подчиненные очень уважали обоих и старались точно выполнять их распоряжения.

В первый год пребывания в Брест-Литовске капитаны Алексеев, Максимов и Десницкий были прикомандированы к управлению. А капитан Карбышев и штабс-капитан Догадин — производители работ — непосредственно строили разные крепостные сооружения.

Карбышеву поручили реконструкцию VII форта — он уже не соответствовал современным требованиям фортификации. А намеченное строительство новой линии укреплений, удаленной на большое расстояние от центра крепости, поднимало значение VII форта, хотя он и оказался бы во второй линии. Однако, расположенный на западной стороне, этот форт вместе с соседним, VI, был очень важен особенно потому, что в то время еще отсутствовали новые форты первой линии.

В архиве Военно-инженерного музея сохранились чертежи отдельных частей VII форта, разработанные Д. М. Карбышевым и утвержденные приезжавшим в Брест-Литовск генералом Н. А. Буйнкцким.

Напомним, что это была начальная пора применения железобетона в конструкциях. Ни солидных руководств, ни тем более расчетных таблиц еще не существовало. Множество сложных инженерных задач пришлось решать автору проекта. Карбышев с ними справился превосходно.

Какими же средствами осуществлял реконструкцию своего форта в крепости молодой инженер?

Возводились форты хозяйственным способом. Объем работ был довольно значительный. Так, например, только одного бетона предстояло уложить около 30 тысяч кубометров. Значит, надо было израсходовать 33 тысячи кубометров гранитного

щебня, 12 тысяч тонн цемента. А земли предстояло переместить целую гору, гораздо большую по объему, чем весь укладываемый бетон.

А сколько организационных хлопот! Строительные материалы — цемент, лес, железо и булыжный камень — доставляли подрядчики. Каменные и плиточные работы выполняли специальные артели, приезжавшие на строительный сезон из Калужской, Рязанской и других губерний. Сезонники на своих легких одноконных повозках-грабарках, состоявших из трех разборных досок — дно и две боковые стенки, отвозили землю для отсыпки высоких крепостных валов.

Бетонщиков набирали в соседних деревнях. Вместе с артелями каменщиков и плотников на фортификационных сооружениях работало до шестисот человек. Их надо было обеспечить питанием, утепленными бараками.

Камень размельчала в щебенку дробилка с паровым двигателем. Бетон готовился в бетономешалках с локомобилями. Готовый бетон, щебенку, песок и цемент подвозили на вагонетках по рельсовым путям. А дальше наверх — по наклонному подъемнику, наподобие фуникулера. Воду подавали насосы по трубопроводам.

Работа не прекращалась круглые сутки. В ночное время стройплощадку освещали девять дуговых фонарей от электромашины с нефтяным двигателем.

В крепостные сооружения бетон набивали большими массивами, укладывали его без какого-либо перерыва несколько суток подряд днем и ночью. Бетонщики работали в три смены.

В эту довольно ладную по тем временам систему механизации вложил немалую лепту изобретательный Карбышев. В Брест-Литовске, по утверждению многих, уровень механизации был гораздо выше, чем в других крепостях.

Так, например, в Ковенской крепости еще в 1910 году в холодные осенние ночи рабочие, стоя в воде голыми ногами, промывали гравий лопатами в больших плоских ящиках. Бетон приготавливали вручную — его перемешивали лопатами на деревянной площадке, потом лопатами же накладывали в тачки, вручную перевозили и опять лопатами выгружали. Впрочем, так грузили, укладывали, выгружали и все остальные материалы.

Долгим и до предела загруженным был трудовой день строительных прорабов. Летом он начинался в шесть утра и продолжался до шести вечера с двумя перерывами на завтрак и обед по одному часу. Таким образом, прораб был занят не менее десяти часов, проходивших в большом напряжении.

Карбышев приезжал всегда с утра, проводил день по

обычному своему расписанию и снова приезжал на постройку ночью, хотя для поддержания порядка назначался дежурный офицер. Такой уплотненный график был ему не в новинку: он дежурил на бетоне и по форту «Кумпе» в крепости Ковно, когда проходил академическую практику.

А вот как складывался быт военных инженеров в Брест-Литовске. Основное, «старое» ядро военных инженеров проживало в самой крепости. Карбышеву и его товарищам из академии жилья в крепости не хватило. Им пришлось устраиваться в городе, расположенном в двух-трех километрах от возводимых фортов.

Алексеев, Десницкий и Догадин сняли новый двухэтажный дом на юго-западе города, на Шоссейной улице, против сада Шаповалова. Это была главная улица Брест — Литовска, вроде Невского проспекта в Петербурге — разумеется, в ином масштабе.

На Шоссейную манил горожан цирк, в котором не только выступали дрессировщики зверей, акробаты, клоуны, профессиональные борцы. Тут же устраивались гулянья с музыкой. Тут же, в цирке, давали свои спектакли театральные труппы, останавливавшиеся в Бресте проездом из Москвы и Петербурга в Варшаву и обратно.

Вблизи цирка до поздней ночи были открыты лучшие в городе рестораны Прокопюка и Гржиба. По соседству с ними показывались «туманные картины» двумя синематографами, как раньше называли кинотеатры. Все на той же Шоссейной по субботам местная знать дефилировала по тротуарам.

Улица зрелищ и развлечений, кутежей и азартной картежной игры, праздничного гулянья щеголей и щеголих…

Через два-три дома от «петербургской троицы», поближе к реке Муховцу, снял себе квартиру капитан Максимов.

Только Карбышев поселился в значительном отдалении от остальных инженеров, подальше от «шума городского», на тихой и уютной улице.

Четыре семейства оказались по соседству и почти все свободные вечера проводили вместе, веселились, играли в домино.

Карбышева не приходилось видеть в этом тесном кружке. Зато гостей он принимал с радушием, был словоохотлив и остроумен, много шутил, рассказывал, ибо многое знал и видел.

В кругу молодых офицеров Карбышев был единственным, кто успел побывать на Дальнем Востоке, в Китае, воевал на фронтах Маньчжурии, около месяца жил в Японии, в Нагасаки, куда его тянуло юношеское любопытство с тех пор, как он получил в кадетском корпусе в награду за отличные успехи книгу-альбом

«Япония и японцы».

Рождественские праздники и масленица у многих инженеров были поводом к устройству больших вечеринок. Карбышев опять-таки не ходил на такие увеселения, отговаривался занятостью.

После обеда многие инженеры по обыкновению играли в лаун-теннис на бетонной площадке. Участники игры по очереди устраивали для всех чай.

Лаун-теннис был единственным видом спорта, который процветал среди инженеров крепости. Попытка одного капитана ввести в обиход футбол (для чего он однажды привез отличный кожаный мяч из Варшавы) не имела успеха. Через полчаса игры большинство игроков лежали на траве, совершенно изнеможенные.

Каждому инженеру в личное пользование выделялся казенный экипаж. Молодые офицеры, в том числе и Дмитрий Михайлович, купили себе велосипеды и ездили на них. Кто-то спросил Карбышева, в чем смысл такого странного предпочтения. Он шутя ответил:

— При собственном экипаже нередко либо лошадь не подкована, либо колеса скрипят, не мазаны, либо кучер пьян…

И Карбышев с видимым удовольствием даже на дальние форты катил на велосипеде по асфальтовым дорогам. 25 километров в оба конца он даже не считал прогулкой, и просто «легкой разминкой».

Бывали у Дмитрия Михайловича и поездки более дальние, разумеется, не на велосипеде, а поездом. Он имеете с Догадиным состоял в комиссии по приемке колючей проволоки для крепости. Ее изготовлял металлургический завод в городе Ново-Радомске, за Варшавой. В поездку туда Карбышев всегда направлялся охотно. Остановка в Варшаве давала возможность познакомиться с современной польской культурой, искусством. Живо интересовался Дмитрий Михайлович и металлургическим процессом производства. Он мог подолгу, не шевелясь, наблюдать за плавкой и разливкой стали. Расспрашивал мастеров и рабочих о таких подробностях, которые известны только специалистам.

Поезд из Ново-Радомска отошел в направлении Брест-Литовска. Два офицера сидели друг против друга в купе и обменивались впечатлениями. Неожиданно Карбышев сказал Догадину:

— Вот, заметьте, вес катушки колючей проволоки равен трем пудам. А длина намотанной на эту катушку проволоки — двести пятьдесят сажен…

— Что же из того следует?

— Самый простой и логичный вывод. В одной сажени колючей проволоки весу пять десятых фунта.

Дмитрий Михайлович часто использовал свою склонность к простому и запоминающемуся способу вычислений. Он оказался очень полезным для саперов. Много позднее, в Военной академии имени М. В. Фрунзе, все считали настольным нормативный справочник по военно-инженерному делу, написанный Карбышевым.

Испытание колючей проволоки проводилось весьма тщательно. От каждой партии в объеме около десяти вагонов брали до двухсот отрезков. Их испытывали на разрыв, на число перегибов, на диаметр основных проволок, на длину и диаметр колючки. Все полученные данные заносили в ведомости. И тут Карбышев был очень педантичен, следил, чтобы не вкралась ни малейшая ошибка.

Кто-то из офицеров, узнав о тщательной методике испытаний, бездумно посмеялся над нею в присутствии Дмитрия Михайловича.

Карбышев серьезно заметил:

— Если придется воевать и вам надо будет укреплять позиции проволочными заграждениями, вы раскаетесь в своем легкомыслии…

И здесь Карбышев оказался прав. Русская армия в первую империалистическую войну израсходовала до 800 тысяч тонн колючей проволоки. Без нее не обошлось ни одно полевое препятствие да и некоторые инженерные сооружения крепостного типа.

Воскресенье 13 июля 1914 года выдалось особенно жарким. Солнце палило щедро, и лучи его не заслонялись ни единым облачком. По случаю праздничного дня в саду крепости гуляли строители. Зеленый шатер разросшихся черешен, шелковиц, яблонь не только защищал от пекла, но и насыщал воздух густым и сочным ароматом зреющих плодов.

Больше всего народу собралось у теннисных кортов. Инженеры пришли сюда с женами. Мелькали быстрые ракетки, стремительно летели через сетку мячи. Болельщики энергично комментировали игру, подбадривали и подзадоривали соперников. Шутки, смех, озорные восклицания, веселье.

Подъехал на велосипеде Карбышев. Легко спрыгнул на землю, будто с коня. Увидел Догадина, подошел к нему, поздоровался и, пожимая руку приятелю, пожелал ему счастливого пути: Владимир Максимович собирался вечером отбыть в Одессу на приемку пробковых плит для крепостного

холодильника.

— Завидная поездка, окунетесь в Черном море…

— А я на юг впервые, — признался Догадин. — Если бы можно, то полетел на аэроплане.

— Бежите от нас? Напрасно, — забасил штабс-капитан Канделаки, загорелый, белозубый южанин. — Как сказал Пушкин, там некогда бывал и я, но Брест милее для меня.

— В расчетах ошибаетесь, Пушкина перевираете, — съязвил Владимир Максимович в адрес своего помощника, но широкой простодушной улыбкой дал понять, что говорит не в упрек, а ради красного словца.

Неожиданно появился полковник Короткевич. Всегда спокойный, ровный в обращении с людьми, радушный, он выглядел каким-то растерянным и унылым. Отозвав в сторону Догадина, он тихо произнёс, с трудом выговаривая каждое слово:

— Владимир Максимович! Нехорошо приносить дурные вести. Но вашу поездку придется отменить. Получен приказ готовиться к войне.

В воздухе пахло войной. Почти за месяц до этого воскресного дня — 15 июня — наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд отправился на Конопишта к сербской границе. Там развертывались маневры австро-венгерских войск. Карета наследника с пышным эскортом въехала в главный город Боснии — Сараево.

Националистически настроенная сербская молодежь высыпала на улицы. Но не для встречи Франца-Фердинанда с цветами, не для выражения своего восторга, а с чувством возмущения и протеста. Тайное великосербское военно-патриотическое общество «Черная рука» решило уничтожить эрцгерцога. Пусть знает австро-венгерская монархия, что свободолюбивые сербы не будут под ее пятой. Террористический акт поручили выполнить члену этого общества — студенту Гаврило Принципу. Гаврило выскочил из толпы навстречу Францу-Фердинанду и, Приблизившись почти вплотную к нему, выстрелом из пистолета убил эрцгерцога наповал.

Выстрел в Сараево оказался подобным взрыву бомбы в пороховом складе. В Берлине и Вене только и ждали удобного повода, чтобы начать войну. Повод нашелся. Австрийский посол вручил в Белграде сербскому правительству ультиматум. В нем Габсбургская монархия потребовала, чтобы сербы отказались от собственного суверенитета. Но еще до истечения срока ультиматума царское правительство России, решив, что войны не миновать, объявило мобилизацию в четырех военных округах и,

на Черноморском и Балтийском флотах. А в субботу 12 июля, на заседании Совета министров под председательством царя Николая II, было введено в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Все ведомства в России обязывались принять меры для обеспечения мобилизации армии. Такой приказ получили военные округа, командующие флотов, коменданты крепостей.

Вот с такой новостью в воскресенье встретил полковник Короткевич капитана Догадина, отменяя его командировку в Одессу.

События разворачивались молниеносно. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Германия — России, Франции и Англии.

Загремели орудия. Помчались поезда с солдатами к границам. В Брест-Литовской крепости лихорадочно готовили форты к обороне. Семьям офицеров дали меньше суток на сборы и отъезд в глубь страны. В распоряжение прорабов прибыло несколько тысяч мобилизованных рабочих, несколько сот конных подвод.

С таким огромным пополнением можно было приводить в порядок земляные валы высотой в шесть метров, даже перекидывая грунт лопатами вручную. Конную тягу использовали на перевозке материалов и железнодорожных рельсов для перекрытий казематов полудолговременного типа.

Наличие большого числа рабочих при отсутствии чертежей заставило инженеров работать с большим напряжением.

Весь день Карбышев находился на ногах. Он руководил строительством, на ходу давал десятникам наскоро набросанные чертежи, следил за точностью их выполнения. А ночью почти не ложился спать, подготавливал фронт работ на следующий день.

Не позднее пяти утра он был опять на ногах, торопился к форту, расставлял рабочих по местам, ибо помощниками были два строительных десятника, совершенно незнакомые с фортификацией. Так складывались сутки не только у Карбышева, но и у других инженеров. Многие из них уставали до того, что за поздним обедом в столовой, часов в восемь вечера, засыпали прямо за столом.

С Карбышевым такого никогда не бывало. Подтянутый, собранный, тщательно побритый, он казался всегда спокойным. Он быстро привыкал к любому, даже самому жесткому режиму — настоящий солдат.

Оставив городскую квартиру, Карбышев жил у самого форта, чтобы не терять на поездки ни одной минуты. Его очень раздражала и возмущала неразбериха, царившая в управлении

строительством крепости, смена начальства в столь неподходящий момент, некомпетентность вновь прибывшего генерала, расформирование крепостного батальона по охране крепости как раз в канун войны.

Карбышев едко высмеивал трусоватых и бездеятельных офицеров из управления. Изредка появляясь на стройке, они не помогали, а мешали расспросами, отвлекали от дела, но зато сами большую часть дня усердно занимались покупками «на всякий случай» личного походного снаряжения, полевых биноклей, седел для верховых лошадей и даже панцирей на грудь, забывая, что война не парад и не поединок между двумя дуэлянтами.

Все чаще мимо Брест-Литовска на запад шли воинские эшелоны. В обратном направлении стали двигаться поезда с ранеными. Противник наносил свой первый удар со стороны австрийской границы. В тиши ночи можно было слышать отдаленный рокот пушек из-под Ивангорода. Там мощные силы немцев пытались форсировать Вислу.

Однако враг был отброшен вовремя подоспевшими полками сибиряков. Многодневные атаки кайзеровских войск мощных полевых укреплений крепости остались безрезультатными — они не смогли преодолеть сопротивления доблестного крепостного гарнизона.

Любопытно заметить, что эту крепость по планам военного министра Сухомлинова полагалось ликвидировать еще до начала войны. Но не успели сделать это лишь потому, что потребовалось бы слишком много средств и большое количество взрывчатки.

Крепость, списанная царским министром «в расход» и случайно уцелевшая, помогла русской армии отбросить противника, показала пример того, как можно умело использовать долговременные фортификационные сооружения и позиции — окопы, ходы сообщения, блиндажи и еще многое, что было заблаговременно сделано вокруг крепости…

Потерпев полную неудачу под Вислой, кайзеровские войска поспешно откатились назад. А русские армии стремительно их преследовали и быстро продвигались на юго-запад. Уже готовилась осада крепости Кракова.

Фронт все более удалялся от Брест-Литовска. Многие тыловые офицеры полагали, что уже «отвоевались»: ведь война не может продолжаться более трех-четырех месяцев, — рассуждали они. Война требует предельного напряжения сил и ресурсов государства, оно не в состоянии выдержать затяжных военных действий. Три месяца к тому времени уже прошло, значит, осталось воевать совсем недолго.

Но эти «горе-теоретики» жестоко просчитались.

Карбышев и его сослуживцы думали и действовали иначе. В октябре они закончили полностью фортификационную подготовку Брест-Литовской крепости к обороне.

Для ее обозрения сверху, по настоянию Дмитрия Михайловича, был специально снаряжен в полет управляемый дирижабль. Он облетел весь пояс фортов. Наблюдатели остались очень довольны. Строители выполнили все, что требовалось по чертежам. Но чертежи были разными, не существовало единого проекта, и разнохарактерность укреплений, даже по внешней форме, была очевидна. И только на VII форте, который строился под руководством Карбышева, возвышались массивные фортификационные сооружения, напоминавшие Ляоянские укрепления, хорошо известные Дмитрию Михайловичу по русско-японской войне.

Сделав свое дело, Карбышев в ноябре 1914 года по личной просьбе был направлен в действующую армию. По времени это совпало с новым натиском войск противника и отступлением наших армий. Об осаде Кракова никто уже не толковал. Встревоженное командование торопилось возвести укрепления в тылу. Военные «знатоки», уверявшие раньше, что можно обойтись без фортификации, окончательно сконфузились.

По примеру Карбышева и другие инженеры Брест-Литовской крепости отправились в действующую армию.

Что же толкнуло самого Дмитрия Михайловича на встречу опасности из тыловой, надежной крепости в пекло кровопролитных боев?

Владимир Максимович Догадин отвечает на этот вопрос так: «Прежде всего надо вспомнить, что по рождению он казак Сибирского войска, а мне особенно понятно влияние казачьего происхождения, потому что я тоже вышел из казаков, но только из Астраханского войска. В казачестве каждый без исключения мальчик предназначается для службы, уже с самой колыбели наряжается в казачью форму и насыщается атмосферой рассказов о воинской славе и героизме.

Затем идет воспитание в течение семи лет подряд в кадетском корпусе, имеющем основной целью выковать человека, наделенного всеми высокими качествами воина.

Наконец, пребывание Карбышева в инженерном училище, его участие в русско-японской войне и после нее годы учения в академии, которая с давних пор является рассадником доблестных командиров, выдающихся военных деятелей и героев…».

В чем-то, конечно, прав Догадин, но не во всем.

Б. Няйко, будучи еще студентом МГУ, обнаружил фотографию Дмитрия Михайловича и обратил внимание на сделанную его рукой дарственную надпись: «На память Сергею. Д. Карбышев. 22.XI.14 г. VII форт».

Кому же была подарена эта карточка? В результате кропотливого поиска студент выяснил: осенью 1914 года с Румынского фронта прибыл по делам в Брест-Литовск руководитель военно-ветеринарной службы Сергей Васильевич Ваганов. Он провел там несколько дней, остановившись у инженера VII форта.

Почему он предпочел быть гостем именно Карбышева, а не начальника крепости генерала Лидерса или начальника штаба генерала Вейля, пока остается тайной. Открылось другое — личность самого Ваганова. Он, оказывается, был членом одного из подпольных революционных кружков на Украине. Был арестован властями как «вольнодумец», долго находился в опале. Очевидно, он нашел в Дмитрии Михайловиче единомышленника.

«Сергей Васильевич Ваганов и Дмитрий Михайлович Карбышев видели несправедливость русского царизма, переживали как личную трагедию расправу над участниками революции 1905 года, прекрасно понимали антинародную сущность мировой войны. Они верили, что час возмездия настанет», — такой вывод сделал Няйко.

…Москва. Земледельческий переулок. Дом № 10. Здесь Няйко встретился с женой покойного приятеля Карбышева С. П. Пешкова — Ниной Иосифовной. Ей минул уже 85-й год, но память бережно сохранила дорогие для нее воспоминания.

— С Дмитрием Михайловичем Карбышевым я познакомилась в 1911 году, когда моего мужа — военного инженера — командировали в Брест-Литовск главным контролером над ходом строительства оборонительных сооружений.

Дмитрий Михайлович, тогда инженер-капитан, по счастливому стечению обстоятельств оказался нашим добрым соседом. Общее дело крепко связало с ним моего мужа. Близость по службе скоро переросла в настоящую дружбу. Несомненно, они были людьми одинаковых взглядов и нравственных устоев.

Мы жили в одном доме. Наши квартиры находились бок о бок. Естественно, часто встречались, вместе проводили вечера.

Дмитрий Михайлович тогда еще не имел семьи и в свободное время забегал к нам, чтобы немного поиграть с моей дочуркой Танюшей… Он очень любил детей, и дети любили его.

Среди своих сослуживцев он выделялся скромностью, кристальной честностью. Муж ставил его в пример другим

офицерам крепости, его отчеты о сделанном незачем было контролировать.

Наступил 1914-й год. Год тяжелых раздумий, тревог и острых переживаний. Нахлынула казавшаяся мне неотвратимым стихийным бедствием первая мировая война. Дмитрий Михайлович Карбышев без промедления потребовал от своего начальства направить его на фронт, в действующую армию. А Сергей Павлович был оставлен в Бресте для срочного сбора документации и пересылки ее в Питер. Меня и нашу Танюшку решено было эвакуировать в Москву.

Хорошо запечатлелось утро расставания с Дмитрием Михайловичем. Он зашел к нам одетый по-фронтовому, отдал честь и, стараясь скрыть печаль, подхватил Танюшу и закружился с ней. Раздался в унисон его и ее раскатистый смех. Потом трижды каждого из нас по русскому обычаю обнял, расцеловал и решительно зашагал к двери. Вдруг, не дойдя до нее шаг, повернулся к нам лицом и воскликнул:

— Ах, Сергей, чуть было не забыл… Решил все-таки остаться с тобой навсегда…

Он вынул из кармана фотокарточку и протянул мужу.

Нина Иосифовна показала альбом с семейными фотографиями, уцелевшие документы. По ним стало ясно: Сергей Павлович, как и Дмитрий Михайлович, сразу встал на сторону Советской власти. Вскоре Лешкову поручили ответственную работу в Рабоче-Крестьянской инспекции. Затем послали создавать такой же орган в освобожденной Одессе. Там Лешков заболел брюшняком, и тяжелый недуг оборвал его жизнь в роковом для его семьи девятнадцатом году.

Верные друзья больше не встретились.

Очень символичны находки и верны выводы Б. Няйко. Им открыты и уточнены примечательные подробности, сообщены новые имена людей, с которыми общался Дмитрий Михайлович.

Рассказ Нины Иосифовны Лешковой нашел своего рода подтверждение в письме сослуживца Карбышева — младшего производителя работ в Брест-Литовской крепости Николая Михайловича Ильина.

«Дмитрия Михайловича, — сообщил он, — я лично знал со второй половины 1912 года, как только начал работать и крепости. И могу смело утверждать, мы не расставались ни на один рабочий день до призыва меня в действующую армию. Кажется, мы покидали Брест-Литовск почти одновременно.

Самое сильное впечатление на меня, да и на подавляющее большинство строителей крепости оставили душевная

отзывчивость и преданность Карбышева делу. Не менее этого влекло к нему и вызывало наши симпатии его уважительное отношение к рабочему человеку, кем бы он ни был по происхождению и национальности. В царской России процветал произвол, националистический угар охватил офицерство. Многие военные в „чинах“ отличались разнузданным эгоизмом, унижали подчиненных, особенно нацменов, держали их в страхе. С таким царским офицерьем Карбышев враждовал».

Бескиды

Почти всю войну Карбышев провел на Юго-Западном фронте, в 8-й армии, которой командовал выдающийся полководец генерал Алексей Алексеевич Брусилов.

В отрогах Карпат Дмитрий Михайлович оказался под непосредственным руководством Константина Ивановича Величко, своего учителя, энциклопедически образованного генерала, большого знатока военно-инженерной науки. Карбышев очень обрадовался встрече.

Он превозносил учителя, считая его прямым продолжателем русской школы фортификации, основоположниками которой были А. З. Теляковский и Э. И. Тотлебен.

А учитель запомнил своего любимого ученика еще с конца прошлого века, с Николаевского инженерного училища, где Карбышев выделялся среди однокашников умением безошибочно схватывать суть инженерной задачи и находить для ее решения оригинальный и вместе с тем интересный и целесообразный способ. Такое решение профессор Величко справедливо считал творческим. И он не ошибся в Карбышеве. Их жизненные маршруты много раз сходились, часто они оказывались рядом — на Дальнем Востоке, у Порт-Артура, позже снова в Петербурге, в стенах академии, где Величко с удовлетворением отметил инженерную зрелость Дмитрия Михайловича и с радостью вручил своему ученику высокую и почетную премию за проект.

Когда в ноябре 1914 года Карбышева на некоторое время направили в 11-ю армию и он впервые доложил начальнику инженерного управления этой армии генералу Величко о своем прибытии в его распоряжение, Константин Иванович, не скрывая чувства радости, подошел к своему питомцу, положил ему на плечи обе руки и, вглядываясь в молодые с искоркой глаза капитана, дружески произнес:

— Вот и снова вместе воюем! — сделав маленькую паузу, генерал добавил: — Куда же вас?.. На какую штабную должность? — и прежде чем успел Карбышев ответить, продолжал: — Знаю, знаю, штабы не ваша стезя… Не беспокойтесь, побудете немного штаб-офицером, мне необходим надежный помощник для выполнения специальных поручений. Как только найду, кем вас заменить, — отпущу в часть.

Учитель с учеником уселись на походной кровати, которая стояла в кабинете генерала, и дружески повели беседу.

Величко разузнавал у Карбышева подробности строительства крепости Брест-Литовска, расспрашивал о других своих учениках.

Он помнил их и хотел знать, верно ли оценивал способности того или другого фортификатора, его умение на практике применять полученные в академии знания и навыки.

Обещание свое генерал сдержал. С декабря — Дмитрий Михайлович на полях сражений, в должности дивизионного инженера. Он ведет с частями 78-й и 69-й пехотных дивизий и 22-м финляндским стрелковым корпусом укрепление позиций в тяжелых условиях, в ходе кровопролитных боев на крутых Бескидских перевалах Карпат.

Бескиды — неприступная крепость, созданная самой природой. Это вереница хребтов высотой до полутора километров. Они тянутся от реки Моравы до истоков реки Сан. Гребни хребтов — запутанная сеть долин и котлованов, поросших хвойными и смешанными лесами. Повалишь дерево, выкорчуешь пень, копнешь саперной лопатой землю — и наткнешься на сланцевые породы вулканического происхождения.

Летом и осенью Бескиды одолеть не так уж тяжело. А вот зимой, в лютый мороз, намного труднее. Резкие холодные ветры наметают снежные сугробы, серебристым пологом покрываются долины и овраги — ни пройти, ни проехать. Морозы здесь устойчивые, лютые, достигают тридцати — сорока градусов.

Австрийские войска находились по сравнению с русскими в более выгодном положении: они успели за лето и осень возвести мощные укрепления.

Нашим войскам досталась иная участь. В метель и морозы русские саперы «грызли землю зубами», долбили затвердевший грунт под перекрестным и прицельным огнем противника. В ход пошли клинья, кувалды, ломы и даже взрывчатка.

Саперы и солдаты выбивались из сил. Но окопаться самим и устоять — это только часть задачи, причем меньшая. Гораздо важнее было выбить противника из его укреплений и оттеснить за Бескиды.

Скупо, но точно о выполнении второй половины задачи написал в своих воспоминаниях генерал А. А. Брусилов: «Это была борьба не только с врагом, но и с природой и климатом. Каждый хребет, каждая гора, каждый лес были задолго, заблаговременно укреплены; приходилось шаг за шагом сбивать противника с сильных природных позиций, карабкаться по обледенелым скатам, дни и ночи проводить в боевых частях при сильных морозах».

Двадцать тысяч пленных австрийских солдат и офицеров, богатые военные трофеи — таков итог брусиловского натиска на Бескиды.

Русский солдат показал себя выносливым, упорным,

умеющим одолевать превосходящего по численности врага. В своем приказе по случаю одержанной победы Брусилов писал: «Я счастлив, что на мою долю выпала честь и счастье стоять во главе вас, несравненные молодцы».

Весь январь и февраль 1915 года в Карпатах не стихали ожесточенные кровопролитные бои. Русские войска мужественно отбивали яростные атаки и, в свою очередь, наносили противнику короткие, но чувствительные удары. Австро-венгерские войска, напрягая все силы, пытались охватить левый фланг 8-й армии, чтобы освободить блокированный гарнизон крепости Перемышль. Однако 8-я армия, получив подкрепление, сумела расстроить планы противника.

Генерал Величко вызвал к себе Карбышева.

— Наши дела на фронте после грандиозного провала контрудара австрийцев в направлении Перемышля значительно улучшились, — сказал генерал. — Одно плохо: блокада самой крепости затянулась. Необходимо взять ее во что бы то ни стало. Тогда наши руки будут развязаны. Освободится блокадная армия — и мы сможем усилить ею другие участки фронта.

Константин Иванович доверительно поделился своим мнением о первом штурме Перемышля, который был предпринят раньше, в сентябре четырнадцатого, без тщательной инженерной подготовки. Генерал считал этот штурм авантюрой, безумием. Шутка ли, идти сломя голову на крепость в 45 километров по обводу, обладавшую 15 фортами и 25 укрепленными опорными пунктами. Половина фортов была оборудована броневыми башнями, а у всей крепости — 100 орудий и гарнизон в 120 тысяч солдат.

— Однако же оставим хулить моего незадачливого предшественника, — сказал генерал. — Может быть, он и не так уж виноват. Разве только ко взятию крепости мы были не готовы? Россия не подготовилась ко всей войне…

Перейдя к делу, ради которого был вызван Карбышев, генерал сказал, что командование блокадной армии под его наблюдением начинает методично готовить новый штурм крепости. Для овладения ею предусмотрены крупные инженерные осадные работы.

Организовать и проследить за их выполнением способны энергичные, знающие военные инженеры-фортификаторы и в то же время храбрые офицеры с достаточным боевым опытом.

Особенно крепка восточная часть Седлисской группы крепости. Кто сможет ее подточить и опрокинуть? Решая этот вопрос, командование армией и сам Величко остановили выбор на Карбышеве.

— Как вы на это смотрите, мой друг? — спросил генерал.

Карбышев был польщен предложением учителя. Согласился без колебаний. Поблагодарил за доверие. Ведь он знал Константина Ивановича как одного из крупнейших ученых-теоретиков по вопросам осады и атаки сухопутных крепостей. Был уверен: с таким руководителем не попадешь впросак.

В конце февраля Карбышев приступил к выполнению задания. Он сумел увлечь саперов, пехотинцев и ополченцев. Осадные работы велись без перерыва, днем и ночью, в любую погоду, их не останавливали, не прекращали, несмотря на то, что противник бил по саперам шквальным огнем крепостной артиллерии.

Настойчиво прогрызая в каменистом грунте ходы сообщения и «параллели», т. е. сопутствующие траншеи, осадные войска как бы шли на сближение с вражескими фортами. Саперы одновременно вели разведку местности на подступах к крепости. Отряды подрывников уничтожали минные поля и другие искусственные препятствия, установленные австрийцами. Кроме того, для штурма готовились штурмовые лестницы и специальные приспособления. Дмитрий Михайлович руководил постепенной атакой фортов, обучал пехотинцев пользоваться штурмовыми средствами. С каждым днем все больше сужалось кольцо блокады вокруг Перемышля.

Очевидно, в крепости заметили подготовку русских. Австрийская дивизия под командованием генерала Тамаши совершила из крепости внезапную вылазку, пытаясь уничтожить сооружения восточной осадной линии.

На русской стороне прозвучала боевая тревога. Пехотный полк осадной линии на участке Медыка — Быхув — Плошовице перешел в контратаку.

Завязался ожесточенный бой. Участок считался достаточно укрепленным, но располагал он лишь одним пехотным полком и ополченской дружиной. Силы неравные, и перевес в начале боя явно обозначился на стороне австрийцев. При поддержке массированного артиллерийского огня они сбили передовые посты русской пехоты.

Все это видел Карбышев. Он следил за ходом сражения с позиции осадных работ. В критический момент, предчувствуя неминуемое поражение, он собрал свободную роту саперов и бросился с нею на австрийцев.

К утру осадные войска на штыках отбросили врага обратно в крепость.

Дивизия Тамаши потеряла более ста офицеров и тысячи солдат. Наш пехотный полк и сводная саперная рота тоже имели немалые потери. В ожесточенной схватке был ранен в ногу и

капитан Карбышев. К счастью, рана оказалась не очень тяжелой: пуля попала в мягкие ткани ноги, не задев кости. Дмитрия Михайловича отправили в полевой госпиталь Мосциско в Галиции.

Уже на больничной койке он узнал, что полугодовая осада крепости победно завершена. Ее комендант генерал Кусманек вынужден был капитулировать. Он приказал взорвать крепостные форты и поднял над ними белые флаги. До того дня считавшаяся неприступной первоклассная австрийская цитадель Перемышль пала. 120-тысячный гарнизон ее сдался в плен.

Д. М. Карбышева за храбрость и отвагу наградили орденом Святой Анны второй степени с мечами и произвели в подполковники.

В мае 1915 года, как только зажила рана, Дмитрий Михайлович вновь поступил в распоряжение генерала Величко. К этому времени германское командование перешло в наступление объединенными силами немецкой и австро-венгерской армий под командованием фельдмаршала Макензена. Прорвав нашу оборону в районе Горлицы, противник развил удар на Львов.

Превосходство вражеских сил вынудило русские войска отступать. 8-я армия, где был Карбышев, тоже отступала, ведя кровопролитные оборонительные бои.

24 июня Брусилов дал войскам указание: «…При укреплении позиций отрешиться от создания сплошных линий окопов, а устраивать их на взводы или полуроты, лишь бы они были в тесной огневой связи между собой, промежутки же между ними заградить переносными искусственными препятствиями».

Кем было подсказано такое новшество в фортификации? Генералом Величко? Подполковником Карбышевым? Самим ли Брусиловым задумано или созрело в ходе боев? Одно бесспорно — оно обогатило отечественную военно-инженерную науку.

Отступление продолжалось. Но 8-я армия вела его планомерно. Ее войска не оставляли никаких трофеев врагу. Когда они подошли к Бугу, решено было перейти к обороне. Увы! Эти позиции тоже не смогли долго удержаться.

Военная кампания 1915 года окончилась поражением русских войск.

Основная причина неудач — и это хорошо знал Карбышев — коренилась в экономической отсталости России. Прав был Величко, когда говорил Карбышеву о неподготовленности страны к войне. Царизм оказался неспособным обеспечить потребности фронта. Войска испытывали острую нужду в оружии, боеприпасах, снаряжении. Русские солдаты, несмотря на присущие им храбрость, стойкость и упорство, не имели многих

технических средств, которыми обладал, вооруженный до зубов неприятель. И что всего важнее — не верили в необходимость этой войны. Она была чужда народу.

Всю осень пятнадцатого и весну шестнадцатого года Карбышев провел на строительстве Киевского тылового оборонительного рубежа.

Учитель из города Канева Черкасской области И. И. Сорокопуд беседовал с людьми, которые встречались в тех местах с Дмитрием. Михайловичем. Вот отрывок из его записей:

«…Потеряв Галицию, Польшу, сдав Либаву, русское командование решило создать военные укрепления в глубоком тылу. Одно из них — у Канева.

Начало оборонительного рубежа пролегло от Киева до Мироновки и дальше на Канев до Звенигородки. Сооружение укреплений было развернуто поздней осенью, работали крестьяне окрестных сел Поташни, Голяков, Горобиевки, Луки. Третьим участком сооружаемого рубежа между Вираевским лесом и Шендеровкой руководил военный инженер Карбышев. Удивительно свежи воспоминания о нем тех, кто и поныне живет в Шендеровке.

Семидесятипятилетний Данило Ларионович Симшан говорит:

— Дмитрия Михайловича я не раз видел. Чернявый, подтянутый, с приветливым лицом в оспинах. Большой души человек.

Симшана дополняет семидесятилетний Марк Григорович Хоменко:

— А я Дмитрия Михайловича много раз встречал на оборонительном участке. Вместе с саперами он ел из одного котла, ездил на рубеж в обычной крестьянской повозке. Очень скромно была обставлена и его квартира…

Больше всего довелось видеться с Карбышевым Тодосею Савичу Скорику, жителю Селища, что неподалеку от Корсуня. Скорик бетонировал оборонительную линию.

— Начатое в Масловке тыловое укрепление проходило по Каневщине за Таганчею. А потом через Вираевский лес около Комаровки между Моринцами и Почапинцами, у Верещаков на Майдановку, Звенигородку, а там поворачивало на Умань. Подполковник Карбышев успевал всюду. Он одинаково хорошо относился к солдатам и вольнонаемным, стоял за нас горой. Однажды я добирался на рассвете на оборонительную линию. Поравнялся со мной ехавший на подводе Дмитрий Михайлович. Предложил мне сесть рядом с ним, довез меня к палаткам саперной роты прапорщика Опацкого. Увидел, что на трескучем

морозе стоит навытяжку солдат с полной выкладкой, спросил его: „Тебя снова наказали, Зозуля?“ — „Случилось… Зубы у меня заболели. Решил пойти в околоток, а прапорщика забыл спросить“, — ответил солдат. И Дмитрий Михайлович тогда сказал: „Вернется прапорщик, скажи ему, чтобы он по моему распоряжению освободил тебя от наказания“.

Прапорщик инженерных войск Андрей Васильевич Головин был в 1916 году на Юго-Западном фронте производителем работ на одном из участков тылового оборонительного рубежа близ Киева. Построив необходимые узлы сопротивления, он подготовил их к сдаче.

Но сперва, по установившемуся порядку, выполненную работу инспектировали старшие офицеры штаба. Обычно все сводилось к объезду „на рысях“ оборонительных позиций. Старший в назидание младшему давал несколько нравоучительных советов, на том все и кончалось.

На сей раз мы, производители работ, узнали, что приедет из штаба не просто инспектор, а Дмитрий Михайлович Карбышев, подполковник инженерных войск, которого многие знали как человека принципиального и взыскательного специалиста. Все мои сослуживцы, в том числе, разумеется, и я, волновались и трепетали.

В назначенный день, рано утром, мы встретили его на правом фланге своего участка и доложили о выполненном объеме работ.

Дмитрий Михайлович приехал на одноконной пролетке, без сопровождающих. Он тщательно осматривал каждое сооружение, насколько оно пригодно и „применено“ к данной местности, огневую взаимосвязь между ним и соседними, тщательность маскировки.

Его все интересовало. Казалось, ничто не могло ускользнуть от пристального внимания этого инспектора.

В сущности, он ведь только смотрел, ничего больше.

Но я чувствовал, что смотрит знаток, обладающий большим опытом, знаниями, сознающий в полной мере ответственность за то, что пройдет через его „фильтр“, будет им одобрено или отвергнуто.

Пояснений от меня он не требовал никаких. Оценивал каждое сооружение самостоятельно. И не проронил ни слова о качестве и целесообразности общей идеи обороны узла и участка.

В том, как он вел осмотр, была также своя особенность. Он не гнушался принимать на себя роль будущего солдата или офицера в боевой обстановке. Порой делал какие-то отметки и поправки на своей карте и шел, упорно шел от одного сооружения к другому, ничего не пропуская на своем пути.

Так мы прошли большую часть моего участка обороны. На одном холме остановились передохнуть. С холма были видны многие заграждения моего и даже соседнего участка слева.

Мы находились на командном наблюдательном пункте.

Дмитрий Михайлович сел на траву, пригласил меня располагаться поудобнее рядышком и откровенно признался:

— Немного устал. Посидим и поговорим…

Я не знал, как и с чего начать разговор, молчал и боялся нарушить молчание.

Между тем Дмитрий Михайлович развернул на земле карты и стал их рассматривать. Видимо, он проверял схему нанесенных сооружений, ибо что-то на ней обводил карандашом.

— Ваш участок обороны оригинален, — начал он с неожиданной для меня похвалы. — Вы отступили от схемы оборонительного участка, предложенного саперным батальоном, конечно, не в ущерб плану обороны. Но у вас другая идея! Кто дал вам право изменить предложенную схему? Вы согласовали ее с кем-нибудь? Утвердили? Почему решились проявить своеволие и вносите многое, что не предусмотрено проектом?

Град вопросов посыпался на меня, я не знал, где найти от них укрытие.

Что я мог ответить ему, человеку, который все видел, осмотрел и еще не объявил мне своего авторитетного суда?..

— Прапорщик Головин! — настаивал Дмитрий Михайлович. — Отвечайте, защищайте свою идею, свою работу, свой труд. Откуда появилось у вас такое решение? Говорите! Работа выполнена хорошо. Идея решения на данном участке правильна. Мне очень нравится своей новизной и оригинальностью. Но что же вы молчите? Или вы непричастны ко всему сделанному?

Я очнулся как от какого-то оцепенения. Подробно рассказал, как вел работы. Идею я не выбирал, она заложена в самом слове „оборона“. Сама местность использована так, чтобы противник не смог сломить обороняющихся. Здесь неприятель должен быть измотан, обессилен и уничтожен. А для этого надо использовать все средства — и огневые, и приспособленную к обороне местность, укрепленную всеми видами фортификационных сооружений.

— А с кем все согласовано? — переспросил Дмитрий Михайлович.

— Ни с кем! Да и с кем я мог согласовать, когда местность показывала и требовала этого без совета со стороны. По-моему, каждый должен делать так, как подсказывает обстановка, нужно только понять, что эта оборона служит исходной позицией для

наступления на противника.

— А где вы учились?

— Учился я в школе прапорщиков в Усть-Ижоре. Служил до школы рядовым сапером в третьем саперном батальоне. Я из крестьян. Образование среднее. В школу прапорщиков направлен за боевые заслуги, награжден Георгиевскими крестами. Вот и все, господин подполковник.

Всей беседы не припомню. Знаю только, что Дмитрий Михайлович о себе ничего не говорил. Больше толковал об инженерных сооружениях на фронте и в тылу и о том, что мало мы занимаемся инженерными сооружениями и порой недооцениваем их. Говорил резко и откровенно о фронте и нашем тыле.

— Вот вы посмотрите теперь на свой участок и соседний, который виден даже отсюда. Ваш незаметен и только заграждения местами демаскируются, а там все как на ладони. Это плохо.

Когда Д. М. Карбышев узнал, что мы сидим на наблюдательном пункте, удивился. Осмотрев КП, сказал:

— Стоит заняться вашей идеей оборонительных узлов сопротивления. Приглашу из штаба фронта представителей командования пехоты и артиллерии, пусть посмотрят и дадут свои заключения. Я помогу им понять вашу идею, и мы придем к окончательному выводу.

От короткого общения с Дмитрием Михайловичем я остался в восторге. Обласканный его вниманием, я почувствовал уверенность в себе, он переродил меня, перевернул все мои представления о службе, жизни. Больше я Дмитрия Михайловича не видел и не встречал, но всегда и везде искал с ним встречи…»

Мы почти полностью привели письмо полковника в отставке Андрея Васильевича Головина, присланное недавно из Свердловска в адрес старшей дочери Д. М. Карбышева. Оно начинается словами, которые нельзя опустить: «Пишет вам, дорогая Елена Дмитриевна, совершенно незнакомый Вам человек, выведенный в люди вашим отцом…»

Служебные дела заставляли Карбышева частенько бывать в Таганче, Поташне и других селах района. Однажды в Шендеровке он встретил красивую девушку, сестру прапорщика Опацкого. Она приехала к брату с твердым намерением с его помощью стать сестрой милосердия. Это была Лидия Васильевна. Они познакомились с Дмитрием Михайловичем и вскоре поженились.

Лидия Васильевна так вспоминает свой первый фронтовой год, проведенный вместе с мужем:

«Дмитрий Михайлович очень много работал на фронте.

Целыми днями пропадал на позиции. Он был требователен к своим подчиненным и в особенности к себе. Помню, еще в 1916 году, на войне, когда мы переезжали на новую позицию, бывало так: стоит разбитый дом, а рядом хороший. Дмитрий Михайлович саперов помещает в лучший, а себе берет похуже. Саперы его очень любили, несмотря на то, что он был строг и взыскателен. Когда переезжали на новое место, он сам вовремя не поест, не ляжет спать, пока не посмотрит, как устроились и улеглись его солдаты, поели ли, все ли у них в порядке. Только тогда он успокаивался и, придя домой, говорил: „Теперь, мать, давай есть. Мои дети (так он называл солдат) поели и спят. Теперь я могу сам спокойно отдохнуть“».

Весной 1916 года строительство оборонительного рубежа подошло к концу. Вся Шендеровка провожала саперов в дальнюю дорогу. Подполковнику Карбышеву в знак глубокого к нему уважения крестьяне преподнесли большой букет цветов.

И. И. Ростунов в написанной им биографии генерала Брусилова отмечает, что в ту весну командующий Юго-Западным фронтом подготовил новое наступление. Атаку намечалось произвести всем фронтом в междуречье Стыри и Прута.

Главный удар должна была нанести 8-я армия. Впоследствии это наступление вошло в историю первой мировой войны как классический образец умелого прорыва мощных неприятельских укреплений под названием Брусиловского прорыва.

Большое значение в нем имело инженерное обеспечение, за которое отвечал генерал Величко. По его указанию создавались инженерные плацдармы. Они позволяли скрытно подвести войска возможно ближе к передовым линиям противника. Каждый такой плацдарм состоял из 6–8 параллельных траншей, расположенных на расстоянии 70-100 метров одна от другой. Траншеи соединялись ходами сообщения. На участках атаки русские настолько приблизили свои окопы к австрийским позициям, что отстояли от них всего на 200–300 шагов.

Ближайшим помощником Величко снова стал Дмитрий Михайлович, назначенный старшим производителем работ управления начальника инженеров 8-й армии. Ученик возводил первые инженерные наступательные плацдармы своего учителя на важнейших участках атаки: Олыко — Дубно, в районе Луцка, по реке Стоход и в районе Садово — Пустомыть — Новоселки.

«…На рассвете 22 мая, — пишет И. И. Ростунов, — мощная артиллерийская канонада возвестила начало наступления Юго-Западного фронта. Огонь русской артиллерии был исключительно эффективным… В проволочных заграждениях противника были проделаны проходы, а окопы первой и частично второй линии

оказались разрушенными. Наибольший успех был достигнут на направлении действия 8-й армии. Корпуса ее ударной группировки к исходу 23 мая прорвали первую полосу обороны противника. В течение следующих двух дней они вели преследование. 25 мая 15-я дивизия 8-го корпуса захватила Луцк».

Австрийцы в панике бежали.

Удача на Юго-Западном фронте была скоротечной, ею не воспользовались соседние фронты, да и части, осуществившие прорыв, не могли развить свой успех. Они устали воевать, пополнения не прибывали, снабжение боеприпасами и всем остальным все ухудшалось.

Карбышева не радовали ни награды, ни повышение в чине, ни временные успехи. Какая всему этому цена, если поражение неминуемо. И он хотел поражения, потому что знал: оно, как в русско-японскую войну, переполнит чашу народного гнева и на этот раз непременно приведет к падению самодержавия. В этом он был полностью солидарен с большевиками. В 8-й армии были представители разных политических течений, разных партий, но никто среди солдат — это ясно видел Дмитрий Михайлович — не пользовался таким доверием, как большевики. Почему же им верят? На их стороне правда!

Когда он так рассуждал на досуге, перед ним словно наяву появлялся старший брат Владимир. Вспоминался Омский острог, куда мать носила передачи, гонения на семью из-за того, что она была «неблагонадежной». Чего хотел брат? Чего добивался? Где он сейчас?

Дмитрию Михайловичу очень хотелось получить от брата весточку, узнать, что он снова в подполье, большевик, сторонник Ленина.

Окопники называли часто имя Ленина, оно печаталось на листовках, у одних встречало сочувствие, восхищение, у других — неприязнь и ненависть, но не было по отношению к нему равнодушных.

Долго ждать подтверждения тому, что большевики точны в своих прогнозах, не пришлось. 8-я армия попятилась назад (в который раз!) и с трудом «зацепилась» за линию обороны в районе Хотин — Новоселицы на границе Галиции с Румынией.

Унылое фронтовое затишье внезапно всполошила весть о Февральской революции. Окопники встретили ее с ликованием. Срывая со штандартов царские орлы, тешили себя надеждой на быстрые и радикальные перемены, а больше всего на заключение мира.

Но время шло, а солдаты продолжали окопную жизнь.

Реакционное офицерство прикололо красные банты, но отношение к рядовым ничуть не изменило.

Желанные перемены на фронте и в тылу все не наступали. Разве только господ стали величать гражданами, а вместо «Боже, царя храни» запели «Марсельезу».

Не этого хотели окопники.

— Если Временное правительство не покончит с войной, мы сами справимся.

— Проголосуем против нее штыками и ногами. Штыками — в землю, ногами — в тыл, по домам!

Участились случаи отказа солдат устраивать новые позиции. И те, что имеются, говорили они, пора зарыть, у панов землицу отобрать, посеять на ней хлеб.

В частях большевики усилили агитацию. Теперь они не таились, действовали в открытую — обнажали сущность империалистической войны, давали резкий отпор оборонцам-меньшевикам, эсерам, кадетам.

Дисциплина и боеспособность 8-й армии заметно падали. Ухудшилось отношение солдат к офицерам, особенно к тем, которые уговаривали фронтовиков воевать «до победного конца».

Вот как раз таким офицерам показалось весьма странным, непостижимым, что подполковник Карбышев непозволительно сблизился с солдатами, особенно с членом армейского комитета большевиком М. И. Секачевым.

Пожалуй, дошло бы снова до офицерского суда. Но положение в армии сложилось иное, чем тогда, в девятьсот пятом, на Дальнем Востоке. Здесь Дмитрий Михайлович и среди офицеров был не одинок. Солдаты любили своего командира и в обиду бы не дали. Были даже случаи, когда по требованию солдат командованию приходилось вовсе убирать или переводить в другие части слишком рьяных офицеров — поборников войны и муштры.

Секачев вел короткий дневник событий. Вот строки из него:

«17 мая 1917 года мы обнародовали письмо следующего содержания: „Протестуем против дальнейшего ведения войны и присоединяемся к тому мнению, чтобы были немедленно начаты мирные переговоры через представителей международного пролетариата… В войсках на передовой линии с каждым днем крепнет убеждение, что война народу не нужна, что нужно немедленное заключение мира, в противном случае придется окопным жителям самим заключить мир“».

Командование Юго-Западного фронта нашло «иммунитет» от «большевистской заразы»: был отдан приказ о наступлении. Но преступная авантюра с треском провалилась и стоила многих

жизней. Немецкие и австрийские аэропланы на бреющем полете безнаказанно бомбили русские войска.

В августе 1917 года вспыхнул корниловский мятеж. Карбышев, представитель передового офицерства, резко осудил зачинщиков мятежа. Части 8-й армии одна за другой выражали готовность двинуться против корниловцев.

По инициативе большевиков солдатские митинги и собрания выносили резолюции с требованием предать суду как самого Корнилова, так и его пособников.

Дмитрий Михайлович, пренебрегая угрозами вышестоящих начальников, одним из первых голосовал за большевистские резолюции.

В гражданскую, с Фрунзе

Великий Октябрь застал Карбышева на Юго-Западном фронте, в 8-й армии, на границе с Румынией. Без колебаний перешел он на сторону революционного народа и без сожаления расстался с царскими погонами, чинами и регалиями. Снял с парадного мундира все боевые ордена. Да и мундир, признаться, он давно недолюбливал, зная, что народ привык видеть в таких мундирах царских прислужников и сатрапов — тех, кто больше воевал с забастовщиками, чем с иноземным войском.

8-я армия еще до залпов «Авроры» была настроена по-большевистски и в феврале поддерживала не «учредилку» и не министров-капиталистов, а лозунг «Вся власть Советам!».

Но лучше всего предоставить слово самому Дмитрию Михайловичу. Вот что он писал в автобиографии:

«Почти всю первую мировую империалистическую войну мне пришлось работать в составе 8-й армии. Во вторую половину войны этой армией командовали такие зубры контрреволюции, как генералы Каледин и Корнилов. После Февральской революции, в июле 1917 г., армия была брошена Керенским в наступление под Станиславом, но вследствие прорыва русского фронта немцами под Тарнополем вынуждена была отступить.

Все это не преминуло сказаться на настроении солдатской массы, и 8-я армия быстро большевизировалась.

Осенью 1917 г. подходил срок выборов в Учредительное собрание, и в районе 16-го и 33-го корпусов, занимавших участок фронта между Днестром и Прутом, на всех перекрестках были вывешены обращения к солдатам: „Голосуйте за большевиков!“.

Как только в Москве и Петрограде вспыхнула Великая Октябрьская социалистическая революция, в 8-й армии царское командование было сметено и армию возглавил Военно-революционный комитет. Одновременно на фронте началось братание с противником и стихийный уход солдат с фронта».

В марте 1917 года на Украине возникла контрреволюционная Центральная рада. Она предъявляла «претензии» к местным и армейским органам Советской власти, устраивала погромы, собирала вокруг себя всякое отребье и демагогически ратовала за «вільность» украинцев.

«Генеральный войсковой секретарь» Петлюра рассылал телеграммы во все войсковые части о том, что Юго-Западный и Румынский фронты объявлены украинскими и поэтому войска этих фронтов должны повиноваться только ему — «голове» Центральной рады.

Военно-революционный комитет призвал личный состав 8-й армии не подчиняться Центральной раде, исполнять только волю рабоче-крестьянского правительства, во главе которого стоял Ленин.

Однако командующий Румынским фронтом белогвардейский генерал Щербачев, в подчинении которого было несколько армий и русские войсковые части, расположенные в Румынии, поддерживал Центральную раду. Не менее рьяно он продолжал проводить политику свергнутого Временного правительства, жаждал продолжения империалистической войны «до победного конца».

Временное перемирие с Германией он счел ошибкой. Тайно сговорился с реакционной кликой румынской военщины, с королем Фердинандом Гогенцоллерном и его союзницей — Центральной радой, вместе с ними старался сорвать мирные переговоры воюющих сторон в Бресте.

Старания Щербачева поддержал и генерал Каледин, поднявший контрреволюционный мятеж на Дону.

В армии появились «комиссары» рады. Посулами, угрозами, клеветой они разлагали солдат. Выборные солдатские организации — фронтовые и армейские комитеты, признавшие Советскую власть еще в первые дни Октября, — были разогнаны. Много солдат арестовано и брошено в тюрьмы, самые деятельные комитетчики-большевики расстреляны.

Ухудшалось положение русских войск на Румынском и Юго-Западном фронтах. Продовольственные грузы, посылаемые Советским правительством из России на фронт для снабжения наших армий, перехватывались Центральной радой, а солдаты голодали. Выдача скудного солдатского жалованья прекратилась.

На митингах и собраниях солдаты требовали от армейских комитетов взять всю власть на фронте в свои руки, арестовать генерала Щербачева.

В эти бурные дни фронтовая газета «Воин-гражданин» призывала: «Товарищи солдаты! Создавайте боевые комиссии по полкам, дивизиям, корпусам. Выбирайте опытных боевых руководителей, устанавливайте связь между частями и в полном боевом порядке выходите из пределов Румынии.

С оружием в руках — в Россию!»

Во всех частях армии, в которой служил Д. М. Карбышев, митинги и собрания солдат обсуждали обращение газеты, вопросы о мире и земле.

Из письма писателя В. Г. Коновалова Елене Дмитриевне Карбышевой: «Лет 6–7 тому назад я собирал материалы о члене

партии с 1905 года, пламенном пропагандисте из солдат Капралове (убит из-за угла в Одессе в феврале 1918 года). Тогда в моей записной книжке была сделана такая запись: „Капралов, который две недели разъезжал по Румынскому фронту, встретил на фронте одного старого царского офицера. Об этом офицере Капралов сообщил в Румчерод: Карбышев — царский офицер, беспартийный, но то, что он делает на фронте для нас, под силу десяти большевикам“.

Октябрь, его идеи захватили Карбышева. Он все время находился среди солдат, знал и разделял все их думы и стремления. За несколько дней до нового, 1918 года, по случаю его встречи и в связи с призывом „Воина-гражданина“ во многих частях 6-й и 8-й армий состоялись собрания солдат. Инженерная рота Сибирской дивизии не составляла исключения. Председателем собрания был избран Карбышев.

На повестке — доклад большевика Пономарева, вернувшегося с фронтового съезда, где обсуждались вопросы текущего момента.

После жарких выступлений 215 саперов единодушно приняли резолюцию:

„1. Приветствуем Советскую власть и поддерживаем ее всеми имеющимися у нас средствами.

2. Приветствуем фронтовой Исполнительный комитет левых фракций и требуем взять всю власть в свои руки на Румынском фронте.

3. Клеймим изменников революции, особенно сейчас, когда в России идет гражданская война и может быть сорвано дело мира, который так долго ожидается нами.

4. Требуем от фронтового Исполнительного комитета немедленно отдать приказ об аресте генерала Щербачева, командующего армией, как контрреволюционного элемента, отказавшегося подчиниться Советской власти.

5. Требуем немедленно вывести все русские войска с Румынского фронта со всем имеющимся при них оружием.

6. Требуем демобилизации солдат и увольнения их с оружием в руках.

7. Требуем от фронтового Исполнительного комитета отменить всякое насильственное выделение национальных боевых единиц.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует земля и воля!

Да здравствует Мир!

Да здравствует социализм!

Председатель ротного собрания Карбышев.

Секретарь Барухов“».

Эту резолюцию напечатала газета армейского комитета «Воин-гражданин» в № 5 от 6 января 1918 года.

В ответ генерал Щербачев немедленно отдал приказ разгромить обе — 6-ю и 8-ю — «взбунтовавшиеся» армии. Он двинул карательные отряды на Могилев-Подольский, где находился Военно-революционный комитет и полевой штаб 8-й армии.

О дальнейших событиях рассказал сам Д. М. Карбышев в автобиографии:

«Командующий Румынским фронтом генерал Щербачев организовал карательные отряды против революционных частей. Появился новый фронт — гражданской войны. В связи с этим в конце 1917 г. я был вызван Революционным советом 8-й армии с фронта в Могилев-Подольский, где находился штаб армии. В Могилеве-Подольском мне было поручено устройство укреплений вокруг города против наступавших частей генерала Щербачева и приведение в оборонительное состояние мостов через Днестр. В этот период было „выборное начало“, и моя кандидатура была выдвинута на должность начальника инженеров 8-й Революционной армии. Но события развивались быстро, и вскоре против наступающих карательных частей были сформированы красногвардейские отряды, возглавлявшиеся особым полевым штабом. Я был назначен отрядным инженером в одну из красногвардейских частей.

Предателем Советской страны Троцким были сорваны Брестские переговоры, в связи с чем германская армия перешла в наступление. Против немцев создавались новые отряды Щорса и других героев гражданской войны. Штаб 8-й Революционной армии должен был отойти, в частности, управление начальника инженеров армии отходило на Умань. Этому воспротивилась Украинская рада. После переговоров штаб армии и управление начальника инженеров армии были отправлены через Украину в Воронеж для ликвидации дел и расформирования».

В 1918 году началось создание Красной Армии. Карбышев вступил в нее в первые дни ее зарождения. Офицера, перешедшего на службу народу, вызвали в Москву, в Коллегию по обороне страны при Главном военно-инженерном управлении, председателем которого был генерал К. И. Величко. Коллегия была образована по указанию В. И. Ленина. Ей поручили составление плана инженерной подготовки обороны границ молодой Советской Республики.

В мае 1918 года Карбышева командировали в Тулу, оттуда — на границу с Украиной, оккупированной Германией, для проверки инженерных работ в пограничных отрядах и завесах —

так назывались тогда войска прикрытия границ Советской Республики по всей демаркационной линии.

Когда Красная Армия двинулась против немецких оккупантов на Дону, Карбышева назначили заведовать отделом вновь сформированного Инженерного управления Северо-Кавказского военного округа с местопребыванием в городе Кизляре.

По дороге в Кизляр состав Инженерного управления задержали в Царицыне: тут с минуты на минуту ждали наступления белогвардейского генерала Краснова, и Дмитрию Михайловичу поручили руководить инженерными работами по укреплению города. Он делал это с саперами в условиях почти непрерывных боев. Возведенные им укрепления обеспечивали бойцов надежными укрытиями на различных участках фронта. Саперы успели на каждом рубеже отрыть несколько линий окопов нормального профиля и установили на переднем крае проволочные заграждения. Карбышев успевал, пренебрегая опасностью, подстерегавшей его на каждом шагу, бывать повсюду, где под его руководством велись фортификационные работы.

Белогвардейцев изгнали с Поволжья. Дмитрий Михайлович занялся выполнением неотложного задания советского командования — укреплением Симбирска.

Начало ноября 19,18 года. Изменилась обстановка на Восточном фронте, и Карбышева перебросили укреплять рубежи по берегу Волги. Они должны быть в полной боевой готовности. И Дмитрий Михайлович провел рекогносцировку берегов великой русской реки на протяжении 500 километров от местечка Тетюши до Сызрани.

В декабре автора этой книги, тогда молодого коммуниста, сормовича, добровольца Красной Армии, вызвали из Нижнего Новгорода в штаб Восточного фронта, в Арзамас.

…По телеграмме члена Реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусева я явился к нему в штаб. Гусев принял меня в кабинете командующего фронтом С. С. Каменева.

— Сергей Сергеевич, — обратился Гусев к командующему, — нашего полку прибыло, познакомься! Это товарищ Решин, о котором я тебе говорил. Он будет военным комиссаром шестого военно-полевого строительства. — И, обращаясь ко мне, Сергей Иванович продолжил: — Начальником туда назначен талантливый и энергичный военный инженер Карбышев, переведенный к нам из Симбирска, где он строил укрепленный район.

В штабе фронта меня ознакомил с предстоящими работами начальник инженеров Г. П. Вискунов.

— Волжский рубеж у Самары, — подчеркнул он, — признан

наиболее важным участком. Вот почему и решено назначить сюда опытного фортификатора Карбышева.

Григорий Павлович достал из несгораемого шкафа синюю папку и, передавая ее мне, посоветовал:

— Вот почитайте, составлено Карбышевым.

На папке я прочитал: «Пояснительная записка по рекогносцировке берегов реки Волги от Тетюши (Казанской губ.) до Сызрани (Симбирской губ.) в оборонительном отношении».

Через несколько дней рано утром в номере гостиницы, где я остановился, раздался телефонный звонок. Карбышев извинился, что беспокоит меня в столь ранний час, и предложил повидаться с ним в штабе фронта.

В штабе меня встретил невысокого роста человек, с худощавым, чисто выбритым, чуть тронутым оспинами смуглым лицом. Он был в длинной шинели и в черных валенках. Запомнилась надетая немного набекрень серая каракулевая офицерская папаха с красноармейской звездочкой. В руках он держал объемистый, туго набитый портфель. Через плечо на ремне висела походная кожаная сумка.

Карбышев держал себя удивительно просто.

Я сказал ему, что заинтересовался проектом Волжского оборонительного рубежа.

— А вы слыхали что-нибудь о военном инженере Величко? — спросил меня Карбышев.

— Нет, не знаю такого. Ведь я сугубо штатский человек, на военной службе в Красной Армии всего лишь около полугода, а с военно-инженерными работами впервые столкнулся месяца четыре назад — при укреплении Нижнего Новгорода.

— Применение полевой фортификации в укреплениях кругового начертания для обороны крупных городов наряду с тыловыми оборонительными рубежами — это идеи Константина Ивановича Величко, разработанные в Коллегии по инженерной обороне страны, — сказал Карбышев. Затем он достал из полевой сумки карту Самарской и Симбирской губерний с нанесенными на нее проектируемыми позициями, развернул ее на столе.

— О том, как подготовить рубеж Волги к обороне, — доверительно сообщил Дмитрий Михайлович, — в штабе Восточного фронта было очень много разговоров и толков. Когда белочехи и белогвардейцы двинулись по этой реке и стали захватывать город за городом, штаб нашего фронта только организовался.

— А достаточно ли было красноармейских частей для отпора?

Увы, силы Красной Армии были здесь малы и слабы.

Нуждаясь в подкреплениях, штаб обращался за помощью в центр. Но резервов не было. Главное командование неизменно рекомендовало проявлять стойкость и предписывало превратить ряд наиболее важных городов Поволжья в укрепленные районы, в неприступные крепости.

— Но крепость нуждается в артиллерии…

— Да, нам пообещали прислать орудия различных систем и калибров, включая крепостные. Мы не раз обсуждали у начальника инженеров Вискунова, с чего начать, что делать. В конце концов пришли к единодушному заключению, что задание Главного командования непосильно фронту.

— Какой же выход?

— Нашли выход. Решили создать полевые укрепленные районы, ничего общего не имеющие с крепостями.

И Дмитрий Михайлович, ведя карандашом по карте, подробно ознакомил меня со схемой обороны, которую он разработал.

— Главная задача, — заключил он, — успеть к весне будущего года так укрепить Волгу, чтобы она стала недоступным рубежом для врагов.

Вскоре мне стали известны некоторые примечательные подробности о том, как провел Карбышев в ноябре (т. е. за месяц до моего приезда) рекогносцировку волжских берегов. Столь огромную по масштабу работу Дмитрий Михайлович выполнил в необычайно короткий срок — всего за 8 дней. Он глубоко понимал полевую фортификацию и умел превосходно сочетать ее с тактикой и оперативным искусством войск. В его проекте было указано расположение всех батарей, их желательный калибр и точные места расположения, сделаны панорамные виды на важнейшие укрепления — как с неприятельского берега, так и с наших укреплений на неприятельский берег, написана обстоятельная объяснительная записка и даже краткая смета на производство работ…

Командующий Восточным фронтом С. С. Каменев специальным приказом выразил Д. М. Карбышеву благодарность и назвал проект образцом для подобного рода рекогносцировок. Размноженные карбышевские материалы были разосланы войскам, а позже, в 1922 году, Главное военно-инженерное управление издало их отдельной брошюрой.

Но вернемся к боевому восемнадцатому. Отборные войска Колчака перешли в наступление на Восточном фронте. Белогвардейцам удалось прорвать нашу линию обороны и занять Пермь. Колчак продолжал двигаться на запад.

Дмитрий Михайлович, конечно, учитывал, что через

Самарскую луку лежит кратчайший водный путь к Москве, весьма важный в экономическом отношении. Захват противником любого пункта в этом районе неизбежно привел бы к нарушению судоходства по Волге, оборвалась бы доставка хлеба и нефти в центральные области.

Для обороны района Самарской луки и укрепления подступов к Самаре Карбышев создал «веер» позиций на Самарском, Красноярском и Томиловском участках. Он предусмотрел возможный прорыв колчаковцев к стратегически важному железнодорожному узлу Кинель и прикрыл его легкой позицией, а фланги — уступами, в которых были образованы плацдармы в виде более солидных Батракской, Ставропольской и Усинской позиций, связанных между собой.

Сызранский железнодорожный мост через Волгу получил боевой заслон в виде мощного укрепления, так называемого двойного тет-де-пона, расположенного у станций Обшаровка и Батраки. Таким образом, головные части моста были прикрыты от внезапного нападения противника с севера и юга.

«Веер» позиций, предложенный Карбышевым, давал возможность не только обороняться, но и активно действовать нашим войскам на левом берегу Волги. При необходимости можно было быстро навести плашкоутный мост у Ставрополя, в случае захвата противником части луки Волги — отойти на запасную позицию к востоку от линии Ставрополь — Сызрань. Эта позиция походила на своеобразный замок — он запирал Самарскую луку.

В конце декабря 1918 года Карбышев приехал в Самару и приступил к формированию Управления и линейного аппарата 6-го военно-полевого строительства Восточного фронта, которому поручили возвести Волжский оборонительный рубеж в районе Самарской луки. С первых же дней возникли большие препятствия. Фронт позиционных работ растянулся более чем на 200 километров. Предстояло вынуть и переместить горы земли, построить укрепления, много бараков и землянок для вольнонаемных, рабочих и саперных частей. Строительных землеройных механизмов тогда почти не было, а на фронте они и подавно отсутствовали.

Дмитрий Михайлович подсчитал: необходимо ежедневно до 30 тысяч рабочих и 3 тысячи конных подвод — иначе не выполнить задание в срок. Местные крестьяне не хотели работать за деньги. Они требовали сахар, табак, керосин, спички, мануфактуру, гвозди, железо, подковы, деготь — словом, все, в чем нуждались тогда в селах. Но ничего этого не было у строительства. Не видя иного выхода, Карбышев временно

превратил в зарплату интендантские пайки. Но даже на строительстве тет-де-пона у Сызранского моста вместо 1500 работало лишь 100 строителей, хотя позиция создавалась в густо населенном районе, около крупных сел — Жигулей, Обшаровки, Батраков, Нижнепечорского.

Объявленная Самарским губвоенкомом трудовая повинность без натуральной оплаты не имела успеха. Враждебные кулацкие элементы грозили расправой тем, кто согласится помогать Советам.

На переброску армейских частей требовалось значительное количество крестьянских подвод. Стройка, в свою очередь, также нуждалась и в гужевом транспорте. А тут еще приближалась пахота, и крестьян отрывать от весенней полевой страды стало просто невозможно.

Тогда Д. М. Карбышев предложил командованию армии формировать в глубоком тылу на общих основаниях с красноармейскими частями рабочие дружины. Самарский губвоенком получил на это соответствующее распоряжение, но приступить к формированию дружин медлил. А время не ждало. Карбышев с разрешения начальника инженеров Восточного фронта взялся самостоятельно формировать рабочие дружины.

С транспортом дело обстояло еще хуже. Вместо необходимых 3000 подвод имелось 150. Дмитрий Михайлович поручил своим помощникам закупать лошадей, обозное имущество, снаряжение, заготовлять фураж. Обуза для фортификаторов, безусловно, большая и непривычная, но другого выхода не было. Задание Ленина превратить Волгу в неприступную крепость Карбышев считал для себя боевым приказом. И выполнял его, как подобает советскому командиру, — непреклонно, решительно.

В декабре 1918 года командующим 4-й армией Восточного фронта был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Его кипучая энергия проявлялась во всем. 6-е военно-полевое строительство сразу же ощутило заботу и внимание командарма. К концу февраля Фрунзе заслушал доклад Дмитрия Михайловича в присутствии председателя Самарского губисполкома Валериана Владимировича Куйбышева, помощника командующего Ф. Ф. Новицкого, начальника штаба В. С. Лазаревича, комиссара штаба П. И. Баранова, начальника разведки М. О. Полетаева.

Открывая совещание, Фрунзе сказал:

— Предлагаю заслушать доклад начальника шестого военно-полевого строительства военного инженера Карбышева о состоянии оборонительных работ по укреплению Волжского рубежа.

Куйбышев добавил:

— И содоклад военного комиссара товарища Решина.

Михаил Васильевич согласно кивнул головой.

Дмитрий Михайлович раскрыл суть основных положений проекта. К весне должна быть создана система укреплений, которая превратит Волгу в неприступный для противника рубеж. Общий тип позиций активного характера — оборонительные узлы на важнейших направлениях с более слабыми промежуточными узлами из трех линий окопов. Блиндажи на весь гарнизон — тяжелые, каждый на 20–25 бойцов. Сеть пулеметных и пушечных капониров.

Карбышев отметил, что наиболее опасным в оперативном отношении является среднее течение реки — отсюда открывается кратчайший путь к центру республики. Важны и железнодорожные мосты через Волгу и у станций Батраки и Симбирск — эти пункты должны быть защищены возможно лучше и соответственно оборудованы. В Ставрополе, удобном для активных действий на симбирском направлении, он наметил постройку переправы с прикрытием ее от огня артиллерии легкой предмостной позицией. Что касается Самары, то сам по себе город не имеет особого стратегического значения. Однако он важен противнику для переправы на правый берег благодаря сильно выгнутой в сторону жигулевской излучины Волги. Здесь и железная дорога подходит вплотную к реке, и сам город с речным портом имеет достаточно материалов для наведения переправ.

Карбышев охарактеризовал укрепления на излучине Волги: Красноярское и Томиловское. Последнее, кстати, прикроет и Томиловский артиллерийский завод, и склады у железнодорожной станции. Для перехода на Обшаровскую предмостную позицию Карбышев наметил уступчатую Безенчукскую, а для прикрытия узловой станции Кинель — особую. Не были забыты Тетюши и Сенгилей (к ним подходит ряд больших дорог, облегчающих противнику действия на симбирском направлении), село Уварy, особенно уязвимое зимой.

— А каковы сроки? — спросил Фрунзе.

— К весне выполним скелет позиций, — ответил Дмитрий Михайлович, — окопы с проволочными заграждениями, фланкирующие тяжелые капониры и половину убежищ. Зимой займемся постройкой групп, прикрывающих железные дороги.

— А очередность? — поинтересовался командарм.

— В первую очередь построим позиции Батракскую, Самарскую, Кинельскую, во вторую — Томиловскую и Красноярскую, а в третью — Ставропольскую, и Усинскую.

Комиссар говорил о том, что очень мало коммунистов, Необходимо политическое воспитание красноармейцев и рабочих

в ходе стройки. Сказал он и о школах ликбеза, посетовал на нехватку учителей.

— Учителей везде не хватает, — заметил Куйбышев, — народ рвется к свету из темноты и невежества. Но для вас учителей подыщем, — добавил он, одобряя намерения комиссара превратить временную стройку в своеобразный ликбез. — И коммунистов дадим — наших, самарских, с заводов.

Фрунзе еще долго не отпускал Карбышева. Расспрашивал, какова готовность позиций, достаточно ли надежно то, что уже сооружено, попросил осветить подробнее оборудование Красноярской позиции — ведь она предназначалась для пресечения возможного наступления противника с востока, с Урала.

Михаил Васильевич подытожил:

— На Восточном фронте должен решиться исход борьбы нашего рабоче-крестьянского государства с одним из сильнейших его противников — армией Колчака. В деталях мы не знаем планов и замыслов врага, но одно должно быть ясно: путь объединения армий Колчака и Деникина для их совместного похода на Москву лежит через Волгу. Борьба за этот важный водный рубеж начнется неминуемо. Поэтому проект превращения Волги в неприступный оборонительный рубеж — очень большое и важное дело, требующее серьезного внимания. И хотя у четвертой армии главная задача сейчас — ликвидация Уральского белоказачьего фронта, мы обязаны помочь шестому военно-полевому строительству в скорейшем осуществлении этого проекта.

После совещания Карбышев уже по-товарищески разговорился с Куйбышевым. Оказывается, они многое знают друг о друге, да и как не знать — оба питомцы Сибирского кадетского корпуса. Валериан Владимирович поступил в корпус в том году, когда Дмитрий Михайлович окончил его, и еще была свежа в стенах этого военно-учебного заведения добрая молва о блестящих способностях кадета Карбышева-младшего, как называли там Дмитрия. Знал Куйбышев и о том, что старший брат военного инженера был революционером. Жив ли? Где он? Дмитрий Михайлович с горечью ответил, что Владимир умер вскоре после Октябрьской революции. Но больше всего Дмитрий Михайлович (как потом он признался комиссару) боялся, что Валериан Владимирович спросит, давно ли он в партии. Что ответить? Давно с партией! А почему не в ее рядах?.. И тут бы он скорее всего растерялся, не нашел бы убедительных слов… Но Куйбышев об этом не спрашивал.

Вскоре после этого совещания приказом М. В. Фрунзе 6-е

военно-полевое строительство подчинили Южной группе Восточного фронта. Благодаря помощи Михаила Васильевича, а также Самарского губисполкома строительство закипело по всему фронту в полном объеме.

Д. М. Карбышев очень тщательно подбирал кадры строителей, он стремился к тому, чтобы это были люди с боевым и техническим опытом, приобретенным в первой мировой войне, и в то же время смело выдвигал на ответственные участки молодых военных инженеров, техников и саперных командиров.

Самый важный отдел управления — позиционно-технический — Дмитрий Михайлович доверил Александру Леонидовичу Каллистову, одаренному саперному офицеру, участнику первой мировой войны. Артиллерийской группой в этом же отделе руководил младший брат Александра Леонидовича Лев Каллистов, энергичный командир, испытанный в боях артиллерист. Своим помощником по общим вопросам Карбышев назначил молодого саперного офицера Дятлова. Среди производителей работ также было много молодых инженеров и саперных офицеров. Особенно выделялся Маврикий Тимофеевич Степнев. Он окончил в 1919 году ускоренные курсы прорабов Военно-инженерной академии и сразу, с учебной скамьи, был направлен на Восточный фронт в распоряжение Карбышева. Дмитрий Михайлович доверил ему важный отдел старшего производителя работ, где прославившийся впоследствии при спасении челюскинцев Герой Советского Союза прошел первую армейскую закалку.

Столь же энергичным и исполнительным старшим прорабом Красноярского отдела показал себя участник первой мировой войны саперный офицер Филипп Николаевич Кащеев. Его организаторские способности Карбышев ценил высоко. Отделом снабжения руководил молодой интендант Соломон Афанасьевич Коган.

Комиссар запомнил, как происходило назначение начальника одного из основных отделов строительства — рабочего отдела. Карбышев перебрал немало кандидатур. Наконец твердо остановился на Иване Сергеевиче Семенове, старом большевике, подпольщике ленинской закалки, слесаре Самарского трубочного завода.

— Такому рабочему по плечу и под стать руководить рабочим отделом, — довольный своим выбором, воскликнул Дмитрий Михайлович.

И впрямь этот отдел отвечал и за мобилизацию крестьян на так называемую трудовую и гужевую повинность. И за вербовку вольнонаемных рабочих, и за обеспечение их питанием. И за

медико-санитарное обслуживание, и правильную оплату работы всех строителей. Отдел Семенова должен был заботиться об охране труда, правильно расходовать премиальный фонд. Это имело чрезвычайно важное значение.

Во многом помогал строительству Самарский губком партии — в этом чувствовалась рука В. В. Куйбышева. По его указанию на оборонительные работы было направлено много коммунистов. Позже имена их стали с гордостью называть в советских инженерных частях: Семенов, Левин, Захаров, Вдовин, Сенцов, Цвиллинг, Блауберг, Шустов, Киселев. Среди них и старые подпольщики-большевики, рабочие-металлисты Самарского трубочного завода и впервые появившиеся тогда комиссары, которые вскоре стали своими людьми в рабочих батальонах, их вожаками.

Карбышев внимательно следил за сооружением всех укреплений и вместе с тем находил время для проектирования новых сооружений, составлял расчеты, писал наставления, памятки, инструкции.

Все написанное Дмитрием Михайловичем отличается особым, «карбышевским» стилем, понятным даже людям, не искушенным в военно-инженерном деле. Его памятки и наставления поражали всех не только ясным, конкретным изложением, но и глубоким охватом проблем.

Карбышев часто любил напоминать, что побеждает та сторона, у которой крепок моральный дух, которая знает, за что борется, технически сильна и может «угостить» противника новыми и неожиданными средствами поражения и способами борьбы как в наступлении, так и в обороне.

Карбышев хорошо помнил и учитывал уроки первой империалистической войны. В конце ее уже появились авиация, танки, зенитные орудия, применялась аэрофотосъемка. Допуская возможность использования таких же боевых и технических средств белогвардейцами и интервентами, Дмитрий Михайлович при проектировании и возведении оборонительных сооружений придавал большое значение фланкирующему огню и маскировке.

Он был сторонником дублированного и многостороннего фланкирования подступов к стрелковым окопам и опорным пунктам и требовал от производителей работ, чтобы разрывы между позициями различных участков могли хорошо обстреливаться и артиллерийским огнем. Карбышев обращал серьезное внимание на маскировку опорных и наблюдательных пунктов, ходов сообщения, огневых точек и артиллерийских позиций, широко применял различные переносные противопехотные препятствия — рогатки, пакеты и ежи из

колючей проволоки, щедро устанавливал их на дорогах и проходах в местах возможного появления противника.

Для отражения атак бронированных поездов и бронемашин противника в местах наиболее вероятного их появления и перед выходом на дефиле строили и тщательно маскировали полукапониры и капониры для «кинжального» огня орудий. На открытых подступах применяли ямы, фугасы и замаскированные канавы, а на лесных участках — засеки.

Карбышев ни в чем не признавал шаблона, застывших форм и учил любое задание выполнять творчески, с учетом реальной обстановки и уверенностью в победе.

— Не видать Колчаку Москвы, как ушей своих, — говаривал он, осматривая ту или иную позицию, — пусть попробует преодолеть наши укрепления.

Однажды Дмитрий Михайлович предложил Куйбышеву осмотреть укрепления Сызранского железнодорожного моста через Волгу и с волнением ждал, как оценит член Реввоенсовета его детище.

По проекту Карбышева инженерная оборона моста состояла из укрепления его головной части — уже упоминавшегося тет-де-пона. Назначение его — охранять и защищать мост как переправу через Волгу от нападения и захвата его противником. Одновременно тет-де-пон предусматривал также возможность — в случае изменения стратегической обстановки — перехода в наступление: тогда наши войска могли использовать тет-де-пон как готовый плацдарм. Поэтому укрепление сооружалось в виде круговой позиции, обеспечивавшей надежную защиту моста от нападения противника со всех сторон.

Южная часть тет-де-пона представляла мощную оборонительную полосу, оборудованную огневыми позициями для станковых пулеметов, прикрытых сильными заграждениями, тяжелыми блиндажами для укрытия гарнизона.

Для обороны моста — как объекта важного стратегического значения — были возведены и другие фортификационные сооружения и сравнительно простые установки для стрельбы из 76-миллиметровых орудий по воздушным целям, так называемые «станки Иванова» образца 1915 года.

В ближайшей к мосту зоне на обоих берегах Волги построили многоступенчатые стрелковые окопы с пулеметными гнездами. Замаскированные и открытые проволочные заграждения сделали в непосредственной близости от воды и на отмелях — вверх и вниз по течению Волги. На подъездах к мосту от линии железной дороги оборудовали тщательно замаскированные мощные капониры для «кинжального» огня из артиллерийских орудий.

Основные позиции возвели в отдалении от моста.

И вот — теплушка, в которой Карбышев вместе с комиссаром едет показывать В. В. Куйбышеву свое детище.

Доехали до станции Обшаровка, осмотрели позиции, и, переправившись на другую сторону Волги, в Батраки, направились пешком к укреплениям. Валериан Владимирович, не торопясь, обходил позиции, расспрашивал, почему укреплений сделаны именно там, а не в другом месте.

— А не смогут ли колчаковцы вплавь переправиться к мосту? — спросил Куйбышев, когда они подошли к берегу Волги.

— Нет, это совершенно исключается, они не смогут выбраться на берег: помешают проволочные заграждения — их ведь установили у самой воды, а местами и на отмелях, к тому же берег хорошо простреливается.

Куйбышев поинтересовался также, почему не сделаны укрепления у Сызрани. Карбышев объяснил, что отвесные берега у города сами по себе являются надежным препятствием для противника.

Наконец осмотр окончен, обхожено и осмотрено все — вплоть до окопов и блиндажей.

На обратном пути в Самару Дмитрий Михайлович спросил Куйбышева:

— Каков, Валериан Владимирович, наш орешек?

Куйбышев улыбнулся и ответил:

— Да, пожалуй, о такой орешек Колчак не только зубы поломает, но и скулы себе своротит.

В начале марта 1919 года в штабе 4-й армии, только что реорганизованной в Южную группу, в которую вошла также и Туркестанская армия, М. В, Фрунзе проводил совещание командиров и комиссаров дивизий и бригад. Обсуждался план контрнаступления против колчаковских войск.

Справа от Фрунзе сидели рядом два молодых командира, заметно отличавшиеся от остальных. Тот, кто казался постарше, был во френче защитного цвета, в синих шароварах и валенках, на поясе у него висел маузер, а на ремне через плечо — кавалерийская шашка. Он держал эфес шашки обеими руками и опирался на него подбородком. Второй военный был одет по-солдатски, очень скромно, в руках держал толстую потрепанную книжку и время от времени что-то записывал. Лица у обоих небритые, обветренные, усталые. Чувствовалось, что они приехали прямо с фронта.

На совещании был и Карбышев со своим комиссаром. Последний спросил Дмитрия Михайловича, не знает ли он, кто эти молодые люди, сидящие рядом с Фрунзе.

Карбышев удивился:

— Разве вы их не знаете? — И тут же добавил: — Тот, который постарше и держит шашку, — прославленный Василий Иванович Чапаев, гроза уральских белоказаков. А рядом военком — Дмитрий Андреевич Фурманов.

Во время перерыва Карбышев и автор этих строк вышли в вестибюль. Возле окна они увидели Чапаева и Фурманова, которые о чем-то очень оживленно разговаривали с Ф. Ф. Новицким и начальником военно-агентурной разведки 4-й армии М. О. Полетаевым.

Новицкий подозвал Карбышева и комиссара и, обращаясь к Чапаеву и Фурманову, сказал:

— Вот наши фортификаторы — начальник шестого военно-полевого строительства. Карбышев и военком Решин, познакомьтесь с ними — в трудную минуту они вас могут выручить!

Чапаев очень живо заинтересовался строительством оборонительных сооружений на Волжском рубеже и на других стратегических пунктах и стал подробно расспрашивать о них Дмитрия Михайловича. Потом со свойственной ему прямотой сказал, что в условиях гражданской войны и обстановке боя заранее подготовленные позиции не всегда могут быть использованы действующими войсковыми частями. Но в ряде случаев, при планомерном отступлении войск, такие позиции, в особенности кольцевые, могут оказаться полезными в активной обороне. Имея их, легче задержать натиск врага и можно даже принести большой ущерб наступающему противнику.

Карбышев, как всегда, с большим тактом и спокойствием убедительно стал доказывать Василию Ивановичу, какое огромное моральное и боевое практическое значение имеет на фронте своевременно и хорошо проведенная инженерная подготовка — она вселяет уверенность войскам.

Часто Дмитрий Михайлович Карбышев вместе с комиссаром проводил инспекторские осмотры. В сопровождении инженерно-технического персонала строительства и командиров инженерных частей они обходили позиции, тщательно осматривали окопы, пулеметные гнезда, полукапониры, капониры, блиндажи. От внимательного и острого глаза Карбышева не ускользала ни одна деталь. Он упрекал производителей работ, когда те формально подходили к выполнению задания, неэкономно расходовали материалы, не проявляли заботу о рабочих и красноармейцах.

Инспекторские осмотры позиций в напряженные дни подготовки контрнаступления Южной группы Восточного фронта нередко начинались ранним утром и затягивались до позднего

вечера. Отдыхали Карбышев и комиссар в ближайшей деревне.

Однажды во время такого отдыха комиссар спросил:

— Дмитрий Михайлович, почему вы так охотно и неутомимо ходите по позициям и, как я заметил, больше всего интересуетесь земляными работами? Чем объяснить вашу страсть к окопам?

Дмитрий Михайлович, не раздумывая и без тени иронии ответил:

— Вы ведь знаете, товарищ комиссар, что моя фамилия Карбышев. По семейным преданиям мои далекие предки были татарами. А по-татарски «карабыш» — это черная полевая мышь-суслик. Вот от суслика, полагаю, и передался мне фортификационный окопный зуд. А заодно — любовь к земле.

Карбышев обладал блестящей памятью, но тем не менее никогда на нее не надеялся. Все вопросы, независимо от их важности и значения, он аккуратно записывал в тетрадь, которую называл «памяткой». Листы тетради были разделены вертикальной чертой или просто перегнуты пополам. В левой части он записывал то, что требовало выполнения, а в правой отмечал, как и когда исполнено намеченное. В «памятке» были, например, и такие записи: «Выдать красноармейцу Рябову пару портянок» или «В канцелярии пол не подметается».

На службу в управление Дмитрий Михайлович являлся рано утром, задолго до начала рабочего дня, и на свежую голову решал наиболее сложные и важные организационные и технические вопросы. Часов с восьми он заходил к комиссару, держа в руках неизменную «памятку», здоровался и говорил:

— Пойдемте, товарищ комиссар, по отделам, проверим, что у нас делается…

Пунктуальный и требовательный, он не выпускал из поля зрения сотрудника, пока тот не выполнит задания. Иногда он так отчитывал нерадивого, что последний не знал, куда от стыда деваться. Выговор он делал спокойно, не горячась, не повышая тона.

— Ведь это не мое частное дело, — говорил он. — Государственное, сугубо оборонное! В такой напряженный момент, когда враг стоит у ворот Самары, отлынивать от работы никто нам не позволит.

И этого было достаточно, чтобы устыдить человека. К дисциплинарным мерам Карбышев прибегал чрезвычайно редко.

В марте девятнадцатого года армия Колчака перешла в наступление северо-восточнее Уфы. Колчак намеревался расколоть наш Восточный фронт на изолированные группы и уничтожить их по частям, а затем, захватив мосты и переправы

через Волгу, устремиться к Москве. Под напором превосходящих сил Колчака 5-я армия отступила из района Уфа — Бирск, находясь все время под угрозой быть отрезанной от Самары.

Отдельные колчаковские части подошли почти вплотную к Самаре — на расстояние двух переходов. Угрожающее положение создалось и у Симбирска. Появилось новое оперативное направление, вызывавшее необходимость изменения позиций у Красного Яра. Незащищенным оказался также левый фланг Кинельских позиций. Возникла экстренная необходимость в ходе боев возвести еще одну оборонительную линию большого протяжения.

Укрепленный Волжский рубеж приобрел еще более важное значение. Восточный фронт продолжал оставаться решающим. Командарм Фрунзе, выполняя указания партии, сколачивал мощную ударную группу, готовил разгром Колчака.

Незадолго до перехода советских войск в контрнаступление, в самый разгар стройки на рубеже, Карбышева назначили главным руководителем оборонительных работ Восточного фронта и вызвали в штаб, в Симбирск.

Это перемещение сделали, не посоветовавшись с Фрунзе. Михаил Васильевич немедленно связался с командующим Восточным фронтом С. С. Каменевым и попросил его задержать Карбышева в Самаре до окончания укреплений Волжского рубежа.

Карбышев о переговорах ничего не знал. Он пришел с комиссаром к командарму представить вновь назначенного начальника 6-го военно-полевого строительства.

В кабинете Фрунзе был Куйбышев. Михаил Васильевич, обращаясь к нему, сказал:

— Я думаю, Валериан Владимирович, вы согласитесь со мной, что в такой момент, когда враг у ворот Самары, менять руководство строительством не время. Я договорился с Каменевым, чтобы Карбышев задержался пока в Самаре. Да он и сам понимает, что уехать с фронта ему сейчас нельзя.

Куйбышев не возражал. Обрадованно заулыбался и Дмитрий Михайлович — он очень хотел сам завершить осуществление проекта.

На Самарских, Кинельских и Красноярских позициях усилился темп оборонительных работ. Фрунзе создавал мощный кулак, перебрасывал туда основные боевые силы, подтягивал резервы, орудия, броневики, часто сам приезжал на передовую вместе с Куйбышевым и Новицким.

Осматривая с Карбышевым позиции, Михаил Васильевич подолгу вел с ним разговор о перспективах и планах инженерного обеспечения возможных боевых операций. В этих беседах

чувствовалось большое взаимное уважение и то доверие, которое питал командарм к маститому военному инженеру.

Многим специалистам старой армии Фрунзе нередко ставил в пример деловитость, трудоспособность, аккуратность и высокую дисциплину Карбышева.

23 апреля 1919 года перед переходом Южной группы в контрнаступление Карбышев получил из действующей армии от Фрунзе и Куйбышева приказание, в котором ему предлагалось немедленно произвести рекогносцировку по тракту Мелекес — Ставрополь и срочно приступить к устройству позиций в районе реки Ташолка — село Мусорка. Одновременно командарм приказывал укрепить подступы к Самаре с северо-восточной стороны, между реками Волгой и Самарой, чтобы линия укреплений проходила в 5–7 верстах от центра города.

Ввиду особого значения и срочности задания Карбышев решил самостоятельно вести рекогносцировку. В условиях весенней распутицы и бездорожья на такое задание затрачивалось обычно не меньше недели. К тому же необходимо было на некоторое время задержаться на новой позиции, чтобы организовать ее оборудование. И все-таки Дмитрий Михайлович сумел за два дня полностью выполнить работу. Не заезжая домой, он остановил бричку у ворот управления 6-го военно-полевого строительства, радостный вбежал в комнату комиссара и воскликнул:

— Докладываем, комиссар, все в порядке!

Карбышева трудно было узнать: фуражка лихо сдвинута на затылок, шинель, сапоги и лицо забрызганы грязью. Усталый, осунувшийся, небритый, только в глазах озорные искорки.

Дмитрий Михайлович поздоровался, снял с плеча походную сумку, скинул грязную шинель и сапоги, размотал портянки и, стоя на полу босиком и насвистывая какую-то бравурную мелодию, начал выкладывать из сумки на стол ее содержимое: полевую книжку, карты, чертежи, схемы, иголки, нитки… Потом он с юмором рассказал о трудностях, с которыми столкнулся при рекогносцировке. Ему и его спутнику топографу Бадееву часто приходилось поочередно, а то и вместе помогать лошади, быть «вридло» — как шутя говорил Дмитрий Михайлович, т. е. временно исполняющими должность лошади: тяжелая повозка с вещами, инструментом и фуражом застревала в вязком болоте, и только ее вытаскивали, как она снова погружалась в хлябь. Дмитрий Михайлович не преминул поделиться с комиссаром своими впечатлениями о настроении крестьян.

— Для этого супостата Колчака мы готовы рыть и могилу, — говорили они, когда узнавали, зачем приехал Карбышев.

Было уже поздно, смеркалось. Комиссар предложил Дмитрию Михайловичу пойти отдохнуть, но Карбышев лишь отмахнулся и, несмотря на усталость, сел к столу, взял полевую книжку и начал писать доклад начальнику инженеров Южной группы Ю. Ю. Рустейко о результатах рекогносцировки.

Поводом для срочного доклада в штаб было и другое серьезное обстоятельство.

Фортификационные работы весной 1919 года развертывались все в большем масштабе, а снабжение рабочих батальонов никак не удавалось наладить.

Строки из рапорта Карбышева начальнику инженеров Восточного фронта Г. П. Вискунову: «…При тяжелой окопной работе — хорошая пища не роскошь, а насущная необходимость. Неисправное питание недопустимо… Необходимо людей одеть; нет рукавиц, а морозы стоят… Нет сапог. Плохо одетые и обмундированные люди не помощь, а обуза строительству.

Прошу письменно подтвердить Ваше разрешение выдавать для повышения успеха работ денежные премии саперам, солдатам рабочих батальонов и рабочим по соглашению с контролером и политкомом, а также отдавать работы с подряда.

Предписание необходимо для контроля.

Прошу провести вопрос о выдаче премии рабочим натурой: нитками, подковами, интендантским керосином и т. п. и заставить интендантство и продком выдавать для этой цели табак, чай, сахар и пр.».

Через короткий срок Карбышев вторично телеграфировал в штаб Восточного фронта:

«…Питание рабочих налажено, контакт со всеми самый тесный. Указания получаются от командующего Южной группы. Работы разделены на четыре очереди, со строгим подсчетом потребной рабочей силы и идут планомерно. Программа, намеченная к 1 мая, на трех отделах закончена, на двух заканчивается. Саперам, солдатам и рабочим выдаются премии, работают преимущественно сдельно. Благодаря принятым мерам строительство оказалось в силах выполнить также срочное задание Южной группы Восточного фронта по постройке новых позиций и исправлению мостов».

Дальнейшие события сложились так. Войска 5-й армии под напором белогвардейских частей отступали к Самаре. Тогда Фрунзе бросил им на помощь две бригады 25-й стрелковой дивизии, которой командовал Чапаев. Наши войска воспрянули духом и остановились впереди позиций, прикрывавших узловую станцию Кинель.

Колчаковцы, измотанные и утомленные в непрерывных боях с

частями Красной Армии, остановились всего в 50–60 верстах от Самары и уже не в силах были продвигаться дальше на запад: путь им преградил Волжский оборонительный рубеж, о наличии которого они, возможно, знали. Идти на штурм мощных укреплений без тщательной разведки и подготовки колчаковское командование не решалось.

Тем временем М. В. Фрунзе отдал приказ о переходе в контрнаступление:

«…удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу.

…Ставя указанные выше задачи, требую от всех проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение».

Первый сокрушительный удар по Колчаку нанесли чапаевцы.

Напор Красной Армии был стремителен. Колчаковцы терпели поражение за поражением. Красноармейцы и сибирские партизаны добивали их разрозненные части, обращенные в бегство. Самого «верховного правителя России» Колчака захватили в плен и по приговору Иркутского ревкома 7 февраля 1920 года расстреляли.

Немало сил и труда, большой опыт и знания вложены в оборону молодой Страны Советов и военным инженером Дмитрием Михайловичем Карбышевым. 20 апреля 1919. года он был назначен главным руководителем всех оборонительных работ Восточного фронта. Под его руководством в Симбирске, Самаре, Саратове, Челябинске, Златоусте, Троицке, Кургане и других городах были созданы укрепленные районы, сыгравшие важную роль в разгроме белогвардейских полчищ.

После разгрома Колчака Д. М. Карбышева назначили начальником инженеров 5-й армии Восточного фронта. Он руководил укреплением Забайкальского плацдарма против японских интервентов и белогвардейских банд атамана Семенова.

По мере продвижения фронта на Восток все важные в оперативном отношении пункты приводились в оборонительное состояние.

По заданию Революционного военного совета 5-й армии Карбышев совместно с командирами 30-й и 35-й дивизий составил план инженерных работ.

По предложению Дмитрия Михайловича были созданы

специальные рекогносцировочные группы с участием представителей от войск.

Передний край оборонительного рубежа проходил по реке Селенга, являвшейся границей РСФСР и Дальневосточной республики.

Особенно прочно было прикрыто Верхнеудинское направление. Правый фланг плацдарма обеспечивался группами укреплений у озера Гусиное.

…Для правильной организации работы были созданы специальные группы с представителями от войск, издан «Сборник указаний по укреплению позиций» — одна из немногих печатных работ, которые появились в гражданскую войну. Автор ее Д. М. Карбышев. Сборник передали в войска 5-й армии для руководства.

За заслуги в боях Карбышева наградили именными золотыми часами с надписью: «Красному борцу Социалистической революции от ВЦИК».

В апреле 1920 года в Забайкалье в 5-ю армию в распоряжение Д. М. Карбышева командование направило начальника учебного класса саперного батальона Николая Васильевича Крисанова.

Встрече этих двух красных командиров, ставших впоследствии Героями Советского Союза, посвящена в книге А. А. Шарипова «Генерал Н. В. Крисанов» целая глава — «Ученик Карбышева». Приводим ее с некоторыми сокращениями.

«Крисанов уже несколько минут стоял у входа в кабинет Карбышева. Он чувствовал себя так, как в свое время в институте перед дверью, за которой шли экзамены. Хотя умом и сердцем он уже давно был на стороне революции, но ведь в душу ему никто не заглядывал. Вот и Карбышев сейчас тоже с недоверием посмотрит на его анкетные данные, на то место, которое начальник отдела кадров подчеркнул красным карандашом: „Бывший офицер царской армии…“

Николай Васильевич долго стоял в нерешительности: войти или подождать. В это время из кабинета вышел знакомый по военному училищу бывший офицер Бутуев. Обменявшись несколькими незначительными фразами, Крисанов спросил:

— А что собой представляет Карбышев?

— Я его знаю больше года. Это не только хороший военный инженер, но и умный, доброжелательный к людям человек… К тому же весьма образован, общителен и деловит…

Не успел Бутуев рассказать обо всем, что интересовало Крисанова, как дверь кабинета открылась и оттуда послышалось:

— Вы ко мне? Прошу вас.

Крисанов доложил о себе и протянул Карбышеву конверт, опечатанный сургучной печатью.

Начальник инженерных войск дружески улыбнулся:

— Личное дело сдадите потом в отдел кадров, а сейчас садитесь, мы с вами немного поговорим.

Николай Васильевич уселся в удобное глубокое кресло и вдруг почувствовал, что напряженность и натянутость куда-то исчезли. Он рассказал о своей семье, об институте и военном училище, о работе в саперном батальоне. Карбышев то и дело вставлял ободряющие фразы: „Что ж, бывает“, „Я и сам бывший офицер царской армии“, „Перемелется — мука будет“, а в конце беседы сказал:

— Товарищ Крисанов, дело не в том, что мы с вами были офицерами царской армии, а в том, как мы порвали свои отношения с ней. Главное — верно служить народу. Оставляю вас при штабе армии на должности инженера-фортификатора. Обстановка у нас, особенно для инженерной службы, складывается трудная. Перед нами Восточная Сибирь и Дальний Восток. Интервенты и белогвардейцы, сами знаете, вооружены до зубов. Чтобы развить наступление, нам прежде всего надо укрепить Забайкальский плацдарм. Здесь как раз многое будет зависеть от вас. Желаю успеха.

Д. М. Карбышев охотно передавал свои знания подчиненным. Он считал, что бойцы и командиры только тогда смогут правильно понять и творчески подойти к выполнению задания, когда будут хорошо знать свое дело. Один из начальников военно-полевого строительства писал Карбышеву в те годы:

„Так мы запутались, Дмитрий Михайлович, что, отбрасывая в сторону всякое самолюбие, прямо скажу — без твердых письменных наставлений от Вас разобраться почти невозможно… Ваши приезды до сей поры выручали. Но ведь вы один, а строительств много. И выходит, что письменные наставления — как воздух для нас, как хлеб и вода“.

Было у кого поучиться инженеру-фортификатору Крисанову. За короткое время он добился успеха в оборудовании плацдарма для наступательных действий армии, получив от Карбышева не один урок военно-инженерного искусства.

Николай Васильевич на всю жизнь сохранил уважение к своему учителю, старался во всем быть на него похожим. Не случайно во многом он повторил служебный и боевой путь Дмитрия Михайловича Карбышева».

В том же двадцатом году решающим для судеб Советской Республики стал Южный фронт. Командовать им был назначен М. В. Фрунзе.

В августе 1920 года М. В. Фрунзе, став командующим Южным фронтом, телеграммой вызвал Карбышева к себе на должность начальника инженеров. Но пока Дмитрий Михайлович смог добраться до своего нового места назначения, на эту должность был уже назначен другой. Дмитрий Михайлович стал его помощником, а фактически руководил основными работами, разрабатывал и осуществлял все планы по обеспечению наступления и штурма Перекопа и Чонгара.

Большую роль в развитии наступательных действий фронта сыграл Каховский плацдарм.

Интересен эпизод об участии Карбышева в усилении Каховского плацдарма перед тем, как войска Южного фронта перешли в наступление на Врангеля — о нем рассказано в книге Н. Кондратьева «Маршал Блюхер».

«…Начдив Блюхер использовал передышку для укрепления оборонительных рубежей. На Каховский плацдарм прибыл помощник начальника инженеров Южного фронта Дмитрий Михайлович Карбышев. Не спеша обошел все три линии обороны. Недостатки отметил в полевой книжке. Сопровождающий Карбышева дивизионный инженер Федор Константинович Зуев вечером доложил Блюхеру:

— Этот помощник начальника инженеров по всем признакам большой придира. Все что-то записывал и записывал. Раскатает он меня по всем швам.

— Вот выдумщик! — сдвинул густые брови Блюхер. — Пригласите проверяющего ко мне.

По походке, обмундированию, умению докладывать Блюхер определил: перед ним бывший офицер. Предложив Карбышеву стул, начдив спросил:

— Вы обследовали плацдарм. Как вы оцениваете инженерные работы?

— Противопехотные препятствия почти удовлетворительны, а противотанковые отсутствуют. Крайне необходимо впереди внешней и основной линий отрыть в шахматном порядке противотанковые рвы. Промежутки между ними и Мелитопольский тракт срочно заминировать.

Блюхер покатал по столу карандаш, спросил:

— Кто вас сюда направил?

— Командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе по моей просьбе. Я хочу помочь вам подготовиться к отражению танковых атак противника.

— За помощь спасибо. Завтра выедем вместе на позиции. Покажете, что нужно сделать в первую очередь.

Карбышев улыбнулся:

— Вот это деловой подход. К какому часу я должен прибыть?

— Я заеду за вами в шесть часов утра.

Весь день Блюхер провел на оборонительных рубежах с Карбышевым. Определили вероятные направления атаки танков, решили, какие препятствия следует создать, наметили артиллерийские позиции для ведения огня.

В тот же день специально выделенные подразделения приступили к выполнению приказа Блюхера о создании противотанковой обороны».

В. И. Ленин внимательно следил за ходом боев на Южном фронте.

В телеграмме к М. В. Фрунзе от 16 октября 1920 года он писал:

«…Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»[2].

Указания Владимира Ильича легли в основу оперативного плана Фрунзе. В конце октября войска Южного фронта перешли в решительное контрнаступление и нанесли мощный удар силами 6-й и 1-й Конной армий с Каховского плацдарма.

Врангелевские войска в Северной Таврии были разгромлены. Однако основной части хорошо вооруженных белогвардейских войск удалось ускользнуть в Крым и укрыться за укреплениями на Перекопском перешейке.

Оборонительные сооружения в северной части Крымского полуострова белогвардейское командование начало возводить на год раньше. В разработке плана принимали участие французские военные специалисты. Всеми фортификационными работами на Перекопском перешейке руководили известные генералы-фортификаторы.

Военные специалисты единодушно утверждали, что эти укрепления надежно преграждают путь в Крым.

На улицах Керчи и других крымских городов стены домов, заборы, афишные тумбы пестрели приказами и призывами «черного барона»: «Я смотрел укрепления Перекопа и нашел, что для защиты Крыма сделано все, что в силах человеческих».

С 1 по 7 ноября 1920 года части 6-й армии усиленно готовились к штурму Турецкого вала и других вражеских укреплений. Большое внимание было уделено инженерному обеспечению. Красноармейцы учились преодолевать проволочные заграждения, изготовляли лестницы для штурма укреплений, сооружали артиллерийские позиции. Особенно интенсивно производились работы, связанные с переправой войск, конницы,

артиллерии и снаряжения на Литовский полуостров. Для этого саперы соорудили бронированный плот, для пехоты — два моста, для конницы с войсковыми грузами — дополнительный мост и несколько переправ. Были разведаны броды через Сиваш. В ход пустили все подручные средства, навели «дороги» из фашин, пучков соломы и бревен. Но саперы ни на минуту не забывали о том, что их работа должна оставаться невидимой для противника.

Инженерное обеспечение штурма Чонгара и Перекопа Фрунзе возложил на Карбышева. И хотя командование дало на это считанные дни, все же задачу решили успешно.

Советские войска взяли Перекоп и сбросили «черного барона» в Черное море.

15 ноября 1920 года М. В. Фрунзе передал радиограмму В. И. Ленину: «Сегодня наши части вступили в Севастополь. Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южнорусская контрреволюция…»[3]

За боевые заслуги по разгрому Врангеля Д. М. Карбышев был награжден вторыми именными золотыми часами.

После ликвидации Южного фронта Михаила Васильевича Фрунзе назначили командующим всеми вооруженными силами Украины и Крыма. Д. М. Карбышев становится сначала помощником, а с 16 апреля 1921 года заместителем начальника инженеров всех вооруженных сил Украины и Крыма, а еще через несколько месяцев — врио начальника инженеров. Ему поручается рекогносцировка и приведение в оборонительное состояние побережья Черного моря: Севастополя, Феодосии, Евпатории.

Одновременно Фрунзе приказывает организовать специальную военнотехническую комиссию с участием представителей морского ведомства для обследования и осмотра укреплений Керченского пролива, Севастополя и Перекопа и срочно разработать новый план сухопутной, морской и воздушной обороны Крыма.

Прошел год. Карбышев снова в боевых соединениях Красной Армии. Теперь он участвует в разработке плана операций по разгрому банд Махно на Украине.

Осень 1922 года. Позади гражданская война, покончено с бандитизмом. Под руководством Фрунзе идет неустанная, напряженная работа по обучению и повышению боеспособности частей Красной Армии.

В брошюре А. А. Шарипова описано проведенное Фрунзе совместно с Карбышевым и Крисановым инспектирование 2-го кавалерийского корпуса, которым командовал Григорий Котовский.

Части корпуса размещались в Бердичеве, Гайсине, Тульчине, а штаб находился в Умани.

Михаил Васильевич буквально не отпускал от себя Карбышева, объездил с ним все части, затем они наблюдали ход корпусных учений. Особое внимание было уделено фортификации как в обороне, так и в наступлении.

Фрунзе заметил, что Дмитрий Михайлович не пропускает ни одного оригинального заграждения, ни одной укрепленной позиции или даже окопа, выполненного с особой солдатской сметкой и хитростью. Карбышев измерял и осматривал их, беседовал с бойцами, что-то записывал в свой блокнот.

На разборе учений Михаил Васильевич Фрунзе сказал:

— Для нас, командиров Красной Армии, самое опасное — рутинерство, схематизм и шаблонность приемов. Вместе с тем любой из приемов может оказаться подходящим в известной обстановке. В чем же дело? В том, чтобы умело выбрать из множества возможных средств именно то, которое наиболее полезно в данной обстановке. А такое умение, товарищи, дается лишь марксистско-диалектическим анализом… Он просто необходим советской военной науке.

В последующие годы много раз и на лекциях в академии, и в своих докладах Дмитрий Михайлович приводил это своеобразное кредо командарма Фрунзе. Кредо, ставшее обязательным правилом для самого Карбышева.

Хочется упомянуть и о том, что именно в Харькове был открыт первый в Советском Союзе Дом Красной Армии, в устройстве которого большую роль сыграли советы и помощь Д. М. Карбышева. Он вошел в состав правления этого Дома, выступал часто в нем с лекциями и докладами.

Перед отъездом Дмитрия Михайловича из Харькова в Москву в связи с его новым назначением Михаил Васильевич Фрунзе 30 марта 1923 года издал приказ № 412, в котором он отметил его преданную и полезную для Родины деятельность с октября 1920 года по день его освобождения от занимаемой им должности врио начальника инженеров Украинского военного округа. Приводим этот приказ полностью:

«Временно исполняющий должность начальника инженеров Украинского военного округа Карбышев Дмитрий Михайлович освобожден от занимаемой должности и откомандировывается в распоряжение начальника Главного военно-инженерного управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Тов. Карбышев Д. М. прибыл в войска Украины и Крыма в октябре 1920 года из 5-й армии и был назначен на должность заместителя начальника инженеров всех вооруженных сил на

Украине и в Крыму.

При организации инженерной обороны фронта, ударных кампаний по заготовке топлива и по приведению в должный вид красной казармы, несмотря на скудные материальные средства и постоянный недостаток живой силы, тов. Карбышев сумел проявить особую энергию и упорство, связанные с любовью к делу. Военно-инженерный опыт гражданской войны получил должное завершение в печатных трудах тов. Карбышева.

Вступив во временное исполнение должности начальника инженеров округа при полной дезорганизации управления, тов. Карбышев в короткий срок умелым руководством поставил работу управления на должную высоту.

Отмечая полезную деятельность т. Карбышева в деле мирного строительства Красной Армии, от лица службы объявляю ему благодарность и выражаю надежду, что и на новом ответственном посту его работа будет такой же деятельной и плодотворной.

Командующий вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченный РВСР — Фрунзе.

Начальник штаба — Андерс».

Когда Дмитрия Михайловича отозвали в центральный аппарат Красной Армии, воины 4-го саперного образцового батальона на общем собрании командного, административно-хозяйственного и красноармейского состава 6 ноября 1922 года постановили: «…избрать начальника инженеров Украинского военного округа Карбышева Дмитрия Михайловича почетным красноармейцем батальона, как ветерана гражданской войны, оказавшего особые услуги Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимавшего горячее участие в строительстве батальона, в нуждах и интересах его состава…»

Педагог, ученый [4]

Закончилась гражданская война. В жизни страны наступила пора мирного созидательного труда. Но молодая Республика Советов, единственное тогда государство, которое строило социализм, было далеко не в безопасности.

В. И. Ленин в те годы без устали напоминал о необходимости всемерного повышения оборонной мощи Отечества, о техническом совершенствовании Вооруженных Сил страны.

В марте 1923 года Дмитрия Михайловича Карбышева назначили председателем инженерного комитета Главного военно-инженерного управления Красной Армии. Со свойственной ему напористостью и энергией он принялся за выполнение доверенного ему дела. Под руководством Карбышева комитет провел огромную исследовательскую работу по развитию военно-инженерной техники, осуществляя ее в контакте с Военно-инженерной академией Красной Армии, носящей ныне имя В. В. Куйбышева.

В начале марта 1924 года Михаил Васильевич Фрунзе стал заместителем председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам всей страны. ЦК РКП(б) отозвал его с Украины в Москву. Еще на X съезде партии его избрали членом ЦК, позднее — кандидатом в члены Политбюро. Полководческий авторитет Михаила Васильевича в армии был огромен. Стойкий и верный ленинец, он твердо и настойчиво поднимал военную науку и искусство на уровень, достойный победившего пролетариата, первого в мире социалистического государства.

По указанию М. В. Фрунзе вместо инженерного комитета создается военно-технический комитет Главного военно-инженерного управления Красной Армии с очень широкой программой деятельности. Руководить этим комитетом, быть его председателем Михаил Васильевич предлагает Карбышеву, которого высоко ценит как ученого-новатора, тесно связанного с армейской практикой. Дмитрий Михайлович охотно и с присущей ему страстностью берется за работу.

Тем временем Фрунзе назначается по совместительству начальником штаба РККА. А буквально через несколько дней еще и начальником Военной академии. Фрунзе сразу привлек к работе Дмитрия Михайловича. Карбышев стал надежным помощником в осуществлении реформы военно-учебных заведений.

Обладая огромной трудоспособностью, Дмитрий Михайлович смог сочетать свою основную работу в военно-техническом

комитете с преподавательской деятельностью на военно-академических курсах, в двух военных академиях и в дополнение ко всему являлся главным руководителем подготовки всех военных академий по военно-инженерному делу и также помощником инспектора инженеров Красной Армии.

Д. М. Карбышев был одним из видных ученых по вопросам фортификации. Опираясь на передовые идеи выдающихся русских фортификаторов А. З. Теляковского и К, И. Величко, он творчески развивал их в современных условиях ведения войны. В своей статье «Фортификационная диктатура» (1924 г.) он возражал против захвата фортификации исключительно техниками и применения ее в полном отрыве от условий боевых действий войск на полях сражений. Он упорно настаивал на полном взаимодействии фортификаторов с общевойсковыми командирами.

Говоря о фортификации, Карбышев сравнивал ее с телом без души. Тактическая душа в фортификации — это войска. И в подтверждение Карбышев говорил: «Проволока и бетон сами по себе не стреляют. Не они, а живая сила войск достигает победы, но достижению победы помогают и проволока, и бетон».

Особенную ценность представляют его многочисленные труды по строительству и оборудованию укрепленных районов для обороны границ СССР.

С ноября 1926 года Карбышев окончательно перешел на научную и преподавательскую работу в Военную академию имени М. В. Фрунзе, а в феврале 1934 года стал начальником военно-инженерной кафедры этой академии.

Основной базой, где проводились эксперименты, испытания новой инженерной техники, был полигон Главного военно-инженерного управления РККА. Постепенно полигон расширялся, приобретая все большее значение.

Дмитрий Михайлович много сделал для развития научно-исследовательской работы в инженерном деле.

Несмотря на то, что экспериментальная база инженерного полигона была недостаточной, на ней изучались почти все военно-инженерные новшества, конструировались электротехнические средства, передвижные зарядно-осветительные станции и многое другое.

Успехи социалистической индустрии в годы первых пятилеток дали возможность значительно шире развернуть техническое перевооружение инженерных войск.

Дмитрий Михайлович активно участвовал в создании современных средств военно-инженерной техники, находил новые приемы их боевого использования, внимательно изучал

различного рода изобретательские и рационализаторские предложения, работал сам над созданием новых подрывных средств и принадлежностей взрывания. Он разработал и первые типы советских противотанковых мин.

Интересны воспоминания Героя Советского Союза генерал-лейтенанта инженерных войск И. П. Галицкого об этой стороне его деятельности:

«С 1933 года я был начальником научно-исследовательского инженерно-технического полигона РККА, и там состоялось мое более близкое знакомство с Дмитрием Михайловичем. Карбышев часто посещал наш полигон, интересуясь инженерной техникой, особенно такой новинкой, какой были в то время саперно-танковые средства — тралы, мостоукладчики, миноукладчики и т. д.

Карбышев неутомимо изобретал и сам. Он предложил оригинальное, легкое, малозаметное, складывающееся в пакеты противопехотное препятствие, изготовляемое из тонкой стальной проволоки и получившее потом название „тенёта Карбышева“. Положительное свойство этого вида препятствий состояло прежде всего в том, что их можно было быстро устанавливать.

Собственно они даже и не устанавливались, а просто набрасывались перед фронтом обороны на траву, на мелкий кустарник. Поскольку проволока становилась незаметной, действие ее оказывалось неожиданным для противника. Попробуй разрушить такое препятствие артиллерийским огнем! Это просто невозможно.

Карбышев говорил:

— Пусть пехота только что перешла к обороне на голом месте и нет времени, нет условий хоть минимально оборудовать позицию в инженерном отношении. Но достаточно иметь фланкирующие пулеметы, а с наступлением темноты установить эти малозаметные препятствия — и мы получим весьма устойчивую оборону.

Ему возражали, доказывали, что лучше строить обычные проволочные заграждения на кольях или устанавливать рогатки. На это Дмитрий Михайлович довольно убедительно и горячо отвечал:

— Под огнем противника строить проволочные заграждения перед передним краем обороны невозможно. Ничего не достигнув, саперы и пехота, привлеченная к этим работам, будут уничтожены. Еще в какой-то степени можно было бы ставить ежи и рогатки, применявшиеся в первую мировую войну. Но установка их очень трудоемка и тоже требует времени, сопряжена с потерями. А малозаметное препятствие весом до пятидесяти

килограммов несколько человек могут установить за пять — десять минут. Каждый такой пакет обеспечивает заграждение пяти — десяти метров по фронту.

Позже это препятствие под шифром МЗП (малозаметное препятствие) было принято на вооружение армии. При практическом применении выяснилось, что это не только противопехотное, но и противотанковое средство заграждения.

Потом Дмитрий Михайлович сделал еще одно изобретение — противопехотную мину в виде маленького пенала. Этот пенал наполнялся порошкообразным тротиловым зарядом массой до 30 граммов.

— Такие мины можно заготовлять в большом количестве и буквально посыпать ими землю перед фронтом атакующей пехоты противника, — говорил Карбышев.

Позже, как вариант этого предложения, появились противопехотные мины массой 50, 75 и 200 граммов. В Великую Отечественную войну они нашли большое применение. Их устанавливали сотнями, тысячами…».

Начальник опытных мастерских военно-инженерного полигона полковник Александр Иванович Куличихин, руководивший изготовлением «тенет» и противотанковой мины Карбышева, подробно рассказал об этой работе.

Тенёта представляли собой каркас из закаленной стальной проволоки диаметром около 1 миллиметра, который прекрасно складывался и раскладывался. В два яруса «тенета» создавали препятствие высотой около полутора метров. Их уже нелегко было преодолеть. К каркасу прикреплялись рыболовные крючки — они цеплялись за одежду, мешали солдату шагнуть вперед. Изготовление «тенет» было непростым делом. Места соединений проволочных нитей требовали предварительного обжига на паяльной лампе, иначе проволока ломалась. Тенёта с рыболовными крючками трудно растягивались в темноте, поэтому Дмитрий Михайлович не раз вносил изменения в свою конструкцию. Активно помогал ему в совершенствовании этого изобретения слесарь Чистяков.

Дмитрий Михайлович часто «размышлял вслух». Набрасывая эскиз изменения конструкции, Карбышев одновременно разъяснял, зачем он это делает, почему нужно добиться предельно малой массы, незаметного препятствия для противника и т. д.

Зная не только основные размеры конструкции, но и вложенную в нее идею, рабочие мастерских иногда решались на самостоятельное изменение каких-либо деталей в модели. Изобретатель охотно принимал помощь и не упускал случая

похвалить инициатора.

Впоследствии в порядке модернизации тенёт появился «ковер-спотыкач» из более тонкой и нежесткой проволоки, а затем известное «малозаметное препятствие» — МЗП.

Усовершенствование тенёт продолжалось два года, участие в этом принял Г. Н. Тимонов.

Около двух десятков лет неустанной творческой деятельности на перечисленных и не упомянутых нами постах… Ученый и педагог, изобретатель, строитель, инспектор — Дмитрий Михайлович всегда оставался верен себе.

Но, по сути, стезей педагога и ученого он пошел гораздо раньше. Такие его фундаментальные труды, как «Влияние условий борьбы на формы и принципы фортификации» (1921 г.), «Выводы из опыта гражданской войны по полевому инженерному делу» (1922 г.) и очень многие другие стали учебниками и пособиями для нескольких поколений саперов и фортификаторов.

Круг его научной деятельности был необычайно многогранен и охватывал различные отрасли военно-инженерного искусства.

Карбышев пользовался авторитетом как крупный ученый не только в нашей стране, но далеко за ее пределами. Он автор более ста научных трудов, статей и учебных пособий. Многие из них публиковались и в зарубежной военной печати.

Капитальными произведениями Карбышева признаны его научные труды, статьи и пособия по вопросам теории инженерного обеспечения боя и операции, тактике инженерных войск, которые до Великой Отечественной войны являлись основными материалами и пособиями при подготовке командиров Красной Армии.

Отличительная черта научно-исследовательской деятельности Карбышева — умение сочетать практику с теорией. Он не был кабинетным работником, так как постоянно поддерживал живую связь с войсками. Карбышев пристально следил за развитием тактики и оперативного искусства, за постановкой обучения войск, делая из практики соответствующие выводы, доводя их до широких обобщений.

Было бы наивным полагать, что научно-педагогический стиль работы Дмитрия Михайловича, его подход к решению актуальных военных проблем, стремление теснейшим образом сочетать практику с теорией — все это находило дружную и всеобщую поддержку всех его коллег: армейских ученых, профессоров, педагогов, теоретиков военно-инженерного дела. Положение было далеко не столь радужным. Все новое рождается и пробивает себе дорогу в борьбе с утвердившимися канонами, традициями, устоявшимися, но устаревшими представлениями. Словом, в

преодолении инерции прошлого, а оно — это прошлое, устаревшее — цепко, как «ежи» посреди пути, мешает движению вперед.

Отголоски борьбы Карбышева за свое новаторство слышатся в воспоминаниях многих его современников. Приведем здесь одно из них.

…1929-й год. Командир батареи артполка 51-й Перекопской имени Моссовета дивизии А. Д. Цирлин поступает на курсы при Доме Красной Армии. Программа курсов составлена специально для подготовки слушателей к сдаче вступительных экзаменов на артиллерийский факультет Военно-технической академии.

Цирлину повезло. Военно-инженерное дело преподавал знающий и умеющий передать свои знания другим педагог, его сослуживец — дивизионный инженер Михаил Сергеевич Крыльцов.

«В своих лекциях и на групповых занятиях М. С. Крыльцов рассказывал нам, молодым офицерам, о Дмитрии Михайловиче Карбышеве, виднейшем войсковом инженере, авторе ценных научных трудов по инженерному обеспечению боя и операции, а также инженерной подготовке войск.

Михаил Сергеевич настойчиво рекомендовал нам пользоваться карбышевским методом производства инженерных расчетов оборудования, позиций и устройства заграждений. Это как раз были главные вопросы военно-инженерного дела в программе вступительных экзаменов в академию.

Экзамены я выдержал. Вместе со мной в 1931 году попали в Академию имени Ф. Э. Дзержинского еще 8 командиров — артиллеристов с наших курсов.

Каково же было наше удивление и недоумение, когда в стенах этого военного вуза мы услышали в адрес Карбышева разные толки, в корне противоречившие тому, что знали от Крыльцова. Некоторые преподаватели и профессора отзывались о Дмитрии Михайловиче как о специалисте, который якобы „пашет не глубоко“, упрощает проблемы инженерного дела в армии. Упрекали его и за то, что он „чересчур много“ внимания уделяет полевой фортификации в ущерб „наиболее важной“ — долговременной.

В 1932 году, когда я был уже на втором курсе, на базе инженерного факультета нашей Военно-технической академии и Высшего инженерного строительного училища была создана в Москве Военно-инженерная академия. В ней мы получили возможность более основательно изучить труды Д. М. Карбышева и убедились, что попреки в его „неглубокой пахоте“ и прочем не верны. Дмитрий Михайлович выражал наиболее передовые

взгляды в военно-инженерной науке, всемерно развивал и накрепко соединял ее с жизнью растущей и крепнущей Советской Армии».

И время подтвердило правоту Карбышева.

Значителен вклад Д. М. Карбышева в научную разработку вопросов форсирования рек и других водных преград и их инженерного обеспечения. Его многочисленные труды в большой мере способствовали созданию передовых взглядов на развитие этой отрасли военно-инженерного дела в войсках Красной Армии.

В этом плане примечательно еще одно свидетельство И. П. Галицкого:

«…Надо заметить, что тогда в целом ряде вопросов форсирования рек не было ясности, особенно по части взаимодействия инженерных подразделений с переправляющимися войсками. Очень слабо были разработаны организация пунктов переправы и управления переправой в наступлении. Все это теоретически исследовалось и экспериментировалось в войсках. Дмитрий Михайлович был главным инициатором в этом деле. Он непрерывно поддерживал живую связь с войсками. Не было такого учения, где бы не присутствовал, не принимал участие Карбышев.

Во второй половине 1938 года в районе Серпухова проводилось большое учение с форсированием Оки. Участвовало несколько стрелковых дивизий, артиллерия, танки, инженерные и понтонные части. На учении присутствовал нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Карбышева интересовали пути выдвижения понтонных парков к реке, места наводки мостов, доступность берегов реки. Он беседовал с общевойсковыми командирами и бойцами, выясняя, насколько понимают они свои задачи.

Весь огромный район учений Дмитрий Михайлович исходил пешком, наотрез отказавшись от предложенного ему автомобиля.

— Не беспокойтесь, — говорил он. — Машина у меня есть, но, поверьте, из машины ничего не увидишь, многое просто проскочишь, не заметив. А вот когда пешком походишь, тогда все увидишь и рассмотришь. Где надо — остановишься, а главное — пройдешь там, где машина не пройдет. Нет уж, лучше пешком!»

Д. М. Карбышев является первым советским ученым, которому принадлежит наиболее полное исследование и разработка вопросов применения разрушений и заграждений. Его труд «Разрушения и заграждения» — первый классический и капитальный труд, где обобщено применение разрушений и заграждений в первой мировой войне 1914–1918 годов. Он также опубликовал много других работ, посвященных этому важному

разделу военно-инженерного искусства.

Говоря о значении научных трудов Д. М. Карбышева, необходимо отметить, что они обогатили советскую военную науку. Они имеют высокую ценность, так как многие положения и рекомендации, заложенные в его трудах, оправдались и в значительной мере были использованы нашими войсками в ходе Великой Отечественной войны. Ряд предложений и теоретических обоснований, содержащихся в трудах Д. М. Карбышева, сохраняют свое актуальное значение и в настоящее время.

Как ученый-фортификатор Д. М. Карбышев получил признание во многих странах мира. Одна из его обстоятельных работ — «Влияние условий борьбы на формы и принципы фортификации» — посвящена опыту русско-японской, первой мировой и гражданской войн. Дмитрий Михайлович как военный инженер, практически решавший задачи устройства позиций, проанализировал влияние условий борьбы на формы и принципы фортификации и сделал выводы, не утратившие своего значения в современных условиях.

«Быть хотя бы в какой то мере похожим на Д. М. Карбышева в методах обучения и воспитания военных кадров — заветная мечта каждого офицера и генерала инженерных войск».

Это утверждение профессора, доктора военных наук, генерал-полковника инженерных войск А. Д. Цирлина основано на глубочайшем уважении видного ученого к талантливому педагогу. О высоком преподавательском мастерстве Карбышева, необычайной эффективности, доходчивости его лекций вспоминают многие бывшие его слушатели — ныне известные военачальники и теоретики военного искусства.

С большой теплотой писал о педагогическом мастерстве Д. М. Карбышева его ученик и сослуживец Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян:

«Я познакомился с Д. М. Карбышевым на курсах усовершенствования высшего командного состава при Главном штабе Красной Армии, куда меня в 1930 году направили на учебу.

Там особенно выделялись два человека: Владимир Кирилович Триандафилов и Дмитрий Михайлович Карбышев.

Если первый из них был большим авторитетом в области оперативно-тактического искусства, то второй был для нас настоящим богом полевой фортификации.

Д. М. Карбышев обладал не только огромнейшим опытом инженерной подготовки войск, но и поразительной эрудицией во всех вопросах военной науки.

Огромное впечатление, которое произвел Д. М. Карбышев в период учебы на курсах, с каждым годом совместной службы

лишь усиливалось, несмотря на то, что с каждым годом и наши знания заметно росли.

…С 1931 по 1934 год, в период моей учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе, самым популярным лектором и докладчиком в академии считался Дмитрий Михайлович Карбышев, руководивший кафедрой инженерной службы. Лекции он читал с таким знанием дела, так просто и ясно, что самостоятельная работа по его предмету занимала у слушателей наименьшее количество времени.

Интерес к его лекциям исключительно повышался благодаря богатейшему иллюстрационному историческому материалу, который Дмитрий Михайлович трудолюбиво отыскивал: здесь были и подлинные документы прошедших войн, и диапозитивы, и материалы о последних достижениях инженерной службы иностранных армий, и неисчерпаемый запас исторических примеров. Впервые Дмитрий Михайлович применил для иллюстраций своих лекций и докладов проекционный фонарь.

Очень любили слушатели посещать и консультации Дмитрия Михайловича, во время которых получали все необходимые данные для того, чтобы самостоятельно прийти к правильному решению задачи на предстоящих занятиях. При этом Дмитрий Михайлович отнюдь не натаскивал своих подопечных. Он всегда стремился развить у нас самостоятельность в мышлении, оградить от шаблона, схемы.

Дмитрий Михайлович не жалел времени на работу со слушателями. Он ни разу не сказал, что время истекло, и готов был, казалось, сидеть со слушателями до утра. Когда же запас вопросов иссякал, то он объявлял, где его можно будет найти, если еще возникнут вопросы. Квартира Карбышева находилась рядом с академией, и он просил нас не стесняться и, как он говорил, „топать“ прямо к нему домой хоть группой, хоть поодиночке, коль к тому возникнет надобность.

И не удивительно, что слушатели чрезвычайно его любили и уважали.

Дмитрий Михайлович Карбышев был энтузиаст по своей натуре. В любом деле он буквально горел. Дух соревнования был органически присущ ему. При решении любых задач он своим юношеским задором заражал нас, слушателей и молодых преподавателей. Он постоянно был готов вызвать каждого из нас на самое серьезное соревнование при решении любой задачи.

Мне вспоминается, что на занятиях в поле при решении учебных вопросов он всегда старался вызвать у нас, слушателей, стремление — кто быстрее. Даже в перемещения с одной точки местности на другую он умудрялся вносить спортивный азарт. „А

ну, кто первым прибудет на следующую точку?“ — задорно спрашивал он и первым бросался вперед. Нам стыдно было отставать, и мы устремлялись за ним…

Именно таким, всегда устремленным вперед, остался в моей памяти Дмитрий Михайлович Карбышев».

Другой ученик Дмитрия Михайловича, доктор военных наук, профессор, генерал-полковник в отставке А. И. Гастилович пишет о нем:

«Он с первых же встреч поразил мое воображение огромной разносторонностью знаний, желанием и умением передать их другим в увлекательной, доходчивой форме, пронизанной добродушным юмором. Чем больше приходилось мне соприкасаться с Дмитрием Михайловичем, тем ярче вырисовывались его энергия и трудолюбие, любовь к людям и высокий патриотизм, соединенные с большой скромностью и оптимизмом.

Как многие тысячи генералов и офицеров наших Вооруженных Сил, я с гордостью могу назвать себя учеником Дмитрия Михайловича в буквальном понимании этого слова. Вспоминается, с каким удовольствием в 1928–1931 годах я и мои товарищи, обучавшиеся тогда в Военной академии имени М. В. Фрунзе, слушали лекции Д. М. Карбышева и участвовали в проводимых им занятиях.

Военно-инженерное дело, преподавание которого он вел, на первый взгляд может показаться довольно сухим предметом. Но не у такого мастера и знатока, каким был Дмитрий Михайлович! Широкое использование для военно-инженерных расчетов различных простых мнемонических правил, разработанных им самим и облеченных в полушутливую форму, умело вставленный веселый пример или острое словцо оживляли занятия и лекции Д. М. Карбышева и делали их просто увлекательными, а его мнемонические правила запоминались на всю жизнь.

…В 1938–1939 годах я работал вместе с Дмитрием Михайловичем на кафедре тактики высших соединений Академии Генерального штаба уже старшим преподавателем. В этот период мне особенно ярко раскрылись такие черты характера Д. М. Карбышева, как удивительное трудолюбие, скромность и желание помочь товарищу по работе.

Помню, с каким большим количеством недоуменных вопросов, особенно методического характера, мне, молодому преподавателю, пришлось столкнуться и как Дмитрий Михайлович, не жалея сил и времени, часто уже после окончания рабочего дня, терпеливо помогал в них разобраться. Самым важным при этом было то, что Дмитрий Михайлович не только

разъяснял или рекомендовал те или иные методические приемы, но своим неиссякаемым оптимизмом и веселым остроумием вселял в молодого преподавателя уверенность в собственных силах».

То же самое утверждал ученик Карбышева, работавший много лет преподавателем Военной академии имени М. В. Фрунзе и начальником кафедры военно-инженерного дела и тактики инженерных войск, генерал-лейтенант инженерных войск в отставке Е. В. Леошеня:

«Карбышев обладал особым умением превращать самое сложное и неясное в простое и понятное. Это не было упрощенчеством, а глубоким, логическим и популярно-научным изложением сложного предмета. Всегда он наслаждался возможностью учить, объяснять, отдаваясь своему любимому педагогическому делу целиком с необыкновенной страстностью. Вел занятия Дмитрий Михайлович доходчиво, зачастую весьма популярно, не щеголял сложными расчетами и формулами и никогда не делал секрета из своих знаний. Мы считали его своеобразной открытой книгой, но с той лишь разницей, что книга обычно не может дать больше того, что в ней написано, а он казался нам неиссякаемым источником широких и разнообразных знаний во всех областях многогранного военно-инженерного искусства.

Обучение и воспитание Карбышев считал единой задачей, прививая своим слушателям любовь к советской социалистической Родине, а также высокие моральные качества — дисциплинированность, коллективизм, гуманность, честность и правдивость, которые он выработал прежде всего в самом себе».

Генерал-майор в отставке М. Ф. Липатов, учившийся у Карбышева в Военной академии имени М. В. Фрунзе и в Академии Генерального штаба, пишет:

«Весьма сильное впечатление на меня производили лекции Дмитрия Михайловича. Многие преподаватели преподносили инженерное дело сухо и скучно, сопровождая лекции громоздкими цифровыми материалами, нормативами. Казалось, что они задались целью оглушить нас шквалом цифр.

А вот как Дмитрий Михайлович талантливо, просто и весьма доходчиво преподносил нам нормы производительности при рытье окопов.

Однажды он вошел на лекцию с написанными мелом цифрами: на колене — единица, на поясе — двойка, на груди — четверка и на ладони вытянутой вверх руки — восьмерка. Мы, конечно, сразу не поняли значения этих цифр и недоумевали. Дмитрий Михайлович тут же рассеял наше недоумение: для

стрельбы лежа окоп должен быть такой глубины, чтобы можно было укрыться до колена, на рытье одного метра такого окопа одному человеку требуется один час. Поэтому на колене и Написана единица. Для стрельбы с колена глубина окопа должна быть такой, чтобы можно было бойцу укрыться по пояс, на рытье такого окопа требуется два часа, и т. д. Карбышев впоследствии издал портативную таблицу, где были изложены упрощенные нормы, необходимые командирам всех родов войск и легко запоминаемые.

Чтобы лекция была интересной, Дмитрий Михайлович широко иллюстрировал ее схемами и рисунками, диафильмами. Часто лекция превращалась в беседу, изобиловала остротами, историческими примерами, которых Карбышев знал множество».

Генерал-майор инженерных войск М. Ф. Сочилов, ученик Карбышева в Академии Генерального штаба, а затем ее преподаватель и начальник военно-инженерной кафедры, много раз убеждался в том, какой большой любовью и популярностью пользовался Дмитрий Михайлович среди слушателей и преподавателей:

«Человек с широким военным кругозором, а не узкий кабинетный специалист, он понимал характер боя и операции и, зная нагрузку общевойскового командира, стремился к тому, чтобы облегчить ему руководство инженерными войсками и инженерным обеспечением боя и операции.

Д. М. Карбышев пользовался большой популярностью не только среди личного состава академии, но и далеко за ее пределами.

Без преувеличения можно сказать, что его знал весь высший и старший командный состав наших Вооруженных Сил».

Вплоть до 1936 года Д. М. Карбышев руководил подготовкой командных кадров Красной Армии, кафедрой военно-инженерного дела в Военной академии имени М. В. Фрунзе, затем пять лет был помощником начальника кафедры тактики высших соединений по инженерным войскам в Академии Генерального штаба, старшим преподавателем в этой же академии. Он являлся также членом Экспертной оперативно-тактической комиссии при Комитете высшей школы. Не раз председательствовал в Государственной комиссии по защите дипломных проектов в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.

Об одном таком заседании имеются любопытные сведения.

Осень 1936 года. В просторной аудитории, специально приспособленной для защиты дипломных проектов, чуткая тишина, хотя скамьи все заполнены слушателями,

приглашенными оппонентами. За двумя продолговатыми столами, застеленными зеленым сукном, сидят 18 членов комиссии — Соков, Стрелецкий, Кузьмицкий, Давыдов, начальник аэродромного факультета Зимин и другие профессора и педагоги академии. Среди них, на председательском месте, Дмитрий Михайлович Карбышев.

Абитуриент — капитан Афанасий Васильевич Мизиренков — только что закончил свой доклад по представленному им проекту на тему: «Строительство аэродрома для авиационной бригады». По лицам тех, кто «вершит суд» — оценивает его знания, накопленные за годы учебы на аэродромном факультете, понял, что доклад удачен, и с облегчением опустил к полу указку. В течение получаса она уверенно скользила по развешанным на двух досках чертежам.

Капитан не ограничился объяснениями тонкостей инженерной части проекта. Он указал даже, сколько понадобится рабочих рук и материалов в процессе строительства, сроки и последовательность развертываемых работ.

Кажется, все исчерпывающе ясно. И не менее ясно, что вопросы ему будут заданы, наверное, как он ожидал, о каких-либо уязвимых деталях в проекте. Но, нет. Председатель, известный фортификатор, спросил самое что ни на есть элементарное: как подсчитать проектное количество земли, которое придется при строительстве аэродрома вынуть и переместить?

— Да ведь это должен знать каждый с первого курса! — не сдержавшись, воскликнул капитан.

— В том и суть, что вы это должны знать с первого курса, — мягко возразил Карбышев. — И не забывать на последнем, и после него в воинской части…

Простой вопрос председателя заставил Мизиренкова основательно «пошевелить мозгами», припомнить разные способы подсчета объема земляных работ.

Прежде всего пришел на ум способ подсчета с помощью прибора — планиметра — по синим и красным отметкам на чертежах. Одолел!

— А более просто? — настаивал председатель.

Капитан спохватывается. Можно и по квадратам, но это дольше. Метод надежен, но потребуется больше времени…

— А мы никуда не спешим.

Завершен и этот подсчет.

— А сколько понадобится машин: механических лопат, грейдеров, бульдозеров… Какое их сочетание всего экономичней?

И вслед за ответом абитуриента новый к нему вопрос:

— Ну а если нет механизмов?

— Тут мне поможет ваш опыт, — ответил Афанасий Васильевич.

— Какой же? — полюбопытствовал председатель.

— Брест-Литовский, на сооружении форта…

Капитан рассказал, как его, пятнадцатилетнего юношу, деревенского парня из-под Калуги, мобилизовали в царскую армию на возведение оборонительных рубежей. Определили в гидротехнический отряд военно-полевого строительства в полку. А полк прокладывал в Полесских болотах узкоколейку протяженностью в сорок километров по направлению к фронту.

Здесь Мизиренков и встретился с грабарями артели Маржутова. Артель возила в свое время и землю, и камень на форт, откуда отбыл Карбышев на фронт.

Маржутов научился у Дмитрия Михайловича быстро и точно подсчитывать объемы земляных работ, сколько для них потребуется грабарок, подсчитывать в уме, даже не прибегая к карандашу. И тому же научил Мизиренкова.

— Кроме грабарок, — заметил Карбышев, — у нас тогда все-таки в наличии имелось значительное количество механизмов. — И с одобрением: — Хорошо, капитан, что взяли «на вооружение» опыт прошлого. Пользуясь им при необходимости, неустанно внедряйте новую технику.

Дальнейшие вопросы председателя — о маскировке летного поля, размещении убежищ, о защите аэродрома при внезапном налете на него вражеской авиации — убедили абитуриента в том, что Дмитрий Михайлович не просто знаком, а глубоко изучает и знает сравнительно новую тогда область — инженерно-аэродромное дело.

Мысли и думы Карбышева не были «приземлены» к какому-либо одному роду войск. Ему вообще была присуща окрыленность.

Дмитрий Михайлович не только участвовал в приеме дипломных проектов, но и помогал их готовить.

«В начале 1936 года я приступил к дипломному проекту на тему „Инженерное обеспечение обороны дивизии“, — пишет А. Д. Цирлин в своих мемуарах. — Моим руководителем был общевойсковой командир — преподаватель тактики Павел Степанович Смирнов, впоследствии автор изданного в начале 1941 года капитального труда „Прорыв укрепленной полосы“. До преподавания в академии он был начальником штаба корпуса, обладал опытом первой мировой и гражданской войн, но не считал себя достаточно авторитетным в методике инженерных расчетов, связанных с механизацией.

Настаивая на том, чтобы в дипломе были применены

укрупненные тактико-инженерные расчеты с учетом перспектив развития средств инженерного вооружения, Павел Семенович рекомендовал мне обратиться за помощью к Дмитрию Михайловичу Карбышеву.

И вот в один из январских дней, захватив с собой свои выкладки и расчеты и заранее созвонившись с Дмитрием Михайловичем, я поехал к нему в Академию имени М. В. Фрунзе.

Карбышев внимательно выслушал мои соображения о методике расчета, которым я был намерен пользоваться. Согласился и с моим желанием показать все новое, что дает современная техника для механизации инженерных работ. И предостерег от увлечения чрезмерным для дивизии количеством машин, механизмов.

— Сейчас реально наша промышленность, — убеждал меня Дмитрий Михайлович, — еще не может дать армии столько экскаваторов, окопокопателей, компрессорных установок и других машин, сколько требуется по вашим наметкам.

Он судил обо всем в государственном масштабе и предостерегал тех, кого учил, кому давал свои наставления и советы, от любого проявления волюнтаризма — от решений, которые входят в противоречие с реальной действительностью.

Встреча с Д. М. Карбышевым сыграла немаловажную роль не только в разработке дипломной темы, но и во всей моей армейской жизни. На протяжении всей Великой Отечественной войны я был начальником инженерных войск на разных фронтах.

Приходилось в ходе боев решать труднейшие задачи. Часто в их решении принимали участие такие полководцы, как Р. Я. Малиновский, И. С. Конев, М. В. Захаров, М. М. Попов. И всякий раз, когда в беседе с ними речь заходила о Д. М. Карбышеве, который учил их военно-инженерному делу, они с благодарностью отзывались об этих всегда полезных в бою уроках.

Откровенно признаюсь и в том, что иногда, особенно при моих первых докладах по инженерному обеспечению тех или иных боевых операций, мне указывали вышестоящие начальники, — а Карбышев учил проще и быстрее решать то же самое.

Мудрая карбышевская простота остается навсегда в арсенале Советских Вооруженных Сил».

В связи с 15-летним юбилеем Военной академии имени М. В. Фрунзе в 1933 году за отличную научно-педагогическую работу Карбышева наградили грамотой ВЦИК СССР и третьими золотыми часами. А через несколько лет, в октябре 1938 года,

Карбышева утвердили в ученом звании профессора по кафедре тактики высших соединений.

К 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии правительство наградило Дмитрия Михайловича орденом Красной Звезды и юбилейной медалью «XX лет РККА». Тогда же ему было присвоено звание комдива.

Большая военно-научная я педагогическая деятельность не мешала Карбышеву уделять много времени и внимания общественно-политической работе.

Он принимал активное участие в работе Осоавиахима, был членом его Центрального совета, часто выступал с докладами по путевкам Общества перед рабочими, солдатами, студентами. Дмитрий Михайлович любил бывать на стрельбищах и в тирах, учил молодежь своему умению метко стрелять из пистолета, винтовки и пулемета.

За активное участие в работе Осоавиахима Карбышеву вручались грамоты Центрального и местных советов Общества.

Много времени Дмитрий Михайлович уделял чтению популярных публичных лекций на различные темы — главным образом по проблемам военно-инженерного искусства. Аудитории, в которых он выступал, всегда были переполнены. Среди слушателей можно было встретить рабочих, инженеров, студентов, офицеров и генералов. Карбышев как лектор пользовался большой популярностью.

А начались его публичные выступления так.

Однажды МГК ВКП(б) предложил Карбышеву прочитать лекцию для партийного актива. Дмитрий Михайлович рассказал коммунистам столицы о линии Мажино и позиции Зигфрида. Слушатели не только наградили лектора бурными аплодисментами, но тут же высказали пожелание встречаться с ним регулярно.

Однажды его пригласила выступить в лектории университета имени Ломоносова. Лекция была назначена на 6 часов вечера. Дмитрий Михайлович с присущей ему аккуратностью и точностью всегда являлся в аудиторию раньше положенного времени, чтобы должным образом подготовиться, развесить диаграммы, схемы, таблицы. Для доставки необходимых наглядных пособий Карбышеву заблаговременно подавали автомашину.

Приближалось время начала лекции, а машины не было. Карбышев начал волноваться. Он позвонил в лекторий. Ему ответили, что автомашины нет и поэтому лекция переносится на другой день.

Через некоторое время Дмитрию Михайловичу позвонили из

лектория и сообщили, что лекцию отменить не удалось: зал переполнен, люди не расходятся.

Не прошло и 20 минут, как к дому по Смоленскому бульвару № 15, в котором жил Карбышев, подкатил автомобиль, и вскоре Дмитрий Михайлович был в лектории.

Ожидавшие с большим нетерпением студенты встретили его шумными аплодисментами. Карбышев тотчас же приступил к чтению лекции, и она, как всегда, прошла с большим успехом.

1936–1941 годы — период особенного расцвета творческих сил и таланта Д. М. Карбышева. В сороковом ему присвоили звание генерал-лейтенанта инженерных войск.

Незадолго перед войной Академия Генерального штаба дала Дмитрию Михайловичу такую лестную аттестацию:

«Своей безупречной службой в РККА с ноября 1917 года, своей до предела исправной работой он показал преданность партии Ленина и социалистической Родине. Политически развит хорошо. Политически и морально устойчив. Крупный научный работник, он к изучению марксистско-ленинской теории всегда подходит углубленно, работает над собой много и с большим интересом. В 1939 году принят в кандидаты партии.

Трудолюбив, упорный в своих исканиях т. Карбышев требователен к себе, настойчив, обладает крепкой волей и, несмотря на большой возраст, энергичен, подвижен, не боится трудностей полевой и походной жизни…».

И далее читаем:

«Высокообразованный командир и специалист своего дела, желание и умение передать свои знания обучаемым известны по существу всей Красной Армии и во всяком случае той когорте слушателей академии, которые прошли через руки Карбышева.

Богатая эрудиция по всем вопросам военного дела, большие знания в области оперативно-тактической делают т. Карбышева не узким специалистом, а общевойсковым и генштабистом. Ведет большую научно-исследовательскую работу и любит это дело».

Летом 1932 года Дмитрий Михайлович был на крупных военных учениях в Киевском военном округе. Оттуда он пишет семье, как напряженно протекает у него время на учениях.

Вот отдельные выдержки из его писем.

7 июля 1932 года:

«Работаю много, сплю мало, 4–5 часов…».

16 июля 1932 года:

«Только что вернулся, три дня и три ночи сидел в поле, завтра утром снова уеду на три дня».

Еще несколько подробностей к его удивительному портрету.

О них рассказал военный журналист А. Ю. Кривицкий, который встречался с Д. М. Карбышевым в не совсем привычной для инженера-фортификатора обстановке — не в штабе, не на маневрах или полигоне, не на занятиях в академии, а в редакции газеты.

Генштабистский черно-бархатный воротник генеральского мундира Дмитрия Михайловича часто мелькал в коридорах газеты «Красная звезда». Нередко он приходил в редакцию вместе со своими близкими друзьями двумя «Арсеньевичами» — генералами-историками Левицким и Меликовым. Втроем они бывали и на редакционном «огоньке»: Карбышев часто выступал на страницах «Красной звезды» со своими статьями и рецензиями на книги советских и иностранных авторов по проблемам фортификации. Выступления в газете известного ученого всегда пользовались неизменным успехом у военных читателей, да и не только у них.

Рецензентом и советчиком молодых авторов он стал давно, что, в частности, подтверждает и полковник И. Г. Старинов:

«…Глубокая осень 1928 года. Я еду на учебу в Центральный институт труда. Но есть у меня в Москве и другое дело.

Прошедшей весной я написал для журнала „Война и техника“ две статьи. Одну — о приспособлении для надежного применения пенькового фитиля при подрывных работах с зажигательными трубками в ненастную погоду, другую — о поточном способе подрывания рельсов.

Первую статью приняли, а вторую редакция возвратила мне с замечаниями Д. М. Карбышева.

Рецензия была блестяще аргументирована. Возражать против доводов Д. М. Карбышева я не мог. Он справедливо писал о необходимости дополнительной проверки массового поточного подрыва рельсов двухсотграммовыми толовыми шашками, о необходимости тщательно обеспечить безопасность не только подрывных команд, но и войск, находящихся вблизи разрушаемой железной дороги. Да и о многом другом.

Я не успел доработать статью. И теперь, приближаясь к Москве, думаю о встрече со своим рецензентом. Хочу посоветоваться с ним…

И вот я в редакции.

Сотрудник журнала „Война и техника“ встает, увидев входящего в комнату сухощавого человека лет сорока пяти. Тщательно причесанные редкие волосы его чуть тронуты сединой. С узкого лица строго смотрят карие, кажущиеся холодными глаза. В петлицах хорошо сшитой шинели два ромба.

— Карбышев, — пожимая мою руку, говорит он.

Садимся. Карбышев и сидя не теряет осанки. Чувствуется, что постоянная подтянутость привычна ему.

По просьбе Дмитрия Михайловича рассказываю об опытах массового подрыва рельсов поточным способом.

Этот способ вдвое сокращает расход взрывчатых веществ и почти в пять раз увеличивает производительность подрывных команд по сравнению со способом, описанным в Наставлении к подрывному делу.

Поточный способ подрыва — мое детище. Естественно, что я увлекаюсь и немного горячусь.

Карбышев слушает внимательно, не перебивая.

Умолкаю. Нетерпеливо жду его ответа.

Дмитрий Михайлович вскидывает брови.

— Все делали правильно, — говорит он. — Но ваш опыт подрыва, хотя и значителен, остается опытом мирного времени. А в мирное время допускается много условностей, которых не будет на войне. Следовательно, поправки придется вносить на ходу? Так?

— Мы стремились приблизиться к условиям военного времени…

— Понимаю. Но работали вы в основном с модельными шашками. Стало быть, каков будет эффект от массовых взрывов снарядов, от разлета осколков рельсов, вы сказать не можете. А знать это надо. Могу посоветовать лишь одно: дополните свои опыты, проводите тренировки и ночью, надежно обеспечив безопасность, взрывая боевые заряды. Если проверка подтвердит вашу правоту — можно будет рекомендовать поточный способ войскам. Но проверка должна быть тщательной!

Забегая вперед, скажу, что в 1934 году, будучи в Москве на учебе, я без предупреждения зашел на работу к Дмитрию Михайловичу Карбышеву. Он принял меня как старого доброго знакомого.

Выслушав мои соображения об инженерных минах различного назначения, в особенности о минах замедленного действия, Карбышев заинтересовался ими.

— Вам надо написать на эту тему диссертацию! — горячо убеждал он.

В годы моей учебы Карбышев присутствовал на наших полевых занятиях. Вставал он одним из первых и, хотя ему часто нездоровилось (ведь уже тогда было за пятьдесят), ни разу не ушел с занятий, оставался с нами до конца, даже в самую ненастную погоду. Делая заметки, хронометрировал, охотно помогал, если к нему обращались за советом.

Никогда не забуду такой случай. При отходе от

минированного объекта, где были воспламенены зажигательные трубки, один из красноармейцев споткнулся и упал. Прежде чем мы успели что-то сообразить, Карбышев подбежал к бойцу. Отходили они уже вместе…»[5].

Свое шестидесятилетие Дмитрий Михайлович отмечал в узком кругу родных и друзей.

Скромная квартира на Смоленском бульваре, в доме № 15, где когда-то помещалось Главное военно-инженерное управление. Небольшая столовая. Собралось много гостей. Среди них и давние сослуживцы, профессора и преподаватели военных академий — ученики Карбышева.

Тепло и радушно встречали гостей Дмитрий Михайлович и его жена Лидия Васильевна.

«Старики» рассаживались по одну сторону стола, молодежь образовала отдельную компанию.

Дмитрий Михайлович вошел в столовую последним, и так получилось, что в углу, среди молодежи, пустовал один стул — быть может, нарочно оставленный молодыми для него. Усаживаясь, он сказал:

— Ну вот и хорошо, я в своей тарелке, среди молодежи!

Кто-то из гостей пошутил:

— Ты что это, старик, вздумал изменить нам и затесался в младое племя?

Зная, что хозяин дома не лишен юмора, гости притихли, ожидая ответа. Но Дмитрий Михайлович спокойным тоном спросил:

— Разве я старик?

И попросил у гостей несколько минут внимания. Выйдя из-за стола он подошел к двери, ведущей в его кабинет, и, ловко подпрыгнув, схватился за гимнастические кольца, ввернутые в верхней перекладине дверной рамы.

Легко, почти грациозно, он сделал несколько сальто-мортале, которым мог бы позавидовать самый заправский гимнаст, и мягко спрыгнул на пол.

Весь сияющий, с юношеской улыбкой на лице, он радостно воскликнул:

— Вот какой я старик!

Гости дружно провозгласили тост за его здоровье и счастье.

— 26 октября 1940 года в связи с 60-летием Дмитрий Михайлович Карбышев был награжден орденом Красного Знамени.

Дочери своей, Елене, он писал в Ленинград: «Столько людей меня поздравили с шестидесятилетием, что от рукопожатий

правая моя рука стала на 10 сантиметров длиннее левой».

Он чувствовал себя душевно и физически молодым и шутливо сетовал в том же письме к дочери: «Зачем о моем юбилее объявили по радио? Теперь все знают, что мне уже 60 лет…»

В канун войны, в феврале 1941 года, профессору Карбышеву была присвоена ученая степень доктора военных наук.

Коммунист

«…Переход, к коммунизму требует от всех трудящихся нашего великого Советского Союза настойчивого овладения большевизмом — учением Маркса — Энгельса — Ленина, повышения трудовой дисциплины, производительности труда. Участвуя своей ответственной работой преподавателя в подготовке высококвалифицированных кадров нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и вместе со всей страной в построении коммунизма, я хочу быть ближе к великой Коммунистической партии (большевиков) и прошу партийную организацию Академии Генерального штаба принять меня в кандидаты ВКП(б)».

Это заявление написано Д. М. Карбышевым в связи с твердо принятым решением навсегда связать свою жизнь с ленинской партией.

15 сентября 1939 года на общем собрании коммунистов академии его принимали кандидатом в члены ВКП(б). Ему шел тогда пятьдесят девятый год. В одной из анкет, хранящихся в архивных делах Академии Генерального штаба, Карбышев указывал, Что состоял сочувствующим Российской Коммунистической партии (большевиков) еще в 1918 году.

Во время наступления колчаковских орд на Самару в 1919 году автор этих строк, будучи тогда военным комиссаром, предложил Карбышеву подумать о вступлении в партию. Дмитрий Михайлович ответил:

— Спасибо, товарищ комиссар, за доверие. Это для меня была бы высокая честь. Но вместе с тем я считаю, что еще не подготовлен политически, чтобы носить звание коммуниста. Кроме того, я еще очень мало сделал для партии и Советской власти… Предлагая мне стать коммунистом, подумали ли вы над тем, что я бывший офицер, подполковник старой армии? Не найдутся ли люди, которые скажут, что я вступаю в партию ради карьеры, из корыстных соображений? Мне кажется, что я должен пока остаться беспартийным, но в полном распоряжении партии.

Большое влияние на Карбышева имели М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. Знакомство и беседы с ними, совместная борьба на фронтах гражданской войны против Колчака, Врангеля и других врагов Советской власти еще больше укрепили веру Карбышева в справедливость и человечность коммунистических идеалов. С тех пор он прочно связал свою судьбу с великой партией Ленина, хотя формально в ней не состоял.

— Никогда не думал, что смогу так скоро достичь полного

доверия и уважения таких людей, как Фрунзе и Куйбышев, — говорил Карбышев. — Самое удивительное еще в другом: мне ничего не пришлось предпринимать для этого. Фрунзе и Куйбышев верили каждому моему слову — и я высоко ценил это доверие. Ведь они в моих глазах были посланцами Ленина на фронте… Представителями партии большевиков…

Работая бок о бок с такими выдающимися сподвижниками Ленина, как Фрунзе и Куйбышев, Дмитрий Михайлович словно заражался их кипучей организаторской, политической и боевой энергией, проникался глубокой верой в дело большевиков.

Вступив в ряды Красной Армии, некоторые старые военные специалисты колебались, их мучили сомнения, они испытывали робость, а подчас и трусость. Вдруг белые осилят Советскую власть, что тогда? Были случаи — старые офицеры перебегали из Красной Армии в лагерь белогвардейцев, к Деникину, Колчаку и другим врагам революции. Свое презрительное отношение к этим предателям Карбышев выражал открыто:

— Я, бывший кадровый офицер старой русской армии, служил не царю, а отечеству и остался отечеству верен. У меня и до революции порядки в России, неравенство, гнет, тупая муштра в армии, холопство перед старшим по чину вызывали отвращение, гнев. Какие-то предрассудки мешали перейти к борьбе за иную, человеческую жизнь. Ее добыли другие. Дорогой ценой, кровью своей. Добыли и для меня, потому что только теперь я могу с чистой совестью заявить: служу своей Советской Отчизне, своему народу, его армии.

И слова у Карбышева не расходились с делом.

В марте 1919 года перед контрнаступлением войск Южной группы Восточного фронта на Колчака белогвардейские агенты спровоцировали в Самарской и Симбирской губерниях кулацкий мятеж.

Для его подавления Фрунзе снарядил отряд особого назначения, командиром которого он назначил комиссара штаба Южной группы П. И. Баранова. В этот боевой отряд Баранов взял с собой Карбышева. И не ошибся. Дмитрий Михайлович активно участвовал в подавлении мятежа, проявил себя смелым и мужественным бойцом. Интересно отметить, что в составе этого отряда Карбышев был единственным военным специалистом старой армии.

…Крупным очагом мятежа стало село Нижне-Печорское. В сильный мороз, по занесенной глубокими сугробами дороге, а то и по полю, держа винтовки наперевес, отряд двигался к селу развернутым строем. Карбышев шел в цепи на правом фланге рядом с комиссаром. Когда отряд подошел к Нижне-Печорскому,

мятежники открыли сильный огонь. По цепи раздалась команда штурмовать. Карбышев, стреляя на бегу, увлекая за собой красноармейцев, ворвался впереди других в мятежное село.

Дмитрий Михайлович не покинул боевого строя, пока отряд не разгромил мятежников.

Прошло более двадцати лет. Карбышев остался таким же бойцом на переднем крае. И когда он подал заявление в партию, радость и торжество Дмитрия Михайловича передались всем членам его семьи.

Рассказывает дочь Карбышева Елена Дмитриевна:

«Мы чувствовали, что это очень большое событие в жизни папы. Не знаю точно, когда впервые у него появилась эта мысль, но думаю, что очень давно. Я знаю, что его часто спрашивали, почему он не вступает в партию. Самому близкому человеку — маме — он объяснял так: „Знаешь ли, мать, вступление в партию — это очень серьезный шаг в жизни человека. Совершить его надо, всесторонне обдумав. Надо внутренне почувствовать, что ты готов к этому, а также всей своей жизнью доказать, что ты достоин быть коммунистом. Это очень большое доверие, и его надо оправдать. Я ведь был офицером в царской армии, и мне хочется, чтобы мои товарищи ни на мгновение не усомнились в моей искренности“.

Мне он писал: „Ну вот, дочка, свершилось очень важное событие в моей жизни. Я стал членом Всесоюзной Коммунистической партии большевиков“».

Карбышев очень волновался перед тем, как обратиться к своим товарищам с просьбой дать ему рекомендации в партию.

Однажды полковник Леошеня, встретив в академии Дмитрия Михайловича, обратил внимание на его рассеянность. Чувствовалось, что он думал не о предстоящем занятии со слушателями, а совсем о другом. На вопрос полковника, здоров ли он, не стряслось ли чего-нибудь с ним, Карбышев ответил:

— Не беспокойтесь, Евгений Варфоломеевич, все в порядке. Хотел вас попросить вот о чем, — и он взглянул полковнику в глаза. — Не могли бы вы поручиться за меня, дать мне рекомендацию?

— Да любую, Дмитрий Михайлович! — с готовностью поспешил ответить Леошеня. — Мы ваши ученики, знаем вас сто лет.

— Не любую, а самую серьезную, самую что ни на есть ответственную… в партию…

После занятий они встретились вновь.

«Он говорил о том, — вспоминал Е. В. Леошеня, — что время очень тревожное, что в Европе свирепствует война. В это трудное

время ему бы хотелось быть вместе с партией.

— Кто знает, может быть, придется умереть за Родину, — сказал Карбышев, — а умереть мне хотелось бы только коммунистом…».

Последние слова Карбышева особенно запали в память Леошени. Конечно, он дал рекомендацию своему учителю и другу, в которого верил, как в самого себя.

Вторую рекомендацию дал генерал-лейтенант Александр Васильевич Сухомлин; тоже ученик Карбышева по Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Вот как он сам об этом вспоминает:

«В 1939 году Дмитрий Михайлович в одной из бесед со мной сказал, что не будет оправдываться, почему он до сих пор находится вне рядов партии большевиков. Но вот ныне приспело и для него время. Народ переходит от социализма к коммунизму. Чтобы быть вместе с партией большевиков и отдать все свои силы и знания великому делу, народу, он хочет стать большевиком-коммунистом.

Дмитрий Михайлович попросил у меня рекомендацию. С радостью дал, но, когда писал ее, ловил себя на мысли: не верится, что Дмитрий Михайлович в ней нуждается, ведь он всегда с нами, и мы его никогда не считали беспартийным».

И вот в канун жестокой войны с гитлеровской Германией общее собрание коммунистов Академии Генерального штаба единогласно принимает Карбышева 15 сентября 1939 года кандидатом, а в декабре сорокового года — в члены Коммунистической партии.

Прием происходил на общеакадемическом партийном собрании. Предложение о принятии Дмитрия Михайловича в члены ВКП(б) было встречено бурными аплодисментами всех присутствовавших. Полное единодушие при голосовании явилось выражением заслуженной любви и уважения, которыми пользовался Дмитрий Михайлович в академии.

Присущая Карбышеву непоколебимая вера в идеалы и цели коммунистов, его органическая партийность превосходно отражены во взятых им социалистических обязательствах по договору о соревновании между преподавателями Академии Генерального штаба. Договор датирован апрелем 1940 года. Начинается с пункта — «овладение большевизмом».

Дмитрий Михайлович, в частности, берет обязательство «продолжать глубоко изучать историю ВКП(б)… обязательно и аккуратно посещать все лекции, доклады, конференции по марксизму-ленинизму, вести записи лекций. Читать регулярно партийную периодику…».

Мы пропускаем длинный перечень обязательств по специальным военным дисциплинам. Не упоминаем о серьезной научно-исследовательской работе, которую взял на себя Карбышев добровольно, в порядке соревнования со своими коллегами.

Хочется лишь выделить из этого социалистического договора пункт об общественной деятельности:

«1. Написать три статьи в свою академическую газету „За кадры“.

2. Две статьи в пресс-бюро газеты „Правда“.

3. Организовать ячейку МОПР, составить план ее работы и обеспечить его выполнение.

4. Выступить с докладами по заданиям комиссара академии в МК ВКП(б), ЦДКА и на Курсах погранвойск».

При огромной академической загрузке, на шестьдесят первом году жизни, Дмитрий Михайлович показывает пример неутомимости, желания быть впереди в социалистическом соревновании.

Все свои обязательства он выполнил с честью.

К слову сказать, характерно и то, что коллектив академии избрал именно Дмитрия Михайловича руководителем Суда чести.

Коммунист Карбышев всей своей жизнью являл пример, образец советского труженика, человека твердой идейности и высокой чести.

На линии Маннергейма

Легкие победы Гитлера в Западной Европе вскружили головы фашиствующим правителям Финляндии, бывшим тогда у власти. Зимой 1939 года у них возник бредовый план захвата Ленинграда и территорий, прилегающих к советско-финляндской границе.

Еще лет на двенадцать раньше Финляндия начала строить на Карельском перешейке мощный укрепленный район — линию Маннергейма. Возводили ее немецкие военные специалисты. С 1938 года их сменили англичане и французы. Общее руководство взял на себя бельгийский генерал Баду — участник строительства знаменитой в первую мировую войну французской оборонительной линии Мажино.

Линия Маннергейма находилась в 32 километрах от Ленинграда, в 15 километрах от Кексгольма — эти расстояния вполне доступны для огня артиллерии крупного калибра. Под прицелом финских дальнобойных орудий оказался и Кронштадт — главная база Балтийского флота. В глубине, за линией Маннергейма, расположился важный узел железных дорог — город-крепость Выборг.

Таким образом, весь Карельский перешеек был превращен финской военщиной в плацдарм, позволявший быстро сосредоточить и развернуть крупную группировку войск, чтобы внезапно нанести удар по Ленинграду.

Советское правительство не могло оставаться безразличным к военным приготовлениям Финляндии под Ленинградом. Оно неоднократно предлагало ей взаимно приемлемые условия для урегулирования назревшего пограничного конфликта. Но вместо мирного решения финские правители при поддержке империалистических кругов Англии и Франции продолжали провокационные действия.

Это вынудило Советское правительство 28 ноября 1939 года расторгнуть договор о ненападении с Финляндией и порвать с ней дипломатические отношения. Финляндская военщина ответила новыми провокациями на границе под Ленинградом. 30 ноября 1939 года между двумя армиями на Карельском перешейке начались военные действия. Они продолжались три с половиной месяца.

Эта страница военной истории нашей страны имеет прямое отношение к Карбышеву: он стремился на фронт не только из патриотических чувств. Ведь он ученый, фортификатор, а на Карельском перешейке наши войска одолевают вражеский укрепленный район, который западные военные авторитеты

считают неприступным.

Дмитрий Михайлович оказался в группе заместителя начальника Главного военно-инженерного управления по оборонительному строительству полковника М. А. Ковина. Группа здесь же, на театре военных действий, разрабатывала рекомендации нашим войскам по инженерному обеспечению прорыва линии Маннергейма.

Генерал-лейтенант В. К. Мордвинов вспоминает: «…во время советско-финляндского конфликта Дмитрий Михайлович настойчиво добивался, чтобы его послали в действующую армию. Я интересовался, зачем он хочет туда ехать. Карбышев ответил, что эта поездка нужна ему по трем причинам; во-первых, он должен пополнить свой опыт и присмотреться, как выглядит в современных условиях долговременная фортификация; во-вторых, вместе с инженерами разобраться в тех вопросах, в которых обнаружатся трудности и неясности; в-третьих, поучить тех, кто будет в этом нуждаться. Он блестяще выполнил эти задачи, но его желание все узнать и увидеть собственными глазами едва не стоило ему жизни от пули снайпера».

«Особенно близко мне довелось узнать Д. М. Карбышева в январе 1940 года, когда он пребывал в группе, разрабатывавшей рекомендации по преодолению линии Маннергейма, — вспоминает генерал-полковник инженерных войск в отставке профессор Александр Данилович Цирлин. — В основном Д. М. Карбышев проводил работу в 7-й армии, но систематически наезжал в Ленинградское военно-инженерное училище.

Узнав о том, что я занимался в полосе 7-й армии разминированием, руководил подразделениями училища, выполнявшими эту задачу, и участвовал в обучении штурмовых групп под руководством комдива Пядышева, Дмитрий Михайлович стал расспрашивать меня о моем опыте. Его интересовало все: как велась разведка минных заграждений, каким способом лучше разминировать завалы и уничтожить обнаруженные взрывные „сюрпризы“. Особенно привлекало его внимание совместное обучение пехотинцев, артиллеристов, танкистов и саперов в штурмовых группах, блокирующих и атакующих долговременные железобетонные огневые сооружения.

— Вы понимаете, — горячо говорил Дмитрий Михайлович, — насколько нам необходимы все эти крупицы боевого опыта. Ведь на войне все выглядит сплошь и рядом не так, как на учениях и маневрах.

Он настоятельно рекомендовал внедрять опыт действий инженерных войск на Карельском перешейке в учебный процесс

военно-инженерного училища. Хорошо зная опыт применения заграждений в первой мировой войне, Дмитрий Михайлович напомнил о сражении на Марне в сентябре 1914 года. Недооценка заграждений во 2-й немецкой армии дорого обошлась тогда немцам. Карбышев подчеркивал, что в первой мировой войне применялись пассивные заграждения, создаваемые главным образом из колючей проволоки, а в боевых действиях на Карельском перешейке нашли широкое применение минно-взрывные заграждения, способные активно воздействовать на противника, даже если они не прикрыты огнем…».

Герой Советского Союза генерал-полковник инженерных войск Аркадий Федорович Хренов был начальником инженерного отдела 7-й армии во время советско-финляндской войны.

Вот его дневниковые записи:

«Во второй половине декабря 1939 года, под руководством командующего 7-й армией К. А. Мерецкова, мы трудились на Карельском перешейке над составлением инструкций по прорыву линии Маннергейма, готовили части и соединения различных родов войск к действиям по прорыву. И вот однажды, когда я находился в полках 100-й стрелковой дивизии, мне сообщили, что к исходу дня на командном пункте армии будет Д. М. Карбышев. Получив разрешение командующего, я ночью вернулся к себе, в инженерный отдел, который размещался на окраине местечка Райвола в маленькой финской бане. В предбаннике, около печи, примостившись на ящиках, прикрытый полушубком, лежал комдив Карбышев.

Я недоуменно спросил своих помощников, почему не позаботились о комдиве. Мне доложили, что Дмитрий Михайлович категорически отказался занять место в моем отделении, за перегородкой.

По-видимому, наш разговор разбудил Дмитрия Михайловича. Извинившись, я начал обсуждать с ним назревшие вопросы. Просидели весь остаток ночи и утро. Беседовали об инструкции по прорыву линии Маннергейма, инженерному обеспечению прорыва и о дальнейшем развитии наступления. Он высказал ценные соображения о практическом обучении войск действиям в штурмовых группах и отрядах, о разведке, разминировании и о многом другом.

Дмитрий Михайлович расспрашивал меня о тактике действий войск противника, о трудностях инженерного обеспечения боевых действий, об организации дорожной службы. А в заключение сказал:

— Обстановку на фронте вы знаете во всех подробностях, а я только понаслышке, поэтому давать какие-либо советы мне

трудно. Вот побываю в войсках, тогда, может быть, у меня появятся какие-либо предложения и рекомендации.

Утром мы с Дмитрием Михайловичем зашли к командующему и члену Военного совета армии. Беседа с ними затянулась, и только после обеда Д. М. Карбышев смог выехать в корпус к тов. Гориленко. А на другой день стало известно, что ночью он вместе с корпусным инженером майором Ляшенко и группой саперов-разведчиков ходил в разведку для ознакомления с передним краем линии Маннергейма.

К. А. Мерецков, вызвав меня к себе, потребовал, чтобы подобное больше не повторилось, и предупредил, что за жизнь Дмитрия Михайловича я отвечаю головой. После такого внушения пришлось дать соответствующие указания и принять надлежащие меры по охране Карбышева.

Дней через семь или десять после того, как Дмитрий Михайлович побывал в корпусах и дивизиях нашей армии, он вернулся на командный пункт в Бабошино и поделился впечатлениями. По его мнению, эта система укреплений и заграждений противника не уступала ни линии Мажино, ни позиции Зигфрида. Много приятного он сказал о действиях наших войск, о методах их обучения прорыву укрепленных районов, а также о действиях саперов, понтонеров и электриков, о четком порядке на дорогах. Хорошо отзывался он и о войсковых инженерах. Прощаясь, Карбышев пожелал нам проявлять больше активности, решительности».

К этому времени относятся и воспоминания Елены Дмитриевны, дочери Карбышева:

«Готовился прорыв линии Маннергейма. Больше месяца мы не получали от папы вестей. Мама сильно тревожилась, я ее успокаивала:

— Пойми, ведь он инженер, комдив, преподаватель. Не будет же он находиться на передовой линии.

— Значит, ты еще плохо знаешь своего отца, Елена. Он всегда все должен своими глазами посмотреть и руками потрогать. Во время мировой войны он тоже был инженером, однако земля еще не успела остыть от взрыва снарядов, а он уже в воронке: что-то измеряет, что-то записывает.

Как потом выяснилось, мама была права. Он действительно старался все увидеть своими глазами. Папа вернулся усталым, но полным впечатлений и новых мыслей. С восхищением отзывался о мужестве и выносливости наших бойцов.

В подвиге воинов сороковых годов он видел продолжение боевых традиций красных бойцов гражданской войны, защитников молодой Советской Республики».

Продолжим, однако, дневниковые записи А. Ф. Хренова.

«В июне 1940 года Дмитрий Михайлович заехал ко мне в управление.

— Аркадий Федорович, мне предложили сделать в Генеральном штабе доклад об опыте боевых действий на Карельском перешейке. Я же полагаю, что такой доклад нужно сделать вам, а не мне. Да мне и неловко читать такой доклад: я же не участвовал в боевых действиях. А в Генеральном штабе настаивают.

— Вот и хорошо, Дмитрий Михайлович, — ответил я ему, — вы можете лучше сделать доклад, так как не будете ничем связаны в критическом разборе наших действий, а мне, сами понимаете, сделать это трудно.

Начальник Генерального штаба К. А. Мерецков просил меня предоставить Д. М. Карбышеву для доклада отчетные материалы. Нагруженный ими, Карбышев поблагодарил меня за помощь и уехал к себе».

И все это он, обремененный годами, научной работой, делал для того, чтобы добыть и вписать в отечественную науку новую страницу. Отсюда и особая ценность его исследований по вопросам атаки и обороны укрепленных районов, а также по созданию и преодолению полос заграждений.

«Опыт советско-финляндской войны еще больше укрепил мнение Карбышева о необходимости заблаговременно готовить прорыв укрепленных районов и полос усиленными войсковыми соединениями, — вспоминает генерал-лейтенант И. Т. Шлемин, ученик Дмитрия Михайловича. — Инженерные войска должны были заблаговременно подготовиться к действиям против конкретного противника в условиях зимы, к ведению разведки, к разграждению местности от минных полей и минированных завалов, к штурму долговременных огневых сооружений.

К сожалению, все это нашим инженерным войскам приходилось вести в ходе войны. Не легко далась разведка долговременных огневых сооружений. Потребовалось срочно изобретать и создавать специальные приспособления, которые могли бы прикрыть людей при их приближении к дотам».

Западная граница

Гитлеровский вермахт между тем вершил в Европе «новый порядок».

Настороженно, с тревогой следил Дмитрий Михайлович за развивавшимися событиями. Пламя войны все ближе и ближе подкатывалось к нашим границам.

На карте, висевшей в кабинете, Карбышев отмечал флажками движение фронта.

— Зарвался Гитлер, зарвался… — как-то вырвалось у Дмитрия Михайловича, когда Лидия Васильевна, неожиданно войдя в кабинет, застала мужа у карты.

Тревожно было и в Москве, хотя город продолжал свою размеренную трудовую жизнь.

В 1940 году выпускной курс слушателей Академии Генерального штаба и преподавательский состав участвовали в больших полевых учениях в Западном особом военном округе. Был там и профессор Карбышев.

Как и в каждую полевую свою поездку, Дмитрий Михайлович работал здесь с большим энтузиазмом и увлечением. Полевые учения в условиях, близких к боевой обстановке, во всей полноте раскрывали огромный организаторский, творческий и военный талант Карбышева.

«…В процессе учения Дмитрий Михайлович, получил много ярких впечатлений, — сообщает бывший начальник Академии Генерального штаба генерал-лейтенант В. К. Мордвинов, — и при подготовке командующего войсками округа к разбору нарисовал блестящую картину состояния военно-инженерного дела в войсках и военно-инженерных знаний командного состава и штабов. Командующий округом горячо благодарил его за эти данные и просил меня прислать Карбышева в Западный особый военный округ для помощи в создании укрепленных районов на новой государственной границе».

Сохранилось короткое письмо Дмитрия Михайловича домой, жене и детям, датированное 16 октября 1940 года:

«…Сижу в глухом лесу, в палатке, как „папанинец“. Со мной Мордвинов и все наши преподаватели. Палатка утепленная. Я, вернее саперы, построили кирпичную печку, день и ночь она топится, так что жить можно. В общем, все заняты. Никто писем не пишет и не получает. Не до того. Я случайно вырвал минутку, сейчас 12 часов, я позавтракал, побрился, все в порядке.

Так как у меня „своя“ машина, я сейчас поеду в местечко Ружаны (недалеко, мама, от твоего знаменитого Домановo).

Попытаюсь послать вам телеграмму и письмо. Думаю, что все это удастся. 22 октября я свою работу закончу и, по-видимому, числа 25–26 (октября) буду в Москве.

Ехали сюда в международном спальном вагоне. На свежем воздухе чувствую себя хорошо.

Как мама доехала? И вообще приехала ли? Ко мне писать нельзя, так как каждую минуту могу переехать на новое место.

Тане и Алеше купил я в Барановичах по выдвижному карандашу и здесь в военторге — карманный электрический фонарь. Если попаду в населенный пункт, куплю еще что-нибудь.

Ну крепко всех целую, передавайте привет Ляле. Ваш папа».

Полевые учения в Западном особом военном округе произвели на Д. М. Карбышева отрадное впечатление. В то же время он был сильно обеспокоен состоянием инженерной обороны на новой государственной границе.

Из истории минувших войн Карбышев знал, что почти все иноземные завоеватели, которые вторгались на территорию нашей страны с запада, проходили через Белоруссию, и всегда она становилась ареной крупных боев, на которой особенно проявлялась жестокость врага. Ее села и города враг превращал в руины и пепел, уничтожал и разорял мирное население.

Не удивительно, что его тянуло туда, к границе, где возводились укрепления… Но командировку в Белоруссию все не оформляли, мешали другие неотложные дела.

Так незаметно прошел почти год.

Весной 1941 года на одном из испытаний новой техники полковнику И. Г. Старинову довелось вновь встретиться с Д. М. Карбышевым. Вот что он пишет об этой встрече:

«Генерал был одним из тех, кто всецело разделял наши тревоги и заботы об обеспечении войск инженерной техникой. Он не раз говорил, что инженерные мины являются сильнейшим оружием в борьбе с врагом, что это особенно убедительно доказано в боях на Карельском перешейке и что, занимаясь вооружением наших войск, надо помнить указания В. И. Ленина: „Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены…“.

— Вооружение же современной армии отнюдь не ограничивается только огнестрельным оружием, — напоминал генерал-лейтенант. — Хорошие инженерные мины во многих случаях можно использовать с большим эффектом и по наступающему противнику…».

Той же весной полковник Старинов встретил Карбышева в

одном из отделов Генерального штаба. «Зашел разговор о пленных, — пишет полковник. — Возник он не случайно: газеты сообщили о захвате англичанами в Африке большой группы военнопленных итальянцев.

Дмитрий Михайлович тут же припомнил случай, когда несколько русских солдат бежали из плена и с невероятными трудностями добрались до своих. Офицер, спрашивавший вернувшихся, попытался выяснить у солдата-сибиряка, что заставило его бежать из плена.

— В плену надо или умереть, или работать на врага, — резонно ответил солдат. — А я, ваше благородие, хочу жить, да так, чтобы от меня не польза была врагу, а вред!

Сколько раз впоследствии, вспоминая Д. М. Карбышева, я невольно задумывался над этими исполненными глубокой мудрости словами!»

«Первая половина 1941 года была у отца, как всегда, до предела заполнена работой, — вспоминает дочь Карбышева Елена Дмитриевна. — 26 февраля он писал мне: „Вчера делал доклад о 23-й годовщине Красной Армии в ЦДКА оборонному активу Дзержинского района. Было достаточно торжественно, присутствовал секретарь райкома и человек 600 актива. Доклад прошел хорошо. Завтра опять доклад на ту же тему в какой-то гидротехнической организации. Вчера весь день сидел в комиссии Буденного, сейчас опять иду к нему. 75 % времени расходую вне академии…“

Последняя наша встреча с папой состоялась в начале мая. Я получила кратковременный отпуск и приехала на первомайские праздники в Москву.

Вечером, после демонстрации и прогулки по Иллюминированным улицам, у нас собралась молодежь. Были здесь и курсанты нашего ленинградского Высшего военно-инженерного училища… Папа все время находился с нами, много шутил, весело подтрунивал над курсантами, с большим трудом привыкавшими к условиям жизни в училище.

Прошло три радостных дня. Вечером 4 мая наш поезд отходил с перрона Ленинградского вокзала. Рядом с вагоном шел папа и махал мне рукой. Могла ли я думать, что вижу его в последний раз?..

…8 мая он мне писал: „Я понемногу начинаю собираться в дорогу“.

10 мая: „Мне, по-видимому, придется задержаться до 20 мая, так как работа лезет из всех щелей, и я едва успеваю с ней справиться… У меня во вторник большое занятие, в среду лекция…“.

15 мая: „Вот и еще день прошел… Дни мелькают. Сегодня отчитал последнюю лекцию, читал с подъемом, весело и хорошо. Теперь надо заканчивать разную писанину, а ее очень много“.

6 июня папа провожал маму ко мне в Ленинград. В тот вечер он был как-то необычно грустен, почти все время молчал. Маму очень тревожило такое его состояние. Расспрашивать о причине она не стала, но ей было тяжело расставаться с ним. Сквозь слезы мама видела, что папа не уходит, а продолжает стоять на перроне, глядя вслед удалявшемуся поезду. А 7 июня тронулся в путь и он сам…».

После неоднократных представлений Академия Генерального штаба получила в июне 1941 года разрешение командировать Д. М. Карбышева в Западный особый военный округ.

Профессора и преподаватели академии, провожая его в командировку на западную границу, просили:

— Дмитрий Михайлович, мы будем ждать вашего сообщения о состоянии инженерной обороны наших западных границ. Учтите запросы войск, потому что для нас и это очень важно.

— Я еду охотно, ждал этого с нетерпением, — сознался Карбышев. — Намерен разработать проект нового типа укрепленного района, в основу которого положу современные новейшие достижения военной науки и собранные в этой командировке материалы.

Все знали: генерал выполнит свои намерения.

Перед отъездом в Белоруссию Карбышев участвовал в научно-технической конференции Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. В лекции инженерного обеспечения боя он подробно, разобрал боевые действия на Карельском перешейке при прорыве линии Маннергейма. Дмитрий Михайлович настойчиво призывал готовиться к войне, считая фашистскую Германию вероятным противником СССР.

Большое внимание Карбышев уделил положению об «осаперивании» пехоты, т. е. о ее инженерной подготовке, утверждая, что ни в одной войне саперов не хватало, не хватит и не будет хватать и в дальнейшем.

Попутно Дмитрий Михайлович разобрал недостатки существовавших тогда военно-инженерных средств, говорил о необходимости образования самостоятельной системы инженерного снабжения, упраздненной в сороковом году. Он считал ошибкой ликвидацию должности начальника инженерного управления в тыловых округах.

Карбышев обратил внимание на необходимость своевременного строительства оборонительных рубежей в глубине пограничных зон. Они должны быть, по его мнению,

связанными между собой и с укрепленными районами. В их систему надо включать и фортификационные сооружения старых русских крепостей, уцелевших после первой мировой войны. Забыть об этих крепостях было бы непростительной оплошностью.

Новая техника, высокопроизводительные механизмы еще не проникли в строительство фортификационных сооружений. Карбышев считал очень важной широкую механизацию трудоемких оборонительных работ, призывал создавать более совершенную инженерную технику, в первую очередь землеройные машины и заградительные средства. Все это тогда имело весьма актуальное значение.

О том как проходила последняя лекция Дмитрия Михайловича в Академии Генерального штаба перед его отъездом в июле 1941 года на западную границу, рассказывает присутствовавший на ней генерал-лейтенант М. Т. Каракоз:

«В лекционный зал он, как всегда, вошел стремительно. В проходе между двумя длинными рядами молчаливо застывших слушателей принял короткий доклад дежурного по курсу, поздоровался с ним за руку, прошел к кафедре и, быстро повернувшись, обвел обращенные к нему лица внимательным взглядом умных глаз. С приятной улыбкой сказал: „Здравствуйте, товарищи! Садитесь!“.

Лекция началась в приподнятом настроении как лектора, так и слушателей. Обычно при чтении лекции генерал Карбышев почти не обращался к конспекту, но очень охотно пользовался схемами, доской и мелом. На этот раз он медленно ходил через весь зал от кафедры до входной двери, время от времени останавливался и, не прерывая лекции, внимательно вглядывался в слушателей, как бы проверяя, насколько доходчиво и убедительно он говорит.

А говорил он о том, что на войне можно достичь победы не только силой, но и искусством, и в подтверждение сказанного приводил примеры из своего личного опыта, полученного в русско-японской войне под Порт-Артуром и в первую мировую войну при взятии Перемышля. На ярких примерах прошлых войн показывал как сохраняются и обеспечиваются войска в полевых условиях, какой урон могут понести войска, если полевые укрепления создаются по шаблону, известному противнику».

Уходил с этой последней карбышевской лекции М. Т. Каракоз с сознанием насущной необходимости творческого труда. «У каждого слушателя после общения, пусть даже очень короткого, с таким педагогом, как Д. М. Карбышев, появлялось чувство, будто он стал богаче, приобрел что-то ценное и нужное ему в жизни и будущей военной деятельности.

У меня, как и подавляющего большинства моих „однокашников“, с которыми приходилось встречаться на фронте и в мирной обстановке и обмениваться впечатлениями о генерале Д. М. Карбышеве, сохранилось незабываемое воспоминание о нем как о гуманном человеке высокой культуры и высокообразованном специалисте, ученом…».

Евгений Варфоломеевич Леошеня виделся в последний раз с Д. М. Карбышевым 6 июня 1941 года.

«Это было как раз накануне отъезда Дмитрия Михайловича в Белоруссию в командировку. Он принес мне на квартиру отредактированный проект „Наставления по форсированию рек“, который мы писали вместе с генералами Галицким и Стельмахом. Посоветовал исправить написанные мною приложения к „Наставлению“, а рукопись срочно передать в издательство — такой важный документ нельзя задерживать, он очень нужен войскам.

Разговор незаметно перешел к обстановке на западе и состоянию Красной Армии.

— Гражданская война в Испании, прорыв линии Маннергейма, обход линии Мажино, „странная война“ на Западном фронте, падение Чехословакии и Австрии, разгром Польши, Франции, Норвегии, Дании, Голландии, Югославии, Греции, неудержимое шествие немецко-фашистской армии по Европе… — говорил Дмитрий Михайлович. — Все это заставляет о многом размышлять, по-иному смотреть на формы инженерной подготовки государственных границ.

Мы посвятили вечер обсуждению характера и форм инженерного обеспечения боя и операции и особенно роли заграждений. Меня не переставали поражать смелость суждений Дмитрия Михайловича, убедительные доказательства ошибочности иных моих взглядов — недооценки, переоценки некоторых вопросов. И я радовался, когда он соглашался со мной.

Поздно вечером мы вышли из дома. Был теплый летний вечер. Мы пошли по Смоленскому бульвару, по Пироговской улице, дошли до Новодевичьего монастыря. Проходя мимо здания Военной академии имени М. В. Фрунзе, Карбышев сказал:

— Ваша „alma mater“ и мое любимое детище!

Дмитрий Михайлович снова начал говорить о бушующей войне, о возникновении новых взглядов и положений в тактике инженерных войск.

— Едва ли, — произнес он, — кто-либо из здравомыслящих советских людей думает, будто война на западе нас не касается, что у нас могут процветать мир, тишь, благодать. Нет, мы понимаем, что на самом деле война уже началась и для нас —

настоящая, ужасная война. Ведь фашисты войну не объявляют.

Подойдя ближе к дому, Карбышев неожиданно и весьма странно спросил:

— Хотите — условимся?

— О чем?

— Встретиться после войны, если будем вместе в начале ее.

— Где, здесь?

— Нет, на месте победы!

— Договорились!

И мы распрощались, пожелав друг другу успехов. А назавтра поздно вечером поезд с Белорусского вокзала увозил Карбышева в Минск. Его провожали подполковник (ныне генерал-майор инженерных войск в отставке) М. Ф. Сочилов с супругой, так как жена Дмитрия Михайловича Лидия Васильевна в это время гостила у дочери Елены в Ленинграде».

В день приезда в Минск Дмитрий Михайлович пишет своей дочери Елене и жене Лидии Васильевне в Ленинград письмо:

«Ну вот я и в Минске. Ехал сюда в международном вагоне со всеми удобствами, с помощником командующего войсками генералом Михайлиным.

На вокзале меня встретил с рапортом специально высланный адъютант. Я вначале не понял, к кому он обращается, и показываю на Михайлина. Михайлин говорит, что он рапортует мне.

Поместили меня в лучшей гостинице, в лучшем номере: две огромные комнаты (спальня и кабинет), ванна и прочее… Прямо повезло. Сейчас сижу в кабинете и пишу вам письмо. Вид у меня, как у Льва Толстого, когда он писал Анну Каренину, очень серьезный.

Утром в вагоне-ресторане выпил кофе, скоро надо обедать. Жду вызова от командующего войсками. Хочу вам сейчас послать телеграмму и написать детям.

Ну, Лялюшка, сейчас 14 часов 9 июня. Ты, вероятно, страдаешь на экзамене. Я усердно о тебе думаю, притом так настойчиво, что пятерка обеспечена. Адрес свой я вам сообщу телеграммой, как только узнаю о своей дальнейшей судьбе. Вероятно, из Минска я скоро уеду, но куда, пока еще написать не могу. Одним словом, связь не потеряю и по возможности буду писать ежедневно, хотя твердо не обещаю. Не знаю, как позволит время и место.

Мать, я забыл капюшон от накидки. Если будет оказия, я тебе напишу и ты мне его пришли. Здесь немного теплее, чем в Москве: солнышко и погода походит на летнюю.

Я постригся, помылся, подшил чистый воротничок, начистил

сапоги — одним словом, все в порядке. Кругом зеркала, а там ходит какой-то молодой симпатичный генерал. Как бы я хотел быть на его месте!

Лялюшка, похвали меня: я взял с собой Краткий курс истории ВКП(б) и сейчас буду продолжать конспектировать.

Как мне хочется поскорее поехать в поле, на ветерок, на солнышко, на свежий воздух! Надоело сидеть в кабинете. Пишите, мои детки, адрес я вам телеграфирую дополнительно.

Крепко всех целую, ваш папа».

Карбышев приехал в Минск 9 июня 1941 года и, устроившись в гостинице, отправился в штаб Белорусского особого военного округа к командующему войсками генералу армии Д. Г. Павлову.

Павлов вызвал в кабинет начальника инженерного управления округа генерал-майора инженерных войск Петра Михайловича Васильева и предложил подробно ознакомить Карбышева с состоянием укрепленных районов и других оборонительных сооружений округа.

В беседе выяснилось, что, несмотря на большой размах работ, состояние инженерной обороны в пограничной полосе округа значительно отстает от намеченного в плане. Особенно отставало строительство укрепленных районов и долговременных железобетонных сооружений на новой государственной границе.

Как известно, укрепрайоны начали у нас создаваться с 1929 года. По проекту они должны были иметь протяжение 80-120 километров и состоять из предполья глубиной 10–12 километров (полоса прикрытия с полевыми укреплениями и заграждениями), главной полосы обороны глубиной 2–4 километра и тыловой оборонительной полосы в 15–20 километрах от переднего края главной полосы обороны. Главная полоса обороны оборудовалась долговременными батальонными районами обороны, а с 1939 года — долговременными узлами обороны шириной по фронту 6-10 километров и глубиной 5-10 километров, расположенными с промежутками в 5–8 километров. Тыловую оборонительную полосу намечалось оборудовать сооружениями полевой фортификации.

На западных границах страны укрепрайоны были сооружены на важнейших, наиболее опасных направлениях вероятного вторжения противника.

Костяк инженерного оборудования главной полосы обороны составляли железобетонные фортификационные огневые сооружения, которые занимал специально обученный гарнизон.

Предполагалось, что в угрожаемый период на линии приграничных укрепленных районов развернутся полевые войска,

образуя совместно с гарнизоном укрепрайона первый эшелон, прикрывающий развертывание основных вооруженных сил.

Со вступлением полевых войск в укрепрайон его долговременные фортификационные сооружения должны быть дополнены полевыми укреплениями и заграждениями.

После освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины советскими войсками в 1939 году Государственная граница СССР передвинулась на запад. Нарастающая угроза войны с германским фашизмом вызвала необходимость укрепления новых границ в крайне жесткие сроки.

Капитальное строительство укрепленных районов началось с применения новейших долговременных фортификационных сооружений с модернизированным вооружением и оборудованием. Проектирование, строительство, изготовление и монтаж оборудования потребовали определенного времени. Запаздывала техническая документация, не поступали в срок строительные материалы, в особенности цемент и металл, а также средства внутреннего оборудования и вооружения. Несмотря на это, работы шли довольно интенсивно и планомерно. В них было занято ежедневно почти 140 тысяч человек.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» уделил немало строк подготовке к обороне нашей западной границы перед началом Великой Отечественной войны.

«В 1940 году было принято решение о немедленной передислокации части войск западных округов в новые районы западной территории, воссоединенной с Советским Союзом. Несмотря на то что эти районы не были еще должным образом подготовлены для обороны, в них были дислоцированы первые эшелоны войск западных округов.

Здесь я хотел бы остановиться на судьбе новых и старых укрепленных районов (УРов). К строительству новых укрепленных районов на западной границе приступили в начале 1940 года. Проект строительства УРов был утвержден И. В. Сталиным по докладу К. Е. Ворошилова.

К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 была вооружена УРовской артиллерией, а остальные 1500 — пулеметами. Однако строительство укрепленных районов завершено не было.

Если говорить об Украине, то в наибольшей боевой готовности в июне 1941 года находились Рава-Русский и Перемышльский районы, которые в первые дни войны сыграли весьма положительную роль…»[6].

Из истории Великой Отечественной войны теперь известно, какое значение в операциях первого периода военных действий имели наши укрепленные районы. Несмотря на их незаконченность и наличие ряда оперативно-тактических и технических недостатков, они помогли полевым войскам повысить упорство и стойкость в обороне. Так было в Карельском, Полоцком, Киевском, Коростеньском и других укрепленных районах.

Немало примеров героической обороны показали советские войска и в старых крепостях. Достаточно здесь упомянуть Брест и Севастополь.

Мощь долговременных укреплений, помноженная на самоотверженность и героизм советских воинов, удесятерила стойкость нашей обороны. Это признали даже враги.

Карбышев начал объезд западной границы с Гродненского укрепленного района, наиболее важного для прикрытия западных границ. Сопровождал Дмитрия Михайловича в поездке генерал-майор инженерных войск П. М. Васильев.

В состав Западного особого военного округа тогда входили четыре укрепленных района. После Гродно предстояло побывать в Осовце, Замбровске и Бресте.

В Гродно Карбышев выехал незамедлительно, в день своего приезда в Минск. Васильев на день позже. Оба остановились в штабной гостинице против штаба армии на улице Коминтерна — теперь улица Карбышева.

Карбышев представился в штабе 3-й армии, побеседовал с ее командующим генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым, начальником штаба генерал-майором А. К. Кондратьевым и начальником инженерного отдела армии подполковником С. И. Иванчихиным. В районе строилось 38 опорных пунктов. К июню было готово лишь 165 железобетонных сооружений, к концу года предстояло сдать еще 373.

Уже по плану Карбышев обнаружил в системе обороны Гродненского УРа уязвимые места. Открытый фланг на участке Неман — Соничи оказался особенно слабо защищенным. Правда, его предполагали снабдить двумя опорными пунктами, которые смогут простреливать промежутки до реки Неман и держать связь с участком обороны полевых войск на восточном берегу.

В инженерном отделе штаба Карбышев вместе с Иванчихиным наметил маршрут предстоящего осмотра.

Для выполнения разного рода технических заданий и поручений Иванчихин прикомандировал к Карбышеву командира учебного взвода полковой школы 23-го инженерного полка лейтенанта Г. Н. Митропольского. Карбышев тут же дал ему

задание подготовить масштабную карту местности Друскеники — Августово и заказать к утру следующего дня автомашину. Митропольский принес карту, Карбышев повесил ее на стену и стал изучать. Остро отточенным карандашом он быстро пробежал по шоссейным дорогам, поставил на карте в районе Немана три точки и сказал:

— Мне надо побывать в этих пунктах. Со мной поедет комендант укрепленного района полковник Иванов и начальник инженерного управления округа генерал-майор инженерных войск Васильев. Он сегодня приехал из Минска. А вы, лейтенант, будете нас сопровождать и вести машину.

На следующий день Карбышев, Иванов и Васильев выехали для рекогносцировки местности в район Августовского леса и канала. Сидя в машине, Дмитрий Михайлович делал какие-то наброски в блокноте. Иногда он отрывался от записей и спрашивал, около каких населенных пунктов они проезжают.

В тот же день Карбышев осмотрел и оборонительные сооружения на подступах к Гродно. Его особенно заинтересовали сохранившиеся со времени первой мировой войны полуразрушенные укрепления — старые редуты, расположенные в районе Августовского канала в радиусе 15–20 километров от Гродно. Каждый редут — полукольцовое бетонное сооружение из толстых трехметровых стен с бойницами — был рассчитан на стрелковую роту. Здесь же имелись пороховые погреба и казармы для размещения войсковых частей.

Осмотрев укрепления, Карбышев нашел, что в тактическом отношении они являются очень удобными позициями, так как удачно вписываются в местность. Он также объехал и осмотрел два других пункта на реке Неман, где 23-й инженерный полк строил позиции.

На обратном пути Дмитрий Михайлович казался оживленным. Он вспомнил, что в молодые годы когда-то бывал 5 этих местах, рассказывал о фортификационных сооружениях крепости Гродно, в проектировании которых он участвовал в 1911–1914 годах, когда был производителем работ в Брест-Литовской крепости.

Во время случайной остановки машины Карбышев попросил лейтенанта Митропольского посмотреть наброски, которые он сделал в блокноте по пути. Это были схемы противотанковых препятствий.

— Вот эти схемы, лейтенант, я прошу вас вычертить, а потом надо будет построить изображенные на чертеже сооружения в натуре.

Рассмотрев схемы, Митропольский высказал пожелание,

чтобы постройка опытных противотанковых препятствий была поручена учебному взводу полковой школы 23-го инженерного полка, на что Карбышев дал согласие.

Через несколько дней учебный взвод полковой школы приступил к строительству этих противотанковых препятствий на танкодроме, который находился в 12 километрах от Гродно.

Карбышев часто приезжал туда, внимательно знакомился с ходом работ, вносил поправки и дополнения.

Наступил день испытаний. На танкодром, кроме Карбышева, прибыли офицеры штаба армии и дивизий. Проверку противотанковых препятствий производили тщательно, причем оказалось, что одни танки садились на низкие надолбы перед основным сооружением, другие преодолевали их, но застревали между заборными стенками.

К Карбышеву подошел командир дивизии и сказал, что преодолеть препятствие все-таки можно. Есть у него такой водитель танка.

Карбышев был этому очень рад. И вот танк Т-34 взревел, набирая скорость. На подходе к противотанковому препятствию машина взяла некоторый угол и, используя низкие надолбы как опору для гусениц, поднялась на заборную стенку, перевалилась через нее и спокойно перешла препятствие.

Этого никто не ожидал. Карбышев был поражен. Он подошел к механику-водителю танка, крепко пожал ему руку и подарил на память свои часы.

После этого по заданию Карбышева сделали много новых чертежей и возвели в натуральную величину различные варианты конструкций противотанковых препятствий. Во время их испытаний у танкистов было немало неудач, но благодаря этому нашли надежную конструкцию противотанковых препятствий.

12 июня Карбышев поехал в район Семятича на Буге, где строились долговременные огневые сооружения. После их осмотра Карбышев посоветовал, как устранить замеченные недостатки, и вернулся в Гродно.

Через три дня, ровно за неделю до начала войны, Дмитрий Михайлович писал из Гродно своей семье: «…Собираюсь уезжать из Гродно, но вернусь в Москву нескоро…».

А 17 июня он шлет из Белоруссии домой одно из последних писем.

«Здравствуйте, бабушка[7], здравствуйте, дорогие детки, Алеша и Танюша!

Попытайтесь коротенько написать мне по адресу: Гродно, БССР, почтовый ящик 104, подразделение 13, генералу Карбышеву.

Если напишете быстро — письмо застанет меня в Гродно, а скоро я отсюда уеду, и с письмами опять будет путаница. Завтра пошлю телеграмму маме и Ляле, попрошу их телеграфировать в Гродно. Очень хотелось бы узнать, как вы живете. Можете послать мне телеграмму по указанному адресу.

Про себя мне много писать не приходится — с утра до вечера трясусь на машине. Сегодня до обеда у нас шел дождь, и я немного промок. А потом так похолодало, что сижу сейчас „дома“ в шинели. Уже 12 часов — надо написать письмо маме и Ляле и лечь спать. Вернусь я еще нескоро.

К вам скоро возвратится мама, а у меня мамы нет и некому обо мне позаботиться.

Завтра воскресенье, хочу воспользоваться выходным днем и сходить в баню. Во вторник вы должны поехать в город встречать маму. Что я буду делать завтра, в воскресенье, — еще не придумал. Если будет хорошая погода — куда-нибудь поеду, а если будет дождик — поработаю дома.

Ну вот и все подробности о моем житье-бытье. Могу одну новость сообщить — в лесу сегодня было много комаров. А вас там они не беспокоят?

Спокойной ночи, мои дорогие, крепко всех целую.

Ваш папа».

На следующий день, 18 июня, Дмитрий Михайлович послал своей семье последнее письмо, которое пришло в Москву 22 июня:

«От Ляли получил одну телеграмму, от вас весточки нет… Пишу вам и Ляле пока аккуратно каждый день. По-видимому, эту неделю пробуду в Гродно, а затем уеду, куда еще точно не надумал. По-видимому, в конце недели переберусь в Белосток. Новый адрес сообщу, а пока пишите по старому».

Из Гродно Карбышев собирался поехать 21 июня в Ломжу.

17 июня Д. М. Карбышев, П. М. Васильев и комендант Гродненского укрепленного района Н. А. Иванов выехали в Каунас в штаб 11-й армии к командующему генерал-лейтенанту В. И. Морозову для установления стыка между 3-й и 11-й армиями, так как ясной и четкой разграничительной линии между ними не было.

На обратном пути Карбышев, Васильев и Иванов вместе с офицерами штаба 11-й армии поехали осмотреть Алитусский мост.

Во время осмотра Алитусского шоссейного моста через Неман Карбышев встретился со своим бывшим слушателем по Военной академии имени М. В. Фрунзе майором Т. Б. Кублицким, который со штабом полка находился на полевом учении в

пограничной полосе Прибалтийского особого военного округа.

Ему как начальнику штаба механизированного полка предстояло организовать и провести очередное полевое тактическое занятие. Тема включала многое: наступление усиленного стрелкового батальона на заранее укрепившегося противника с форсированием водной преграды, ее инженерным обеспечением, атакой переднего края обороны противника и военными действиями в глубине обороны.

На занятиях хотел присутствовать командир 33-й стрелковой дивизии генерал-майор К. А. Железняков, и штаб полка особенно тщательно готовился к ним.

На рассвете 17 июня майор Кублицкий с командирами «воюющих сторон» и с начальниками спецслужб отправился в рекогносцировочную поездку. Как полагается в таких случаях, он выслал вперед боевое охранение.

Стоял погожий день. Рекогносцировка проходила успешно. Предварительно намеченное для проведения полевых занятий место в районе Кибартай, Калвария и Алитус оказалось удачным.

Работа закончилась лишь после того, как было уточнено все предусмотренное планом, вплоть до общих ориентиров, средств связи, сигнализации.

Осталось невыясненным то, что приходится решать в процессе учения каждому участнику «боя» самостоятельно. Таких вопросов, как обычно, бывает больше, чем заранее предусмотренных.

Довольные результатами дня, Кублицкий и его товарищи по штабу полка решили немного отдохнуть.

Облюбовали живописную опушку леса, на берегу Немана, поблизости от Алитусского моста.

Подъезжая к берегу, заметили военных, — на дороге стояли автобус, выкрашенный в защитный цвет, и автомобиль эмка. Большая группа командиров осматривала Алитусский мост. Среди них Кублицкий узнал генералов Карбышева и Зотова.

Очевидно, военные заканчивали первую половину своего рабочего дня, так как ординарцы вынесли из машин скатерти, разостлали на траве, принесли термосы, посуду, хлеб и начали разливать в тарелки щи и накладывать в миски гречневую кашу.

Кублицкий подошел и представился старшему по званию генерал-лейтенанту Карбышеву, отрапортовал кратко о целях, задачах и составе его рекогносцировочной группы. То, что на предстоящем полевом учении предусматривается также преодоление водной преграды, заинтересовало Дмитрия Михайловича. Он не преминул задать Кублицкому несколько

вопросов: где, когда и с помощью каких средств будет осуществляться переброска через реку людей, артиллерии, обозов…

Дмитрий Михайлович пригласил Кублицкого к «столу», и тут, за обедом, завязался оживленный разговор. Сосед Дмитрия Михайловича, пожилой полковник инженерных войск, заметил, что надо добиваться, чтобы исполнитель, будь он офицер или солдат, всегда хорошо представлял возложенную на него задачу, четко и конкретно знал круг своих обязанностей.

В разговор вмешался Дмитрий Михайлович:

— В солдате прежде всего надо видеть человека.

Карбышев говорил медленно, обдумывая каждое слово. Суть его рассуждений сводилась к тому, что исполнение любой работы зависит главным образом от личных качеств руководителей и исполнителей. Профессиональные качества наших людей неуклонно повышаются вместе с ростом их сознания. В наших условиях командиру уже недостаточно быть просто хорошим военным специалистом — ведь он отвечает не только за подготовку и выполнение боевого задания, но и за мысли, дела и судьбу подчиненных ему людей. Командир должен быть в одно и то же время и учителем, и воспитателем, и начальником, а также другом, товарищем, советчиком и служить подчиненным образцом человека и военного специалиста.

— Долг командира, — продолжал Карбышев, — дать подчиненному соответствующее воспитание, военные знания и развивать его как личность, сознающую свои обязанности перед Родиной. Нам нужны такие командиры-специалисты, у которых хорошие знания сочетаются с высокой культурой и чувством человеческого достоинства.

Немного помолчав, Дмитрий Михайлович неожиданно обратился к Кублицкому:

— А вам, товарищ майор, как руководителю полевого занятия, я позволю себе напомнить одну старинную пословицу: «Не зная броду, не суйся в воду». Вы догадались, что я имею в виду? — Карбышев в данном случае недвусмысленно намекнул на то, что перед каждой переправой необходима тщательная разведка водной преграды самим командиром.

Когда обед кончился, Кублицкий, получив разрешение Карбышева на дальнейшее выполнение задания, поспешил к своим товарищам и поделился с ними услышанным от Дмитрия Михайловича.

А Карбышев и сопровождавшие его офицеры, вернувшись из Каунаса в Гродно, снова совершили объезд района Августовского леса и канала. Дмитрий Михайлович придавал особое значение

оборонительным линиям у берегов Немана и Августовского канала.

При рекогносцировке правого берега Немана от Гродно до Друскеников на одной из остановок Карбышев заметил:

— Какая прекрасная позиция, она как бы специально создана природой для прикрытий наших границ.

Увы! Позиция находилась далековато, в 40 километрах от границы.

Учитывая значительное отставание строительства новых укреплений, Карбышев настоял на создании комиссии для определения состояния старой Гродненской Крепости и возможности ее включения в систему Гродненского укрепленного района. Он придавал большое значение этой крепости, расположенной на подступах к городу, на возвышенном правом берегу Немана. Она контролировала переправы через реку. На берегу реки, в предместье города, было расположено много объектов большого стратегического значения: железнодорожный узел на линии Вильно — Варшава, ответвление на Сувалки и местечко Мосты. Там же проходил железнодорожный мост через Неман.

Карбышев вошел научным консультантом в состав комиссии, которая пришла к выводу, что крепость восстановить целесообразно, но работа потребует значительного срока.

20 июня 1941 года для разбора штабного учения командующий 10-й армией (штаб ее находился в Белостоке) генерал-майор К. Д. Голубев собрал командиров корпусов. В это время из Гродно в Белосток позвонил Карбышев и сообщил, что он вместе с начальником инженерного управления округа генерал-майором инженерных войск П. М. Васильевым прибудет 21 июня в 10-ю армию для ознакомления с состоянием крепости Осовец и Осовецким укрепленным районом.

Перед этим Карбышев с командующим 3-й армией В. И. Кузнецовым и комендантом Гродненского УРа полковником Н. А. Ивановым побывал на погранзаставе. Вдоль границы, у дороги Августово — Сейно, еще утром стояли наши проволочные заграждения, а когда они проезжали вторично, заграждения оказались снятыми.

На погранзаставе командующему армией доложили, что ночью по ту сторону границы было тихо и рокота танковых моторов не слышно. Очевидно, к этому времени сосредоточение немецко-фашистских войск на нашей границе было закончено.

Рано утром 21 июня Карбышев и Васильев приехали в штаб 10-й армии. Генерал Голубев, которого Карбышев хорошо знал по академии, рассказал о состоянии оборонительных работ в

Осовецком укрепленном районе. Дмитрий Михайлович вместе с командиром 1-го стрелкового корпуса генерал-майором Ф. Д. Рубцовым и начальником инженерного отдела 10-й армии полковником П. Ф. Сухаревичем, которого он знал еще по гражданской воине, отправились на автомашине осмотреть крепость Осовец и укрепрайон.

Почему именно этот район привлек особое внимание Дмитрия Михайловича? Что потянуло его сюда, когда с запада уже вполне очевидно надвинулись и нависли над границей зловещие тучи войны?

Еще 9 июня, по приезде в Минск, в штабе Западного особого военного округа его командующий генерал Павлов, беседуя с Карбышевым, упомянул о комиссии Ахутина. Она была создана сразу же после освобождения Западной Белоруссии. Главное командование Красной Армии поставило перед комиссией серьезную задачу: выяснить возможность использования шлюзов Августовского канала для затопления так называемого Белостокского выступа, затопления и заболачивания территории, на которой расположен Осовецкий укрепленный район. Ведь он стратегически чрезвычайно важен.

Дмитрий Михайлович знал крупного специалиста по гидротехнике и заграждениям бригадного инженера профессора Ахутина. Встречался с ним. Знал и тех, кто вошел в состав комиссии, — военинженера 1 ранга Дворянина, воентехника 2 ранга Малышева. Несомненно, с материалами столь авторитетной комиссии необходимо тщательно ознакомиться. Но время поджимало, и Дмитрий Михайлович не успел осуществить свое намерение.

По дороге к Осовцу Петр Филиппович Сухаревич подробно рассказал Карбышеву о ходе обследования, проведенного комиссией, и о сделанных ею выводах. Сухаревич все это знал, ибо принимал участие в работе комиссии как начальник инженерной службы 11-го стрелкового корпуса, освобождавшего Западную Белоруссию. Командовал корпусом легендарный полководец Епифан Ковтюх. Тот самый Ковтюх, который при жизни стал героем нескольких художественных произведений. И «Железного потока» Серафимовича. И повести Дмитрия Фурманова «Красный десант». И одним из действующих лиц второй книги трилогии «Хождение по мукам» Алексея Толстого.

— А у меня, — сказал не без гордости Сухаревич, — есть подаренная самим Ковтюхом его книга «От Кубани до Волги и обратно»…

— Опыт гражданской войны, чудеса наших народных полководцев, — подтвердил Дмитрий Михайлович, — никогда не

померкнут.

Разговор вернулся к Осовецкой крепости. Комиссия Ахутина с особой тщательностью изучала тот участок Августовского канала, который соединяет реку Неман с рекой Бебжей, правым притоком Нарева. Это и есть водораздельная часть Немано-Вислянского водного пути.

После воссоединения Западной Белоруссии, при установлении новой границы между СССР и гитлеровской Германией, часть канала — от шлюза Горчица до водопуска на реке Волокушек отошла за кордон. Канал оказался разделенным на три части. С нашей — восточный участок от реки Неман до Волокушек и западный — от водораздела до Бобра. А с противной стороны — средний участок.

Ахутин определил наиболее выгодные объекты в случае затопления. Как его практически осуществить. Как сделать непроходимой не только для пехоты, но и для танков пограничную полосу в 4100 квадратных километров.

— Расчеты ориентировочные, — заметил под конец своих объяснений Петр Филиппович.

— Поздновато их научно обосновывать, поздновато…

Дмитрий Михайлович всегда придавал важное значение всем видам заграждений и сожалел о том, что материалы комиссии остались нереализованными.

В крепости Карбышев встретился еще с одним своим слушателем комдивом Якубом Джагировичем Чанышевым, знакомым ему также по гражданской войне. Комдива командировали сюда из Москвы как начальника курсов вместе со слушателями. Они изучали историю Гродненской и Осовецкой крепостей, знакомились с возводимыми укреплениями на новой государственной границе.

Дмитрий Михайлович внимательно ознакомился со всей системой укреплений в районе Осовца в направлении на Гродно и посоветовал, какие фортификационные работы считать первоочередными.

В полдень вернулись из поездки в Белосток. Сухаревич пригласил Дмитрия Михайловича отдохнуть и пообедать.

Вот каким остался в памяти жены Сухаревича Екатерины Прохоровны их гость:

«От мужа, Петра Филипповича, я знала, что он замечательный генерал, обладающий неоценимыми боевыми качествами, крупный ученый в области военно-инженерного дела и человек с большим горячим сердцем. Но когда Дмитрий Михайлович пришел к нам и я увидела его воочию, то оказалось, что мое представление о нем разошлось с действительностью. Я

ожидала почему-то встретить высокого и представительного на вид генерала, маститого ученого, а вошел невысокого роста, подтянутый по-военному, в походной генеральской форме худощавый человек. Его умные, живые, чуть раскосые глаза излучали какую-то особенную теплоту. Такие лица запоминаются на всю жизнь.

Поздоровавшись приветливо со мной и детьми, Дмитрий Михайлович вместе с мужем прошел в его кабинет, чтобы привести себя в порядок и немного отдохнуть после утомительной поездки.

Хорошо помню, что они пробыли в кабинете часа полтора и оттуда все время доносились их громкие, возбужденные голоса. Когда некоторое время спустя они вышли из кабинета в столовую, я пригласила Дмитрия Михайловича отобедать с нами. Время тогда было очень тревожное. Вполне естественно, что за обедом разговор вертелся вокруг войны, которая шла на западе и угрожала нашим границам. Почувствовав в моих словах тревогу за судьбу мужа и всей нашей семьи, Дмитрий Михайлович старался успокоить и отвлечь меня от мрачных мыслей. Он говорил, что фашисты навряд ли посмеют напасть на нашу страну, а если Гитлер пойдет на такую авантюру, то наша земля станет могилой для его армий.

А затем, обращаясь к мужу, Дмитрий Михайлович, как бы невзначай, сказал:

— А почему бы вам, Петр Филиппович, в такое неспокойное, тревожное время не отправить Екатерину Прохоровну с детьми куда-нибудь подальше от границы?

За чаем Дмитрий Михайлович с Петром Филипповичем вспоминали о прошлом. Мой муж был до армии сельским учителем в деревне Ермошки. Там пришлось ему заново открывать школу и преподавать в трех классах все предметы. После Октября, как только до глухих Ермошек донесся вихрь революции, он вступил в большевистскую партию и по ее заданиям ездил по Бельскому уезду агитатором, инструктировал комбеды. Потом создавал волостные военкоматы и другие органы Советской власти, участвовал в подавлении кулацких мятежей.

Дмитрий Михайлович сказал, что и ему довелось бороться с кулачьем.

Вспомнили и двадцатый год. Муж встретил Карбышева еще на Восточном фронте, а позже, уже будучи комиссаром 153-стрелковой бригады 52-й дивизии, они вместе воевали на Южном фронте. Вместе сражались они против Врангеля и банд Махно.

Встречались еще также на военных сборах в Белоруссии и в 11-м стрелковом корпусе. Очевидно, уже не в первый раз

вспомнили о герое Епифане Иовиче Ковтюхе, который особенно отличился в гражданскую дерзкими десантами в белогвардейские тылы. Уж было начали разбирать подробности одного из таких десантов. Да тут я нарушила разбор. До сих пор терпела, молчала и не сдержалась, говорю:

— Что вы все про войну, да про войну. И без этого невесело на душе… Ты бы лучше, Петя, — предложила я, — показал гостю твои рисунки и безделушки, вырезанные тобой из березы. А еще лучше — спел бы под аккомпанемент гитары или мандолины какие-нибудь белорусские народные песни или твою любимую „Дубинушку“. Спой, светик, не стыдись, покажи гостю свою колоратуру!

— Какие там рисунки и безделушки, — отмахнулся в смущении мой муж. — Одно только баловство и ребячество, сущие пустяки…

А я, желая доставить удовольствие гостю, продолжала настаивать на своем:

— Прикажите, товарищ генерал! У моего муженька, кроме рисунков и резьбы по дереву, есть и другие замечательные поделки. Он у меня на все руки мастер, плотничает, слесарит, по хозяйству мне помощник…

— Теперь, Катенька, ясно, почему ты за меня замуж вышла, — отбивался Петр Филиппович, все обращая в шутку. — Правда, теперешнее время не для песен. А все-таки послушайте, Дмитрий Михайлович, белорусскую задушевную… — При этих словах Петр Филиппович снял со стены гитару и затянул любимую нашу „Лявониху“.

Дмитрий Михайлович охотно стал подпевать. Присоединилась и я. Забыв про горестное время, которое мы переживали, я подумала: до чего мило и приятно с Дмитрием Михайловичем. Какой он свой, домашний человек. До чего быстро к нему привыкаешь. Почувствовала, что и ему пришлись по душе моя семья, мой муж.

После того как мы досыта попели, я попросила Петра Филипповича что-нибудь почитать из Зощенко. Или пусть произнесет знаменитый монолог Фамусова из „Горя от ума“ Грибоедова. Его конек! Играл Фамусова в самодеятельном армейском театре, который сам же организовал.

Мне хотелось, чтобы Петр Филиппович еще чем-либо приятным занял гостя, поразвлек его, развеял служебные заботы, которыми они оба были пропитаны, как губка водой. Но я промолчала. Боялась, Дмитрий Михайлович может подумать — бахвалится жинка. Откровенно скажу: сама порой не понимала, откуда у моего мужа берется умение — и рисует, и вырезает из

дерева фигурки, как скульптор, и поет, и играет на сцене, и… увлечен многотрудной службой начальника военно-инженерного дела в штабе армии. И ко всему еще находит время вести партийную работу в войсках. И не уснет без книжки…

Мою просьбу почитать Зощенко неожиданно для меня горячо поддержал генерал. Оказывается, и он любит рассказы этого писателя.

— Не скромничайте, — воскликнул Дмитрий Михайлович, обращаясь к моему мужу. — И не ломайтесь, как девица красная. Помните рассказ о том, „Как у купца Еремеева сперли енотовую шубу“?..

Петр Филиппович, уступая просьбе своего боевого друга, с подъемом, со вкусом прочитал этот зощенковский шедевр.

Карбышев поблагодарил Петра Филипповича и меня за доставленное ему удовольствие.

— У вас, батенька, — воскликнул генерал в адрес мужа, — неугасимая молодость. — И тут, к слову, припомнил, что и во время гражданской войны молодой комиссар бригады был душой красноармейцев и командиров на Южном фронте. Перед очередным боем воодушевлял их своими песнями и забавными байками.

— Конечно, не песни и не побасенки помогали бойцам выигрывать бои, — заметил Петр Филиппович. — Удаль, отвага, беззаветная преданность ленинской партии. Вот что вело вперед и вселяло мужество в красных орлов…

Задушевная беседа затянулась допоздна.

Прощаясь с нами, Карбышев поблагодарил за гостеприимство и сказал, что спешит по неотложным делам в Гродно, где он жил во время своей командировки в штабной гостинице 3-й армии, находившейся по соседству с нашей, 10-й армией».

Вечером 21 июня, вернувшись из Белостока в Гродно, Карбышев дал задание лейтенанту Митропольскому вычертить по черновым наброскам составленную им по дороге общую схему укреплений Осовца.

В штабе 3-й армии Дмитрию Михайловичу сообщили неутешительные новости. Наша разведка установила, что к 21 июня немецкие войска сосредоточились на восточнопрусском, млавском, варшавском и демблинском направлениях. Основная часть этих войск находилась в тридцати километрах от пограничной полосы.

В районе Олыпанки и южнее Сувалок немцы установили тяжелую и зенитную артиллерию. Там же они сосредоточили тяжелые и средние танки, а также много самолетов. Заметно также, что немцы вели окопные работы на берегу Буга. А в Бяла-

Подляска прибыло 40 эшелонов с переправочными средствами — понтонными парками, разборными мостами и с большим количеством боеприпасов.

После этой информации разведотдела 3-й армии у Карбышева так же, как и у других генералов и офицеров штаба армии, не было никаких сомнений в том, сто фашистская Германия готовит нападение на нашу Родину. Вопрос заключался в том, когда оно совершится.

В первом часу ночи Карбышев и генерал Васильев вышли из кабинета Иванчихина. Увидев сидящего в такой поздний час за чертежами лейтенанта Митропольского, Дмитрий Михайлович предупредил его:

— Вам, лейтенант, хорошо бы сегодня переночевать здесь, в общежитии штабных работников.

Он пожелал всем спокойной ночи и пошел отдыхать.

Часть вторая
ДОРОГИ БЕССМЕРТИЯ

Не дрогну я в сражении с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

Александр Яшин

Война

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года была очень короткой…

Чуть забрезжил утренний рассвет, когда Карбышева разбудили частые и сильные взрывы авиабомб. Скоро взрывы слились в сплошной гул. Его усиливал доносившийся издалека раскатистый грохот немецкой артиллерии.

Карбышев быстро оделся и, не теряя ни минуты, направился было в штаб 3-й армии, но в вестибюле гостиницы встретился с П. М. Васильевым. Поздоровавшись на ходу, они вдвоем перебежали улицу — штаб армии находился тут же, через дорогу.

На темном предрассветном небе расползалось огромное багрово-красное зарево. Это пылал Гродно. Густой, едкий дым стелился низко, как туман.

В штабе уже была объявлена боевая тревога. Штабные офицеры, получив пистолеты и противогазы, разместились в убежище, устроенном в подвале дома.

Вражеские самолеты волнами налетали на город. Сильные взрывы следовали один за другим. После одного из них, особенно сильного, вышла из строя городская электростанция, всюду погас свет. Перестала действовать и телефонная станция, нарушилась проводная связь, и штаб 3-й армии с трудом связывался со своими частями по радио и посыльными.

…А в те же часы пограничники заставы Юзефатово (ныне Усово), занимавшие первый оборонительный рубеж в районе Августовского леса и канала, подверглись особенно ожесточенному артиллерийскому обстрелу и атаке пикирующих бомбардировщиков. На рубеж двинулась немецкая пехота, пытаясь прорваться через нашу заставу.

Но бойцы под командованием лейтенанта Виктора Усова не дрогнули и встретили врага ответным огнем.

В течение 10 часов — с 4 часов утра до 2 часов дня — пограничники вели ожесточенный бой с захватчиками.

Но силы были слишком неравные. 36 героев-пограничников, вся погранзастава, пали смертью храбрых.

Гитлеровцы разрушили наши проволочные заграждения и на участке Сопоцкино — Августово прорвались на советскую землю. Колонны танковых и мотопехотных войск врага ринулись по шоссе, ведущему на Гродно — Барановичи — Минск.

Командир взвода полковой школы 23-го инженерного полка лейтенант Г. Н. Митропольский получил приказ подготовить к взрыву мосты через Неман.

Под сильным обстрелом с воздуха взвод выполнил приказ, и

Митропольский вернулся в штаб армии доложить об этом начальнику инженерного отдела армии полковнику С. И. Иванчихину. Митропольскому, который раньше был прикомандирован к Карбышеву, хотелось повидаться с генералом, узнать, не будет ли от него каких-либо поручений, но в штабе Дмитрия Михайловича уже не было. Дежурный сказал лейтенанту, что во время воздушного налета вблизи штаба взорвалась бомба крупного калибра, и Карбышев ушел осмотреть воронку.

Митропольский застал генерала на дне воронки. Не обращая никакого внимания на продолжавшиеся взрывы и стрельбу, Карбышев что-то измерял рулеткой, записывал данные в блокнот. У воронки стоял генерал Васильев и уговаривал Дмитрия Михайловича вернуться в убежище.

Наконец Карбышев вылез из воронки, заметил встревоженного Митропольского и сказал:

— Ну вот, орелик, и началась война. Какова она будет — пока нельзя сказать! Но будет трудной…

Между тем вражеская бомбардировка все нарастала. То здесь, то там вспыхивало пламя пожаров. Взрывы сотрясали землю, дым становился все гуще и чернее.

Именно в те первые часы жена лейтенанта Сергея Ивановича Захаренко, Кристина Григорьевна, столкнулась в вестибюле штаба с генералом Карбышевым. Рассказала она об этой встрече дочери Дмитрия Михайловича Елене Дмитриевне и автору этой книги 23 года спустя — 16 июля 1964 года, в день открытия мемориальной доски в память Д. М. Карбышева на здании, где в начале Отечественной войны находился штаб 3-й армии.

…Это случилось в первый день войны в Гродно.

На улице Ленина, недалеко от штаба 3-й армии, жила семья коммуниста Сергея Ивановича Захаренко, лейтенанта 239-го стрелкового полка — жена и трехлетний сын Юра. Незадолго до начала войны Сергей Иванович заболел, и его положили в госпиталь.

22 июня 1941 года часа в три ночи Кристина Григорьевна проснулась — началась бомбежка, артиллерийский обстрел города… Схватив на руки плачущего сына, женщина подошла к окну и увидела огромное зарево, бегущих по улице людей…

Фашисты бомбили и госпиталь, в котором лежал лейтенант Захаренко. Одна часть здания рухнула, а другая загорелась. Больные стали спасаться от гибели. Многие так и остались в огне пожара, под обломками рухнувшего здания.

Сергей Захаренко сумел выбраться из горящей госпитальной палаты и бросился искать свою часть, но уже не застал ее на

прежнем месте.

Обеспокоенный судьбой семьи, он забежал домой, жадно выпил кружку молока и направился к коменданту города, велев жене немедленно уезжать в тыл. Больше Кристина Григорьевна его не видела. Лишь после войны она узнала, что он погиб в боях за Белоруссию.

Когда муж ушел, она собрала в узелок кое-какие вещи, взяла Юрку на руки, заперла квартиру и вышла на улицу с намерением тоже пойти к коменданту города. Но после короткого затишья снова начался очередной налет фашистской авиации. Взрывной волной мальчика тяжело контузило. Обезумев от страха, не обращая внимания на продолжавшиеся взрывы, Захаренко с ребенком вбежала в открытую парадную дверь штаба 3-й армии. Часовой пропустил их.

В вестибюле штаба Кристина Григорьевна увидела спускавшегося по лестнице генерала в походной форме. Через плечо на ремне висела кожаная сумка с планшетом, из которого виднелась карта.

Генерал подошел к женщине с плачущим ребенком и спокойным, ласковым голосом, слегка картавя, спросил:

— Что случилось? Не заболел ли ребенок?

Кристина Григорьевна рассказала о постигшем ее несчастье. Генерал стал успокаивать женщину, погладил ребенка по голове, спросил, в какой части служил муж, захватила ли она с собой самое необходимое для себя и ребенка. Выяснилось, что впопыхах о самом насущном она забыла.

— Без нужных вещей и продуктов, конечно, плохо, — сказал генерал, — но духом падать не следует. Возвращаться вам за вещами домой сейчас ни в коем случае нельзя. В городе неспокойно, бомбежка, рисковать из-за вещей жизнью вы не должны. Но не огорчайтесь, я вас и ребенка не оставлю в беде.

Он повел их в подвальное помещение, остановился у двери, на которой висела табличка «Котельная», а над ней плакат «Бомбоубежище штаба», открыл дверь и пропустил их вперед.

В помещении было очень людно. На скамейках, табуретках, чемоданах, узлах и на полу сидели старики, женщины, дети — члены семей военнослужащих штаба 3-й армии.

Генерал усадил Кристину Григорьевну с мальчиком и сказал:

— Побудьте здесь некоторое время и никуда не уходите, пока я не вернусь. Успокойтесь, отдохните, я прикажу вас накормить и к ребенку пришлю штабного врача.

И Дмитрий Михайлович ушел.

Минут через двадцать пришел врач, осмотрел мальчика, оставил лекарства. Красноармеец хозяйственной команды штаба

принес сверток с продуктами и котелок чая.

Вскоре Кристину Григорьевну с сыном эвакуировали.

Сейчас, когда прошло уже, более 40 лет, картина вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину выяснена с достаточной полнотой. Удары фашистской авиации обрушились на многие пограничные города — Брест, Гродно, Белосток, Волковыск, Барановичи, Слоним, Бобруйск, Минск, на военные аэродромы, танкодромы.

Внезапность нападения дала фашистам возможность занять господствующее положение в воздухе, нанёсти значительные потери нашей авиации на аэродромах.

К началу войны на Западном фронте были сосредоточены 3, 4, 10 и 13-я советские армии. Они должны, были прикрыть западные границы страны, обеспечить проведение мобилизации.

Основные силы этих армий располагались на линии Белосток — Ломжа, на так называемом Белостокском вы ступе. Его тупой клин глубоко вдавался на запад и имел важное стратегическое значение. По своему географическому положению выступ лишал противника возможности установить связь со своими группировками, действовавшими в Прибалтике и на Украине.

Однако приостановить стремительное наступление врага не удалось. Наши войска, не успев развернуться, с ходу и по частям вступали в бой.

Положение осложнилось еще и тем, что в момент нападения западную границу фактически прикрывали только небольшие отряды пограничников. Лишь в 3–5 километрах от пограничных застав располагались отдельные роты и батальоны полевых войск, занимавшие некоторые узлы обороны укрепрайонов.

На небольшом удалении от границы наши части поднялись по боевой тревоге из казарм и тут же вступили в бой с гитлеровцами.

Бойцы сумели задержать, замедлить продвижение противника и нанесли ему чувствительные удары. Враг понес большие потери.

В особенно тяжелом положении оказалась 3-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, действовавшая на правом фланге Западного фронта.

В первые же дни войны часть этой армии была окружена войсками 3-й танковой группы противника, которой удалось переправиться через Неман в 60 километрах южнее Каунаса. В связи с этим 56-я дивизия 3-й армии, оборонявшаяся на фронте протяженностью 40 километров против трех немецких дивизий, вынуждена была уже на второй день войны, 23 июня, оставить Гродно и отойти на юго-восток.

Отступили и соседние с ней дивизии — 87-я и 27-я, которые создали оборонительные рубежи южнее и юго-западнее Гродно. Между смежными флангами Северо-Западного и Западного фронтов образовался разрыв более чем в сто километров. В него и врезались немецкие танки.

Положение на левом крыле Западного фронта, где находились войска 4-й армии под командованием генерал-майора А. А. Коробкова (ее штаб дислоцировался в Кобрине), было тоже чрезвычайно трудным. Против этой армии действовала 2-я танковая группа Гудериана и один из армейских корпусов гитлеровских войск.

Две наши стрелковые дивизии — 3-я и 4-я — находились в районе Бреста и из-за ударов авиации и артиллерии противника не могли занять предназначенные им по плану полосы обороны. Под напором десяти немецких дивизий войска нашей 4-й армии оставили Кобрин и отступили к реке Ясельда.

Командующий армией генерал-майор Коробков отдал приказ командиру 11-го механизированного корпуса генерал-майору Оборину нанести контрудар противнику из района Пружаны — Кобрин. Но контрудар успеха не имел. Дивизии корпуса отстояли далеко друг от друга и объединить их усилия не удалось.

Отдельные части 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии, оставшиеся в Брестской крепости, и некоторые подразделения Брестского пограничного отряда упорно сопротивлялись. Значительное превосходство фашистов, массированный артиллерийский обстрел, удары авиации — ничто не могло сломить защитников крепости.

Оказавшись во вражеском окружении, бойцы проявили подлинную отвагу, в течение месяца отбивали все штурмы врага, хотя Брест уже давно находился в глубоком тылу противника.

Защитники Брестской крепости вели неравный, героический поединок с превосходящими во много раз по численности немецкими войсками, и это полностью подтвердило не раз высказанную генералом Карбышевым мысль о роли крепостей в войне:

«Обороняются не стены, а люди, стены только помогают людям обороняться, и поэтому советскую крепость можно разрушить, но взять ее нельзя».

Однако вернемся к 22 июня…

Весь этот день Карбышев находился то в штабе, то на линии огня, помогая наладить в инженерном отношении оборону Гродно. В 19 часов командующий 3-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, Д. М. Карбышев и П. М. Васильев вместе с офицерами штаба переехали на командный пункт армии в

местечко Мосты, в 50 километрах от Гродно.

На следующий день на КП армии для доклада об обстановке на фронте к командующему 3-й армией прибыл начальник оперативного отдела штаба 3-го стрелкового корпуса майор П. Д. Морозов. Он знал Карбышева по совместной работе в комиссии, которая занималась восстановлением старой Гродненской крепости.

Возле штабной землянки Морозов заметил сидевшего под деревом генерала Карбышева. Он подошел к нему и спросил:

— Почему вы, Дмитрий Михайлович, До сих пор не уехали в Москву?

Карбышев пожал плечами и ответил:

— Не считаю это удобным для себя.

Морозов стал убеждать генерала: пока не поздно, ему следовало бы уехать. Но Дмитрий Михайлович в категорической форме ответил:

— Оставьте эти бесполезные разговоры, все только об этом и говорят.

Вечером П. М. Васильев предложил Карбышеву уехать вместе с ним в Минск, а оттуда в Москву. Но Карбышев снова наотрез отказался.

— Я солдат, а солдат в такой момент не уезжает и не бросает фронт.

Ужинали Кузнецов, Васильев и Карбышев на командном пункте. Снова зашел разговор об отъезде. Васильев сказал, что Карбышева задерживать нельзя, но Кузнецов попросил генерала не уезжать, а остаться в армии и помочь ей в инженерном обеспечении войск.

Васильев уехал из 3-й армии в Минск поздно вечером в сопровождении охраны курсантов.

Утром 24 июня на командный пункт штаба 10-й армии привезли раненного в ногу начальника штаба 3-й армии генерал-майора А. К. Кондратьева. Он рассказал, что Карбышев находится на командном пункте 3-й армий в Мостах. А в полдень и сам Дмитрий Михайлович в сопровождении охраны из штабного батальона 3-й армий приехал в полуторке на командный пункт 10-й армии на станцию Валилы. Здесь он встретил начальника оперативного отдела штаба армии подполковника С. А. Маркушевича, Которого знал еще по Военной академии имени М. В. Фрунзе. Дмитрий Михайлович спросил:

— Ну что, подполковник, будем воевать? — и добавил: — Имейте в виду, немцев надо бить и их можно бить. Только надо как можно скорее сбить с них спесь.

Генерал Голубев, зная, что есть еще возможность проскочить через Барановичи, решительно предложил Карбышеву ехать в Москву.

— Выделяю вам для сопровождения взвод из батальона охраны штаба армии.

Дмитрий Михайлович и на сей раз наотрез отказался уехать.

Вечером 24 июня, как только стало известно о неудачном исходе контрудара группы Западного фронта южнее Гродно, командарм Голубев собрал начальников отделов штаба для обсуждения вопроса об отводе войск. Карбышев тоже участвовал в совещании и предложил отвести 10-ю армию на более выгодные промежуточные рубежи рек Бобжу и Нарев. Карбышев полагал, что если бы 10-й армии удалось отойти к реке Шаре, то там можно организовать настолько прочную оборону, что немцам навряд ли удастся преодолеть этот водный рубеж с ходу. Дмитрий Михайлович указал на карте наиболее важные, по его мнению, участки, которые следовало занять.

Ставка Главного командования, узнав о неудаче ударной группы Западного фронта, 25 июня отдала приказ командующему фронтом вывести войска из Белостокского выступа на линию Лида — Слоним — Пинск. В тот же день приказ передали во все армии, но было уже поздно…

Для отступления 3-й и 10-й армий к Минску оставался узкий коридор в 60 километров между городами Скидель и Волковыск. Из-за недостатка автомашин нашим армиям не удалось оторваться от наседавших с фронта и флангов вражеских войск. Отступление велось с тяжелыми арьергардными боями, атаки гитлеровцев приходилось отражать и на флангах.

О том, что произошло дальше, мы узнали от С. А. Маркушевича и других очевидцев событий тех дней.

В ночь на 25 июня штаб 10-й армии сменил командный пункт и к рассвету расположился южнее станции Валилы, в 35 километрах от Белостока. А утром недалеко от штаба армии немецкая авиация произвела сильный налет на 36-ю кавалерийскую дивизию, совершавшую марш из Волковыска в сторону Белостока.

По приказанию командующего армией подполковник Маркушевич выехал в дивизию. Д. М. Карбышев собрался ехать с ним.

— Вам, Дмитрий Михайлович, не надо бы ехать туда, — сказал генерал Голубев, — противник может повторить налет.

Карбышев отмахнулся и сел в машину.

— Напуган — побит;— произнес он, повторяя известный суворовский афоризм.

На опушке небольшого перелеска они встретили командира 36-й кавалерийской дивизии генерала Зыбина с группой офицеров. Вид у некоторых из них был довольно растерянный. Д. М. Карбышев спокойным тоном стал объяснять офицерам, какое большое значение при налете авиации имеет своевременное расчленение походных колонн, и внушать, что не следует поддаваться панике, так как враг только на это и рассчитывает.

— Передав приказание командующего армией, я пригласил Дмитрия Михайловича вернуться на командный пункт, но он попросил меня проехать еще по полевым дорогам и перелескам, чтобы встретиться с солдатами и офицерами дивизии, которые во время налета авиации противника рассеялись группами по всему полю. Своим поведением Карбышев дал мне наглядный урок, каким должен быть командир в сложной обстановке, — говорит Маркушевич, вспоминая этот эпизод.

…На рассвете 26 июня во время переезда на новый командный пункт переодетые в нашу форму диверсанты напали на укрытие, в котором находился командующий армией с офицерами оперативного отдела. Генерал-лейтенант Карбышев был в соседнем укрытии — в инженерном отделе. Он в этот момент сохранял полное спокойствие. А когда опасность миновала, предложил организовать проверку всех прибывающих в район командного пункта групп, и особенно одиночек.

В то же утро штаб армии переехал в лес северо-восточнее Волковыска. Фашисты произвели сильный авиационный налет на юго-западную опушку этого леса, в том числе и на район расположения штаба. Д. М. Карбышев был с Маркушевичем и полковником Сухаревичем в одной щели. Метрах в двухстах от нее взорвалась авиационная бомба, и всех обдало землей. Выйдя из укрытия, Дмитрий Михайлович как ни в чем не бывало начал измерять шагами образовавшуюся воронку, затем другую и определил, что немцы применили 250- и 500-килограммовые авиабомбы. Своим спокойствием и невозмутимостью он отрезвляющим образом действовал на всех окружающих. Рассказывая об этом, Маркушевич опять подчеркивает: «За все время я ни разу не видел на его лице ни испуга, ни даже тени растерянности».

Днем 26 июня гитлеровцы значительными силами пехоты при поддержке танков атаковали штаб армии. Несмотря на превосходство противника, его атаку удалось отразить и занять оборону у Волковысского кирпичного завода возле Шведской горы.

Другие наши части вели в то же время тяжелые

сдерживающие бои вдоль магистрали Белосток — Волковыск.

К вечеру завязался бой на западной окраине Волковыска. Мы почти не имели боеприпасов. В Замковом лесу, где расположился штаб армии, скопилось несколько сот раненых и большое количество различных машин без горючего. Фашисты, обнаружив это, непрерывно бомбили лес и обстреливали его с самолетов пулеметным огнем; в тылу армии действовали диверсионные группы врага. Передовые части танковой группы противника еще сутки назад прошли через Барановичи на восток. Генерал Карбышев, не теряя присутствия духа, обходил район расположения штаба в лесу, беседовал с людьми, ободрял их, выезжал на бронеавтомобиле для установления связи со штабом 3-й армии, вместе с полковником Сухаревичем был в горящем Волковыске и на его западной окраине, где наши части отражали ожесточенные атаки врага. На командный пункт Карбышев вернулся поздно ночью, очень усталый, весь в грязи. Но утром все, кто видели Дмитрия Михайловича, обращали внимание на то, что он тщательно выбрит и, как всегда, подтянут.

27 июня штаб армии оказался в окружении. Бои шли уже в городе Волковыске. Офицеры штаба формировали отдельные боевые отряды и группы из скопившихся в лесу людей и тут же отправлялись с ними в бой. Д. М. Карбышев руководил устройством заграждений на подступах к Замковому лесу.

После полудня на командный пункт опять напала группа диверсантов. В лесу началась беспорядочная стрельба. Нашим командирам с трудом удалось восстановить порядок. Д. М. Карбышев и здесь проявил исключительную смелость и распорядительность. «Глядя на пожилого человека в форме генерал-лейтенанта, офицеры и солдаты чувствовали себя бодрее, заражались его примером», — утверждает Маркушевич. Это подтверждают и многие другие очевидцы.

К вечеру 27 июня стало известно, что немецко-фашистские войска находятся на подступах к Минску, и кольцо вокруг штаба 10-й армии сомкнулось. Голубев принял решение об отходе на восток, но все пути оказались отрезанными и блокированными противником.

Карбышев участвовал в выборе маршрута для отступления и посоветовал отходить к старой советско-польской границе, где, по его предположениям, можно было в укрепленных районах рассчитывать на организованную оборону наших войск.

Генерал Голубев согласился.

В сумерки колонна штаба двинулась по полевой дороге в направлении на местечко Деречин. Всю ночь до самого утра вражеские самолеты-разведчики сбрасывали осветительные

бомбы.

28 июня наша разведка установила, что все переправы через Шару уже заняты противником.

Где же пробиться?

Начальник инженерного отдела армии полковник Сухаревич доложил, что в устье Шары есть заброшенный мост, который не обозначен на карте, но нужно проверить, уцелел ли он.

Посланные в разведку бойцы долго не возвращались. Тогда Карбышев, как хорошо помнит Маркушевич, предложил немедленно отправиться к предполагаемому мосту; раз на картах эта переправа не обозначена, значит, и противника там может не быть, а если даже моста там нет, можно переправиться на подручных средствах.

С наступлением сумерек штаб армии подошел к устью Шары.

Оказалось, что в этом месте действительно есть старый, полусгнивший деревянный мост, по которому уже в течение нескольких дней проходили: части 10-й и 3-й армий, и он был почти совсем разрушен.

Неподалеку от реки обнаружили два сарая, разобрали их и приступили к ремонту моста. К этому времени в районе переправы сосредоточились войска, несколько сот машин.

В течение всей ночи Дмитрия Михайловича Карбышева видели у реки. Вместе с командующим и начальником штаба 10-й армии он следил за переправой людей и машин на восточный берег Шары. Настроение у Карбышева было отличное: случай помог ветерану инженерного дела показать большую живучесть старой переправы.

К восходу солнца движение по мосту прекратилось, а вечером 29 июня штаб армии направился к станции Выгода. Маршрут пролегал между крупными населенными пунктами.

Карбышев ехал со штабом на одной из двух уцелевших легковых машин.

Перед рассветом 30 июня штабная колонна вышла из леса у деревни Соловичи. Предстояло пересечь рокадную дорогу Столбцы — Несвиж. Но навстречу показался немецкий отряд. Крытые брезентом автомашины с зажженными фарами ехали по шоссейной дороге. Их сопровождали танки и броневики.

Впереди колонны штаба 10-й армии на расстоянии в несколько километров двигалась разведка: начальник штаба генерал-майор П. И. Ляпин, начальник оперативного отдела подполковник Маркушевич и еще несколько офицеров. За разведкой следовала группа около 45 человек — в их числе генерал Голубев, офицеры штаба. Остальная часть колонны, в которой находились генералы Д. М. Карбышев, М. М. Барсуков,

полковник П. Ф. Сухаревич, медсанбат с больными и ранеными воинами, хозкоманда и другие, растянувшись на автомашинах по лесной дороге, отстала от группы Голубева на полтора-два километра.

Некоторые подробности о том этапе пути восстановлены полковником Г. А. Валюшкиным и старшим лейтенантом А. А. Сомовым.

…Фашисты заметили передовой отряд колонны и остановились. Генерал Голубев скомандовал: «К бою», командиры открыли огонь по немцам из ППШ.

Грянул ответный залп из орудий, минометов и пулеметов.

Видя превосходство врага, группа командиров из головной части колонны, в которой находился и Голубев, рванулась на автомашинах вперед через рокадную дорогу и, сумев уйти от немецкого отряда, скрылась в соседнем лесу.

Гитлеровцы не стали преследовать передовую группу, а повернули свои машины к другой части колонны, находившейся в лесу, и начали ее обстреливать губительным огнем из орудий, пулеметов и минометов.

В небе появились фашистские самолеты. Началась бомбежка. Загорелись машины, запылал лес.

Бой длился несколько часов. Людей и боеприпасов в штабной колонне становилось все меньше и меньше. Оставаться в окутанном едким дымом горящем лесу становилось опасно.

Генерал Барсуков, на которого Голубев возложил охрану и оборону штабной колонны, поручил Карбышеву вывести группу из горящего леса.

Д. М. Карбышев и П. Ф. Сухаревич после короткой разведки нашли в лесу обходную дорогу и повели за собой отряд.

М. М. Барсуков с небольшой группой прикрывал отход и благополучно отошел к деревне Крутой Берег, где встретился с генералом Голубевым и офицерами штаба.

Отряд, который повел Карбышев, выбирался из леса уже ночью. Когда гитлеровцы прекратили преследование, Карбышев и Сухаревич решили воспользоваться темнотой и затишьем, прорваться где-то в другом месте через рокадную дорогу Столбцы — Несвиж и догнать группу Голубева.

К рокадной дороге приблизились до рассвета. Разведка ничего подозрительного на дороге и в ее окрестностях не обнаружила. По одну сторону дороги простиралось широкое поле, на котором колосилась высокая, почти в рост человека, густая рожь. Карбышев распорядился переходить дорогу по два-три человека и в одиночку, и сразу же уходить в густую рожь, чтобы под ее прикрытием двигаться дальше на восток, где, по его

предположениям, удастся встретиться с группой генерала Голубева.

Отряд подошел вплотную к рокадной дороге — прямо на засевших во ржи гитлеровцев. Вновь завязался бой, длившийся несколько часов. Снова много убитых и раненых.

Но все же значительной части отряда Карбышева удалось поодиночке пересечь дорогу и прорваться сквозь цепи фашистов.

Карбышев и Сухаревич прикрывали движение всего отряда и последними ушли в рожь, продолжая свой путь на восток.

В это же предрассветное утро группа Голубева и присоединившийся к ней отряд Барсукова расположились в лесу у деревни Крутой Берег и стали ожидать подхода отставшей части колонны.

«Вдруг далеко позади раздались выстрелы, — дополняет С. А. Маркушевич сведения, полученные от Валюшкина и Сомова, — к ружейным выстрелам присоединились звуки пулеметных очередей, а затем разрывы орудийных снарядов. Наш отряд остановился. Полагая, что обстреляна колонна штаба, генерал Ляпин послал туда на мотоцикле старшину-пограничника. Перестрелка, продолжавшаяся не больше 10–15 минут, прекратилась. Не дождавшись возвращения старшины, встревоженный начальник штаба послал туда же на мотоцикле офицера. Тот вскоре вернулся и доложил, что на месте боя обнаружил разбитую грузовую машину и подбитый немецкий танк, из наших же людей никого там не оказалось.

Когда совсем рассвело, к нам присоединилось несколько машин из колонны штаба. На одной из них был временно исполнявший должность члена Военного совета армии бригадный комиссар А. С. Иванов, инструктор политотдела подполковник Ухарев и капитан Трофимчук. Иванов передал приказание командующему армией — следовать по намеченному ранее направлению, а в случае необходимости избирать маршрут самостоятельно. Позже к нам присоединилось еще несколько офицеров штаба армии. Дмитрия Михайловича Карбышева мы больше не видели».

Что же произошло с Карбышевым и Сухаревичем? Какова их судьба?

Это было выяснено и восстановлено позже, по крупицам собранных воспоминаний, документам, письмам. Истина возрождалась постепенно…

Иван Иванович Сташинский, секретарь партийной организации совхоза Городищенский Барановичского района Брестской области, прошел с боями до Берлина, многое пережил,

но в памяти своей сохранил встречу с героем-генералом.

…В начале Отечественной войны Иван Сташинский вместе со своим родственником, тоже комсомольцем, решил прятаться во ржи от гитлеровцев. Война казалась тогда недолгой. Они решили переждать, пока прогонят немцев с нашей земли, и вернуться в свою хату. Примерно 28–29 июня 1941 года ребята заметили двух советских командиров. В то время немцы частенько сбрасывали парашютистов, переодетых в красноармейскую форму, и в первый миг мальчишки подумали, что это немцы, и бросились бежать. Тогда командиры окликнули их:

— Ребята, не убегайте! Мы свои.

Один из командиров был среднего роста, худой, небритый генерал-лейтенант с эмблемой инженерных войск в петлице, второй — высокий, плотный человек лет под сорок, полковник. Генерал был в кителе, с пистолетом, полковник — в гимнастерке, с автоматом ППШ. Прежде всего они попросили принести им воды. Генерал сказал, что его фамилия Карбышев и шутя добавил, что происходит она от слова «карабыш», то есть суслик. И он тоже землю роет, такая у него специальность. Паренек хорошо запомнил эту фамилию.

Иван сбегал домой, сказал матери, что во ржи находятся наши генерал и полковник. Мать дала крынку квашеного молока и буханку хлеба. Командиры поблагодарили ребят, и те посмелели, признались, что они комсомольцы, прячутся от немцев, и стали просить генерала взять их с собой. Генерал сказал, что обстановка очень тяжелая, связи с войсками нет, кругом шныряют немецкие парашютисты и посоветовал остаться в своем селе, но обязательно прятаться, так как немцы могут расстрелять. Полковник достал из планшета полевую карту, стал объяснять, в каких условиях находятся наши войска. Генерал сказал, что немцы взяли Минск, а наши части оказались в окружении. Он показал на карте, где находится их село, где Минск, и заметив, что ребята хорошо понимают карту, попросил показать, как лучше обойти железнодорожную станцию Городея — в ней уже были немцы — и пройти между нею и городом Несвиж. Мальчики подсказали, как обойти населенные пункты.

Командиры пробыли во ржи часа три-четыре: немцы все время летали на бреющем полете, били из пулеметов по одиночкам.

Все это время генерал был очень спокоен, бодр и чувствовал себя уверенно. Ребят удивило такое спокойствие в столь страшное время.

Генерал рассказывал о борьбе немецкого рабочего класса, о его славной коммунистической партии и ее вожде Эрнсте

Тельмане. Затем он сказал, что отступление наших войск — временная неудача. Победа в конечном итоге за нами: социалистический строй непобедим. А германский фашизм будет стерт с лица земли, и советские войска войдут в Берлин.

На прощание ребята еще раз попросили генерала взять их с собой. Иван Сташинский чуть не плакал — ему было тогда 17 лет. Генерал по очереди обнял их, поцеловал и сказал:

— Не горюйте, сынки. Крепитесь. Сейчас вся земля плачет. Еще будут жертвы, но мы выстоим, обязательно встретимся и непременно победим.

Не знали они тогда, что это их последняя встреча. Не дожил генерал до того дня, когда Сташинский, памятуя наказ генерала, штурмовал Берлин…

А фамилию полковника Иван Сташинский не запомнил.

Карбышев пробирался к линии фронта вместе с Сухаревичем. Постоянная опасность подстерегала их. Уже рыскали окрест вспомогательные отряды гитлеровских полицаев. На восток, к Днепру, приходилось идти лесами и болотами, по тылам противника.

…В одном из фашистских лагерей в Регенсбурге вместе с П. Ф. Сухаревичем находился и полковник А. С. Самойлов. Он многое слышал от Петра Филипповича об их скитаниях с Д. М. Карбышевым. Однажды, когда генерал с Сухаревичем выходили из окружения, Дмитрий Михайлович почувствовал себя очень плохо. Петр Филиппович предложил ему зайти в деревню, остаться на некоторое время у крестьян. Карбышеву в те дни смело можно было дать 70–80 лет, так что он не мог вызвать подозрения у гитлеровцев. Но Дмитрий Михайлович ответил Сухаревичу:

— Пока я не потерял сознания, не соглашусь.

И еще запомнился Самойлову рассказ Сухаревича о том, как больной Карбышев переправлялся через реку. Он скрутил из своей одежды жгут, привязал себя одним концом за руку, а второй дал Сухаревичу. И Сухаревич помог Карбышеву преодолеть реку.

Потом они обезоружили в лесу немецкого повозочного и какое-то время пробирались на восток на паре лошадей, запряженных в двуколку…

Под вечер 30 июня 1941 года Карбышев и Сухаревич подошли к деревне Низок, расположенной на берегу реки Уссы, в семи километрах от районного центра Узда Минской области.

Дмитрий Михайлович и Петр Филиппович добрались до школы, стоявшей на самом краю деревни у кладбища. Они

постучали и попросили разрешения переночевать. Оба были босы, сапоги держали в руках; кожа на ногах была натерта до крови. Жена учителя П. М. Лычковского проводила их в класс, рядом с квартирой.

Через некоторое время пришел домой сам учитель. Карбышев и Сухаревич стали расспрашивать его, что известно о немцах, как относится местное население к их приходу и к тому, что бойцы Красной Армии вынуждены отойти.

— Война есть война, — отвечал учитель.

Утром Лычковский поднялся раньше обычного, чтобы узнать, нет ли в деревне немцев или полицаев. В селе было спокойно. О том, что в школе ночуют посторонние люди, никто не знал.

Вернувшись, учитель застал гостей одетыми: одного — в форме генерала, а другого — в форме полковника, оба были с оружием, но без сапог.

Когда Дмитрий Михайлович побрился хозяйской «опасной» бритвой, Сухаревич шутливо сказал ему:

— Теперь, Дмитрий Михайлович, можете идти в академию читать лекцию.

Карбышев тоже ответил шуткой, а потом добавил серьезно:

— Думаю, что еще буду читать не одну лекцию.

Лычковский предложил им позавтракать. Во время завтрака Карбышев и Сухаревич назвали себя. В беседе с учителем Карбышев интересовался, как работает районная партийная организация, кто из местного колхоза успел эвакуироваться, кто остался на месте и чем занимаются оставшиеся. Интересовался он также тем, не появляются ли в окрестностях партизаны. Но партизан в то время в этом районе Белоруссии еще не было.

Карбышев говорил, что он абсолютно не сомневается в победе Советского Союза над Германией, и только такой недальновидный политик, как Гитлер, может думать о господстве в России.

После завтрака Карбышев и Сухаревич собрались уходить.

Им предстояло пересечь дорогу Слуцк — Минск, по которой непрерывно двигались немецкие воинские части. Лычковский посоветовал Карбышеву и Сухаревичу несколько дней переждать у него и заодно подлечить израненные ноги. Они согласились и прожили на чердаке школы ещё три дня. Раны на их ногах несколько подсохли и затянулись. Пора было в путь.

Жена Лычковского сшила из половиков по две пары тапок, снабдила гостей на неделю продуктами. Лычковский проводил их через дорогу Слуцк — Минск.

Карбышев оставил Лычковскому свой московский адрес и попросил при первой возможности написать в Москву.

Лычковский тоже предложил Карбышеву свой адрес, но Дмитрий Михайлович отказался его взять:

— Не нужно, нельзя, вы должны знать почему.

Учитель понял: Карбышев боялся этим выдать его, если попадет в лапы гитлеровцев и не успеет уничтожить взятый адрес.

По дороге из деревни Низок, между 5 и 10 июля 1941 года, в одном из хуторов, неподалеку от поселка Узда, произошла встреча Карбышева и Сухаревича с Голубевым. Подробно об этой встрече мы узнали от полковника пограничных войск Гурия Константиновича Здорного:

«Перед Великой Отечественной войной я командовал 86-м Августовским пограничным отрядом. В первый же день войны мы вели ожесточенные бои с гитлеровцами, но нам пришлось отступить, и мы слились с частями Красной Армии, продолжая сражаться на втором оборонительном рубеже.

Крупная вражеская группировка танков и мотопехоты прорывалась из Августовского леса к городу Гродно, а на левом нашем фланге — к крепости Осовец.

В ночь на 23 июня я получил по радио приказ начальника пограничных войск Белорусского округа о немедленном отходе к Волковыску.

К рассвету 26 июня мы достигли Волковыска и связались со штабом 10-й армии, расположившимся в Замковом лесу в одном-двух километрах северо-западнее города. В оперативном отделе мне вручили приказ немедленно двигаться в Барановичи на сборный пункт частей и подразделений погранвойск. Но уже в Слониме ядро нашего отряда столкнулось с гитлеровским десантом, захватившим город и все переправы через реку Шару. Прорваться через Слоним мы уже не могли, поэтому пошли в обход, и снова обнаружив три взвода немецкой пехоты, уничтожили их полностью, а ночью форсировали вброд Шару и продолжили путь к Барановичам.

Подошли мы к городу в конце июня. В нем оказались гитлеровцы. Местные жители сказали, что и Минск захвачен. Фронт проходил где-то в районе Борисова по реке Березине.

Так мы начали движение к линии фронта по территории, оккупированной врагом.

В стороне от шоссе Барановичи — Минск встречали в лесах отдельные группы солдат и офицеров из состава штаба 10-й армии. В одном хуторе, примерно в 30 километрах от местечка Мир, встретились с командующим этой армией генерал-майором Голубевым и его заместителем по авиации в звании комбрига (фамилии, к сожалению, не запомнил).

От генерала Голубева я узнал, что его армия несколько дней назад в боях за Белосток и Волковыск понесла большие потери. Генерал присоединился к нам. Я предложил ему, как старшему по званию, принять на себя командование группой, но он категорически отказался. Нас было около пятисот пограничников. Скрытно продвигаться такому большому отряду в прифронтовых условиях тяжело и рискованно. Генерал посоветовал разбить людей на три группы и двигаться по намеченному маршруту к линии фронта. Мы так и поступили, решив пройти через Тимковичи и Узду к Слуцку.

После перехода старой границы пробираться становилось все опаснее. В большинстве населенных пунктов — фашистские гарнизоны. Они вылавливали советских воинов, охраняли тылы прифронтовой полосы. На марше несколько раз приходилось отражать атаки гитлеровских карателей. Шли только лесом, и вскоре связь между нашими группами была потеряна.

Примерно между 5 и 10 июля 1941 года в одном из хуторов, неподалеку от местечка Узда, генерал Голубев неожиданно встретил генерала Карбышева и полковника Сухаревича. Я познакомился с Карбышевым и Сухаревичем — они тоже пошли с нами.

Генерал Карбышев был одет в военную форму: серый прорезиненный офицерский плащ, брюки цвета хаки без лампас и хромовые сапоги генеральского образца. На ремне через плечо висела кожаная сумка, в которой, со слов самого Карбышева, находились ордена и личные документы.

Сухаревич был в летней форме и вооружен автоматом ППШ.

Здоровье и настроение генерала Карбышева мне показались удовлетворительными. Несмотря на свой возраст, он ни разу не жаловался на усталость или недомогание. Наоборот, он отказался от предложенной нами лошади и рассказал о случае, когда ему пришлось выбираться из окружения во время русско-японской войны.

Примерно через неделю после встречи с генералом (16 или 17 июля) Карбышев в моем присутствии заявил Голубеву, что не согласен с маршрутом. По его мнению, необходимо двигаться не к Гомелю, а на Могилев. Все наши доводы о преимуществе выбранного маршрута его не убедили. Вместе с полковником Сухаревичем они самостоятельно повернули на Слуцк и далее на Могилев. Перед тем, как расстаться, я предложил Карбышеву для прикрытия и связи с нашей группой взять несколько человек, но он решительно отказался.

С тех пор о генерале Карбышеве я ничего не слышал до опубликования материалов об обстоятельствах его героической

смерти.

Мы ушли своей дорогой и 19 июля вышли к Днепру в районе города Рогачева. Это совпало по времени с контрнаступлением Красной Армии. Мы оказались в 63-м стрелковом корпусе 21-й армии комдива Л. Г. Петровского.

Вместе с нами вырвались из вражеского кольца начальник штаба 86-го погранотряда капитан И. А. Янчук, начальник политотдела батальонный комиссар И. Г. Герасименко, секретарь партийной организации И. А. Сметанин, начальники отделений штаба капитан Н. Н. Баклунд и интендант 3 ранга В. Г. Догадов, военврач 3 ранга В. Н. Винокуров, комендант пограничного участка техник-лейтенант 2 ранга Г. И. Мягков, начальник разведывательного отдела майор Г. В. Пименов, генерал К. Д. Голубев и старший лейтенант А. А. Сомов — из 10-й армии… Всего человек двенадцать.

Что заставило генерала Карбышева уйти от нас — сказать трудно, но, по-видимому, он твердо надеялся пробраться через линию фронта в составе мелкой группы. Другого повода не было».

После того как Карбышев и Сухаревич расстались с Голубевым и Здорным, они пошли по пути на Могилев. По дороге они встретились, как об этом сообщил лейтенант Павел Кириллов, с выходившим из окружения саперным батальоном, который двигался на восток. Карбышев и Сухаревич присоединились к этому батальону.

В книге Г. Новогрудского «Герой Советского Союза Д. М. Карбышев» приведено письмо Кириллова к его другу майору Л. Мартьянову с подробностями встречи с генералом:

«…Мы прорывались на восток, к Днепру, обходили шоссейные дороги, шли проселками, лесами, использовали всякую возможность, чтобы дать немцам бой, нанести им урон, опрокидывали их заслоны. Иногда приходилось пробираться через расположения врага небольшими группами. Разделившись, мы не всегда могли снова соединиться. Это обстоятельство плюс потери в боях привели к тому, что дней через десять мы шли сравнительно небольшой группой, насчитывавшей человек сто двадцать красноармейцев и около десятка командиров. С нами был и Дмитрий Михайлович Карбышев.

Никогда с такой ясностью и глубиной не познается человек, как в минуты тяжелых испытаний. В истинности этого, не очень оригинального утверждения я имел возможность убедиться во время нашего пребывания в окружении. Тем более, что счет нашим тяжелым испытаниям велся не на часы, а на многие дни. Мы шли к Днепру, подвергаясь обстрелам и бомбежкам,

выдерживая стычки и бои, форсируя реки, прорываясь через заслоны, голодая, теряя товарищей, неся на себе раненых.

Самый опытный и мудрый среди нас был Карбышев. Мы все — красноармейцы и командиры, большинство из которых годились ему не только в сыновья, но и во внуки, — черпали у него бодрость, учились у него, не унывая, переносить все тяготы нашего положения, брали с него пример мужества и самообладания.

Однажды мы прорывались через очередной немецкий заслон. Просачивались группами в несколько человек. Карбышев шел с двумя красноармейцами — Дадашевым и Петровым. Когда они под огнем пересекли шоссе и углубились в лес, их накрыла мина. Дадашева тяжело ранило в живот. Петров попытался понести его, но сил у него не хватило. Тогда раненого понесли вдвоем — красноармеец и генерал. Немцы преследовали их.

— Товарищ генерал, — просил Дадашев, — оставьте меня. Мне все равно умирать, а вы из-за меня попадете к немцам.

— Ладно, потом будем рассуждать, — отвечал Карбышев, неся рослого красноармейца. — Я солдат и ты солдат. А солдаты друг друга в бою не оставляют.

Мне рассказал об этом Петров — простодушный вологодский парень, когда наш отряд собрался вместе и Дадашева положили на одну из телег.

Двухкилометровый переход по пересеченной местности с непосильной ношей на руках нелегко дался человеку, которому было за шестьдесят. Я видел, как сразу осунулся Дмитрий Михайлович, как долго не мог он восстановить дыхание, каким тяжелым был его шаг в течение следующего дня. Но бодрость духа его не покидала.

Пример солдатской солидарности, показанный Карбышевым, глубоко запал мне в душу.

Я рассказываю так подробно о Карбышеве потому, что все время находился под обаянием его личности, потому что меня, молодого советского командира, обогащало общение с этим умным, обаятельным и всесторонне образованным генералом, проведшим пятьдесят лет в строю.

…Мы вышли к Днепру Севернее Могилева в начале августа, то есть после шести недель тяжелого похода. Тишина, безлюдье, неширокая в этом месте река. Ясности в обстановке — никакой. Где немцы, кого мы встретим по правую сторону Днепра — неизвестно.

Начали вязать плоты, чтобы переправиться с оружием и ранеными. Осталась нас к тому времени горсточка — человек шестьдесят. Я с тремя бойцами пошел в разведку на правую

сторону реки. Только переплыли, слышим — на левом берегу заговорил пулемет, а из леса сыпят по нашим минами и снарядами. Откуда взялись немцы, не пойму до сих пор. Я видел, как рвались снаряды и мины, как падали мои товарищи. А потом немцы высыпали из леса. Их было не меньше батальона. Наши дрались здорово, но силы были слишком неравные.

Через несколько дней после этого я и три моих товарища перешли линию фронта и очутились среди своих…».

Полковник Митрофан Алексеевич Шамшеев был вместе с П. Ф. Сухаревичем в лагерях Регенсбурге и Маутхаузене. Ему тоже стали известны многие обстоятельства скитаний Сухаревича и Карбышева, в частности, подробности того, как они попали в плен.

«Дмитрию Михайловичу с Сухаревичем все-таки удалось переправиться на другой берег Днепра, — свидетельствует Шамшеев. — Гитлеровцы встретили их минометным и пулеметным огнем. Дмитрия Михайловича контузило. Сухаревич и один из красноармейцев подняли Карбышева и отнесли на руках в колосившееся ржаное поле. Но патруль заметил их. Отряд прочесывал местность, искал отставших бойцов Красной Армии, охотился на коммунистов и комсомольцев. Полицаи обнаружили Карбышева, Сухаревича и других наших воинов, окружили и отправили в гестапо».

Так начался для Карбышева плен.

Острув-Мазовецка

Начало августа 1941 года.

Начало горького и страшного пути генерала Карбышева по фашистским застенкам.

«Шталаг-324» — так назывался гитлеровский лагерь у польского города Острув-Мазовецка. Он был сколочен наспех, за месяц-полтора до начала войны. Немецкое командование рассчитывало на блицкриг — по образу и подобию форсированного марша по Европе. Фашисты хотели иметь в своем распоряжении резервное пушечное мясо: переформируют русских военнопленных, оденут в форму вермахта и двинут сражаться за «великий рейх» — вперед, за Волгу, к Уралу, на Кавказ, в Сибирь…

Место для лагеря фашисты выбирали не очень тщательно. Они согнали окрестных польских крестьян со своим тяглом и в пяти километрах от города Острув-Мазовецка, у деревни Гронды, по обе стороны шоссе на Ружаны, обнесли колючей проволокой территорию бывшего артиллерийского полигона, площадью в 10 квадратных километров.

Несколько летних бараков и землянки, похожие на глубокие окопы, прикрытые сверху бревнами, — вот все жилье на 80 тысяч советских военнопленных. Многие находились под открытым небом. Под нестерпимым зноем и лютой стужей. Под нацеленными с вышек дулами автоматов.

Но вскоре гитлеровцы выяснили, что вербовать изменников среди русских людей бесполезно — и их стали уничтожать.

По неполным данным за шесть месяцев — с июня по декабрь — в лагере были расстреляны, повешены и умерли от голода, холода, истязаний и болезней свыше 40 тысяч советских офицеров и солдат. Больше половины.

Здесь почти все успели побывать в так называемом трехдневном «карантине» без пищи и воды. Потом на «сортировке», где гестаповцы требовали от каждого пленного выдать комиссаров, политработников, коммунистов, евреев. Сажали пленных и не раз в штрафную землянку — вырытую яму, где человека оставляли на всю ночь под дождем, под снегом.

За малейшую провинность пленных подвешивали к одному из столбов в виде креста, и в таком положении, лицом к солнцу, человек висел целый день, а то и целые сутки. Этот вид наказания назывался «христовым распятием». Помимо «распятия» был еще и «молебен» — узника заставляли несколько часов подряд стоять неподвижно на одном месте, держа руки кверху.

Лагерем управлял вермахт. Эсэсовцы и гестаповцы наведывались только для «фильтрации» и «чисток». Сотрудники гестапо Векке, Миске и Раковский составляли списки лиц, подлежавших расстрелу.

В первую очередь расстреливали всех коммунистов и комиссаров. Потом, под видом коммунистов, и других советских военнопленных. Кроме того, составлялись списки «неполноценных» людей — в них включались евреи, узбеки, таджики, казахи, цыгане, а также больные[8].

Была даже специальная команда, которая занималась массовыми расстрелами и закапывала трупы. Для того чтобы ей было полегче справиться со своими обязанностями, расстреливали в противотанковых рвах, оставшихся от недостроенных советских укреплений, которые находились на советско-польской границе.

С рассветом, в 5–6 утра, из лагеря начинали отвозить военнопленных.

Грузовые машины заполняли группами по 40 человек. Отправлялись к месту расстрела строго по расписанию, через каждые 20 минут.

Обреченным говорили, что их везут на работу. На месте «работы» их загоняли в противотанковый ров и выстраивали вдоль его стенок. Раздавалась очередь из автоматов в спины людей. Если в яме обнаруживали живого, его пристреливали из пистолета. Трупы засыпали тонким слоем земли.

Тем временем подоспевала вторая партия — еще 40 пленных. До вечера полицаи уничтожали 1000–1500 человек. Такой была дневная норма палачей.

Военнопленные, еще не попавшие в списки смертников, находились в «загонах». В одном — русские, в другом — украинцы, в третьем — казахи, узбеки, таджики. Каждая группа на своем, огороженном колючей проволокой поле.

В загонах большого основного лагеря держали рядовых, младших и средних командиров Красной Армии.

Два других лагеря были предназначены для старшего и высшего командного состава — от майора до генерала включительно.

Те, кому не хватало места в землянках, укрывались в норах, вырытых руками в песке. Никаких постельных принадлежностей. Большинство в летнем обмундировании, некоторые в одном белье. Все оборваны, многие разуты, так как гитлеровцы снимали с пленных годные к носке обувь и обмундирование.

Ежедневно в лагере умирало 200–300 человек. Трупы подолгу не убирали. Из-за тесноты живые не могли даже отодвинуться от

мертвых. Еды почти не давали. Один раз в день, а иногда и в два дня — суп, сваренный из ботвы картофеля, моркови, свеклы и других отходов, выбрасываемых немецкой кухней, и две чашки суррогатного кофе. Иногда бросали военнопленным через проволочные заграждения сырое мясо убитых на фронте лошадей. Хлеба по 50-100 граммов на день. Его выпекали из муки с древесными опилками и молотым каштаном, он был горек, с трудом разжевывался и вызывал рези в желудке. Пленных косила дизентерия.

Истощенных от голода, измученных жаждой людей гнали на разгрузку вагонов, постройку железнодорожных путей, разборку разрушенных зданий. Возвращалось, как правило, гораздо меньше, чем уходило на работу. Людей травили собаками, изнуренных до предела пристреливали.

Раненых свозили в «ревир» — огромную воронку от взрыва бомбы. Там они лежали без медицинской помощи, без бинтов для перевязки ран. Открытые раны гноились и кровоточили.

Однажды в офицерском лагере гитлеровское начальство заставило всех военнопленных пробежать 25 метров. Мало кто выдержал «испытание». Многие падали, едва сделав несколько шагов, или брели, качаясь, как пьяные. В знак протеста советские командиры объявили голодовку. В лагере появился фашистский инспектор — генерал в белых перчатках и с моноклем. Он приказал построить бунтовщиков. Переводчик от их имени заявил, что все они офицеры и требуют, чтобы с ними обращались, как с людьми. Генерал снял перчатки и, ткнув пальцем в строй, прорычал:

— Здесь нет солдат и офицеров, здесь большевики и коммунисты. Наша задача истребить коммунистов, и мы их истребим.

«Кое с кем фашисты все же разговаривали по-другому, хитрили, — вспоминает бывший старший лейтенант Владимир Герасимов. — Из одного лагерного поля в другое передавался рассказ о том, как гитлеровцы предлагали попавшему в плен советскому генералу лучшие условия, отличное питание. Но он от всего наотрез отказался. Когда же его погнали вместе с другими военнопленными в лагерь Острув-Мазовецка, фашисты любезно подали генералу повозку. Он и от повозки отказался, не поехал в ней, а пошел рядом со всеми.

Мы тогда еще не знали, что гитлеровские захватчики задались целью любой ценой, во что бы то ни стало привлечь, переманить советского генерала на службу фашистской Германии. Знали только про его выдержку, стойкость, верность присяге и воинскому долгу. Его беззаветная любовь к Родине

помогла людям обрести душевные силы, дала многим понять, что и в фашистском плену есть на кого равняться, с кого брать пример.

Добрые вести летят на крыльях. Вскоре весь лагерь передавал от одного к другому имя непреклонного советского военачальника. Это был профессор, доктор военных наук, генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Несколько поколений наших офицеров учились у него в военных академиях или изучали его военные труды. Он был в армии очень популярен, пользовался заслуженным уважением и почетом.

Мы, военнопленные, воспрянули духом. У многих из нас появилась уверенность, что настанет день, когда и на нашей улице будет праздник».

Фашисты внимательно следили за Карбышевым, стараясь изолировать его от остальных, посеять к нему недоверие, неприязнь. Немцы обращались с ним подчеркнуто вежливо, давая понять, что он не ровня другим пленникам.

Но Дмитрий Михайлович стойко держался своей линии поведения. Он был у всех на виду. Небольшого роста, похудевший старый человек в солдатской шинели, с удивительно молодыми глазами…

Среди военнопленных были и колеблющиеся, отчаявшиеся люди, распространялись панические слухи о близком и неизбежном падении Москвы. Фашистская пропаганда кое-кого сбивала с толку.

Карбышев с терпением и тактом умел рассеивать сомнения, вскрывать, отметать ложь фашистских «агитаторов». Он беспощадно разоблачал предателей. Даже в невероятно тяжелых условиях пленные не чувствовали себя отвергнутыми, отщепенцами, изгоями.

Дмитрий Михайлович видел силу и спасение советских людей, попавших в фашистский плен, в борьбе и только в борьбе. Он призывал к единению, сплоченности, товарищеской взаимопомощи и солидарности. И вместе с другими офицерами разрабатывал планы и методы борьбы военнопленных с их палачами.

— Надо прорываться к своим! Временные успехи врага не решают исхода войны в его пользу. В конечном счете мы победим, не сомневайтесь, товарищи!

Измученные люди жадно ловили каждое слово генерала.

Как томила их физическая жажда по глотку воды, точно так же казалась непереносимой неутоленная жажда борьбы.

Старший лейтенант Николай Николаевич Сахаров записал по

памяти свою беседу с Дмитрием Михайловичем о положении на фронтах. Когда перешли к прогнозам о перспективах войны генерал сказал:

— Напрасно Гитлер шумит, что его война «молниеносная» и скоро закончится. Она кончится не раньше чем через четыре-пять лет. Поэтому мы с вами не должны сидеть в лагере сложа руки. Война без пленных не бывает. Коль скоро мы с вами лишены возможности вести борьбу с фашистами с оружием в руках, мы должны и в тяжелых условиях плена помогать любыми средствами и путями нашей Родине. Нам всегда нужно помнить, что мы во всем должны поступать наперекор немцам. Тогда мы будем настоящими патриотами и поможем Отчизне справиться с коварным врагом.

Продолжая беседу, генерал привел совсем неожиданный пример:

— Вот мне уже более шестидесяти, а я не даю своим мышцам покоя: есть возможность ходить — и я хожу, а если удастся бежать — убегу, и фашист меня не догонит…

«Кажется все просто и ясно, — пишет старший лейтенант, — а меня и моих товарищей именно этот пример генерала надоумил сколачивать подполье».

Так в лагере начала складываться подпольная антифашистская организация сопротивления.

Подполье повело ожесточенную борьбу с предателями. Началась подготовка побегов, была организована товарищеская помощь больным и раненым.

В состав организации, кроме Карбышева, вошли полковники Сухаревич и Алексеев, майор Карев, старший лейтенант Сахаров, ветеринарный врач Дегтярев, лейтенант Дмитриев.

«Кое-кто из участников подполья, — пишет Владимир Дегтярев в своей повести „Побеждая смерть“, опубликованной в журнале „Дон“ № 9-12 за 1960 год, — предлагал поднять вооруженное восстание. По сигналу атаковать все сторожевые вышки, разоружить и уничтожить охрану лагеря, повалить ограду. Пусть тысячи военнопленных погибнут, говорили они, зато остальные, завладев оружием, будут сражаться до последней капли крови и обретут свободу. Карбышев предостерег товарищей:

— Нельзя идти с голыми руками. Подготовимся как следует. Организуем людей. Добудем оружие. Лишние жертвы никому не нужны, и без того их много».

Уралец Тихон Никитович Шумилин попал в Острув-Мазовецка вместе с Дмитрием Михайловичем. Он рассказывает:

«…Это было в августе. В офицерском лагере выстроили

дощатый барак для высшего командного состава. В нем я и познакомился с генералом Карбышевым. Он сидел на пороге барака и о чем-то разговаривал с командирами. Позже я убедился, что он очень часто подбадривал их. Послушаешь его — и самому хочется жить дальше… Ведь мы каждую ночь ждали смерти.

Карбышева частенько водили из лагеря в комендатуру. Возвращался Дмитрий Михайлович невеселым и молчаливым. И только потом я услышал от него, зачем его вызывали. Немецкое командование предлагало ему перейти к ним на службу».

Стали известны и подробности одного побега из Острув-Мазовецка.

В конце августа 20 пленных под покровом темноты набросили на проволоку свои шинели и повалили ее. Пулеметными очередями с вышек многие были убиты. Но некоторым удалось бежать. Пулеметы заедало, охрана была пьяна и вела беспорядочный огонь. Той же ночью весь лагерь был оцеплен. Озверевшие охранники кидали в пленных гранаты. По всему лагерю лежали убитые.

Наутро явилось гестапо. Начали отбор подозреваемых в попытке к побегу. Отобрали 30 человек и у всех на глазах тут же расстреляли.

Карбышева не выводили из барака, но на второй день его вызвали в комендатуру. О том, что с ним происходило в комендатуре, никто не знал, но лицо его выражало ненависть и презрение к мучителям.

«Все еще надеясь склонить Карбышева к сотрудничеству, — вспоминает Владимир Герасимов, — гитлеровцы применяли свой излюбленный метод „пряника и кнута“. На двух легковых автомашинах въехали в офицерский лагерь несколько фашистских чинов с генералом во главе. Из комендатуры вынесли стол и стулья. Появилось вино, закуски. Генерал провозглашал тосты за фюрера, за успешный поход на Москву. Послали за генералом Карбышевым.

Весь лагерь с затаенным дыханием наблюдал, как спокойно, не торопясь, с большим достоинством подходил советский генерал к фашистам. Карбышева пригласили за стол, он решительно отказался. Фашисты подняли тост „за будущее“ генерала Карбышева. Но он не взял предложенного ему бокала:

— Вы, наверное, забыли, что я русский солдат, — сказал он резко, повернулся и ушел в барак.

Фашистский генерал ухмыльнулся:

— Руих! Спокойно! Дизер Карбышев образумится!»

А вот другой случай в том же лагере.

Карбышев и Сахаров отправились с ящиком получать хлеб. У кладовой образовалась толкучка. Появились немецкие солдаты с палками и начали наводить «порядок». Один из них врезался в толпу и стал бить всех подряд. Дмитрий Михайлович, пытаясь уклониться от удара, споткнулся и упал. Гитлеровец размахнулся, чтобы наотмашь ударить его палкой по голове. Но Сахаров быстро поставил свою руку между головой Карбышева и палкой. Удар по руке Сахарова оказался настолько сильным, что палка переломилась, и один ее конец упал в ящик для хлеба.

Когда они вдвоем вернулись с хлебом в барак, Карбышев достал из ящика обломок палки и, показывая его Сухаревичу, сказал:

— Вот видишь, Петр Филиппович, что делают «цивилизованные» фашисты, а хотят еще и Москву взять. Нет, нет, никогда потомкам гуннов не видать советской столицы, как ушей своих! — И, посмотрев на обломок внимательно, добавил: — Всё-таки я палку спрячу на память как музейный экспонат…

При первом же обыске в бараке гитлеровцы отобрали у Карбышева оставленный кусок палки.

Наступили осенние холода. Карбышев был одет совсем легко — в летнем обмундировании, в прохудившейся, видавшей виды солдатской шинельке. Друзья решили раздобыть ему теплую ватную фуфайку и брюки. Поручили это Герасимову.

«…В нашем лагере, — вспоминает Герасимов, — были лишь офицеры, ничего подходящего из теплой одежды у них не нашлось. Я тайком пробрался в большой солдатский лагерь и там выменял на хлеб и табак, которые мы коллективно собирали, телогрейку и брюки.

Узнав, что это для Карбышева, кто-то из солдат подарил и шапку-ушанку. Карбышев был очень рад подаркам, но спросил:

— А как же те, кто отдал мне свое тепло? Как они обойдутся?»

В конце августа Карбышев заболел дизентерией. Товарищи заботливо ухаживали за ним, доставали для него рисовый отвар и другие продукты. Общими усилиями выходили и спасли тяжело больного генерала.

Болезни истощили Карбышева, у него был вид дряхлого старика. Чтобы поставить его на ноги, группа командиров выделяла для него из своего скудного пайка семнадцатую часть хлеба.

«…После выздоровления, — свидетельствует старший лейтенант Ф. П. Адашев, — Карбышева снова посетил немецкий офицер. Гитлеровец прочитал вслух заметку в газете о том, что

Советское правительство обратилось к германским властям с просьбой об обмене двух немецких генералов на Дмитрия Михайловича, и посоветовал ему отказаться от обмена.

— Лучше переходите на службу к нам, коммунисты вас расстреляют.

— Готов нести любую ответственность перед Родиной, пусть поступят со мной, как найдут нужным, — ответил Карбышев, заметно обрадованный услышанным».

Пленные, узнав о предстоящем отъезде генерала, шли к нему проститься. Все давали свои адреса, просили рассказать на Родине, как фашисты измываются над советскими финами. Некоторые передавали записки, в которых помимо домашнего адреса содержалось всего лишь четыре слова: «Я еще жив, отомстите!» Дмитрия Михайловича обнимали, трогательно прощались с ним, а потом подняли на руки и, сопровождаемые часовыми охраны, понесли до ворот.

Когда Карбышев очутился за пределами лагеря, к нему подошел фашистский генерал и объявил, что германское правительство предлагает ему отказаться от обмена и перейти на службу в немецкую армию, так как в Советской стране его считают изменником и отказались от него как от врага народа. Теперь он волен поступать, как ему заблагорассудится, и может идти, куда желает — он свободен.

Карбышев твердо ответил:

— Никуда не пойду. Если меня действительно обменивают на немецких генералов и договор об обмене подписан, то по действующему международному праву Правительство Германии обязано передать меня Советскому правительству через нейтральное государство. Если же это провокация и меня хотят убить, то пусть убивают здесь, на глазах у всех военнопленных.

Он вернулся в лагерь и крикнул как можно громче:

— Никакой их «свободой» фашисты не заставят меня служить им!

В конце сентября 1941 года Карбышева с большой группой советских военнопленных отправили в другой офицерский лагерь на территории Польши — в Замостье. Фашисты боялись всевозрастающего влияния Дмитрия Михайловича на советских пленных.

Замостье

Два лагеря — один офицерский в самом городе Замостье, а другой на его окраине под названием «Норд» — для рядовых и инвалидов.

Всех генералов и старших офицеров, в том числе Карбышева, поместили в штадтлагере, т. е. в самом городе, в бараке № 11, который носил громкое название «генеральского».

Под лагерь фашисты заняли казармы и конюшни польской кавалерийской дивизии.

Вообще же Замостье ничем не отличалось от Острув-Мазовецка, разве только комендантом: с ним можно было разговаривать по-русски. На эту должность фашисты назначили белоэмигранта Козлова. Он не забыл русскую речь, но ненавидел Советскую Россию и изощрялся в издевательствах над пленными.

С октября 1941 по март 1942 года из десяти тысяч наших офицеров осталось в живых едва ли пятая часть.

В Замостье уборщиком в 11-й барак назначили Т. Н. Шумилина. Он знал Карбышева по Острув-Мазовецка и обрадовался новой встрече.

«В генеральском бараке, — вспоминает Шумилин, — как и в других, были двухъярусные нары. Только генералу Карбышеву дали односпальную деревянную кровать, которая стояла за фанерной перегородкой. Я и друг Карбышева полковник Петр Филиппович Сухаревич помещались рядом с ним за перегородкой.

Каждое утро Дмитрий Михайлович вставал раньше всех, тихо будил меня, напоминая:

— Пошли на зарядку!

Внешний вид его пугал — маленький рост, худоба, кожа да кости, запавший рот… Но стоило ему заговорить, и он становился прекрасным: лицо вдохновенное, глаза с искоркой. Мы готовы были слушать его без конца.

Каждое утро мы умывались снегом, прогуливались, потом шли в барак завтракать. Завтрак наш состоял из миски брюквенного супа и ста граммов хлеба. После завтрака я уходил на промысел: раздобыть где-нибудь морковку. У меня был знакомый повар Чернецкий, с которым я когда-то вместе служил в армии, и он время от времени выручал меня, давая морковь и другие овощи. Когда я приносил их в барак, Дмитрий Михайлович говорил: „Вот это витамины!“ Но беда заключалась в том, что у Карбышева действительно не хватало зубов, он потерял их уже в плену. Я тер морковку самодельным ножом, и мы оба

наслаждались этим лакомством».

Старший лейтенант Петр Павлович Кошкаров, один из героических защитников Брестской крепости, попал вместе с Карбышевым в Замостье. Приводим отрывок из его воспоминаний, хранящихся в Музее артиллерии, инженерных войск и связи в Ленинграде:

«Дни шли за днями. Все чаще к Карбышеву приходили военнопленные, обращались к нему за помощью и добрым советом, которые они всегда получали от него.

Чтобы поднять дух военнопленных и их волю к борьбе, Карбышев часто рассказывал военнопленным о славе русского солдата.

На одной из таких бесед в бараке присутствовали начальник полиции лагеря предатель Скипенко и комендант Козлов. Последний ехидно спросил Дмитрия Михайловича:

— Что это вы все о славе русского оружия толкуете? С каких это пор пришла к нему слава?

— С каких? — переспросил Карбышев и продолжил: — Да с первых лет образования русского государства, если знать вам угодно. Еще со времен князей Олега и Святослава и вплоть до наших дней слава русских воинов всегда стояла на очень большой высоте. Француз Ланжерон, служивший в России при Екатерине Второй, констатировал, что русская армия, несмотря на серьезные недостатки ее организации, очень сильна. Он весьма убедительно объяснил это великолепными качествами русского солдата… Великий полководец Суворов считал, что для русского солдата нет ничего невозможного, что он чудо-богатырь… — и генерал, словно обозревая всю историю нашего Отечества, стал раскрывать перед нами ее героические страницы…

Карбышев привел еще много других примеров героизма русских солдат в борьбе с врагами. Он говорил о решающей Бородинской битве в Отечественной войне 1812 года, выигранной нами благодаря мужеству воинов и всего народа. Об осаде Севастополя в Крымской войне, которая вошла в историю как образец героизма русских солдат и моряков. Не упустил и первой мировой войны, подробно рассказывал о Брусиловском прорыве…

По-видимому, Дмитрий Михайлович умышленно умолчал о многих войнах России с Германией. Это заметил комендант Козлов.

— Генерал, — произнес он с несвойственной ему учтивостью, — вы прекрасно знаете историю, но, насколько мне помнится, Россия вела войны не только с Польшей и Францией, но и с великой Германией. Не хранятся ли в вашей памяти какие-либо сведения на этот счет?

— Почему же, господин лейтенант, сохранились, приходите как-нибудь на досуге, я продолжу…

Козлов не угомонился:

— А почему бы не теперь, генерал?

— Что ж, — Дмитрий Михайлович посмотрел на сидящих возле него советских офицеров. Ближние к нему нары были заполнены до отказа. Никто не шевелился — сосредоточенное молчание. И все смотрели на него, ждали… — Господин лейтенант, я могу кратко напомнить вам, что на протяжении всей истории нашей Отчизны русский народ вынужден был не раз браться за оружие и давать отпор немецким захватчикам…

Генерал опять начал с далекого прошлого. С возникновения на границе Руси Тевтонского ордена псов-рыцарей. Тевтон-рыцари совершали частые набеги, нападали на русские земли — опустошали, грабили, убивали людей. Чаша терпения переполнилась. Русские на льду Чудского озера разбили псов-рыцарей 5 апреля 1242 года.

— Надо ли подробнее рисовать картину Ледового побоища? Всем оно знакомо со школьной скамьи…

Карбышев замолчал. Все боялись, что Дмитрий Михайлович поплатится за дерзость. Но Козлов слукавил:

— Кто старое вспомянет, тому глаз вон. Кажется, так гласит русская пословица. Но мне бы хотелось дослушать ваш исторический экскурс.

— Правду истории скрыть невозможно, — ответил Дмитрий Михайлович. — Я ее только напоминаю вам…

И генерал напомнил 1410 год, битву под Тененбергом и Грюнвальдом, которая ускорила закат некогда могущественного Тевтонского ордена. Ратники князя Ивана III помогли Новгороду и Пскову отбиться от разбойничьих нападений ливонских рыцарей. В 1501 году в сражении близ крепости Гельмед русское войско разбило ливонцев, а еще примерно через полстолетия пали такие крепости, как Дерпт, Мариенбург и Феллин.

Приведя высказывания самих немцев о том, что они сами по легкомыслию вызвали и начали войну, Карбышев снова сделал паузу и раздумчиво заключил:

— Мне кажется, что история повторяется. Уроки ее не учтены…

— Не делайте преждевременных выводов, генерал, — строго сказал Козлов, — продолжайте экскурс.

— Экскурс так экскурс — хоть и словечко-то не русское да и по смыслу неточное, — ответил Карбышев и, как ни в чем не бывало, перешел к изложению дальнейшего. Он вспомнил любимую поговорку прусского короля Фридриха II: „Если вам, то

есть немцам, нравится чужая провинция и вы имеете достаточно силы, занимайте ее немедленно“. Затем отдал должное Фридриху II.

Он и впрямь вышколил мощную армию для насильственного захвата чужих земель, ввергнул Европу в кровопролитную бойню на целых семь лет — с 1756 по 1763. Фридрих II рассчитывал не только на мощь своей армии, но, главным образом, на слабость России и ее противоречия с союзниками — Францией, Австрией и Саксонией. „Москвитяне суть дикие орды, — говорил Фридрих II, — они никак не могут сопротивляться моим благоустроенным войскам. Надеюсь, мы скоро отделаемся от русских и притом дешевой ценой“.

Генерал заметил, что для него не составит труда, но слишком долго последовательно разбирать все военные операции — они были непрерывной цепью блистательных побед русских войск, несмотря на то что военная организация короля Фридриха II признавалась наилучшей для своего времени и Австрия вела предательскую политику, желая ослабления и Пруссии, и России.

Пруссия потерпела поражение. Русские войска вошли в Берлин. Последняя крупная битва при Кольберге в 1761 году поставила прусское государство на грань катастрофы. Спасла его только прогерманская политика императора Петра III, вступившего на русский престол как раз тогда, когда, по словам самого Фридриха II, „Пруссия лежала в агонии, ожидая последнего обряда“.

— Надо отдать должное этому королю, — подчеркнул Карбышев. — Его признание: „Русского солдата недостаточно убить, его надо после этого суметь повалить“, — стоило бы помнить и незадачливым потомкам Фридриха. Кстати, он завещал им ни в коем случае не вступать в столкновения с Россией, так как она — страшная сила… Не мешало бы этим потомкам знать и предупреждение, сделанное на века Александром Невским: „Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На этом стаяла и стоять будет Русская земля!“

— Невольно хочется напомнить вам, господин лейтенант, — сказал Карбышев, обращаясь уже только к коменданту Козлову, — что уже почти двести лет ключи от Берлина хранятся в Казанском соборе в Ленинграде… Ваша любознательность удовлетворена? Не утомил ли я вас своей скучной беседой?

Белогвардейца передернуло. Но он решил выдержать характер, а может, боялся что-либо резкое предпринять по отношению к пленному, которым интересовалось высшее немецкое командование.

— Вполне удовлетворен, генерал, и нисколько не устал от

вашей пропаганды. Вы почти комиссар! — Приложив два пальца к козырьку фуражки, комендант процедил сквозь зубы: — До свидания! — И удалился вместе с окаменевшим оберполицаем Скипенко.

На другой день о „политинформации“ генерала Карбышева знал весь лагерь. И всех еще долго волновало одно и то же: „Как там Дмитрий Михайлович, жив ли он еще, на месте ли?“».

«Через несколько недель, — продолжает рассказ Кошкарова бывший узник лагеря Р. Р. Черношей, — в Замостье произошел случай, лишний раз подтвердивший смелость и твердость генерала Карбышева. Комендант объявил приказ о лишении всего лагеря питания на двое суток за то, что кто-то из пленных, страдавший расстройством желудка, оправился в том месте, которое отведено немцам. На следующее утро принесли завтрак только Карбышеву и другим генералам. Дмитрий Михайлович отказался от пищи и велел передать коменданту, что раз лишен питания весь лагерь, значит, и он не должен составлять исключения. К протесту Карбышева присоединились другие генералы. Комендант отменил приказ».

Полковник Иван Иванович Вишневский также находился с Карбышевым в Замостье. Вернувшись из плена и узнав о трагической гибели генерала, он разыскал адрес Лидии Васильевны Карбышевой и написал ей взволнованное письмо:

«Вам пишет человек, с которым Вы не знакомы. Но я хорошо знал Вашего мужа, Дмитрия Михайловича Карбышева, еще с гражданской войны по Восточному фронту. А с сентября 1941 года вместе с ним делил горе в фашистской неволе в лагере Замостье.

В конце 1941 года в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Люди умирали сотнями и тысячами. Их трупы не успевали вывозить. Гитлеровцы очень боялись начавшейся эпидемии и избегали заходить за ограду лагеря. Заболел тифом и Карбышев. Состояние его было крайне тяжелым, внушало мало надежды на выздоровление. Но офицеры не бросили своего генерала на произвол судьбы, скрыли его болезнь от комендатуры, чтоб он не попал в тифозный барак „Норд“, откуда никто не возвращался. Карбышеву приносили дополнительную еду. Мне, владевшему польским языком, удалось установить связь с польской патриоткой Марией Михайловной Шумовой, которая жила в Замостье на улице Нарутовича, дом № 4. Один раз в неделю она передавала для меня кое-какие продукты. Мне было очень приятно делиться этой едой с Дмитрием Михайловичем. Позже я с ним встречался и в других лагерях. Особенно мне запомнилось его отношение к изменникам Родины.

— Как относиться к ним? — спросил я Дмитрия Михайловича.

Вот что я услышал в ответ:

— С такими мерзавцами мы, конечно, в условиях лагеря ничего сделать не можем, так давайте же отвернемся от них, не будем с ними разговаривать, даже смотреть на них, объявим им бойкот. Человек должен иметь цель в жизни и стремиться к ней прямо, не делая никаких зигзагов. Если ты упал в реку — плыви к одному берегу, выплывешь, а начнешь вилять — утонешь».

Старший лейтенант Н. И. Сахалин также был с Карбышевым в Замостье. Он через ассенизаторов, обслуживавших лагерь, получал из города хлеб, лекарства, которые тоже передавал генералу.

Общими усилиями и заботами Дмитрий Михайлович был выхожен, начал поправляться. Однажды офицер А. Т. Маренко раздобыл на немецкой кухне у повара Редюкова котелок с бульоном. Бульон еще теплым принесли в барак и передали Карбышеву, хотя сделать это было не так просто.

Офицер Г. Н. Давыдов за время пребывания в Замостье убедился, что авторитет наших генералов Огурцова, Макарова, полковника Сухаревича и других был высоким. Д. М. Карбышев же стал для всех пленников символом правды, воли, принципиальности патриота и коммуниста. «Его оценки военных действий, — утверждает Давыдов, — всегда были верны, а прогнозы сбывались, как будто он вершил судьбу войны. Он видел дальше нас всех и открывал нам глаза на очень многое…».

Если в лагере сообщали какую-нибудь новость об успехах Красной Армии, для убедительности часто говорили: «Сам Карбышев сказал».

Как-то в генеральский барак забрело несколько немецких офицеров, которые отправлялись на фронт. Один из них, в звании подполковника, спросил Дмитрия Михайловича:

— Как полагаете, господин генерал, когда кончится война?

— Когда на советской земле не останется ни одного немецкого солдата, — последовал ответ.

Под влиянием Карбышева военнопленные стали общительней, сближались, многие даже подружились. И узники стали смелее разговаривать с лагерной полицией, давать решительный отпор предателям.

По призыву Карбышева начались побеги. Группа военнопленных, которая занималась вывозкой нечистот из лагеря на поля, связала охраняющего их гитлеровского солдата и ушла в лес. Другая группа начала подкоп из пустующего барака за проволочные ограждения к сараю местного жителя-поляка.

Заговорщики провели немало бессонных ночей, копая из последних сил траншею. Осталась толща земли всего в несколько метров, еще на одну ночь работы, не больше.

Но накануне той последней ночи подкоп обнаружили. Всех пленных выгнали из бараков. Часть была переведена в старую тюрьму «Святой крест» под Краков. Тюрьма как тюрьма, но все-таки капитальное здание. И заключенные почувствовали даже некоторое облегчение. Но, как и надо было ожидать, ненадолго.

Офлаг XIII-Д

В марте 1942 года пленных начали отправлять из Замостья в глубь Германии.

Куда?

Кто-то узнал, что в таинственный офлаг XIII-Д. Что это такое: тюрьма, острог, крепость или лагерь, а может, какой-то особо секретный объект, который будут строить заключенные? Догадок было много, высказывались разные предположения, но точно никто ничего не знал.

Генералов и старших офицеров, в том числе и Д. М. Карбышева, вывезли вторым эшелоном. Как и другим, ему выдали около двух килограммов хлеба и предупредили: этот паек на пять дней.

Очень важно, оказывается, иметь хороший глазомер и разделить порцию ровно на пять частей. Но еще важнее умерить голод, остановить себя. Многие — очевидцем был ехавший в том же эшелоне старший лейтенант А. С. Санин — съели весь свой хлеб и умерли в муках…

Пленных выводили из лагеря Замостье партиями по 500–600 человек в колонне по пяти в ряд и под конвоем сразу на вокзал. Здесь их загнали в пристанционный двор. Только в сумерки подали железнодорожный состав — 35 грязных вагонов и один классный. Двери всех вагонов были открыты, а вентиляционные люки, заменявшие окна, заделаны железными решетками.

Посадку производили одновременно во все вагоны. У каждой раскрытой створки стояло по три солдата. Один из них ножом срезал у пленных брючные пуговицы, а двое других прикладами подталкивали людей на подвешенную к вагону стремянку.

Внутри вагоны были перегорожены на две части колючей проволокой. В одну половину, без нар, вталкивали около 90 пленных. Во второй размещался конвой — три человека на невысоких нарах с мягкими подстилками.

Погрузка закончилась. Конвойные заняли свои места. В дверях оставили небольшие щели для воздуха.

Раздался свисток паровоза. Эшелон двинулся на запад, в Баварию.

Несмотря на позднее время и усталость, никто из военнопленных не спал. Мешали уснуть не только духота и теснота. Все были подавлены тем, что их увозят все дальше и дальше от Родины. Удастся ли вновь ее увидеть?

Когда эшелон находился уже неподалеку от Кракова, пленные всколыхнулись: генерал Огурцов сумел незаметно проделать

дыру в дощатом полу вагона и выпрыгнуть…

Карбышев, узнав о побеге, сказал с надеждой:

— Вот и хорошо! Может быть, удастся ему спастись.

Охрана хватилась слишком поздно. И чтобы избегнуть объяснений с начальством, скрыла побег Огурцова — должно быть, причислила его к умершим в дороге.

Сведения о бегстве генерала Сергея Яковлевича Огурцова приведены здесь по данным, полученным от Петра Павловича Кошкарова, встречавшегося с Д. М. Карбышевым в лагерях для военнопленных.

В апреле 1972 года газета «Красная звезда» опубликовала более поздние документы, приведенные членом Советского комитета ветеранов войны полковником в отставке Н. А. Прокопюком.

В них утверждается, что генерал С. Я. Огурцов весной 1942 года совершил побег из тифозного барака лагеря для военнопленных в городе Хельм. В этом ему помогли советские врачи-военнопленные. Вблизи польской деревушки Тарнаватка, что лежит у шоссе между городами Томашув и Замостье, местные жители свели генерала и бежавшего вместе с ним чеха Танчерова с двумя небольшими вооруженными группами советских воинов, также вырвавшимися из плена. Это были группы Мишки Татара, вошедшего впоследствии в историю освободительной борьбы польского народа под именем Михаила Атаманова, и Васьки Грузина — ныне здравствующего Василия Терентьевича Манжавидзе.

Так возник партизанский отряд имени Григория Котовского. В его организацию генерал Огурцов вложил свой боевой опыт и недюжинный талант. По замыслу Сергея Яковлевича отряд должен был стать кавалерийским. Генерал рисовал перед бойцами картину будущих стремительных конных рейдов по тылам противника, выход на Украину. Но замыслам его не суждено было сбыться. 28 октября 1942 года в бою с крупной карательной группировкой противника у села Зелоне Томашевского повета Сергей Яковлевич пал смертью героя.

Дмитрию Михайловичу Карбышеву, конечно, передали первую версию — о бегстве Огурцова из вагона на ходу поезда. Карбышев одобрил этот дерзкий шаг и настраивал других военнопленных на бегство из лагерей…

Вернемся, однако, в эшелон военнопленных, идущий с востока на запад, из Замостья в глубокий тыл рейха.

На четвертые сутки, в полночь, эшелон пересёк границу Германии. На одной из станций к вагонам почти вплотную подошла толпа немецких бюргеров. Многие в руках вместо хлеба

— как нередко было в Польше — держали камень. С криком «Хайль Гитлер!» фашисты бросали камни в стены вагонов, стараясь изловчиться и попасть в просвет открытой двери. Никто из охраны не прогонял фашистских последышей. Группа юнцов, подняв оглушительный шум и свист, принялась забрасывать вагоны гнилой картошкой, мусором.

На других стоянках эшелон встречали примерно так же.

На шестой день эшелон оказался на небольшой железнодорожной станции.

«Хаммельбург» — гласила аккуратная вывеска.

К эшелону, подошла команда солдат во главе с офицером. Эшелон оцепили, открыли двери вагонов.

— Алле раус! Шнеллер! Выскакивай! Быстрее!

Подгоняя пленных прикладами, пинками, солдаты тут же строили их в колонну. Процедура приемки-сдачи от одного конвоя другому заняла немало времени.

Наконец колонна пошла по проезжей части главной улицы Хаммельбурга.

Грохотали по асфальту деревянные колодки. Жители открывали окна и с испугом смотрели на толпу одетых в жалкие лохмотья изнуренных людей.

Пройдя к окраине Хаммельбурга, колонна вышла на широкое шоссе Нюрнберг — Вюрцбург. Впереди, прихваченная ледком, лежала, словно кривая сабля в ножнах, река Заале. Но измученные люди не замечали красот баварской природы.

Пересекли по мосту реку. Дорога сразу резко повернула влево и круто поднялась вверх, извиваясь между цепью невысоких холмов. Пять километров по холмам и взгорьям для Дмитрия Михайловича в другое время были бы приятной прогулкой. А теперь каждый шаг давался с огромным усилием. Его поддерживали товарищи и помогли подняться на большое холмистое плато, где колонна, наконец, остановилась.

Всю дорогу от станции до ворот лагеря рядом с Карбышевым шел В. И. Герасимов. Они были вместе в Острув-Мазовецка и в Замостье. Герасимов помогал Карбышеву нести его мешок с незатейливыми солдатскими пожитками, поддерживал за руку: здоровье генерала основательно пошатнулось после перенесенного в Замостье тифа.

Вот он, офлаг XIII-Д. Офицерский лагерь, вблизи которого проходила линия Зигфрида, ждал пополнения и был готов к приему его.

В левой части лагеря виднелись небольшие домики для немецких офицеров, невдалеке от них — казармы солдат охраны. Рядом с казармами несколько двухэтажных зданий военного

госпиталя. Такой же двухэтажный увеселительный кабак — казино. На его высокой готической башне блестели медные стрелки больших часов, напоминавшие о себе каждые 15 минут мелодичным колокольным звоном.

Гестапо разместило в подвалах казино камеры-застенки. Перепившиеся истязатели спускались вниз по лестнице учинять допросы и пытать свои жертвы.

Чуть дальше раскинулось огромное старое кладбище русских военнопленных, похороненных здесь в первую мировую войну.

Южнее лагеря, в низине, окруженной невысокими холмами, беззвучно дремал городок Хаммельбург.

У ворот офлага XIII-Д Герасимов спросил Дмитрия Михайловича:

— Не попытаться ли мне перейти в солдатский лагерь?

— Попытайтесь. Основное сейчас — остаться солдатом, сохранить честь советского воина. Ведь мы лишь временно вышли из строя.

Ворота распахнулись, и лагерь проглотил очередную колонну.

При входе офицерам велели идти направо, а солдатам налево, в транзитный барак.

Началась санобработка. Потом регистрация, снятие отпечатков пальцев, фотографирование. Всем выдали нагрудные номера. Карбышеву достался № 5722.

После трехдневного пребывания в карантине Дмитрия Михайловича перевели в так называемый штаб-офицерский барак. В лагере Карбышев встретился с П. П. Кошкаровым, с которым познакомился еще в Замостье. Петр Павлович успел связаться с подпольным антифашистским комитетом сопротивления, созданным в августе 1941 года генералом Иваном Семеновичем Никитиным и Христофором Николаевичем Алавердовым. Но их обоих арестовало гестапо, и к приезду Карбышева комитет возглавлял генерал-майор авиации Григорий Илларионович Тхор, волевой, отчаянно смелый человек.

— Я с Тхором знаком, замечательный генерал, — сказал Карбышев Кошкарову.

Невысокого роста, с живым, энергичным лицом и умными проницательными глазами, Григорий Илларионович был во многом схож с Карбышевым. Статный, ладный, притягивавший к себе, как магнит, других людей.

Давно ли знал Тхора Карбышев? Часто ли они встречались до войны?

Во всяком случае, в лагере они сошлись близко, потому что позже Дмитрий Михайлович ставил многим в пример этого

отважного авиатора.

Григорий Илларионович Тхор родился в 1903 году в селе Подлипки близ Конотопа на Украине. Сын рабочего, активного участника революционного движения, он добровольно вступил в ряды Красной Армии, прошел путь от рядового бойца до генерала. Военное образование получил на пехотных курсах имени Щорса. Был курсантом Кремлевской военной школы, а позже окончил Борисоглебскую школу военных летчиков. В 1936 году Тхор за успехи в боевой подготовке награжден орденом «Знак Почета». И в том же году, летом, он с группой советских летчиков вступил добровольно в Интернациональную бригаду Испанской республики.

В 1939 году комбриг Тхор командовал военно-воздушными силами Забайкальского военного округа, там ему было присвоено звание генерал-майора авиации.

Великая Отечественная война застала генерала на Юго-Западном фронте врио командира 62-й дальнебомбардировочной авиационной дивизии. В первые же дни войны с 22 по 30 июня дивизия под его командованием совершила более двух тысяч вылетов.

Массированным налетом на немецкие аэродромы в районе Белой Церкви она уничтожила 50 немецких самолетов и была представлена к ордену Красного Знамени.

18 сентября 1941 года после упорных боев оставшиеся от 62-й авиадивизии части под командованием Тхора стали отходить по указанию штаба армии на восток. Утром 23 сентября в неравном бою на высотах восточнее Млехи-Загребель генерал Тхор был тяжело ранен. Местные крестьяне подобрали его на поле боя и увезли в село, некоторое время укрывали. Донос предателя — и Тхор попал в гестапо.

Фашисты неоднократно предлагали советскому генералу перейти к ним на службу. После полугода уговоров и пыток его привезли в Хаммельбург.

Г. И. Тхор, как и Д. М. Карбышев, прошел тяжкий путь по фашистским концлагерям, держался так же, как он, и, вероятно, поэтому встретился с Карбышевым в бараке одного и того же лагеря…

Комитет сопротивления, лишенный своих руководителей Никитина и Алавердова, короткое время был пассивен, но с появлением Тхора вновь активизировался. Генерала ввели в состав комитета, выбрали руководителем подпольной организации.

Дмитрия Михайловича доставили в Хаммельбург на несколько дней позже Тхора. Очевидно, боевой летчик уже знал о

Карбышеве, о его стойкости, о выработанных им «Правилах поведения советских людей в фашистском плену».

Вот основные положения «Правил»:

1. Организованность и сплоченность в любых условиях плена.
2. Взаимопомощь. В первую очередь помогать больным и раненым товарищам.
3. Ни в чем не унижать своего достоинства перед лицом врага.
4. Высоко держать честь советского воина.
5. Заставить фашистов уважать единство и сплоченность военнопленных.
6. Вести борьбу с фашистами, предателями и изменниками Родины.
7. Создавать патриотические группы военнопленных для саботажа, вредительства и диверсий в тылу врага.
8. При первой возможности совершать побеги из плена.
9. Оставаться верными воинской присяге и своей советской Родине.
10. Разбивать миф о непобедимости гитлеровских войск и вселять военнопленным уверенность в нашей победе[9].

С прибытием Карбышева подполье оживилось еще в большей мере.

Карбышев одобрил план действий Тхора. Тонкий знаток человеческой души, Карбышев увидел в Тхоре настоящего вожака, способного повести за собой людей.

По заданию немецкого генерального штаба гестапо было поручено выяснить, в чем загадка высоких моральных и боевых качеств воинов Красной Армии. Еще в декабре 1941 года командование лагеря объявило советским военнопленным: все желающие, независимо от воинского звания, могут приступить к описанию истории боевых операций тех подразделений, частей и соединений Красной Армии, в которых они служили. За это советским военнопленным посулили облегчить лагерный режим, улучшить условия обращения и питание. Для «историков» выделили специальное, хорошо оборудованное помещение — так называемый «исторический кабинет»[10]. На его стенах — стратегические карты СССР и другие наглядные пособия.

«Кабинет» находился в подчинении исторического управления немецкого генерального штаба и был создан с далеко идущими разведывательными целями.

Большинство советских военнопленных поняли истинные затеи фашистов и отказались участвовать в этой провокации.

Однако нашлись и такие, которые попрали свою честь — за лишнюю порцию баланды, за пачку сигарет.

С появлением в Хаммельбурге Карбышева и Тхора подпольный комитет повел решительную борьбу с этими «историками».

Из уст в уста стали передавать карбышевские слова, ставшие в лагере поговоркой: «Никогда не делайте того, что хочет враг, а делайте то, чего он не хочет».

Злостным «историкам» объявили бойкот. Их ловили, отбирали и уничтожали их записи и запасы бумаги. На некоторых «историков» такие меры подействовали, и они отказались от первоначальных намерений.

В один из вечеров участники подполья напали на «исторический кабинет», разгромили его, а начальнику, предателю Гаврилову, разбили голову.

Противодействие работе этого «кабинета» оказалось столь значительным, что представители германского генерального штаба сочли за благо поскорее ретироваться из лагеря.

Большое внимание Карбышев и Тхор уделили борьбе с антисоветскими организациями белогвардейцев.

Сколоченная беляками совместно с гестапо Русская трудовая народная партия — РТНП — зазывала к себе колеблющихся, неустойчивых людей. Предатели объявили набор в так называемую Русскую освободительную армию — РОА, входившую в состав немецко-фашистских войск. Нашелся предатель на роль командующего «армией» — Власов.

Вербовщики РОА свою охоту за малодушными совмещали с «посевом» ложных слухов, провокаций, доносами. В бараки поселили лазутчиков-агитаторов, переодетых в форму советских офицеров, откормленных фашистских молодчиков из числа белоэмигрантов и специально обученных агентов. Голодавших советских военнопленных соблазняли и поторапливали:

— Кто хочет свободы и сытой жизни, тот должен побыстрее записаться в РОА! Смотри, не опоздай! А опоздаешь — на себя пеняй!

Из Берлина в помощь вербовщикам прибывали кипы фашистских антисоветских газет: «Клич», «Новая доба», белоэмигрантское «Новое время».

Не помогли лазутчики, вербовщики, агенты, провокаторы, газетки. Военнопленные выдержали не только словесную и печатную Психическую атаку, но и пытки в гестапо, издевательства в подвале казино.

Особое «внимание» проявляли фашисты к Карбышеву. Не удалось склонить его к прямой измене — пусть хоть чем-то, хоть мелочью опорочить его в глазах остальных пленников.

Офицер Е. М. Синьковский присутствовал при таком эпизоде.

У генерала Карбышева внезапно исчезла фуражка. На другой день к нему пришел комендант лагеря и заявил, что ему стало известно об этой пропаже, и предложил генералу пройти с ним на склад и подобрать себе там фуражку.

— Неудобно ходить генералу без фуражки. Пойдемте, помогу вам в беде.

На складе не нашлось генеральской фуражки Красной Армии, на полках лежали различных размеров головные уборы немецко-фашистских войск.

Тогда комендант предложил:

— Господин генерал! Сами видите, на складе, к сожалению, сейчас нет того, что вам нужно. Но генерал всегда остается генералом! Поэтому я готов вам помочь. Предоставляю вам право на свой вкус выбрать любую нашу генеральскую фуражку, нашего вермахта. Да, да, я разрешаю. И носите ее, как говорят русские, на здоровье!

Взгляд Карбышева быстро скользнул по стеллажам. В одном углу он заметил сваленные в кучу советские армейские пилотки. На некоторых из них были даже пятиконечные звездочки. Дмитрий Михайлович подошел к этой куче, взял одну пилотку, расправил ее и, надев на голову, сказал по-немецки коменданту:

— Господин полковник, посмотрите сами: неправда ли, пилотка мне к лицу куда больше любой немецкой генеральской фуражки?

Поблагодарив за оказанную возможность возместить пропажу, Карбышев ушел со склада.

А вот что писал капитан А. К. Ужинский о встрече с Карбышевым в Хаммельбургском подполье:

«…В марте в Хаммельбург была доставлена из Замостья очередная партия военнопленных. В этой партии оказался и Д. М. Карбышев.

Мне довелось много слышать о нем еще в академии, изучать его труды и теперь очень захотелось увидеть его. Меня познакомили с ним. Дмитрий Михайлович припомнил, что перед началом войны встречался с другими слушателями на строительстве укреплений у западной границы. Прощаясь, я рассказал Карбышеву, что среди узников ходят слухи, будто фашисты хотят выведать у него состав нашего бетона, идущего на строительство дотов. Дмитрий Михайлович рассмеялся:

— Тайна нашего бетона в нас самих. Передайте, капитан, товарищам, чтобы они были стойки как бетон, и тогда никаких наших тайн враг не узнает.

С первых же дней пребывания в Хаммельбурге Д. М. Карбышев связался с руководителями подпольного движения

сопротивления. Я почувствовал это по одному факту.

В то время готовился побег из лагеря большой группы военнопленных. Поскольку я работал в мастерской игрушек и возглавлял там подпольную группу, генерал Г. И. Тхор и майор Н. Ф. Панасенко поручили мне изготовить компасы для всех участников побега. Один компас, вмонтированный в футляр от часов, я преподнес генералу Тхору.

Но вот встречает меня Дмитрий Михайлович и говорит:

— Компасы-то вы делаете неплохие, а конспиратор из вас неважный. Для чего часовой футляр? Как спрячете его при обыске?

И тут же посоветовал делать сердцевину стрелки не из алюминия, а из меди, чтобы она была надежней. На другой день об этом же сказал мне и Г. И. Тхор. Стало ясно, что он советовался с Карбышевым»[11].

Старший лейтенант А. С. Санин вместе с другими военнопленными Хаммельбургского госпиталя отмечали 62-летие Дмитрия Михайловича:

«… Это был торжественный, хотя и очень скромный вечер. Готовились к нему около трех недель. От каждого обеда что-нибудь обязательно оставляли для праздничного стола. Выбор, правда, был скудный, картошка в мундире, иногда кусочек маргарина да немножко повидла в бумажке.

Наконец, 26 октября 1942 года поздно вечером, когда из госпиталя ушли все гитлеровцы, в палату санитаров вошел Дмитрий Михайлович — подтянутый, чисто выбритый и даже веселый. Мы усадили его на почетное место, и вечер начался. Горячо поздравив Дмитрия Михайловича с днем рождения, пожелали ему доброго здоровья, долгих лет жизни и счастья. Вместо вина в кружки налили холодный кофе. Потом начались воспоминания о мирной жизни, рассказы о планах, которые нарушила война, но к исполнению которых мы намеревались вернуться после разгрома фашизма.

Беседа затянулась далеко за полночь. Дмитрий Михайлович был весел, разговорчив, а когда уходил от нас, сердечно благодарил за скромные подарки и товарищеский ужин. Этот вечер каждый из нас запомнил на всю жизнь. Тогда мы еще ближе узнали Дмитрия Михайловича, еще раз убедились в том, какой он замечательный человек, простой и душевный, беспредельно любящий Родину, твердо уверенный в неизбежности победы над врагом»[12].

Герой Советского Союза, защитник Брестской крепости, майор П. М. Гаврилов вспоминает об одном характерном эпизоде:

«Осенью 1942 года в Хаммельбург для усиления вербовки советских военнопленных приехал власовский генерал в гитлеровской форме, с нарукавным знаком „РОА“. Накануне его приезда Карбышев, Тхор, Михайлов побеседовали с пленными.

Договорились: если вызовут кого-либо из строя, то всем взяться за руки и не выпускать вперед малодушного.

Так и поступили.

Генерал-предатель долго витийствовал перед строем, сулил „златые горы и реки, полные вина“. Напоследок скомандовал:

— Кто готов с оружием в руках бороться против большевиков — пять шагов вперед!

Никто не сделал ни шагу.

Генерал побагровел, повторил команду:

— Пять шагов вперед!

Опять никто ни шагу.

И тут генерал Тхор неожиданно и громко крикнул:

— Господин фашистский холуй! Желающих нет и не будет, убирайтесь вон!

В строю на левом фланге раздался свист, его поддержали в середине и на правом фланге. Вербовщик РОА ушел освистанный, как тенор, задавший, козла».

Дошла в Хаммельбург и радостная весть об окружении и разгроме армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом. Ее привез попавший в плен командир 17-й танковой бригады майор П. С. Махура.

17-я бригада входила в состав 26-го танкового корпуса 5-й танковой армии, которой командовал генерал Романенко, и принимала участие в прорыве фронта гитлеровских войск южнее Усть-Хоперской. Здесь она стала гвардейской. Махура командовал группой прорыва и, тяжело раненный, обожженный, контуженный, попал в руки гитлеровцев.

Карбышева отважный танкист знал с 1939 года по Москве. Это было после возвращения Махуры из Испании. Как и Тхор, он сражался в Интернациональной бригаде и, возвратившись в Москву, прочел в Академии моторизации и механизации[13] лекцию о форсировании реки Эбро республиканскими войсками в районе Флико-Аско. На лекции присутствовал Карбышев. Он работал тогда усиленно над своим трудом «Форсирование рек» и весьма заинтересовался этой операцией. Дмитрий Михайлович попросил Махуру подробно рассказать, какие меры применили республиканцы для обеспечения переправы.

Махура передал тогда генералу любопытные подробности об одной военной хитрости, которая удалась республиканским саперам. Они навели над Эбро для форсирования этой реки три

моста — два постоянных под водой, а один ложный — над рекой. Фашисты бомбили видимую переправу, а о подводных понятия не имели.

В Хаммельбурге Петр Махура поделился с Карбышевым новостями с фронта.

А новости были ошеломительными. Армия Паулюса разгромлена. Поражение полное.

— Судный день фашистской Германии настал, — сказал Дмитрий Михайлович друзьям. — Слава советского оружия восторжествовала!

Карбышев достал самодельную карту, разложил ее на столе и попросил Махуру показать места боев, расположение наших и вражеских войск на фронте.

Некоторое время генерал сидел в раздумье, потом взял в руки самодельный циркуль и линейку, старательно измерил расстояние по карте, что-то вычислил.

— Обрадовать вас, так сказать, взаимно? — спросил лукаво Карбышев. — По моим подсчетам, мы окончательно отпразднуем победу, то есть займем Берлин, где-то в апреле сорок пятого.

Петр Махура по настоянию Дмитрия Михайловича несколько дней подряд переходил из барака в барак, рассказывал узникам правду о Сталинграде.

Генерал Тхор так же, как Карбышев, был убежденным сторонником массовых побегов из лагеря. По предложению Григория Илларионовича наметили побеги нескольких групп военнопленных из Хаммельбурга. Группа Тхора должна была направиться на восток, в Советский Союз, группа Михайлова — в Югославию. Третья группа в составе Поносова, Трифонова, Толкачева — в Швейцарию.

Комплектование групп закончили быстро. Назначили старших. Поручили дозорным изучать смену часовых и расположение постов, чтобы отвлечь внимание охраны лагеря в момент побега. Распределили обязанности. Смастерили разборные компасы. Скопировали в немецкой столярной мастерской масштабную карту. Заготовили запас продуктов, который хранился в инфекционном отделении ревира, куда гитлеровцы, опасаясь заразы, предпочитали не заходить. Но не избегли предательства. Генерала Тхора арестовали и увезли в нюрнбергскую тюрьму. Осуществление побегов приостановилось.

Застряв на востоке, гитлеровцы стали спешно подбирать «подчистую» все резервы. Их тыл остался без рабочей силы. Особенно остро ощущался недостаток в квалифицированных рабочих на военных заводах. Выпуск танков, самолетов, орудий,

пулеметов, ружей и боеприпасов катастрофически падал. В Хаммельбургском лагере срочно приступили к формированию рабочих команд.

Вначале набирали только младших офицеров, позднее — всех, до полковников включительно.

Во время одной из проверок на аппельплаце гитлеровцы зачитали приказ, гласивший, что каждый человек, который находится в Германии, обязан работать, иначе его не будут кормить.

Раздалась команда:

— Все желающие ехать на работу добровольно — в сторону!

Из трех тысяч советских военнопленных отошли в сторону не более ста человек.

Администрация лагеря начала урезать и без того скудный паек. Среди военнопленных пошли толки о том, что отказ от работы приведет к усилению репрессий и к новым жертвам, в то же время поездки на работу увеличат возможность побега.

Карбышев считал, что от работы, предложенной немцами, не нужно отказываться. Но работать советские люди должны так, чтобы работа эта приносила фашистам только вред. Дмитрий Михайлович советовал всячески саботировать, портить оборудование, выпускать такое оружие, которое сразу же выходило бы из строя в боевой обстановке.

Вторичный набор в рабочие команды прошел более удачно и спокойно, что весьма удивило администрацию лагеря, подготовившуюся к «крутым мерам».

Одну команду в 600 человек гитлеровцы отправили в город Райсендорф, вторую — 2000 пленных — в Нюрнберг.

В сентябре из того же лагеря была отправлена рабочая команда № 10 113. Она состояла почти полностью из советских старших офицеров. Среди них полковник П. Ф. Сухаревич, много политработников: бригадный комиссар Григорьев-Перельман, полковые комиссары С. А. Снитцарь и Л. С. Николаев и другие сподвижники Д. М. Карбышева по борьбе в Хаммельбурге.

Хаммельбургский лагерь почти опустел. В лагере остался «обслуживающий персонал» и военнопленные югославы, поляки и французы.

Тяжело переживал Дмитрий Михайлович расставание с друзьями, особенно с Петром Филипповичем. В самые мрачные дни фашистской неволи в Острув-Мазовецка, Замостье и Хаммельбурге Сухаревич был правой рукой генерала. Прощаясь с Петром Филипповичем, Дмитрий Михайлович крепко обнял его и, не скрывая своего волнения, сказал:

— Верю, хочу верить, Петр Филиппович, что мы еще

встретимся! Час победы скоро пробьет!

— Я такого же убеждения, — ответил Сухаревич.

Команду № 10 113 направили в город Регенсбург на Дунае в тяжелый режимный лагерь. Изможденных военнопленных принуждали грузить и выгружать баржи и железнодорожные вагоны в Регенсбургском порту.

Всю дорогу к порту Сухаревич, Снитцарь и Григорьев-Перельман ехали в одном вагоне. В Регенсбурге у причала порта Снитцарь, выбрав удобный момент, обратился к военнопленным:

— Наша рабочая команда прибыла сюда не покоренными пленниками, а представителями великой партии Ленина.

Снитцарь сказал, что твердо верит: немецкие коммунисты действуют в подполье, накапливают силы. А закончил словами Карбышева:

— Плен для советских людей не означает прекращения борьбы. Они ее продолжают и в лютых, даже самых тяжелых условиях.

Вскоре Снитцарь, Сухаревич, Григорьев-Перельман стали популярными не только среди военнопленных, но и у немецких грузчиков, крановщиков и матросов Регенсбургского порта. Команда № 10 113 портила грузы, создавала заторы.

В конце 1942 года кто-то предал Снитцаря и Григорьева-Перельмана. Их схватили гестаповцы и казнили.

Но и после казни двух патриотов-коммунистов подполье продолжало действовать.

Летом 1944 года, после покушения на Гитлера, гестапо особенно свирепствовало. В июне Сухаревича, Шамшеева и Панфилова вместе с другими участниками подполья отправили в Вюрцбург в тюрьму гестапо. У Сухаревича при обыске обнаружили схему с нанесенными на ней населенными пунктами от Регенсбурга до чехословацкой границы. Гестапо усмотрело в этом доказательство подготовки побега.

На допросе Петру Филипповичу предъявили обвинение в саботаже и коммунистической пропаганде и отправили на «медленное уничтожение» в лагерь смерти Маутхаузен.

Лето 1943 года. Кровопролитные бои на Курской дуге.

Начальник инженерных войск 38-й армии, генерал-майор Н. В. Крисанов, взволнованный известием о своем учителе, писал своей жене:

«Любаша, здравствуй! Спешу тебе сообщить новость. Нашими войсками взят в плен фашист, бывший надзиратель Хаммельбургского лагеря для советских военнопленных. Я его сам допрашивал, чтобы выяснить, не знает ли он генерал-лейтенанта Карбышева. Он мне ответил, что фамилии он не

помнит, но по внешности, которую я ему описал, он вспомнил одного пленного. Весь лагерь называл его „большевистским генералом“, ему создали особые условия, положенные пленному генералу, он отказался от них, ел то, что давали всем пленным. За ним приезжали из Берлина, обещали генеральский чин германской империи. Но от всех благ, которые ему предлагали, он отказался. Пленные в лагере считали его своим руководителем, и вскоре командование было вынуждено перевести его в другой лагерь.

Любаша, пока эти сведения нельзя считать достоверными, я еще приму все меры, чтобы уточнить их. Но я этим данным верю. Именно таким и представляю себе Дмитрия Михайловича. Гитлеровцы могли пытаться завербовать его к себе на службу как известного, талантливого ученого. Коммунист Карбышев, истинный патриот, мне кажется, не только не мог согласиться продать свою Родину из-за личных благ, но считал позором даже разговаривать с теми, кто сулил ему всякие „блага“, требуя от него измены. В плен он мог попасть только тяжело раненным. Но и в плену, мне кажется, он не мог не разъяснять пленным правоту нашего дела. Человек стальной воли, каким был Дмитрий Михайлович, он не мог не вселять военнопленным бодрость духа и веру в победу советского народа…

Очень прошу тебя, Любаша, попытайся разыскать семью Карбышевых и узнай, нельзя ли оказать ей помощь».

В сетях гестапо

Берлинская тюрьма гестапо на Принц-Альбертштрассе, 5, лагерь на пересыльном пункте РОА в Бреслау… Только человек несгибаемой воли мог выдержать издевательства изощренных палачей. «Друзья бывшего царского подполковника» старались любыми путями склонить Карбышева к измене Родине.

Очнувшись от долгого кошмара моральной и физической пытки, уже в Нюрнбергском лагере, Дмитрий Михайлович смог кое-что из пережитого поведать своим товарищам. Если выживут, вернутся домой, пусть расскажут обо всем его семье — жене, детям.

В живых остались единицы… Среди них — старший лейтенант Петр Павлович Кошкаров. Он выполнил просьбу генерала — записал как можно подробнее то, что тогда услышал.

В начале февраля 1943 года Карбышева вызвали к коменданту Хаммельбургского лагеря. После длительной беседы с сотрудниками гестапо — они выдавали себя за высокопоставленных офицеров инженерных войск из ставки фюрера — Дмитрию Михайловичу задали несколько вопросов. Вопросы были обычными, беседа проходила спокойно. В заключение заявили, что придется ехать с ними в Берлин: там Карбышева обменяют на немецкого генерала, находящегося в плену в Советском Союзе.

Генерал попросил разрешения зайти в барак, чтобы забрать нужные вещи. Ему хотелось попрощаться с товарищами и сообщить им о намерении немецкого командования. Но сотрудники гестапо ответили отказом под тем предлогом, что можно опоздать на поезд.

Был холодный февральский вечер, когда Карбышев в сопровождении двух гестаповцев выходил из ворот лагеря. Подмораживало, дул пронизывающий северо-восточный ветер.

В автомашине, мчавшейся на Хаммельбургский вокзал, Карбышевым овладело какое-то тупое состояние, точно он не жил, а спал тяжелым, кошмарным сном…

Скорый пассажирский поезд на Берлин уже стоял под парами. Гестаповцы ввели Карбышева в вагон, сняли с него наручники, предложили диван в отдельном купе, а сами сели напротив…

Карбышев погрузился в глубокое раздумье. Куда и зачем его везут? Не похоже, чтобы на обмен! За свою жизнь он мало беспокоился — измучен до крайности. Но ему было ясно, что в Берлине предстоят тяжелые испытания.

Легенду о предстоящем обмене они использовали не зря.

Очередная провокация предпринята гестапо с определенной целью. Но какой? Нечто подобное он уже пережил в Острув-Мазовецка в Замостье. А может, гестапо на сей раз решило привести в исполнение свою угрозу и, чтобы сломить его, заставить сдаться, изолировать от других пленных или бросить в концлагерь уничтожения? Увидит ли он когда-нибудь Родину, семью, друзей, товарищей?.. Что они будут думать о нем? Ведь в Хаммельбургском лагере он видел листовку с призывом к советским генералам, офицерам и солдатам переходить на сторону врага, добровольно сдаваться в плен. В той листовке среди якобы добровольно перешедших на сторону фашистской Германии упоминалась его фамилия и фамилии многих других честных советских воинов. Они попали в плен по несчастью — тяжело раненными, контуженными, больными. И Карбышев знал, что они с презрением отвергли все домогательства врага и остались до конца верными своему воинскому долгу…

Мелькали в окне вагона заснеженные поля, луга, холмы, тянулась вдоль железной дороги бесконечной лентой поросль кустарника. На соседних путях встречались вереницы санитарных поездов с ранеными гитлеровцами. Иногда с грохотом проносились составы с установленными на платформах орудиями, танками и другой военной техникой.

Чем дальше поезд уходил в глубь Германии, в промышленные районы, тем больше было вокруг разрушений. Свежие воронки от разорвавшихся бомб. Закопченные стены разбитых заводских цехов с зияющими в них, как пустые глазницы, оконными проемами. Заснеженные груды битого кирпича, раздробленного бетона, искореженного железа.

Печальная картина. Но она не вызывала у Карбышева ни сожаления, ни сочувствия.

Он видел белорусские и польские села, раздавленные гусеницами танков со зловещей свастикой на бронированных башнях. Он видел горе и кровь ни в чем не повинных жертв на истерзанной советской и польской земле.

В Берлин поезд прибыл рано утром. Гестаповцы надели Карбышеву наручники и повели к выходу.

Но у Дмитрия Михайловича это не вызвало особой тревоги, настроение его ощутимо переменилось: весьма заметные удары нашей авиации убеждали в том, что врагу стало туго, дела его плохи. И это вселяло в закованного в наручники генерала светлую надежду и радость.

У подъезда вокзала их ждала полицейская машина. Сидя между двумя охранниками, Карбышев с любопытством разглядывал улицы Берлина. Они показались ему мрачными и

старыми. Вытянулись унылой чередой высокие каменные дома, выкрашенные в камуфляжные защитные цвета.

На всех улицах — стрелы, они указывали ближайшие бомбоубежища. Кое-где торчали «головы» дотов, некоторые здания ограждала густая паутина колючей проволоки. По углам кварталов — щиты с написанным большими буквами напоминанием: «Бойтесь темного человека!» (т. е. шпиона).

Машин мало, и почти все военные или санитарные. И людей на тротуарах мало, или тоже военные, или инвалиды на костылях, или исхудалые женщины. Лица усталые, бледные, озабоченные.

Миновав центральные улицы города, машина выехала на окраину, свернула на шоссе и через несколько минут остановилась перед воротами длинного серо-зеленого забора, поверх которого были протянуты две нитки колючей проволоки. На звук сигнального рожка автомашины из будки у ворот вышел солдат, он проверил у гестаповцев предъявленные ему документы и, раскрыв настежь ворота, пропустил машину в большой парк, густо усаженный липами.

Проехав метров 250–300 по главной аллее парка, автомашина остановилась у вторых ворот. Они также вели в огороженную колючей проволокой аллею, но по бокам ее вместо лип стояло десятка полтора одинаковых деревянных бараков, а между ними каменное двухэтажное кирпичное здание.

Машина подъехала к одному из бараков. Гестаповцы ввели Карбышева в большую комнату, в углу которой за письменным столом сидел лейтенант. Гестаповцы предъявили ему какие-то бумаги, он прочел их, расписался и одну оставил у себя. Сняв с Карбышева наручники и оставив его на попечение лейтенанта, сопровождавшие Дмитрия Михайловича гестаповцы покинули барак.

Лейтенант вежливо попросил Карбышева присесть к столу и объяснил, что его привезли в лагерь с облегченным режимом для военнопленных офицеров.

— Здесь я комендант, — сказал лейтенант, — а вы на моем попечении. Побудете у нас временно, чтобы поправиться перед обменом.

Комендант вынул из папки анкету и, вооружившись ручкой, стал задавать Карбышеву вопросы: о звании, где, когда родился и проживал до войны, о семейном положении, когда, где и при каких обстоятельствах был пленен и еще много других в том же духе. Ответы он записал в анкету. Затем объяснил Дмитрию Михайловичу, что во время его пребывания в этом лагере ему предоставляется право пользоваться столовой, библиотекой и

другими помещениями, а также совершать в установленные часы прогулки по парку.

Карбышеву отвели отдельную комнату в бараке, трижды в день хорошо кормили.

Через несколько дней Карбышева стали довольно часто возить в Берлин к высоким гитлеровским чинам. Они много говорили с ним о войне, интересовались его мнением по различным вопросам.

Иногда к нему в лагерь приезжали гитлеровские генералы, вместе с ними нацисты и какие-то подозрительные лица. Они пытались предложить Карбышеву заманчивые посты, большие деньги.

Однажды Карбышева повезли в главную квартиру инженерных войск немецкого вермахта на беседу с генералом имперских инженерных войск.

— Этот фортификатор профессор Гейнц Раубенгеймер, — говорил позже своим друзьям Карбышев, — оказался всего-навсего крупным нацистским чиновником — и только. Он у них на положении министра и довольно подробно показал мне объем работ, которые ведет. Масштаб значительный, но ни одной свежей, оригинальной идеи в военной инженерии Раубенгеймер преподнести не смог. Все удивительно шаблонно.

По рассказам пленных, с которыми Дмитрий Михайлович общался в лагерях, писатель Г. С. Новогрудский с большой полнотой воспроизвел картину той тщательной психологической обработки, с помощью которой фашисты пытались поколебать убеждения Карбышева, его преданность Родине, верность воинскому долгу.

«Когда Карбышева ввели в кабинет Раубенгеймера, навстречу ему поднялся высокий пожилой немец в мундире, сверкающем орденами и золотыми нашивками.

Выразив на своем лице радушие, Раубенгеймер предложил Карбышеву кресло.

— Вы, как я знаю, господин генерал, свободно говорите по-немецки, — обратился он к Дмитрию Михайловичу, — полагаю, услуги переводчика нам не понадобятся, не правда ли?

— Нет, по-немецки я не говорю, — ответил Карбышев на чистом немецком языке, — я говорю по-русски.

Фашистский сановник пожал плечами и нажал кнопку. Явился офицер-переводчик.

На столе перед Раубенгеймером лежала объемистая папка. Он раскрыл ее и, полистав, начал:

— Прежде всего, господин генерал, разрешите отнять у вас несколько минут на чисто формальную процедуру. Я зачитаю

данные, касающиеся вас, с тем, чтобы потом не возвращаться к этому вопросу. Итак: Карбышев Дмитрий Михайлович, профессор, доктор военных наук, генерал-лейтенант инженерных войск, родился в Омске в тысяча восемьсот восьмидесятом году. Как видите, мы информированы о вашей биографии. Но, признаюсь, мне неясен, например, вопрос о вашей партийной принадлежности. По имеющимся данным, вы никогда не были членом Коммунистической партии, но это не мешало командованию вашей армии относиться к вам с полным доверием. Такое положение, вероятно сохранилось вплоть до текущей войны? Впрочем, этот вопрос, так сказать, больше академический, чем по существу, — Раубенгеймер улыбнулся. — Ведь я отлично понимаю, генерал, что в данном случае формальная принадлежность к определенной партийной организации мало затрагивает сущность вашей идеологии и является моментом, более связанным с общественным и служебным положением, чем с убеждениями. Не правда ли? Трудно предположить, что люди нашего с вами возраста увлекались идеями…

— Ничего не могу сказать о вас, — ответил Карбышев, — но что касается меня, то в моем представлении зрелый возраст и идеи не являются понятиями, взаимно исключающими друг друга. В тридцать девятом году Коммунистическая партия большевиков оказала мне величайшее доверие и честь, приняв меня в свои ряды кандидатом партии. Мне было тогда почти шестьдесят лет. С тех пор я постарел на три года, но убеждения мои не выпадают вместе с зубами от недостатка витаминов в лагерном рационе. Моя идеология не зависит от того, какое общественное положение занимаю в данное время. Я принял на себя высокие обязательства коммуниста и не собираюсь от них отказываться.

— Ваша горячность подтверждает мою мысль, генерал, — пробовал отшутиться Раубенгеймер. — Вы просто сохранили молодой задор. Но перейдем к делу. Я уже говорил, что отношусь с уважением к вам, как к своему коллеге, который много сделал для военно-инженерного искусства. Мне больно, генерал, за вас. Намного хлопотал, чтобы увидеть вас в Берлине и иметь возможность предложить вам…

Раубенгеймер сделал паузу. Карбышев молчал.

— Вы человек науки, господин генерал, — продолжал немец, — а у нас, в Германии, люди науки в почете. Мы не можем допустить, чтобы такой крупный ученый, как вы, находился на положении военнопленного, был выключен из области умственных интересов. От имени моего командования я

предлагаю, господин генерал, условия, которые позволят вам работать и в дальнейшем так, как вы привыкли работать всю жизнь.

Раубенгеймер достал из папки, лежавшей на столе перед ним, лист бумаги и начал читать заранее сформулированный текст условий, разработанных для Карбышева.

Они сводились к тому, что генерал-лейтенанту инженерных войск Дмитрию Карбышеву предлагалось освобождение из лагеря, возможность переезда на частную квартиру и полная материальная обеспеченность.

Следующие пункты условий говорили о том, что Карбышеву будет открыт доступ во все библиотеки и книгохранилища, какие ему понадобятся для работы, а также возможность знакомиться с другими материалами в интересующих его областях военно-инженерного дела, предоставление ему, в случае надобности, любого числа помощников, выполнение, по его указанию, любых опытных конструкций, устройство лаборатории и обеспечение иных мероприятий научно-испытательного характера. Затем условия предусматривали возможность самостоятельного выбора Карбышевым тем для его научных работ и возможность выезда на фронт для проверки его расчетов в полевых условиях. Правда, как предусмотрительно оговаривали немцы, это касалось любого фронта германской армии, за исключением восточного.

Заключительные пункты условий говорили о том, что результаты работ Карбышева, естественно, должны стать достоянием германских специалистов и что чины германской армии будут относиться к Карбышеву согласно его званию генерал-лейтенанта инженерных войск.

Закончив чтение, Раубенгеймер сделал многозначительную паузу и затем произнес:

— Вот, господин генерал, то великодушное предложение командования германской армии, которое я имею честь передать вам. Его нельзя не оценить по достоинству.

— Я его оцениваю по достоинству, — сказал Карбышев, вставая. — Ваше предложение не подходит мне. Я солдат, и я остаюсь верен своему долгу. Мой долг запрещает мне работать на страну, которая находится в состоянии войны с моей Родиной.

Раубенгеймер тоже встал.

— Не спешите с ответом, господин Карбышев, — сказал он жестко. — Не надо поддаваться настроению. Я предоставляю вам возможность подумать. Ваше решение будет очень ответственным решением для вас.

Через несколько дней Дмитрия Михайловича возили опять по тому же адресу. Еще через неделю — в третий раз. И в четвертый.

— Ну как? — произносил с немецкой педантичностью Раубенгеймер.

Карбышев молчал.

Генерал снова и снова повторял: квартира в Берлине, загородная дача…

Карбышев молчал.

Раубенгеймер между тем распалялся.

— Согласитесь, господин генерал… Ведь это не кто-либо вам предлагает… даже не я, а сам верховный главнокомандующий Адольф Гитлер!..

— Мне нечего прибавить к тому, что я уже сказал вам, — ответил Карбышев.

Снова к Карбышеву в лагерь стали приезжать представители разных чинов и рангов из штаба немецкого главного командования. Ответ они все получали одинаковый: „Нет!“

Старший лейтенант Н. Л. Белоруцкий уже в лагере Флоссенбюрг слышал, как Карбышев рассказывал товарищам следующее:

— Сначала они все были вежливы со мной, расписывали прелести жизни, которая меня ждет, если я соглашусь на них работать… Постепенно они становились все суше, начали намекать на мой престарелый возраст, на то, что я все равно не выдержу сурового режима концентрационных лагерей…

Один из генералов, который принимал участие в переговорах с Карбышевым, был крайне недоволен тем, что немецкому командованию приходится его так долго уговаривать. По-видимому, стойкое поведение Карбышева, его патриотизм вывели фашиста из терпения, и он гневно заявил:

— Напрасно вы, генерал и профессор, кичитесь так своим патриотизмом и ученостью. Имейте в виду, что Германия в скором времени применит в войне такое новое оружие массового уничтожения, что от СССР и его войск не останется и следа. А вы, генерал, своим упорством и нежеланием помочь великой Германии в ее победе добьетесь того, что закончите свою жизнь на виселице.

Карбышев спокойно возразил:

— Советские ученые, наверное, тоже не сидят сложа руки, они тоже совершенствуют свое оружие…».

Узнав о том, что Карбышев отказался принять условия главной квартиры инженерных войск, гестапо попыталось соблазнить его другим предложением.

Узник Майданека врач Л. И. Гофман-Михайловский рассказывает о том, как уговаривали фашисты советского генерала перейти на службу в РОА:

«— Если вы не хотите служить Немцам, служите русской армии, созданной и руководимой генералом Власовым. Он борется с оружием в руках против коммунизма. Время Советской власти сочтено, измена не будет тяготеть над вами.

— Предательство Родины — наибольшее преступление для меня. Воинскую честь я всегда ставил выше своей жизни. Я не способен на измену и вечный позор, — ответил Карбышев»[14].

Тогда гестаповцы, по свидетельству П. П. Кошкарова, попробовали свой излюбленный метод — шантаж.

— Напрасно вы упорствуете, генерал, жертвуете своим здоровьем, а быть может, и жизнью, — для кого? Ведь вы вашей Родине и партии больше не нужны — там вас считают предателем и изменником.

— Перед моей Родиной и партией я отвечу сам. Напрасно вы, господа, этим озабочены…

И тогда терпению гестаповцев пришел конец. Их взбесило упорство старого генерала. Но азарт борьбы с ним оказался сильнее его вполне логичных доводов.

Что же еще испробовать?

Решили предложить Карбышеву свидание с Власовым.

Дмитрий Михайлович отказался от встречи с предателем.

В арсенале гестапо оставалось только одно средство — провокация.

Гестапо отправило узника-генерала в город Бреслау, в лагерь. Здесь с ним встретился военнопленный танкист А. П. Есин.

«…В Бреслау, на улице Тира, № 19, в громадном здании бывшего ресторана охотников, напоминавшем по внешнему виду вокзал и обнесенном еще до войны железной оградой, поместился штаб и пересыльно-вербовочный пункт РОА, а также лагерь для советских военнопленных.

Отправляя сюда Карбышева, гестапо рассчитывало, что на пересыльно-вербовочном пункте РОА упрямый генерал увидит собственными глазами, как советские военнопленные добровольно вступают во власовскую, армию, чтобы вместе с фашистами воевать против коммунистов.

Командование лагеря Бреслау, гестаповцы и их пособники из РОА лезли из кожи вон, чтобы расположить к себе непреклонного советского генерала. Они предложили ему отдельную хорошо обставленную комнату. Разрешили питаться в офицерской столовой, еду для него готовили в немецкой кухне.

Карбышев понял маневры шантажистов и наотрез от казался от предложенных привилегий.

— Разве вы забыли, что я военнопленный? Я буду жить так же, как все.

Все же генерала поместили на втором этаже центрального здания, в конце коридора, в углу, отгороженном стульями до потолка. Рядом круглосуточно стоял часовой с винтовкой. Обслуживать генерала назначили советского военнопленного Г. Г. Королева, бывшего машиниста паровозного депо станции Барановичи. Карбышеву ежедневно приносили свежие немецкие газеты.

А в штабе и на пересыльно-вербовочном пункте РОА бурно развивали свою деятельность ставленники Власова Находившийся на службе гестапо капитан Игорь Голицын и другие белоэмигранты, а также офицеры-гестаповцы распространяли среди военнопленных выходивший на русском языке фашистский листок „Северное слово“, который не скупился на сообщения о падении Москвы, о голоде в СССР, о разгроме Красной Армии на Волге, капитуляции Советского Союза. Листок взахлеб восхвалял „новый порядок“ немецких оккупантов.

Подвизался на пункте и бывший царский генерал белогвардеец Краснов, печально известный глава контрреволюционного мятежа против Советской власти на Дону. Облаченный в генеральскую казачью форму царской армии, битый генерал выступал перед военнопленными с речами, призывал на „священную войну“ против коммунистов, комиссаров и евреев, чтобы на развалинах советского государства создать „новую Россию“. Истошные эти речи успеха не имели.

Карбышева, как и других советских военнопленных, вызвали в штаб РОА.

Дмитрий Михайлович не явился на вызов. Но это не помешало гестаповцам усиленно распространять в лагере и на пересыльно-вербовочном пункте слух о том, что генерал Карбышев сдался, перешел добровольно на сторону великой Германии и скоро займет видный пост в „армии“ Власова.

Но у той лжи оказались короткие ноги. Хотя военнопленные при встрече с генералом могли обменяться с ним лишь короткими фразами, они ясно понимали: немцы по-прежнему ничего не могут от него добиться.

Каждое утро Карбышев прогуливался в большом липовом парке лагеря. В одну из таких прогулок его „подстерег“ лейтенант Павел Дмитриевич Матвеев:

— Прошу прощения, генерал! Скажите, вы провокатор или настоящий советский человек, генерал-лейтенант Красной Армии?

Карбышев повернулся к Матвееву, спокойно посмотрел на него усталыми глазами и, в свою очередь, спросил:

— А как вы полагаете, лейтенант, настоящие генералы

Красной Армии, преданные своей Родине, провокаторами бывают?

Матвеев сконфуженно промолчал, и Дмитрий Михайлович, взяв его за руку, повел по аллее. Генерал говорил о Красной Армии, о том, что и без второго фронта Гитлер будет разбит. Говоря о тяжелых условиях фашистского плена, Дмитрий Михайлович посоветовал Матвееву при первой же возможности бежать из лагеря — он молод и в силах это сделать, а сам он уже стар, и для него это невозможно.

— Бегите, лейтенант, забирайте с собой лучших людей…

При прощании Карбышев предупредил:

— Мне запрещено разговаривать с кем-либо, имейте это в виду.

Матвеев и позже встречался с Дмитрием Михайловичем, но украдкой, стараясь поговорить незаметно, на ходу. Раздатчик на кухне был связан с кем-то из военнопленных в лагере, который снабжал его сводками Совинформбюро, и он передавал их Матвееву. Матвеев переписывал сводку на клочок бумаги, сворачивал его трубочкой и украдкой перебрасывал через ограждение из стульев, за которым находился Дмитрий Михайлович»[15].

В Бреслау Карбышев пробыл несколько недель. Узнав о том, что генерал отказался явиться в штаб власовцев и вербовка советских военнопленных в РОА явно срывается из-за пагубного влияния генерала, гестапо приказало срочно вернуть Карбышева в Берлин.

Из рассказа Д. М. Карбышева П. П. Кошкарову:

«Когда гестаповцы в Бреслау объявили мне, что повезут обратно в Берлин, я понял, что ожидает меня.

Долго ждать не пришлось.

На руки мне вновь надели наручники. В отдельном купе в сопровождении двух гестаповцев привезли в немецкую столицу. Прямо с вокзала доставили в гестапо. Здесь предъявили обвинение в проведении коммунистической пропаганды против немецкого рейха и призыве военнопленных к восстанию и побегам. Из гестапо меня отправили в берлинскую тюрьму и поместили в одиночную камеру. В течение всего пребывания в одиночке я был почти без движения, без прогулок. Питание плохое: утром — кружка эрзац-кофе, а в полдень пол-литра супа из кормовой свеклы и 250 граммов хлеба на весь день.

По мере того как советская авиация разрушала здания и военные объекты Берлина, мой скудный паек становился все меньше и меньше. В лишенной вентиляции камере стояла невыносимая духота. Я до того ослаб, что не мог проглотить даже

ту скудную пищу, которую мне давали. Чувствовал себя страшно униженным, нравственные муки были гораздо сильнее физических страданий.

Время в моей одиночке тянулось очень медленно. Я ощущал тяжелое чувство еще и от того, что оказался выключенным из борьбы и каждый час мог быть последним. Чтобы не думать об этом, я старался жить верой в близкую победу нашей Родины над фашизмом. Часто до меня доносились страшные крики из соседней камеры — они раздавались каждую ночь. Оказалось, что моя одиночка соседствовала с камерой пыток…

Время тянулось страшно медленно, но надежда, что крах и поражение фашистской Германии близки, немного облегчила серую, монотонную жизнь в берлинской тюрьме, а известия об успехах и быстром приближении Красной Армии с востока воодушевляли меня.

Так продолжалось несколько месяцев. Вымотали меня, признаться, основательно. Если бы не мой двужильный организм, я бы вовсе богу душу отдал. Но, как видите, выстоял…».

Генерал-лейтенант инженерных войск Е. В. Леошеня, будучи начальником штаба инженерных войск 1-го Белорусского фронта, в мае 1945 года допрашивал начальника инженерной службы Берлинского укрепленного района полковника Лебека. Последний показал, что он присутствовал с генералом Рундштедтом на приеме у фон Кейтеля.

— При мне и с моим участием, — сказал Лебек, — фельдмаршал пробовал договориться с вашим генералом Карбышевым. Мы предлагали ему оказывать некоторые услуги немецкой армии. Взамен он получил бы полное освобождение из-под стражи и завидные условия жизни в самом Берлине. Ваш генерал держался слишком гордо и в резкой форме отверг все предложения фон Кейтеля.

— А ваши уговоры, Лебек?

— Карбышев крепкий большевик, фанатик, — ответил с раздражением фашистский полковник.

Главная квартира инженерной службы вермахта не сразу отважилась формально признать провал переговоров с Карбышевым. Но по настоянию гестапо вынуждена была в конце концов представить письменную характеристику:

«Этот крупный советский фортификатор, кадровый офицер старой русской армии, человек, которому перевалило за шестьдесят лет, оказался насквозь зараженным большевистским духом, фанатически преданным идее верности, воинскому долгу и патриотизму… Карбышева можно считать безнадежным в смысле использования его у нас в качестве специалиста военно-

инженерного дела»[16].

На этом донесении появилась резолюция: «Направить в концлагерь Флоссенбюрг на каторжные работы. Не делать никаких скидок на звание и возраст».

О том же была сделана особая отметка в его личной карточке военнопленного.

Ему оставалось жить очень недолго. Но долгим оказался его героический путь борьбы в фашистской неволе.

Нюрнберг — Лангвассер

Нюрнберг. Снова офлаг XIII-Д, переведенный сюда из Хаммельбурга. Штрафной блок 7-Ц.

В высохшем больном старике, одетом в изрядно поношенное солдатское обмундирование, даже близкие, наверное, не сразу узнали бы генерал-лейтенанта Карбышева — раньше всегда подтянутого, стройного, с искрящимися карими глазами. Теперь они потухли, слезились в припухших мешочках морщин.

Дмитрия Михайловича привезли в Нюрнберг в середине мая 1943 года и поместили к штрафникам. Но Карбышев заболел, и его перевели в русский блок международного госпиталя Лангвассер — о пребывании Карбышева в нем сообщил автору книги Н. И. Громов, который был там санитаром:

«Хирургический корпус находился в пятистах метрах от лагеря, обслуживали его сербские врачи — военнопленные, вывезенные гитлеровцами из Югославии. Они относились с большой симпатией к советским людям, в особенности главный врач госпиталя Исо Нойман. Он часто скрывал в палатах госпиталя здоровых советских военнопленных, стараясь вырвать их из лап гестапо и спасти им жизнь.

Его помощником был русский эмигрант врач Вячеслав Васильевич Козьмин. Он многие годы жил в Болгарии, имел сербское подданство, в плен попал в самом начале войны. Он очень интересовался жизнью Советского Союза и мечтал после войны вернуться на родину, в Воронеж.

Кроме Ноймана и Козьмина в госпитале работали и другие военнопленные: югославы были переводчиками, советский военнопленный, старший лейтенант П. П. Кошкаров, назвавшийся Нестеровым, — санитаром. Кошкаров руководил антифашистским подпольем в русском блоке госпиталя.

Другие корпуса были гораздо хуже хирургического. Особенно мрачной славой пользовался терапевтический — так называемый „Хяст“. В нем находилось свыше трех тысяч советских военнопленных. В переполненных бараках со спертым, гнилостным воздухом изможденные от голода и болезней люди ютились везде: на полу, в коридорах и санитарных узлах.

В барак № 8 для тяжелобольных никто не заглядывал, кроме старшего похоронной команды. Пищу кухонные раздатчики оставляли в бачках у входа в эту своеобразную братскую могилу и уходили быстро, не оглядываясь. Обреченные больные ждали здесь своего рокового часа.

В лагере имелся еще и генеральский барак, огороженный от

других колючей проволокой. В нем и находился Д. М. Карбышев.

Появление Карбышева стало важным событием в жизни военнопленных. Многие уже знали о нем по Острув-Мазовецка, Замостью, Хаммельбургу. Своим примером он заставил многих осознать, что они не просто военнопленные, а представители русского народа, советские люди. В него верили…

Мужество Карбышева, его девиз: „Не терять чести даже в бесчестье“ — стал правилом поведения для многих военнопленных в фашистской неволе.

И в этом лагере Карбышев так же, как и прежде, стремился чаще общаться с пленными, разъяснял им положение на фронтах, вселял во всех бодрость духа и уверенность в победе.

Узники его спрашивали:

— Скажите, товарищ генерал, как после войны будут обменивать военнопленных?

— Никакого обмена не будет. Красная Армия придет сюда и сама освободит нас, — уверенно отвечал Дмитрий Михайлович».

Международный госпиталь Лангвассер был организующим центром сопротивления фашизму. Признанным главой его стал генерал Карбышев. Дмитрий Михайлович считал, что самое важное — сохранить советских людей для Родины. По его инициативе наладили помощь военнопленным, в особенности тяжело раненным и больным.

Скудные запасы продуктов под видом медикаментов хранились в зубоврачебном кабинете госпиталя у югославского врача Финца. Отсюда «пайки» тайно передавали больным вместе с листовками и военными сводками о положении на фронтах. В составлении их, кроме Карбышева, участвовали генералы П. П. Павлов, Г. В. Зусманович и полковник А. Н. Большаков.

По совету Дмитрия Михайловича была установлена связь с заводами Нюрнберга, на которых работало свыше 200 тысяч военнопленных и рабочих, угнанных из Советского Союза. Связными стали Сергей Рябинин, майоры И. И. Шалаев, В. П. Зоткин и другие.

Рядовой Ю. П. Демьяненко, тоже встречавшийся с Карбышевым в Нюрнбергском лагере, вспоминает:

«Впервые я узнал о Дмитрии Михайловиче в шталаге XIII-B в Нюрнберге, где я находился за первый побег в 1943 году. В карцере все подследственные произносили имя Карбышева с чувством большого уважения, в противовес изменникам, вроде Власова.

Из карцера меня послали на раскопки развалин Нюрнберга, разрушенного американской авиацией. Здесь тоже часто вспоминали о Карбышеве, Повторяли его лозунг: „У нас одна

дорога, одна забота — не работать на врага“.

Общее настроение военнопленных, в шталаге XIII-B в мае — июне 1943 года было приподнятое, будто наэлектризованное. Побеги и саботаж рабочих команд стали массовыми».

На нюрнбергских заводах выходили из строя станки, агрегаты, срывался выпуск машин. Лейтенант Батохин вызвал аварию 100-тонного пресса, а сам во время этой диверсии лишился руки. Старший лейтенант Осинкин привел в негодность на заводе в городе Фюрте все электромоторы гальванического цеха. На авиационном заводе «Мессершмитт» и танковом заводе «Манн» в наружных и внутризаводских уборных в середине 1943 года немцы обнаружили целые склады ценных деталей к моторам.

Во время очередной бомбежки Нюрнберга советские девушки подожгли местную «кранкенкассе» — больничную кассу.

Не будучи в состоянии обнаружить виновных в саботаже, диверсиях и вредительстве, фашисты расстреливали первых попавшихся…

Переводчик русского блока госпиталя Лангвассер, военнопленный офицер югославской армии, коммунист, профессор Станислав Степанович Евтиядис записал в своем дневнике, который он вел в Нюрнбергском лагере:

«…Привезли к нам в больницу советского старшего лейтенанта, у которого было девять ранений, одно из огнестрельного оружия и восемь штыковых. Он получил их от солдата-фашиста за отказ работать на военном заводе.

Рабочая команда банщиков карантина, состоявшая из советских военнопленных офицеров-танкистов во главе с коммунистом Е. И. Тыженко, тоже отказалась перейти на минный завод. Ее посадили в штрафной карцер со строгим режимом. Через неделю команду снова привезли на завод. И снова последовал неизменный карбышевский ответ: „Работать на врага не будем!“ Команду изолировали от остальных военнопленных. Лишили пищи. Лагерь собирал и тайно передавал им хлеб, и танкисты не сдавались.

Стояла глубокая осень, шли холодные проливные дожди. Однажды рано утром на аппельплаце раздались команды: „Вставай!“, „Ложись!“, „Вставай!“, „Шагом марш!“, „Бегом!“. Солдаты охраны шли за раздетыми донага людьми следом и кололи их штыками, когда кто-либо недостаточно быстро выполнял команду. Так продолжалось с утра до вечерней поверки семь дней подряд, но команда танкистов по-прежнему не сдавалась.

Весь лагерь был возмущен зверством фашистов. Генерал

Карбышев и другие старшие офицеры написали коменданту лагеря протест, но он, как следовало ожидать, остался без ответа. Пытки продолжались с прежней жестокостью.

Тогда весь лагерь объявил голодовку. Команду срочно отправили в тюрьму, а оттуда в другой концентрационный лагерь»[17].

Однажды начальник лагеря полковник Пелит, увидев в бараке Карбышева, подошел к нему и что-то сказал. Карбышев возмущенно, нарочито громким голосом ответил:

— Ваша новость о том, что меня в ближайшие дни снова повезут в Берлин, мне крайне не нравится. Я уже был там два раза, в третий со мной говорить не о чем. Я советский человек и изменником Родины никогда не буду. Если в вашей власти отменить поездку — сделайте это. Общего языка с фашистами у меня не было и быть не может.

«…Одно время фашистские „пропагандисты“ и предатели из РОА, — свидетельствует П. П. Кошкаров, — зачастили к больным и раненым в госпиталь Лангвассер. Они занимались распространением среди военнопленных фашистских газет „Клич“, „Заря“ и антисоветских листовок. Карбышев повел активную борьбу с фашистскими пропагандистами.

Однажды майор РОА предатель Голушко принес в госпиталь свежий выпуск газеты „Клич“ и предложил экземпляр Карбышеву. Генерал взял его.

Голушко хотел уже пойти дальше по палатам, но Дмитрий Михайлович остановил его и спросил:

— Прошу извинить, майор, кто вам поручил заниматься распространением этой заразы? Ведь вы советский гражданин, советский народ платил вам деньги за службу в Красной Армии, учил вас, а вы чем занимаетесь?

Голушко заплакал, бросил газеты и ушел. Больше в госпитале он не появлялся. А вскоре стало известно, что он ушел из РОА, за что его отправили в концлагерь уничтожения.

Через некоторое время в госпитале появился уже не майор, а полковник РОА и стал вербовать выздоравливающих к власовцам.

Услышав посулы вербовщика, Карбышев подошел к нему и громко спросил:

— Скажите господин, откуда вы родом?

— Белорус.

— Это куда и против кого вы предлагаете нам идти воевать? Сколько сребренников вам платят хозяева?

Полковник молчал.

— Каким же ничтожеством надо быть, чтобы стараться помогать нашим врагам кровью своих братьев! — воскликнул

генерал.

— Подлец, предатель, изменник, — закричали военнопленные со всех сторон.

Полковнику пришлось быстро ретироваться».

Капитан А. С. Бабенко слышал одну из речей Д. М. Карбышева, произнесенную у проволочного ограждения, отделявшего генеральский барак от остальных помещений. Страстные, от самого сердца шедшие слова на всю жизнь остались в памяти капитана. Вот что запомнил Бабенко:

— Дорогие мои братья! Я хорошо знаю, что в абсолютном большинстве в каждом из вас живет чувство подлинного советского патриота. Большинство из вас — ровесники Великого Октября. Я представитель старшего поколения. Я знал царскую Россию, был подполковником старой русской армии, а поэтому мне лучше известно все плохое, что пережила наша Родина, и то хорошее, что она обрела при Советах. Для меня, как и для каждого советского человека, дорога именно Советская Россия, наша Советская страна. Когда я говорю — Советская Россия, то я подразумеваю всю нашу обширную страну, весь наш двухсотмиллионный многонациональный народ. А когда я говорю о плохих сторонах нашей Родины, я имею в виду царскую Россию. И теперь, в дни тяжелых испытаний, когда весь советский народ от мала до велика поднялся на защиту нашей матери Родины против бесчеловечного, кровавого зверя — фашизма, тот, у кого поворачивается язык выступать против нее — злейший наш враг! С гневом, с глубоким презрением и ненавистью гоните прочь фашистских ублюдков, которые осмеливаются приходить в лагерь и вербовать «добровольцев» в предательскую армию РОА. Всех нас не сломил голод, болезни, издевательства, убийства. Теперь, товарищи, мужайтесь, победа не за горами! Конец фашизма близок!

Майор Т. Б. Кублицкий сообщает также о таком факте:

«Чтобы усилить борьбу с фашистскими агитаторами и их пособниками, по совету генерала Карбышева, из состава подпольной организации были подобраны специальные чтецы. Они так научились вслух читать фашистские газетки и листовки даже при немцах, что пропаганда гитлеровцев вызывала только насмешки. Во всех местах, где появлялись власовцы, в противовес им выступали комментаторы и военные обозреватели, которые разоблачали ложь отщепенцев».

После разгрома немецко-фашистской группировки у Сталинграда в настроении военнопленных произошел резкий

перелом. Уже не было и речи о поражении Красной Армии. Предатели и фашистские прислужники ходили опустив головы. Даже «хозяева» лагеря пробовали изменить тон в обращении с пленными. В Лангвассер и штрафные команды все больше попадали полицаи, легионеры, лазутчики.

Почти каждый вечер после окончания работы к проволочной ограде у генеральского блока подходили советские военнопленные и сообщали Карбышеву услышанные за день новости о положении на фронтах, победах Красной Армии.

Сводки Советского информбюро и некоторые другие важные новости подпольная организация лагеря получила от югославского коммуниста полковника Крымпотича. Он был связан с немецким коммунистом Рудольфом Сернау, разносившим в Лангвассере медикаменты и перевязочные материалы. С помощью этого санитара Крымпотич прятал в мусорном ведре, а позже в пакете из-под медикаментов маленький радиоприемник.

Карбышев по-прежнему активно пропагандировал организацию побегов, сам участвовал в их подготовке. Так, по инициативе Карбышева подпольщики начали готовить побег Героя Советского Союза Григория Бережко и Игоря Жукова. С ними предполагалось отправить советскому командованию очень важные сведения и документы о лагерях. Но побег сорвался из-за усиленной слежки агентов гестапо и предательства.

Дмитрий Михайлович ни на минуту не прекращал своей деятельности: он составлял обзоры и листовки, старался как можно больше беседовать с узниками, если удавалось, то «по ошибке» заглядывал и в соседние бараки.

Вот характерный факт. Зайдя в один из госпитальных бараков, Дмитрий Михайлович услышал, как кто-то стонет. Он подошел к больному — им оказался советский командир Т. Б. Кублицкий. Тот лежал недвижимо на нарах. Есть он не мог: у него была высокая температура.

У изголовья больного сидели его друзья — младшие лейтенанты Павел Вишнев и Юрий Овчаренко и безуспешно уговаривали Кублицкого съесть хоть ложку мучной баланды.

— Не надо, Павел, ешь сам, дай мне спокойно умереть, — простонал Кублицкий, когда Вишнев поднес к его рту ложку с супом.

Наблюдая все это, Дмитрий Михайлович сказал:

— Умереть, братец, не долго. Каждая наша смерть — радость для врага, так зачем же доставлять ему такое удовольствие? Надо жить, для Родины надо шить! А чтобы жить, надо все есть, за

исключением отравы.

Генерал участливо расспрашивал больного, кто он, откуда родом, о его семье.

— У меня тоже сын и две дочки растут… Что поделаешь — война. Но это на время. Недолго осталось терпеть. Дело идет к концу. Гитлер катится по наклонной плоскости к полному краху… Надо жить и бороться всем, чем можно, в любых условиях.

В бараке стало удивительно тихо.

— Так аппетита, говорите, нет? — спросил Дмитрий Михайлович Кублицкого и тут же сам ответил: — Да, меню, конечно, неаппетитное и неудобоваримое. Было бы странно, если бы мы здесь, у врага, имели все, что нам нужно. Единственное, что нам здесь разрешается, это обходиться без аппетита… Вам бы, дружок, неплохо было бы где-нибудь луковицу достать, перебить вкус баланды…

Тотчас откуда-то появилась луковица. Карбышев вынул из кармана своей серой солдатской шинели нож и, подавая его одному из приятелей Кублицкого, посоветовал:

— Разрежьте луковицу на дольки и давайте больному по кусочку. Кормите его, пока не придет аппетит, — добавил он, улыбаясь.

И позже Карбышев наведывался к Кублицкому, который медленно поправлялся.

Между тем пребыванию Карбышева в Лангвассере наступил конец.

«19 июня, — вспоминает П. П. Кошкаров, — немецкий штабарцт гестаповец Метерлинг вместе с главным врачом русского блока Нойманом производил обход больных. Начали его с палаты генералов. Карбышев, Павлов, Зайцев и Зусманович лежали на койках, а генерал Самохин стоял, облокотившись на нары. Когда в палату вошел гестаповский офицер, наши генералы не обратили на него никакого внимания. Гестаповец пришел в ярость и раскричался на Самохина, почему он не встал по команде „смирно“ и не приветствовал его.

Самохин перебил его и по-немецки ответил:

— Не забывайте, капитан, что я генерал Красной Армии Советского Союза, и не только я, но и все здесь находящиеся требуем более корректного отношения и вежливого обращения. Кстати, вам не к лицу как штабарцту кричать в госпитале, где лежат больные. Извольте соблюдать элементарные правила Красного Креста.

Гестаповец плюнул на пол, что-то прорычал и стремительно выскочил из палаты.

Обход закончился. Все с волнением стали ждать последствий. На следующий день пришел приказ о выписке Самохина из госпиталя в общелагерный генеральский барак 7-Ц. Карбышев сразу потребовал, чтобы приказ был отменен, а штабарцт Метерлинг принес извинение, в противном случае он, генерал Карбышев, также настаивает на выписке из этого госпиталя.

Узнав об этом, штабарцт запретил выписывать из госпиталя тяжело больного Карбышева, полагая, что генерал сам откажется от своего протеста. Но Дмитрий Михайлович твердо стоял на своем.

Друзья и товарищи пытались уговорить генерала остаться в госпитале, еще хоть немного подлечиться, но Карбышев не хотел ничего слышать. Тогда начали собирать его в общелагерный блок 7-Ц.

Крымпотич, Евтиядис и Нойман нашли для Карбышева теплые вещи, белье, продукты. В тот же день после обеда комендант лагеря и начальник гестапо прислали конвой, чтобы сопроводить генерала в общий лагерь.

Больные госпиталя — все, кто мог ходить, — вышли из бараков проститься с Карбышевым, проводить его.

У ворот общелагерного блока 7-Ц Карбышева встретил гестаповский офицер и приказал солдатам обыскать генерала. Ничего запретного у него не нашли, но отобрали теплые вещи и продукты. В этот момент к воротам подошли генералы Самохин и Мельников. Они возмутились произволом гестаповского офицера и потребовали, чтобы немедленно вызвали коменданта лагеря Пелита. Ретивый гестаповец струсил и поторопился вернуть отобранное.

Карбышев вместе с Самохиным и Мельниковым направился в генеральский барак».

Тем временем гестапо, проверяя «личное дело» генерала Карбышева, присовокупило к нему дополнительные материалы. Особое внимание было обращено на отметку, сделанную еще в Берлине: «Направить в концлагерь уничтожения, никаких скидок на чин и возраст».

Над Карбышевым нависла реальная угроза перевода в лагерь смерти.

Друзья и товарищи по бараку не раз предупреждали генерала:

— Дмитрий Михайлович, будьте осторожны, за вами следят, вами слишком часто интересуется комендант лагеря Пелит.

Но Карбышева это не пугало. Он продолжал организовывать саботаж, побеги. Его огромный авторитет среди военнопленных

стал известен и все более страшил гестапо.

Вскоре Дмитрия Михайловича вызвали в комендатуру.

Гестаповцы обвинили Карбышева «в возбуждении военнопленных против германского рейха, в активной пропаганде большевизма в лагерях военнопленных; в организации саботажа, вредительства и диверсий на предприятиях немецкой военной промышленности; в организации побегов из лагерей».

Даже побег генерала Огурцова, дерзкий и смелый, ошеломивший гитлеровцев, они приписали влиянию и подстрекательству Карбышева.

Советскому генералу зачитали приказ, подписанный Кальтенбруннером:

«Мы должны всячески противопоставить идеи фюрера тлетворному влиянию большевизма, бороться с носителями коммунистической идеологии, вредным духом которой заражены и которую распространяют советские военнопленные. Для этого нам нужно создать нормальную обстановку для лиц иностранного происхождения, добросовестно сотрудничающих с великой Германией в установлении „нового порядка“, и с другой стороны, надо создавать самые невыносимые условия для неисправимых, для противодействующих мероприятиям германской администрации…».

В том же приказе следовало указание о необходимости практиковать частую переброску сомнительных заключенных в лагеря с более жестким режимом.

— Понятно? — спросил полковник Пелит.

— Вполне понятно, — ответил Дмитрий Михайлович. — Вы у пропасти. Эти ваши приказы продиктованы смертельным страхом. Что ж! Вам есть чего бояться. Вы ответите за свои преступления и перед нашим, и перед своим народом.

Фашисты бросили генерала Карбышева в одиночку Нюрнбергской тюрьмы гестапо. Вслед за ним было арестовано и отправлено туда основное ядро подпольной организации сопротивления центрального Нюрнбергского лагеря и госпиталя Лангвассер. Часть советских военнопленных-подпольщиков была направлена в штрафные команды, а остальных вместе с генералом Карбышевым ждала более жестокая участь.

Флоссенбюрг

В Нюрнбергской тюрьме Карбышеву напомнили о том, что еще весной 1943 года в Берлине он был приговорен как «нежелательный военнопленный» к пожизненному заключению в концлагере уничтожения. Гестапо убедилось, что он неисправим, и теперь намерено привести приговор в исполнение. Отныне он лишен статуса военнопленного, переводится в категорию политических заключенных.

Карбышева заковали в наручники и под усиленным конвоем эсэсовцев в конце августа отправили в тюремном автобусе во Флоссенбюрг, в лагерь уничтожения.

В том же тюремном автобусе привезли и генералов Зусмановича и Новикова.

В «шрайбенштубе» — канцелярии — провели обычные формальности. Узников переодели в полосатую арестантскую робу с красным треугольником и номером на груди.

Вместо сапог генералам дали деревянные колодки и отправили в карантинный блок.

Концлагерь находился примерно в ста километрах от Нюрнберга, у чехословацкой границы, в низине, обрамленной горами. У их подножия расположился авиазавод, изготовлявший узлы для самолетов. Тут работали тысячи заключенных. Здесь же, в низине, в каменоломне — штейнбруке — заключенные добывали камень.

Лагерь был опоясан шестью рядами колючей проволоки под электротоком высокого напряжения. За проволочным заграждением через каждые 50 метров стояли каменные вышки, позволявшие охране простреливать из пулеметов и автоматов всю запретную зону и прилегавшую к ней местность. За проволокой находился и крематорий — две печи, а рядом с ними — огромный котлован, где на кострах сжигали более ста трупов в сутки.

Концлагерь имел так называемый «арест» — внутреннюю тюрьму, откуда никто из заключенных живым не возвращался. Во дворе «ареста» были устроены под навесом виселицы — железные костыли, вбитые в столбы, и бойницы для расстрела заключенных, когда их приводили на казнь под навес. Фабрику смерти обслуживали два палача — начальник «ареста» и его помощник.

В другой стороне лагеря, в скромном на вид здании, работало круглые сутки, как и Крематорий, увеселительное заведение — «пуф». Здесь отдыхали эсэсовцы и другие должностные лица лагеря. «Увеселяли» их женщины-узницы, которых пригоняли

сюда из многих стран Европы.

Карбышева ввели в одноэтажный деревянный барак. Ему отвели место на одной из трехъярусных нар с соломенным матрацем. Матрац был покрыт ветхим одеялом. Больше ничего на нарах не было.

Дневной рацион заключенного состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и кружки «чая», заваренного травой, на завтрак, на обед — 200 граммов «супа» из свекольных листьев, на ужин — тот же «чай» и тот же «суп».

На воротах проходной концлагеря висела мраморная доска с высеченной на ней кистью руки. Поднятый вверх указательный палец показывал на лицемерную надпись: «Арбайт махт фрай» — «Труд освобождает».

Более пяти тысяч заключенных каждый день ждали этого «освобождения», но мало кто из них дождался подлинной свободы…

В 1944 году во Флоссенбюрге пустили в ход 11 газовых камер, оборудованных «по последнему слову техники». Новая «баня», как ее называли немцы, имела под полом замаскированную, перекрытую плитами канаву шириной до двух метров, а в потолок были вмонтированы незаметные для глаз 40 газовых сосков, откуда в камеры поступал ядовитый газ. Люди погибали в течение 10–15 минут. Заключенных вводили сюда голыми — в «бане» не предусмотрели раздевалок. Она стояла на вершине откоса, который под резким углом спускался к крематорию. Замаскированные перекрытия канав автоматически открывались, и трупы скатывались в печи крематория.

Теперь на трубе крематория мемориальная доска. На ней — цифры сожженных: 80 тысяч человек двадцати национальностей. Среди них — 26 430 русских, 3443 итальянца, 3963 немецких антифашиста, 3103 еврея, 1162 голландца, 450 греков, 14 норвежцев, 9 англичан, 2 американца.

В приговоре Международного военного трибунала, заседавшего в Нюрнберге, указано:

«Флоссенбюргский концентрационный лагерь можно лучше всего описать как фабрику смерти. Хотя на первый взгляд основным назначением лагеря являлось использование массового рабского труда, он имел другое назначение — уничтожение людей путем применения специальных методов при обращении с заключенными. Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживание, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п. — все это играло главную роль в достижении цели. Заключенных убивали без разбора, преднамеренные

убийства евреев были обычны; вспрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь в этом лагере ничего не значила. Убийство стало обычным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро»[18].

Весть о том, что прославленный генерал Карбышев доставлен в лагерь, облетела заключенных с быстротой молнии.

О первых днях Карбышева во Флоссенбюргском лагере рассказывает полковник Н. И. Митрофанов:

«…Несмотря на смертельную усталость, многие сразу же захотели увидеть Карбышева и поговорить с ним.

Вместе с генералами С. Д. Даниловым и А. С. Кулешовым мы отправились узнать, где находится Карбышев и можно ли его увидеть. Он был помещен в карантинный барак, куда проникнуть оказалось невозможным.

Спустя несколько дней, по отбытии карантина, Карбышева назначили в рабочую команду в каменоломню. Там он сразу же чуть не попал под палку капо (старшего надсмотрщика), одного из самых свирепых уголовников. Генерала защитили тогда работавшие рядом немцы-коммунисты. Этот случай подсказал нам, что надо принять меры к освобождению Карбышева от тяжелых работ, добиться помещения его в ревир (лагерный лазарет) или в шонунг (барак для выздоравливающих и сильно ослабленных).

Свою первую встречу с Карбышевым во Флоссенбюргском лагере я хорошо помню, будто она состоялась всего несколько дней назад. Стоял ясный и теплый вечер конца августа или начала сентября. Дмитрий Михайлович в полосатой каторжной одежде вышел из ревира на площадку около шонунга. Мы заранее условились, что встретимся здесь. Генерал шел бодрым шагом, подтянутый, как в строю. Я пристально вглядывался в него. Он постарел, в волосах блестела седина, но глаза светились молодо, хотя ему было тогда почти 63 года. Дмитрий Михайлович сразу узнал Данилова, несколько мгновений всматривался в меня и тоже узнал. Дружески поздоровался с нами, расцеловался, сказал:

— Очень рад видеть вас здоровыми и невредимыми. Очень рад.

Мы ответили ему тем же. Потом он стал спрашивать, когда, где и как мы попали в плен. Выслушав наши ответы, подбодрил:

— Ну ничего, товарищи! Самое страшное уже позади. Вы ведь в курсе последних военных событий? Как разгромили гитлеровцев

под Курском, под Харьковом! Какой провал у фашистов в Италии! Теперь скоро конец! Будем крепиться. Как у вас настроение?

Услышав, что настроение у нас неплохое, что мы крепко подружились в неволе и стараемся поддерживать друг друга, Карбышев заключил:

— Дружба — великое дело, особенно в таком положении, как наше.

Мы поинтересовались, удается ли Дмитрию Михайловичу получать газеты, не нужно ли ему чего-нибудь. Он ответил, что газеты читает регулярно, пока ни в чем не нуждается и попросил достать ему какую-нибудь карту или даже схему, чтобы иметь представление об обстановке на фронтах. Такую схему я обещал ему прислать. На этом мы и расстались.

На меня и Данилова эта встреча с Карбышевым произвела неизгладимое впечатление, порадовал оптимизм Карбышева, прибавила сил его непоколебимая вера в близость нашей победы над фашизмом».

Узник Флоссенбюрга майор Н. Ф. Панасенко, вспоминая о работе Карбышева в каменоломне, рассказывал: «Дмитрия Михайловича заставляли грузить и перетаскивать гранитные глыбы, не считаясь с тем, что генерал был уже в преклонном возрасте и физически слаб. Его включили в самую „пеструю“ по составу рабочую команду — к штрафникам. Наряду с уголовниками — отъявленными бандитами и убийцами — в этой команде работали советские генералы и офицеры, а также немецкие коммунисты и патриоты других стран Европы.

12 часов в день под открытым небом и пронизывающим холодным ветром узники находились в каменоломне. Надсмотрщики постоянно зверски избивали палками изнуренных людей, если они садились или прекращали работу, чтобы стоя немного передохнуть. В концлагере царил жесточайший произвол. Многие не выдерживали такого режима, лишались рассудка или бросались на проволочные заграждения, чтобы быть убитым током или автоматной очередью часового.

Заключенные всячески старались помочь Карбышеву, облегчить ему труд, кололи для него меньшие по объему и весу камни».

Капитан-артиллерист В. Ф. Буковский добавляет:

«В лагерь мы шли строем по пять человек в ряд. Всех избитых в каменоломне и тех, которые не могли двигаться от усталости, несли на руках. Двое брали ослабевшего товарища за руки у плеч, двое других за ноги. „Пятерок“ каждый день в конце колонны было очень много. Был случай, когда пятым несли потерявшего

сознание Карбышева.

Если узник приходил к утру в чувство и мог двигаться, то его тотчас же направляли на работу. Если он был жив, но не мог двигаться, то при наличии высокой температуры его направляли в лагерный лазарет».

Как действовал такой свирепый лагерный режим, можно судить хотя бы по такому примеру. Осенью 1941 года в этот лагерь привезли 2000 человек советских военнопленных. Это были солдаты в возрасте 20–25 лет, здоровые, крепкие люди. И что же? Через 15–16 месяцев из них осталось в живых около 200 человек. Остальные погибли за такой короткий срок и были сожжены в крематории. Недаром именно в этот лагерь фашисты и посылали всех наших пленных генералов-патриотов, большинство из которых здесь и погибло. Среди них — сражавшиеся на подступах Москвы генералы Пресняков и С. Д. Данилов, участник всех боев под Севастополем генерал П. Г. Новиков и другие.

Еще до прибытия Карбышева советские военнопленные Флоссенбюрга связались с немецкой, французской и чешской подпольными антифашистскими организациями Сопротивления.

Руководители подполья Альберт Бухман, Рудольф Роткегель и Карл Ширдеван помогли перевести Карбышева из каменоломни в палату слабосильных и истощенных больных, носившую название «шонунг» — пощада. Здесь генерала укрывали шесть месяцев.

Польский врач Станислав Годестка подделывал показатели в температурном листе Дмитрия Михайловича, чтобы продержать Карбышева как можно дольше.

Нередко во время частых отборов, называемых фашистами «селекцией», которые производили комендант концлагеря и другие должностные лица, а также немецкий врач ревира, Годестка прятал Карбышева, чтобы его не отнесли к числу годных к работе или не направили на «транспорт» в другой лагерь уничтожения.

Ревир был отделен от «ареста» только каменной стеной. Поэтому все ужасы застенка — избиения, пытки, убийства — слышали больные.

Нелегким было житье Карбышева в ревире. Но он и здесь не терял времени зря. Дмитрий Михайлович присоединился к руководителям подполья, в котором собрались мужественные генералы Михайлов, Новиков, Зусманович, Скугарев, Ткаченко, офицеры Панасенко, Фисенко, Митрофанов, Николаев, Капелец, Буковский и другие. Возглавлял организацию энергичный генерал-майор танковых войск Петр Петрович Павлов.

У подпольщиков-антифашистов было и оружие — его

хранили на топливном складе в штабелях угля.

Подпольная организация начала подготовку к восстанию. Однако большого размаха эта деятельность не получила, так как лагерь был небольшим и комендатура с гестапо усиленно следили за заключенными, строго запрещая встречи и хождения из одного барака в другой.

В воскресные дни Карбышева навещали в ревире советские генералы и офицеры. Приходили к нему и немецкие, и чешские коммунисты, чтобы поговорить с ним о международном положении, перспективах войны. К его мнению прислушивались все узники — французы, итальянцы, бельгийцы, чехи, словаки, сербы, немцы. И для них слово советского генерала звучало веско и убедительно.

Заполучив очередную сводку Совинформбюро, Карбышев по ней старался расшифровать оперативное и стратегическое положение на полях сражений. Конечно, он высказывал лишь свои предположения, но они часто подтверждались более поздними сводками. Это привлекало к Карбышеву людей, ему верили.

При благоприятных обстоятельствах Карбышев проводил беседы и на научные темы: по астрономии, фортификации и истории, рассказывал отдельные эпизоды из гражданской войны, воскрешал славные страницы борьбы русского народа за свою независимость и свободу. С наибольшим интересом слушали узники, как Дмитрий Михайлович разбивал миф о непобедимости гитлеровских войск и приводил для доказательства многочисленные примеры из прошлого.

Во второй половине 1943 года, когда гитлеровская армия под напором широко развернувшегося наступления Красной Армии начала откатываться на запад, в ревир зачастили сначала отдельные эсэсовцы, а затем и начальство концлагеря. Они знали: Карбышев — выдающийся генерал и военный ученый с мировым именем, и хотели послушать его прогнозы о перспективах войны. Фашистов уже основательно тревожила собственная судьба.

Однажды комендант лагеря Штольпен во время обхода ревира спросил Карбышева в присутствии Н. Л. Белоруцкого и других заключенных:

— Как долго, генерал, будет длиться война? И от чего, по-вашему, зависит приближение ее конца?

Карбышев ответил:

— Я считаю, что многое будет зависеть от открытия второго фронта.

— И вы верите, что рано или поздно откроется второй фронт?

— Да, верю, что откроется второй фронт, а возможно, и

третий!

Под третьим фронтом Дмитрий Михайлович имел в виду партизанское движение в фашистском тылу.

Комендант нервно взмахнул плетью.

— А кто же победит?

— Конечно, победит Советский Союз, должно быть, и вы в этом не сомневаетесь, — спокойно сказал Карбышев.

Комендант только досадливо плюнул на пол и, уходя, выругался:

— Швайнерай, свинство! Безумный фанатик, старый большевик!

После ухода коменданта в ревир заявился немецкий врач-эсэсовец. Он вызвал Карбышева в комнату блокового.

— Говорят, генерал, что вы считаете, будто Россия победит Германию?

— Да, я в этом убежден.

— Мне кажется, что генерал душевно болен и заблуждается, — возразил эсэсовец и неестественно захохотал.

Потом он предложил Карбышеву, а также блоковому, который стоял перед ним навытяжку, сесть. И спросил уже серьезно:

— Какие у вас основания утверждать, что Германия проиграет войну?

Карбышев долго молчал. Блоковой нарушил молчание и на ломаном русско-польском языке повторил вопрос эсэсовца.

— Ну, что ж! Скажу, если вам это доставляет удовольствие…

И Карбышев объяснил, что Красная Армия начала широко развертывать свои силы. Политический проигрыш Гитлера начался еще в 1941 году, с момента вторжения в Страну Советов — теперь это совершенно ясно!

— О, вы не знайт, ничего не знайт! — воскликнул врач, стараясь перейти на русский язык. Не подобрав подходящих слов, он опять перешел на немецкий. — Рейх еще себя покажет. Мы применим новое оружие…

— Я слышал об этом от ваших ученых еще в Берлине, куда меня возили до Флоссенбюрга.

— Ну и что? Не поверили?

— Сказал, что на свете нет таких чудес, которые могли бы вас спасти…

Врач был явно озадачен. Стремясь, по-видимому, с помощью Карбышева добраться до истины, он решил вести дальнейший разговор с ним наедине, с глазу на глаз.

— Читали ли вы что-нибудь из трудов нашего фюрера? Как полагаете, в России, если даже Германия не выиграет войну, останется большевистская диктатура? — спросил фашист,

выпроводив блокового.

— Советская власть будет жить до той поры, — ответил Карбышев, — пока нужна будет какая-либо власть вообще, то есть до коммунизма.

Однажды комендант Штольпен заметил в бараке ревира Карбышева и тут же приказал послать генерала в каменоломню.

— Там добьют старика в два счета, пора, — на ходу произнес Штольпен.

Но подпольщики сумели уберечь Карбышева. С помощью врача ревира Дмитрия Михайловича выписали в блок № 22 для работы в «шуерайсерай» — цехе по разделке старой обуви.

В этом же цехе оказались генерал Зусманович и полковник Митрофанов. Впрочем, работа и здесь, в нетопленом, тесном помещении, где было душно от пыли и грязи, оказалась непосильной для Карбышева. Заданную норму он не выполнял, и за это капо из уголовников много раз избивал его до потери сознания. Только благодаря заступничеству немецких коммунистов Дмитрий Михайлович наперекор ужасам гитлеровского застенка оставался еще в живых.

Наступил январь 1944 года. В лагере пошли слухи об отправке нескольких сот ослабевших заключенных в другие лагеря. Отправка никогда не радовала. Узникам было понятно, что их увезут не для лечения.

В феврале начался отбор «переселенцев». На транспорт попали и Карбышев, Зусманович, Митрофанов. Их перевели в 23-й карантинный блок — это значило скорый отъезд.

В карантинном блоке Дмитрий Михайлович встретил офицера Давыдова, с которым в 1942 году был в Замостье.

Стоял теплый, солнечный, почти весенний день, когда всех заключенных из 23-го блока вывели во двор.

Эсэсовцы почему-то медлили. Давыдов воспользовался паузой и рассказал Карбышеву, что заключенные концлагеря толкуют о том, будто Гитлер может применить отравляющие вещества, если фашистам придется туго. Дмитрий Михайлович отрицательно покачал головой. Он считал, что и в среде фашистского командования имеются люди, которые, по-видимому, не лишены здравого смысла и понимают, что газ подобен бумерангу.

Карбышев оказался прав.

О затянувшемся открытии второго фронта Дмитрий Михайлович сказал:

— Мы продвигаемся на запад. Если наши союзники в ближайшие дни не откроют второго фронта, они могут опоздать. Наша страна обойдется и без них…

Майданек

Транспорт с узниками медленно двигался на восток. На станции Люблин стал известен конечный пункт «путешествия» — Майданек. Концлагерь смерти. Число уничтоженных в нем людей уже тогда перевалило за миллион.

Европа содрогалась при одном упоминании о Майданеке. А те, кому оставалось дойти до него всего каких-нибудь два километра, не испытывали никакого страха.

Утомительная поездка в холодных, неотапливаемых, переполненных до отказа вагонах, без пищи, без воды довела почти всех узников до полного изнурения. Те, кто не умер в дороге, настолько обессилели, что не в состоянии были сдвинуться с места.

Эсэсовцы открыли двери вагонов и, подталкивая узников палками, выгоняли их на платформу.

Построили колонну и отделили группу, которой приказали вынести из вагонов трупы и сложить их тут же на платформе.

Возле станции на шоссе Люблин — Хелм заключенных ожидала вереница грузовых автомашин и тракторов с прицепами. Под усиленным конвоем эсэсовцев автоколонна двинулась по шоссе Люблин — Хелм.

Лагерь показался издали: проволочные заграждения, сторожевые вышки, мрачные тесовые бараки — все такое знакомое…

Майданек, куда попал Карбышев из Флоссенбюрга, был создан гитлеровцами в октябре 1941 года.

В документальных книгах Альберта Кана «Заговор против мира» и Шимона Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта» приведены подробные сведения об этом лагере смерти. Он занимал площадь в 270 гектаров и состоял из шести полей. На каждом — 24 барака (всего 144), вместимостью по 300 человек. И на каждом поле — виселица.

Охраняли лагерь войска СС. Им придавался отряд вспомогательной полиции — «каподорполицай»: 200 уголовников и 200 овчарок.

Ходить по лагерю узникам разрешалось только до шести вечера. С наступлением темноты на вышках зажигались прожекторы, которые лучами пронизывали лагерь во всех направлениях. Попавшего под луч ждала пулеметная очередь.

Из 5000 советских военнопленных, доставленных сюда ранней осенью 1941 года, к концу ноября того же года осталось

1500. На следующий год начали завозить новые партии советских людей, преимущественно туберкулезников и инвалидов. Для них на втором поле оборудовали «лазарет». Из него постепенно выводили больных на казнь или расстрел.

Каждый день в концлагерь по шоссе Люблин — Хелм пригоняли тысячи поляков, русских, украинцев, — евреев — стариков, женщин, детей. Их гнали колоннами, гнали чаще всего прямо на шестое поле, где сразу же убивали.

Именно здесь, в Майданеке, фашистские «специалисты» впервые применили газовые камеры. Всего их было построено семь, общей вместимостью на 2000 человек. Умерщвляли в них газом «Циклон Е».

Отбор людей, подлежавших отравлению газами, производили эсэсовские врачи лагеря. Заключенных, отобранных для уничтожения, разделяли на группы. В одну включали больных, в другую — неспособных к физическому труду, в третью — истощенных, заморенных голодом. Женщин приводили вместе с детьми.

Карбышев оказался в лагере после «праздника урожая». Так окрестил начальник управления государственной безопасности польского губернаторства Фридрих Крейтер массовый расстрел, когда за один день было уничтожено 18 400 человек. Сначала узники вырыли большие рвы, затем эсэсовцы стали приводить по 50-100 человек, раздетых догола. Людей укладывали на дно рва лицом вниз и затем расстреливали из автоматов. На трупы укладывали второй ряд и также расстреливали. Так до тех пор, пока рвы не заполнялись доверху.

Заполненные трупами рвы засыпали небольшим слоем земли.

В практике Майданека слабых и больных, неспособных самостоятельно передвигаться, полагалось тут же пристреливать. На этот раз их со станции привезли на автомашинах и разместили в бараках карантина и лазаретах.

Один из узников концлагеря врач Л. И. Гофман-Михайловский, проводивший медицинский осмотр, свидетельствует:

«…Помню эту удрученную вереницу полуживых, отечных узников. В то время я, врач по специальности, был привлечен к работе в лагерном ревире (лазарете) для медицинского обслуживания заключенных.

Медосмотр кроме меня производили русский врач Дегтярев, чешский — Визнер, польский — Величанский и другие.

Во время осмотра ко мне подошел писарь ревира Неверли (ныне известный польский писатель), числившийся под фамилией Абрамов, и показал учетную медицинскую карточку

заключенного Карбышева Дмитрия Михайловича, 64 лет, профессора, генерал-лейтенанта инженерных войск Красной Армии.

Передо мной стоял крайне истощенный, с отеками на лице и ногах седой старик, облаченный в рваную полосатую одежду, с долблеными деревянными колодками на ногах. Строгие черты лица и горящие жизненным огоньком глаза как-то интуитивно внушали веру в силу воли этого человека. В первый момент я растерялся: чем могу я помочь, как спасти его от смерти? Я не представлял, как я это сделаю, но знал, что это моя обязанность.

Неверли показал еще две медицинские карточки — генерал-майора Т. Я. Новикова и Г. В. Зусмановича.

Осмотр их показал, что здоровье обоих тоже крайне расшатано. Посоветовавшись с Дегтяревым и другими товарищами, мы решили взять этих трех генералов под свою особую опеку. При содействии чешского врача Визнера, поляков Величанского и Михаловича, а также писаря канцелярии ревира Закшевского на следующий день Д. М. Карбышева удалось перевести из карантинного барака ко мне, а Новикова и Зусмановича — в барак к Дегтяреву.

Мне удалось поместить Дмитрия Михайловича в барак, где я опекал 300–350 человек больных заключенных. Прежде всего его накормили, обмыли, переодели и уложили в постель. При медицинском осмотре мною было установлено, что Дмитрий Михайлович страдал резко выраженным общим истощением всего организма с наличием голодных отеков тела и жидкости в полостях, резко выраженным истощением нервной системы, авитаминозом, склерозом сосудов сердца, эмфиземой легких, хроническим бронхитом, чесоткой и флегмонами обеих голеней.

В его судьбе принимало самое душевное участие множество простых русских людей. Они не щадили усилий и доставали для Дмитрия Михайловича продукты питания и необходимые лекарства.

Кое-какие продукты для Карбышева, Новикова, Зусмановича и других больных товарищей, остро нуждавшихся в поправке, передавал через своих друзей старший по кухне Александр Васильев. Кое-что удавалось добыть через организацию польского Красного Креста, которая в это время начала функционировать и получила разрешение оказывать помощь.

Целый месяц наш больной спал, как младенец, по 16–18 часов в сутки. Через полтора месяца он уже ходил по бараку, несколько окреп, флегмоны зажили и сошли отеки. Теперь он по вечерам, когда в лагере устанавливался относительный покой, охотно рассказывал о своей богатой событиями жизни. Особенно

трогали его рассказы о тяжких испытаниях в плену.

Слушая Дмитрия Михайловича, я всегда поражался его спокойствию и мужеству, беззаветной преданности Родине. Не в одном лагере ему пришлось хлебнуть горя: Замостье, Хаммельбург, Флоссенбюрг…

Рассказы Карбышева вызывали у всех слушавших его жгучую ненависть к фашизму, придавали нам силы для борьбы с врагом.

Дмитрий Михайлович был исключительно дисциплинированным пациентом и большим оптимистом. Не раз он говорил мне, когда я ему делал порой болезненные инъекции: „Доктор, колите меня чем хотите и сколько хотите, лишь бы я скорее выздоравливал. Мы должны обязательно встретиться у меня дома, в Москве. Ведь наши бьют немцев на всех фронтах“.

Во время пребывания Карбышева в концлагере Майданек у меня возникла идея изменить ему фамилию, чтобы оградить от новых угроз, издевательств и пыток. Это не представляло трудности, так как каждый день в бараке умирало до трех десятков заключенных. Я бы мог подобрать из числа умирающих русских или украинцев человека подходящего возраста, узнать у него необходимые биографические данные и причины заключения, а после его смерти подать рапорт, указав номер Карбышева. Однако генерал от этого предложения категорически отказался, заявив, что Карбышев всегда был Карбышевым и останется им впредь, что бы ему ни угрожало»[19].

Капитан А. Д. Мельник был в ревире одновременно с Карбышевым и оставил нам довольно точную картину пережитого:

«…Мы находимся в лагере смерти — Майданеке. Все здесь подчинено единой цели — уничтожению беззащитных людей. Но воля заключенных, их сплоченность и помощь друг другу, поистине самоотверженная работа русских, польских, чешских врачей часто отводят костлявую руку смерти от того или иного человека.

Так получается и с нами. Живу я. Живет „доктор Вова“. Живет генерал Карбышев. Живет поляк, его фамилия Неверли. Быстрее других поправляется „доктор Вова“ — военный врач Владимир Дегтярев. Он воевал, партизанил в Польше, потом был схвачен гитлеровцами и попал в Майданек, пройдя до этого через несколько концлагерей. Плох я, плох Неверли, у которого после тифа началось воспаление легких. Лучше стал чувствовать себя Дмитрий Михайлович Карбышев.

Я уже разговаривал с ним. Сухонький, прозрачный человек с желтой, как пергамент, кожей, с монгольскими чертами лица мало похож на того подвижного, энергичного генерала, которого

я видел на маневрах. Только глаза, живые молодые глаза на желтом лице говорят о том, что воля этого человека не сломлена, несмотря на нечеловеческие испытания, которым подвергли его гитлеровцы. Карбышев спросил меня:

— Как здоровье?

— Пока плохо. Но думаю выкарабкаться…

— Надо, надо. Я вот тоже лежал пластом, а сейчас заметно полегчало…

Мы разговорились. Тихо, чтобы никто не слышал, я сказал:

— А я ведь вас знаю…

— Меня? Каким образом?..

Когда я назвал время и место маневров, на которых видел его, Карбышев оживился:

— Как же, как же, помню! Хорошее было время. Так значит, вы?..

— Капитан Красной Армии.

— Так, так, — задумчиво проговорил генерал, — вот оно что. Ну, что ж, дорогой, надо держаться, во что бы то ни стало держаться. Умереть здесь, сами видите, можно в два счета. А выжить?.. Но нас здесь немало, а это большая сила…

Говорили мы, в сущности, очень немного, но от этого короткого разговора, от спокойного тона Карбышева как-то сразу стало легче на душе. Он протянул мне кусочек хлеба с маргарином.

— Угощайтесь. Чем богат, тем и рад…

— А вы?..

— Я? Мне хватает. Верите же, иначе обижусь!

В конце концов мне пришлось принять от него эту маленькую кроху жизни».

В начале апреля 1944 года началась эвакуация узников Майданека в другие лагеря. Вот как это произошло по свидетельству капитана Мельника:

«…Седьмого апреля Майданек начали внезапно эвакуировать. Ходят слухи, что уже недалеко части Красной Армии, что вблизи лагеря действуют польские партизаны. В этом, пожалуй, есть доля правды, ибо слишком подозрительна та поспешность, с какой эсэсовцы приступили к эвакуации. Через день появились фронтовые гитлеровцы. Они открыли барак и приказали:

— Мертвых в крематорий, живых в вагоны!..

И вот мы опять грузимся в эшелон. В каждый вагон набивают по сотне человек. Нечем дышать, невозможно пошевелиться, а сердце стучит, стучит, словно обращаясь к тем советским солдатам, которые с боями пробиваются к Люблину:

— Где же вы, родные? Опять нас везут и, может быть, на

смерть. Спасите!..

Но никто не слышит зова наших сердец. Эшелон спешно погружен, спешно отправлен. Нас везут так, как никогда не возили никакую скотину, и уже невозможно определить, сколько в каждой теплушке сейчас мертвых…

С одним из первых эшелонов был эвакуирован и Карбышев. Хоть он чувствовал себя не лучше, а, наверное, хуже многих других, он душевно ликовал и бодрил всех:

— Придут наши, придут!»

Освенцим

Опять, в который раз, Карбышев отправился в дорогу, в очередной лагерь смерти. Из ставшего прифронтовым Майданека в тыловой Освенцим.

Другое название, иной пейзаж. А суть все та же.

В Майданеке замучили полтора миллиона, в Освенциме — свыше четырех миллионов узников.

Карбышев этих цифр не знал. Он видел замученных, расстрелянных, повешенных. Он видел черный дым крематориев и рвы, наполненные человеческими телами.

Миновав Освенцим, транспорт с заключенными остановился где-то за пределами концлагеря. Ночью состав опять двинули, но, пройдя небольшое расстояние, он застыл на железнодорожной ветке у «платформы смерти» — Биркенау — Освенцим-II. Эсэсовцы, сопровождавшие транспорт, открыли двери вагонов и, поторапливая измученных людей, начали выгрузку. Слышался шум, стоны, лай собак. Опять узников построили в колонну по пять в ряд. Опять подсчет, опять конвой. Карбышева с другими погнали на карантинное поле «А». Он шел из последних сил, но вскоре почувствовал себя плохо, подкашивались ноги. Если бы это заметили эсэсовцы раньше соседей по колонне, его бы, как и других отставших, пристрелили.

Но Дмитрия Михайловича вовремя подхватили те, кто был рядом, справа и слева в строю. Так, под руки, и довели Дмитрия Михайловича до лагеря.

Едва начинало светать. Кроме кирпичных зданий с высокими квадратными трубами, из которых валил густой черный дым вперемежку с длинными языками пламени, ничего нельзя было различить. Колонна добрела до поля «А». У мрачного на вид здания эсэсовцы скомандовали остановиться.

Пронизывающий холод и сырость.

Нудный апрельский дождь.

Воздух пропитан едким, тошнотворным запахом горелого человеческого мяса.

Заключенные, стоя возле здания, промокли до нитки и дрожали от холода.

Стоять пришлось очень долго.

Совсем рассвело.

Наконец колонну пересчитали и партиями по 40–50 человек стали загонять внутрь здания, в раздевалку. Тут приказали раздеться догола и всю одежду уложить в бумажные мешки. Затем всех постепенно перегнали в другую комнату, где остригли,

зарегистрировали и накололи тушью на левой руке выше локтя очередной лагерный номер.

С этого момента узник переставал быть человеком с именем и фамилией — оставался только номер.

Клейменных загнали в баню, где было так же холодно, как на улице. Мылись холодной водой, без мыла. Мучительная «санобработка» длилась до поздней ночи. Многие теряли сознание, иные падали замертво.

После банной пытки выдали одежду — полосатую рваную куртку, брюки, берет и деревянные колодки. Каждого заключенного заставили нашить на куртку красный треугольник с буквой «R» (русский) и тряпичный номер. На спине, в дополнение к номеру, был намазан красной краской крест.

Только после всего этого заключенных повели в блок.

Разразился ливень, сменившийся градом. С Карпат подул резкий ветер. Промокших, коченеющих узников не торопились пускать в барак. Их сперва пересчитывали, потом поодиночке впускали на регистрацию и отводили к трехъярусным нарам.

Карбышева поместили в блок № 11, в котором русских заключенных совсем не было. Связаться с кем-либо из своих он также не мог.

Но о нем не переставали думать друзья. Подпольщик В. М. Филатов узнал от работника «политабтайлунг» (так называемого политотдела комендатуры) о том, что Карбышев в лагере, и немедленно сообщил это комитету Сопротивления Биркенау.

Через «броткамеру» — хлебную кладовую — посылали Карбышеву продукты. Группа советских военнопленных во главе с полковником Никольским получила задание связаться с генералом и сделать для него все возможное.

Проникнуть в блок № 11 Никольскому не удалось. По карантинному полю «А» все время рыскали, как шакалы, эсэсовский врач, прозванный заключенными «Кобра», и его прислужники — они выискивали жертвы для газокамеры. Нельзя было допустить, чтобы больного Карбышева довели до полного физического изнурения и отправили на «селекцию», а оттуда, как было заведено у фашистов, в крематорий.

Обеспокоенный создавшимся положением, подпольный комитет поручил Валентину Филатову и Алексею Родкевичу проверить, поступают ли предназначенные для генерала продукты из «броткамеры» и каково состояние здоровья Дмитрия Михайловича. Подпольщики с риском для жизни выяснили, что генералу необходимо срочное лечение, а продукты, посылаемые ему, доходят не полностью или заменяются менее питательными.

Что делать?

Оставалось одно: договориться с врачом из заключенных о переводе Карбышева с поля «А» в общелагерную больницу. Но сразу такой перевод невозможно было осуществить. Понадобились усилия многих людей.

В это же время и Николай Леонтьевич Белоруцкий, о котором читатели уже знают — он был вместе с Карбышевым в Хаммельбурге и Флоссенбюрге, — разыскал генерала и сумел с ним повидаться.

«Дмитрий Михайлович, измученный и больной, лежал в блоке № 11 на нижней полке трехъярусных нар. Сверху на него сыпалась из матрацев древесная стружка. В душном, переполненном до отказа узниками помещении стоял полумрак, и находившихся в блоке людей трудно было разглядеть. Но Дмитрий Михайлович первый заметил меня и, обрадованный, громко окликнул:

— Леонтьевич, это вы?

— Да, я, Дмитрий Михайлович!

После взаимных приветствий и расспросов Карбышев рассказал о Майданеке, тяжелой эвакуации в Освенцим и Биркенау. Коснулись и последних военных событий на фронте. Карбышев сразу оживился, с радостью говорил о том, как гонят фашистских захватчиков, выметают за пределы нашей Родины, как успешно наступает Красная Армия в Белоруссии и Прибалтике.

Перед тем как попрощаться, Дмитрий Михайлович сказал:

— Сердце мое не нарадуется. Успехи нашей армии действуют на меня лучше целительного бальзама. Как узнаю очередную сводку — чувствую прилив сил и энергии. Держусь одним желанием, одной мечтой — дожить до радостного дня полной победы над фашистами.

В барак вошел блоковой, поляк по национальности. Карбышев, встревоженный, быстро поднялся с нар, надел на голову арестантский берет, а поверх полосатой куртки такой же „мантель“ — подобие пальто, и вышел вместе со мной из барака во двор. Было заметно, что Дмитрий Михайлович чем-то расстроен. Я спросил, в чем дело, он ответил:

— Этот блоковой, в отличие от других польских заключенных, убежденный фашист-пилсудчик. Ненавидит русских. А так как в блоке других русских нет, то всю свою злобу он вымещает на мне… Да стоит ли уделять ему внимание…».

В другой раз Карбышев засыпал Белоруцкого вопросами о концлагере Освенцим — Биркенау. Сколько в нем заключенных, сколько среди них советских людей и кто они. Интересовался работой подполья, из кого оно состоит. Полюбопытствовал даже,

люди каких национальностей преобладают, каковы их взаимоотношения.

Когда Карбышев узнал, что в лагере и его филиалах более 200 тысяч мужчин и около 100 тысяч женщин, среди которых большинство политические заключенные, он воскликнул:

— Так ведь это силища! Ее бы собрать в кулак и ударить по насильникам!

Чувствовалось, что ему хотелось самому поскорее включиться в борьбу.

Для наглядности Белоруцкий начертил Дмитрию Михайловичу на песке примерный план концлагеря, с его полями, блоками, газокамерами, крематориями, виселицами. Упомянул рабочие команды заключенных: «Канаду» и «Мексику». Дмитрий Михайлович спросил:

— Почему американские названия?

— Так условно назвали их фашисты, чтобы не вызвать излишней подозрительности у своих жертв…

1944 год был самым тяжелым для узников Освенцима. Ежедневно из разных стран Европы прибывали транспорты с заключенными. Тысячами отправляли их в газокамеры. Особенно зверствовали эсэсовцы с апреля до сентября. Как раз в эти месяцы в лагере находился Карбышев. Бывали дни, когда в крематориях и на кострах сжигали в сутки до 15 тысяч человек. Крематорий дымил, и костры во рвах горели днем и ночью.

Вот «исповедь» самого коменданта лагеря, эсэсовского палача Рудольфа Гесса:

«…Я был начальником лагеря Освенцим с 1 мая 1940 года по 1 декабря 1943 года. Я думаю, что по крайней мере два с половиной миллиона жертв было там истреблено путем отравления в газовых камерах и сожжения и по меньшей мере еще полмиллиона человек погибло от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно трех миллионов человек, т. е. 70 или 80 процентов всех лиц, направленных в Освенцим в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах… Среди казненных и сожженных лиц было приблизительно двадцать тысяч русских военнопленных, которые были изъяты гестапо из лагерей для военнопленных.

Массовое истребление заключенных путем отравления газом началось в конце 1941 года и продолжалось до осени 1944 года.

В июне 1941 года мне было приказано позаботиться об оборудовании для истребления заключенных в Освенциме.

Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке

сказал мне, что он ликвидировал восемьдесят тысяч человек в течение полугода. Он применял газ моноксид, но я считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещение для уничтожения, я применял „Циклон Б“ — кристаллизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти… Люди умирали в течение 3-15 минут.

Другим усовершенствованием, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить две тысячи человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по двести человек каждая. Жертвы мы выбирали таким образом: в Освенциме два дежурных врача осматривали заключенных, прибывших транспортами. Заключенных направляли к одному из врачей, который тут же на месте принимал решение. Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать на „великую Германию“.

Еще одно усовершенствование, которое мы ввели по сравнению с Треблинкой. В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут; у нас жертвы думали, что их подвергнут санитарной обработке. Конечно, часто они догадывались о наших действительных намерениях, и тогда начинались бунты и возникали затруднения. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию, и все население, проживающее в окрестностях, знало, что в Освенциме проводилось истребление людей…»[20]

Этот концлагерь гитлеровцы построили в Силезии, в 250 километрах от Варшавы и в 50 от Кракова, на правом берегу реки Солы, впадающей в Вислу. Глухая, болотистая, затопляемая разливом рек долина. Поблизости от Освенцима — хребты Бескидских и Карпатских гор.

Места, знакомые Карбышеву по первой мировой войне. Он и тогда был часто на волоске от смерти, смотрел ей смело в лицо. Но тогда он сражался, а теперь велась гнусная война без правил с беззащитными. Гитлеровские солдаты уподобились мародерам, разбойникам с большой дороги.

И Дмитрий Михайлович презирал и ненавидел своих палачей. Они это чувствовали и мстили.

Будучи узником Освенцима, лейтенант П. И. Мишин встретил однажды Дмитрия Михайловича. Это было в апреле 1944 года.

«…Помню, идет Д. М. Карбышев в деревянных колодках, в полосатой одежде хафтлинга (арестанта) по залитой солнцем дорожке. Идет спокойно, как бы не замечая сопровождающего его сзади злобного бандита — лагеральтестера (старшины лагеря) Франца Даниша. А тот, как всегда, вооружен дубинкой, опирается на нее и изредка помахивает ею. Генерал тяжело шагает в жестких деревянных башмаках, путаясь в непомерно длинном халате, выбиваясь из сил. Холодный весенний ветер развевает полы его изодранного одеяния, обнажая костлявые белые ноги.

Генерала Карбышева поместили в блок советских военнопленных. Это был, как и все другие, деревянный барак с вечно сырым земляным полом. Когда-то он служил конюшней, а теперь, возможно, был последним кровом для людей.

Советские военнопленные работали на осушке болот, строительстве дорог. Однако генерала Карбышева немцы не послали ни в одну из этих команд. Не потому, что они проявляли особое уважение или расчет на смирение генерала. Нет. Высшее начальство предпочитало держать таких опасных людей, как Карбышев, только в лагере, под своим постоянным неусыпным надзором.

Оставаясь днем в пустынном лагере, такой человек имел уже меньше контакта и связи с широкой массой заключенных, не мог оказывать на них должного влияния, у него почти не было шансов на побег. Что касается физических и моральных методов изнурения такого человека, то они были еще более утонченными, чем в рабочей команде.

Генерал Карбышев вместе с другими штрафниками попал в лагерную команду „заубермахен“ (уборщиков). В их обязанности вменялось с раннего утра до позднего вечера ходить с метлой и вылизывать аппельплац, вычищать уборные, помойные ямы.

В лагерных условиях это был сизифов труд, ибо границей между порядком и беспорядком во всех случаях был произвол надсмотрщика.

Как штрафник, я тоже работал в лагерной команде „вешерай“— прачечной, и мне чаще, чем другим русским, приходилось видеть нашего генерала. Однажды я проходил по лагерю в бельевую кладовую и встретил по пути Карбышева. Он шел, еле ступая, тяжело передвигая, точно свинцом налитые, опухшие ноги; натянутая кожа светилась синими и желтоватыми прожилками. Одной рукой он опирался на шест метлы, а другой тяжело тянул тележку, доверху наполненную мокрым песком. Я поздоровался и спросил, как чувствует себя генерал в Биркенау. Карбышев поклонился и ответил: „Хорошо, бодро, как в Майданеке“. Мне было неловко за свой вопрос. Я понял, какую

надо было иметь огромную силу воли, чтобы так легко сказать об ужасном.

Д. М. Карбышев много беседовал как со мной, так и с другими заключенными и всякий раз интересовался судьбой русских пленных в Освенциме, расспрашивал об их поведении, о связях и взаимоотношениях с заключенными других стран. Но при всех этих расспросах я чувствовал и замечал, что он прекрасно осведомлен и знает почти в деталях трагедию Освенцима.

Однажды я рассказал ему о своем пленении при отступлении советских войск в 1941 году. Выслушав меня внимательно, он сказал: „Плен — страшная штука, но ведь это тоже война, и пока война идет на Родине, мы должны бороться здесь“.

Затем, помолчав немного, он обнажил впавшую, костлявую грудь и вытащил из-за пазухи потертый газетный листок. Это была листовка югославских партизан с обращением к немецким солдатам. В ней говорилось о положении на советско-германском фронте, о стремительном наступлении союзных войск, о бессмысленном сопротивлении германской армии.

Я был озадачен, откуда он мог достать такую листовку. Оказалось, что свежие листовки и газеты проникали в лагерь через целую цепочку людей, начинавшуюся от команды, обслуживавшей крематорий и почти изолированной от всех заключенных. Заключенные-смертники, работавшие при крематориях, занимались сортировкой вещей, отобранных у людей, которых присылали на уничтожение. Среди вещей они находили всякую литературу и наиболее интересную приносили в лагерь. Так доходили к нам вести со всего мира.

Прочитав до конца листовку, Д. М. Карбышев бросил ее в горящую топку под котлом, где кипятилось белье.

Как-то во время одной из поверок Шварцхубер (лагерфюрер Биркенау) пожаловал в блок к русским. Знаком поднятой плети он вызвал Карбышева из строя. И тогда мы как бы в первый раз увидели перед собой генерала. Перед нами стоял среднего роста, чуть сутулый, поседевший человек. Его открытое лицо со следами перенесенной оспы было изрезано глубокими морщинами. Он смотрел на строй русских печальными глазами, изредка переводя взгляд на длинную фигуру коменданта лагеря.

— Умная птица, да не на то место села, — на ломаном русском языке завопил немец.

Но эти слова не тронули генерала, он молчал.

— Не хотел жить в отеле, пропадай в конюшне, — окриком закончил свое изречение лагерфюрер.

В это мгновение к строю подошел, как видно было по

щегольской одежде, более важный офицерский чин. Гитлеровцы, как истуканы, повернулись лицом друг к другу, выбросив вперед правые руки. То было их приветствие в знак особой преданности фюреру. Подошедший оказался бывшим комендантом общего лагеря Рудольфом Гессом. Не опуская руки, он ткнул кулаком Карбышева в грудь. Карбышев подался назад, но не упал, его подхватили подоспевшие товарищи и помогли встать по команде „смирно“.

— Итак, Карбышев! — зычно заорал Гесс.

В ответ на это наш генерал только чуть приподнял подбородок. Видимо, недовольный таким знаком приветствия русского, Гесс еще долго и возбужденно что-то говорил, кривлялся и размахивал руками. Из всего сказанного мы поняли только издевку над Карбышевым. Затем Гесс поднял расцвеченный золотыми кольцами указательный палец и не замедлил выпалить известную для всех нас фашистскую тираду: „Работа сделает тебя свободным через крематорий!“ На этом кончилась аппельповерка»[21].

До Карбышева дошли сведения, что положение в женском секторе Биркенау гораздо тяжелее, чем в мужском.

Многие матери были с малолетними и грудными детьми. Случайно или злонамеренно их бараки расположили в непосредственной близости с газовыми камерами и крематориями. «Штубовые» — комнатные надзирательницы — строили несчастных, измученных, полуголых узниц на поверку по нескольку раз в день. Никого не щадили: ни старух, ни детей. Полагалось стоять, неподвижно на расстоянии вытянутой вперед руки и не прижиматься друг к другу, не двигаться и не разговаривать. Блоковая за малейшую провинность ставила женщин на колени минут на пятнадцать. Это на первый случай. Второе ее замечание означало, что наказанная должна оставаться на коленях с поднятыми вверх руками все время поверки, т. е. в течение двух часов. Особенно мучительно было переносить такое наказание осенью и зимой, когда приходилось стоять голыми коленями в холодной грязи или на снегу. Часто бывало, что на том месте, где на поверке стоял живой человек, к концу ее лежал труп.

Фашисты и их пособники, начиная от «штубовых» и до коменданта, внушали обреченным женщинам и детям, что они попали в лагерь смерти, откуда нет выхода. Про дом и свободу надо забыть, следует забыть и свое имя, фамилию, а помнить только клеймо — лагерный номер.

Обычно после окончания поверки в карантинном лагере заключенных гнали на так называемую «визе» — лужайку. Это

был пустырь, где раздетые узницы и дети мерзли целый день. В блок их не пускали — там соблюдались чистота, тишина и порядок. Некоторые женщины, чтобы согреться, сбивались в кучки или прятались в уборных, но оттуда их выгоняли, избивали палками, обливали водой. Только после вечерней поверки разрешалось заходить в блок, получать хлеб и залезать на свои нары.

Все, что заставляли женщин делать, было им не по силам и приводило к массовой гибели узниц.

Чтобы поддержать их морально и поднять дух и волю к борьбе, Карбышев написал к ним письмо-обращение. Насколько велико было воздействие этого письма, запомнила вырвавшаяся из Освенцима учительница из Орловской области партизанка Нина Савельевна Гусева:

«…Обращение было передано мне в женской зоне концлагеря Биркенау через заключенного Николая Раевского, лагерного ассенизатора. Начиналось оно тепло, дружески:

„Дорогие сестры, советские женщины и девушки, томящиеся в аду Освенцима!

Фашисты оторвали вас от Родины, обрекли на нечеловеческие страдания и лишения…“.

Далее Карбышев призывал нас к тому, чтобы мы не дали фашистам сломить нашу волю, чтобы мы помнили о том, что мы дочери великой Страны Советов.

„Никакие, даже самые страшные пытки и муки не должны поколебать вашу стойкость, твердость духа, советскую национальную гордость“, — писал Дмитрий Михайлович. Он призывал нас с гордостью носить красный треугольник с буквой „R“ на груди. „Даже здесь, вдали от Родины, в нечеловеческих условиях фашистской неволи необходимо держать в чистоте свое имя, ничем не запятнать его“, — учил нас стойкий генерал.

„Мы, — говорилось в обращении, — представители великого советского народа, который напрягает свои усилия, проявляет беспримерный в истории героизм в борьбе с врагами. Многие гибнут героями, отдавая жизнь за счастье грядущих поколений, за счастье людей всего мира. И нам лучше погибнуть, но не осрамить своего имени, не пасть на колени, не унизить достоинства советского человека.

Враг жесток потому, что он слабее нас, узников.

Крепите связь с лучшими людьми других стран, любых национальностей, боритесь за человека, берегите его!“

Заканчивалось письмо знаменитым карбышевским призывом: „Главное — не покоряться, не пасть на колени перед врагом!“

Узницы читали обращение тайком по баракам, в уборных и

умывальных комнатах. Мы написали Дмитрию Михайловичу ответное письмо, которое составляли по ночам. Заверили прославленного, мужественного генерала, что не посрамим имени советской женщины, будем оберегать его, как бойцы свое воинское звание. В любых условиях останемся советскими людьми, не перестанем бороться за свою честь и честь своей Родины».

Узницы Биркенау сдержали свое слово, развернули в подполье патриотическое движение, оказывали ожесточенное противодействие фашистам.

В руководящем ядре женского подполья были Нина Гусева, учительница из Харькова Надя Котенко, польская коммунистка Ванда Якубовская, француженка Мария Клод, чешка Марта Диамант, чешка Власта Верова и другие. Подпольщицы распространяли сводки Совинформбюро, листовки, умело налаживали помощь больным, укрывали от осмотров и «селекций» слабых женщин и детей. Девушки, работавшие в огородной бригаде, приносили особенно истощенным лук, капусту, картофель, брюкву и другие овощи.

Н. Л. Белоруцкий пишет о том, что в Биркенау было много обреченных детей и подростков. Дмитрий Михайлович очень любил детей и тяжело переносил их неволю и близкую смерть. Дети украдкой часто пробирались в блок «дедушки» Карбышева. Он им рассказывал всевозможные истории о создании часов, о солнце, луне и звездах. С затаенным дыханием слушали они генерала и мысленно вместе с рассказчиком хоть на время переносились из ада Освенцима в иной мир. Для развлечения Дмитрий Михайлович устроил детворе солнечные часы. Однажды Карбышев увлекся какими-то вычислениями. Вдруг из-за угла появился эсэсовский офицер в сопровождении заключенного блокальтестера — старшего по блоку поляка.

Эсэсовец спросил Карбышева, что он делает. Блокальтестер перевел с немецкого на ломаный русско-польский язык вопрос эсэсовца.

Карбышев, стоя на одном колене возле часов и не глядя на подошедших, ответил:

— Считаю.

Поляк, желая угодить эсэсовскому офицеру, закричал на Дмитрия Михайловича:

— Встань, старый черт, разве ты не видишь, кто перед тобой стоит?

Карбышев спокойно повернул голову и, увидев эсэсовского офицера, встал, но арестантского берета, как это полагалось по лагерным правилам, с головы не снял.

Блокальтестер сорвал с головы Карбышева берет, размахнулся и хотел ударить его кулаком по лицу. Но эсэсовский офицер знаком руки остановил поляка и, обращаясь к Карбышеву, спросил:

— Что делает русский хафтлинг?

— Я сделал солнечные часы, — ответил Карбышев.

— Глупая, ничего не стоящая забава. Сколько на твоих часах, хафтлинг? — спросил эсэсовский офицер.

— На моих — одиннадцать часов тридцать минут, — ответил Карбышев.

Немец презрительно посмотрел на солнечные часы, вытащил из своего кармана золотой хронометр, взглянул и с недоумением сказал:

— Разница всего на одну минуту… Ты что, старый Иван, часовой мастер или механик?

Карбышев молчал. Не дождавшись ответа, эсэсовский офицер удалился.

Конечно, не солнечные часы сделали Карбышева популярным среди заключенных Освенцима, а его мужественное поведение в плену, смелые, проникнутые глубоким патриотизмом слова, которые вселяли глубокую уверенность в близкую победу над врагом.

В. М. Филатов подтверждает, что в результате усилий подпольного комитета Биркенау Карбышева перевезли из карантинного блока в общелагерный госпиталь на поле «ф» — якобы для медицинского осмотра и врачебной консультации — и оставили там.

Генералу отвели отдельное спальное место на нижних нарах около окна, поручили обслуживать его Александру Михайловичу Миронову. Работавший на кухне Яков Зуев готовил для генерала более питательную пищу. Через некоторое время Карбышев поправился.

На поле «Ф» было несколько рабочих команд для ремонта дорог, чистки кюветов, колки дров. Это все были советские заключенные, и Карбышев часто встречался с ними. Подолгу беседовал Дмитрий Михайлович и с Мироновым, которого называли «профессором»: он был всесторонне образованным человеком, кандидатом филологических наук. Встречался Карбышев и с польскими заключенными Давидом Шмулевским и Альфредом Фидеркевичем из Варшавы, с нашим офицером Алхимовым, танкистом Быковым и партизаном стариком Фурлетовым, причем к последнему генерал относился с особым уважением.

Когда здоровье Карбышева немного окрепло, он начал

готовиться к дальнему походу: заключенные узнали о предстоящей походным порядком эвакуации.

Чтобы приучить себя к длительному маршу, Дмитрий Михайлович много ходил пешком и установил жесткий режим дня: утром туалет, гимнастика на воздухе, завтрак и хождение по футбольному полю не менее трех раз вкруговую. После завтрака он совершал вместе с Мироновым длительную прогулку по лагерю, продолжавшуюся до обеда. Эти прогулки утомляли Миронова, и когда он просил немного посидеть и отдохнуть, Карбышев говорил ему:

— Нам нужны ноги, и мы должны приучить себя ходить много и долго.

Настроение у Карбышева было приподнятое и боевое. Однажды Филатов спросил его, чего ему не хватает, чтобы улучшить состояние здоровья, Дмитрий Михайлович улыбнулся и ответил скороговоркой: «Таньки, Таньки!»

Филатов растерялся. Подумав, что он ослышался, повторил свой вопрос, но получил тот же ответ. Поразмыслив немного, он догадался, что из слова «Таньки» нужно выбросить мягкий знак. Филатов сказал:

— При всем желании танков дать нельзя.

Дмитрий Михайлович, ответил:

— Я знаю, что от вас это не зависит, но если бы мне их дали, то показал бы фашистам, где раки зимуют!

Основываясь на скудных сводках о военных действиях, опубликованных в таком «источнике», как фашистская газета «Фолькишер беобахтер», Дмитрий Михайлович рисовал узникам картины боев в Польше, Пруссии, Германии, высказывал свои соображения об окончательном исходе ожесточенной борьбы между двумя идеологиями — коммунистической и фашистской.

В лагере Дмитрий Михайлович сблизился с польским патриотом, участником освенцимского подполья, доктором Альфредом Фидеркевичем.

В своей книге «Бзежинке — Биркенау», изданной в Варшаве в 1965 году, А. Фидеркевич пишет:

«…Я работал напротив того блока, в котором помещался Карбышев, и имел возможность часто видеть генерала, наблюдать, как к нему подходили его соотечественники, беседовали о чем-то с ним, а когда уходили, — улыбались.

Мне тоже хотелось подойти к генералу, познакомиться и поговорить с ним, но все не находил в себе смелости. Когда же я узнал, что генерал тоже несколько раз пытался подойти ко мне, но соображения конспирации удерживали его, я решил, что должен познакомиться с ним. Однажды, в один из солнечных

дней, я направился к генералу, сидевшему в это время у стены барака. Увидев меня, он довольно живо поднялся и, пожав мне руку, сказал:

— Я знаю вас, доктор, по рассказам наших людей.

Он похвалил меня и, заметив мое смущение, добавил:

— Вы хорошо относитесь к нашим, советским…

В дальнейшем мне еще несколько раз довелось встречаться и беседовать с ним, причем получалось так, что рассказывал я, а он задавал вопросы и расспрашивал.

Помню, с каким интересом и вниманием он слушал мои рассказы о политическом положении в оккупированной гитлеровцами Польше, о Польской рабочей партии и ее боевых организациях, об Армии Людовой, а также о гитлеровском терроре на моей родине. При этом генерала интересовали подробности: где сражаются поляки, какие формы приняло сотрудничество с Советским Союзом. Когда я сообщил ему, что из СССР в Польшу прилетела группа польских коммунистов и что мы имеем связь по радио с Москвой, он довольно улыбнулся и спросил:

— А есть ли в Армии Людовой советские люди?

В лагере я находился уже несколько месяцев и поэтому немного знал о событиях в Польше. Я откровенно поделился с генералом всем, что мне было известно об отрядах Армии Людовой, ушедших в леса, о диверсионных актах против гитлеровцев, о налетах на „Кафе-клуб“, немецкий ресторан, „Митропа“ и типографию продажной газетенки „Новый Варшавский курьер“. При следующей встрече я передал генералу подробности смелой операции спецгруппы, совершившей налет на Варшавский банк.

Каждую новость об участии советских товарищей в польском партизанском движении генерал принимал как подарок. Точно так же он воспринял известие о крупных советских десантах, высаженных в тылу фашистской армии на территории Люблянщины. Оказалось, что Карбышев довольно хорошо осведомлен о деятельности советских партизан в Польше. Когда я спросил, как ему удалось узнать об этом, генерал улыбнулся и сказал:

— Вот это и есть третий фронт, и так должно быть!

Он уверял меня, что победа уже близка, что Польша вскоре будет свободной и независимой.

Необычайно скромный, генерал во время раздачи пищи всегда стоял в стороне, не требовал добавки и делал выговор своим, соотечественникам, когда они приносили ему какое-либо „лакомство“ — кусочек лука или пайку хлеба:

— Хочешь помочь мне, а сам останешься голодный? Ты молодой, тебе еды нужно больше, чем мне.

Получив от жены посылку, я пытался поделиться чем-нибудь с генералом. Его очень трудно было убедить в том, что у меня хватает еды. Только, когда я сказал, что посылки, получаемые польскими коммунистами, собираются коммуной в общий „котел“ и ему выделена равная часть, как и всем остальным, он согласился.

Генерал Карбышев охотно беседовал со мной, но советовал встречаться пореже.

— Не все в лагере мыслят так, как вы. В блоке немало реакционеров, врагов Советского Союза и коммунизма, — говорил он.

Опасения его имели основание».

В начале августа 1944 года Карбышев был выписан из лазарета и направлен на поле «Д», но помещен не в блок № 8, где находилась основная масса советских военнопленных, а в блок № 7. Здесь начальником был польский партизан Юзеф Поляк из Руды Катовицкого воеводства. Он сочувственно относился к советским людям, которые называли его Юп (по начальным буквам имени и фамилии).

Юп поселил генерала в своей комнате и постарался создать ему возможные удобства. В первую очередь, считаясь с его преклонным возрастом, начальник блока решил избавить генерала от непосильных тяжелых работ, назначил уборщиком, что обеспечило ему свободное передвижение по лагерю.

Так продолжалось до осени 1944 года.

Именно тогда произошел случай, изрядно напугавший самого Юпа, — об этом он рассказал в письме автору книги:

«Однажды ночью, возвращаясь с „работы“, к нам в блок зашел лагерфюрер Шварцхубер, по обыкновению пьяный. Выслушав мой рапорт, он спросил:

— Где этот сибиряк, старый русский генерал?

Разговор между Шварцхубером и генералом был резким. Карбышев сказал, что всем советским военнопленным в лагере известно заявление Советского правительства: за каждого убитого в лагере русского военнопленного немецкому командованию придется строго отвечать.

— Не мешало бы вам, герр Шварцхубер, принять это во внимание. За убийство русских военнопленных и заключенных в Освенциме вам также придется ответить по всей строгости законов международного права.

Я и писарь блока Петрушанский даже побледнели от страха. А Шварцхубер, выразив на лице гримасу недовольства,

неожиданно спросил:

— А вы могли бы подтвердить, что я, оберштурмфюрер СС Шварцхубер, давал такие распоряжения преступного характера по отношению к советским военнопленным?

— Что вы, что вы! — проговорил я скороговоркой, желая отвести удар от Карбышева.

Содержание беседы оберштурмфюрера с Карбышевым очень живо обсуждалось заключенными лагеря. Мы ожидали репрессий, но их не последовало. Отношение к советским военнопленным несколько изменилось к лучшему».

Часто приходил к Карбышеву польский заключенный Давид Шмулевский, один из энергичных руководителей освенцимского подполья. Он был в рабочей команде кровельщиков, что давало ему возможность бывать во всех лагерях Освенцима и Биркенау, а также в четырех крематориях. Установив самодельный аппарат в ведре для краски, Шмулевский сумел заснять массовые зверства эсэсовцев, отравление заключенных в газовых камерах Биркенау и сожжение их трупов в печах крематориев на кострах. Эти снимки остались навеки потрясающими документами чудовищных жертв фашизма. Они выставлены в мемориальном музее Освенцима.

Когда Красная Армия, вступив на территорию Польши, погнала гитлеровские войска к границам Германии, в Освенциме заговорили о вооруженном восстании. Заключенные узнали о смелом рейде партизанского отряда Ковпака в Карпатах, о выброске там советского воздушного десанта. Это окрылило всех. Подпольщики решили посоветоваться с Карбышевым, возможно ли выбросить такой десант и в Освенциме.

Карбышев скептически отнесся к этому плану. Он предложил сосредоточить усилия на организации массовых побегов, чтобы установить более тесные контакты с партизанами, действующими в прилегающих к лагерю районах. По мнению Дмитрия Михайловича, была необходима тесная связь советского подполья с польским Сопротивлением как в концлагере, так и за его пределами.

Видный участник освенцимского подполья Виктор Александрович Иванов предоставил нам свои воспоминания, уточняющие обстановку в лагере в тот период:

«В начальной стадии кое-кто из нас высказывал мнение, что оттягивать выступление не следует. Надо немедленно и решительно действовать… Но рассудительный полковник Карцев, на которого была возложена обязанность руководить восстанием, сдерживал порыв товарищей. Он считал, что преждевременное выступление принесет не победу, а поражение и гибель.

Решить сложную задачу было не так просто и легко. Лагерь

охранялся примерно шестью тысячами отборных, вооруженных до зубов эсэсовских головорезов. В их распоряжении были даже пушки. Поблизости — воинские части вермахта.

А узники имели всего-навсего шесть пистолетов, несколько десятков патронов к ним да две гранаты, с большим трудом принесенные в разобранном виде в лагерь. При том необходимо учесть, что наши боевые ряды состояли из людей, истощенных голодом и изнуренных непосильным трудом.

Многие не служили в армии, никогда не держали винтовки в руках. Вот мы и взвешивали тщательно, всесторонне все „за“ и „против“, прежде чем решиться на такой ответственный шаг, как всеобщее восстание. Положение осложнилось еще тем, что в начале лета выбыли из центрального лагеря Освенцима в филиал Буны многие боевики подполья — А. Ф. Лебедев, В. С. Ситнов, П. С. Махура и погиб Федор Сгиба.

Глубоко и всесторонне обдумывалось восстание и в центре интернациональной антифашистской организации, в которую входили не только советские, но и польские патриоты: Бернард Сверчин, Юзеф Циранкевич, Шимон Зайдов, Тадеуш Холуй и Давид Шмулевский, немецкие коммунисты Эрнст Бюргер и Герман Лангбойм, австрийцы Иозеф Маснер и Гейнрих Дюрмайер, югослав Людвиг Локманис, чех Алексей Чепчик. Они имели большой опыт, пользовались авторитетом и оказывали сильное влияние на заключенных.

Интернациональный центр решил: восстание преждевременно. Взяли карбышевский курс на связь с польскими подпольными организациями и партизанами.

Между тем Красная Армия гнала фашистов на запад. Отступая, они заметались в панике. Концлагеря смерти в Польше — Майданек, Освенцим, Треблинка и другие — изобличали зверства фашистов. Нужно было замести следы кровавых преступлений. Гитлеровцы незамедлительно приняли меры: послали тысячи заключенных выкапывать трупы, дробить кости и сбрасывать в реки Солу и Вислу».

По воспоминаниям Н. Л. Белоруцкого, в конце октября 1944 года на поле «Е», где раньше находился цыганский лагерь, опустевший после уничтожения всех цыган, стали со всего лагеря выводить узников.

Карбышева и всех, кто был с ним в одном бараке, также выгнали на поле. Дмитрий Михайлович держался ближе к своим соседям — партизану Фурлетову, танкисту Быкову, Алхимову, Белоруцкому.

Заключенные, окруженные эсэсовцами и полицаями, начали волноваться, но вскоре один из немецких коммунистов передал

сведения из «шрайбенштубе» — канцелярии: ввиду стремительного наступления Красной Армии, которая сражается в Польше и приближается к Освенциму и Катовице, получен приказ Берлина срочно эвакуировать заключенных из концентрационных лагерей в глубь Германии.

Через час всех узников лагеря строем, под усиленным конвоем эсэсовцев, погнали к железнодорожной ветке на поле «Е» Биркенау и погрузили в товарные вагоны.

«Академия» убийц

Десять дней товарный поезд вез узников на север. На одиннадцатый прибыли в город Ораниенбург. С вокзала довели до лагеря со спокойной вывеской на воротах: «Шутцхефтлагерь» — лагерь по охране заключенных.

Это был Заксенхаузен — образцовая фабрика смерти, концлагерь уничтожения, находившийся в 30 километрах от Берлина. Здесь фашисты готовили кадры палачей, которых после «учебы» направляли на оккупированные территории и в другие концлагеря осуществлять «новый порядок».

Заксенхаузен был и своего рода пересыльным пунктом, вмещавшим одновременно до 70 тысяч узников. Отсюда десятки тысяч заключенных отправляли для уничтожения во Флоссенбюрг, Майданек, Освенцим, Берген-Бельзен, Маутхаузен.

Здесь все было подчинено основной цели — массовому истреблению заключенных. Не простые виселицы, а механические с блоками для подъема, жертвы… Не обыкновенная стена для расстрела, а особый расстрельный пункт с измерительным прибором и станком. Камеры для удушения людей с интенсивной концентрацией газа. Яды для отравления пищи и воды. Лаборатории для преступных медицинских экспериментов. Не только стационарные, но и передвижные крематории.

Широко практиковались телесные наказания. Наиболее распространенное — порка специальной кожаной плетью с металлическим стержнем внутри. И даже пороли на специальном станке.

Внутрилагерная тюрьма имела свою изощренную систему пыток: подвешивание на специальном столбе со связанными руками, поражение нервов длительным резким и сильным звуком.

Была тут и штрафная команда «бегунов» — она существовала для испытания новых образцов солдатской обуви. Заключенный надевал новую пару обуви, вешал себе на спину ранец с грузом в 30 килограммов и ходил или бегал по различным дорогам не менее 40 километров в день. Разумеется, почти на голодный желудок.

Со временем Заксенхаузен оказался не в состоянии вместить всех присылаемых сюда заключенных. Тогда окрестности Ораниенбурга тоже превратили в филиалы лагеря. Наиболее крупные — Хейнкель, Клинкерверк, Лагеркеллер, всего семьдесят три филиала.

Транспорт, в котором был Карбышев, из Заксенхаузена направили в Хейнкель.

А Хейнкель — это авиазавод, спрятанный в сосновом лесу.

Восемь производственных цехов из железобетона, алюминия и стекла были расположены на территории завода. Параллельно, на расстоянии в шести метрах от них, размещались склады для хранения запасных частей и деталей, столовые для заключенных лагеря и вольнонаемных рабочих. Под столовыми и складами находились спальные комнаты узников, оборудованные деревянными койками в три этажа. На каждой койке спало по два человека.

Кроме цехов «галей», на территории завода-лагеря было еще 30 бараков — их немцы называли «блоками». Один из них занимала лагерная канцелярия.

Завод выпускал тяжелые бомбардировщики «хейнкель». Условия работы были крайне тяжелыми, особенно в горячих и клепальных цехах.

Карбышев в Заксенхаузене нашел давно и энергично действовавшее антифашистское подполье. В него входили рабочие и военнопленные двадцати национальностей.

Руководящее ядро — отважные немецкие коммунисты, соратники Эрнста Тельмана: Георг Шуман, Матиас Тезен, Эрнст Шнеллер, Франц Якоб, Эрих Больц, советские генералы А. С. Зотов и С. А. Ткаченко, инженер Лев Подгурский, врач Григорий Фетисов, офицеры Константин Горбунов, Александр Родин, Борис Дорохов, Николай Назаров, французы Дье, Пантелеи, Ботье, чешский коммунист Антонин Запотоцкий.

Многие подпольщики становились жертвами гестапо и эсэсовцев. Но на их место вставали новые патриоты, самоотверженные борцы с фашизмом.

Наиболее крупная группа сопротивления создалась в филиале лагеря в Хейнкеле. Завод не мог обойтись без вольнонаемных немецких рабочих. Русские, польские, чешские, словацкие парни, угнанные в Германию, тоже формально не находились в заключении. Лагерный режим в Хейнкеле был несколько слабее, чем в других филиалах. Кроме того, здесь не было каменной стены, а только ограда из колючей проволоки.

Все акты саботажа и вредительства на заводе тщательно подготавливали и скрывали. Рабочие портили все, начиная от заклепок, винтов, гаек и кончая сверлами, резцами и другим инструментом. Стремясь нанести ощутимый ущерб производству, заключенные почти во всех цехах изготовляли из дефицитных материалов игрушки, портсигары, зажигалки, предметы домашнего обихода. Выводили из строя и уничтожали сложные и ценные приборы — гирокомпасы, автопилоты, высотомеры, кабельную сеть.

С весны 1943 года начались воздушные налеты союзной авиации на Германию. Все чаще завывали сирены, все больше времени проводили рабочие в подземных спальнях, куда их загоняли при дневных налетах.

19 апреля 1944 года после очередной воздушной тревоги рабочие не смогли вернуться из убежищ в цеха к станкам. Многие цеха превратились в развалины. На год было приостановлено производство самолетов.

Воспользовавшись бомбардировкой завода, Подгурский, Гайдуков, Дье, Пантелеи и Вотье перебили все автопилоты, хранившиеся в контрольной мастерской, разлили бидоны с дефицитным маслом.

Д. М. Карбышев в Хейнкеле близко сошелся с одним из руководителей подпольной организации А. М. Дитятковским, которого привезли на завод из главного лагеря в начале октября. Это был человек лет сорока, общительный, невысокого роста, подвижный, рано поседевший, с серыми умными глазами. В лагере его называли Анисимовым, Гришиным или просто Батей. Он быстро завязал конспиративные связи с очень многими заключенными в лагере и на заводе и с вольнонаемными рабочими — немецкими коммунистами. Советские люди к нему особенно тянулись — он всегда знал самые последние новости о военных событиях на фронтах и о том, что происходит в Советском Союзе, так как получал их от немецкого коммуниста, который имел тайный радиоприемник в лагере.

Дитятковский посвящал Карбышева в намечаемые группой планы борьбы. При содействии немецких коммунистов, работавших в канцелярии, Дитятковского часто под видом больного устраивали в ревир, где он и беседовал с Карбышевым, снабжал его сводками Совинформбюро, делился с генералом продуктами, которые получал «с воли».

При очередной «селекции» его определили в маршевую колонну смерти и отправили в Любек для потопления. Но по дороге, в районе Макленбурга, советские войска освободили узников. После победы над фашистами Анисим Михайлович Дитятковский работал ветеринарным врачом в Кривом Роге до конца своей жизни.

Присланные автору этой книги Институтом марксизма-ленинизма ГДР архивные материалы, а также воспоминания узников Заксенхаузена А. С. Зотова, В. Я. Шамина, И. С. Потапова, В. С. Ионова и Л. И. Никольского прояснили дальнейший ход событий.

Неудачное покушение на Гитлера в Берлине вызвало

дополнительные репрессии гестапо и эсэсовцев во всех лагерях, в том числе в Заксенхаузене. Засланные в бараки агенты жаждали напасть на след подполья. По доносу провокатора они обнаружили в подвале главного лагеря радиоприемник. Последовали массовые аресты. Сам Гиммлер направил в Заксенхаузен специальную комиссию для строжайшего расследования. Но ни истязания, ни пытки на допросах не заставили заключенных в чем-либо сознаться или кого-либо выдать.

Все же 11 октября наступила трагическая развязка. 27 заключенных, среди которых 23 немца (в их числе вожаки лагерного подполья Эрнст Шнеллер, Эрих Больц), а также венгр Матиас Тезен, два француза и один чех были схвачены гестапо и расстреляны. Остальных 103 узника отправили в лагерь смерти Маутхаузен. Такая же участь ждала многих других иностранных и советских узников. Чтобы ее избежать, они решили при подходе Красной Армии к Берлину поднять восстание. В разработке плана восстания участвовали генералы Зотов и Ткаченко, руководители подпольных групп. Начать должна была рабочая команда «шпер» — она ремонтировала трофейное оружие, которое предполагалось захватить и частично вооружиться самим. Затем по сигналу команды должны были напасть на охрану лагеря, захватить ее оружие и действовать дальше по указанию штаба.

Казалось, все предусмотрено. Назначены военные руководители, определены задачи каждого члена боевой группы. Однако осуществить восстание не удалось. Налет союзной авиации на Заксенхаузен уничтожил склад оружия, где работала команда «шпер».

2 февраля 1945 года гестапо внезапно, среди ночи, стало будить людей, вызвало по списку 178 подпольщиков. Их построили и повели на казнь. По дороге в крематорий они бросились на палачей. Фашисты дорого заплатили за жизнь советских патриотов. До утра раздавались выстрелы, крики. В этой схватке погибли генерал С. А. Ткаченко, майор Иосиф Козловский, врач Борис Токарчук, старший лейтенант Борис Дорохов, Николай Назаров и еще многие советские люди.

Через день из концлагеря началась массовая отправка подозреваемых в подготовке восстания. Среди них был и генерал Карбышев.

Канадский офицер Седон де Сент-Клер — один из немногих свидетелей гибели Дмитрия Михайловича — находился вместе с ним в Хейнкеле. Он выполнил священный долг воина и рассказал представителю Советской миссии по делам репатриации в Лондоне Сорокопуду об огромном влиянии Карбышева на

заключенных — этот факт приведен в очерке Г. Новогрудского «Герой Советского Союза Д. М. Карбышев».

«Все, кто находился в лагере, годились Карбышеву по меньшей мере в сыновья, но не мы его, а он нас поддерживал своей верой в победу над фашизмом, своей преданностью Родине и верностью воинскому долгу. О Красной Армии, о советском народе, о Коммунистической партии он говорил с такой любовью и такой глубокой убежденностью в том, что советские люди освободят Европу от фашистских сил, что ему нельзя было не верить. И он оказался прав.

Патриотизм генерала Карбышева не был пассивным. Он сумел не только умереть мужественно, но и жить мужественно, что было много труднее в том положении, в котором мы находились. Старый человек, он вол среди пленных такую большую агитационную работу, с которой вряд ли могли бы справиться десять молодых. Но фашистские, а карбышевские сводки о положении на фронтах ходили у нас по рукам. На все военные события мы смотрели глазами нашего генерала, а это были очень хорошие, очень верные глаза. Они помогали нам заглядывать в будущее, правильно разбираться в событиях и, что очень важно для меня и для многих людей, похожих на меня, помогали понять вашу великую страну и ее великолепный народ.

— Вот это человек! — говорили мы между собой о Карбышеве. — Советский Союз может гордиться такими гражданами, тем более, что, судя по всему, в этой удивительной стране Карбышевых много…».

Когда линия фронта приблизилась к Берлину, фашисты приступили к уничтожению заключенных Заксенхаузена и его филиалов. Специальная команда эсэсовцев во главе с гауптштурмфюрером СС Молем в короткий срок казнила около 5 тысяч человек.

Перед эвакуацией остальных заключенных немцы провели особый отбор с «экзаменом» на выносливость в ходьбе. Тех, кто плохо ходил, слабых и больных, стариков, инвалидов, детей эсэсовцы отправляли специальным транспортом для уничтожения в Маутхаузен. Остальные 50 тысяч человек по приказу Гиммлера должны были быть погружены на баржи в каналах реки Шпрее и там 16 апреля 1945 года потоплены.

Но фашисты не смогли выполнить этот чудовищный замысел. Не хватало барж, да и сосредоточить их в одном пункте оказалось невозможным. Тогда эсэсовцы приняли другое решение: оставшихся заключенных отправили пешком в порт Любек, намереваясь погрузить их там на суда и потопить в открытом море. Но и этому помешало быстрое продвижение советских

войск к Берлину. Советские танкисты в районе Гривица (Мекленбурга) успели освободить большую колонну узников Заксенхаузена, следовавшую «маршем смерти» по дорогам Бранденбурга и Мекленбурга к Балтийскому морю.

Карбышев, несмотря на испытанные за три с лишним года лишения в фашистских тюрьмах и концлагерях, перед отправкой в Маутхаузен чувствовал себя сравнительно неплохо. Сил и здоровья Дмитрию Михайловичу, безусловно, хватило бы до освобождения, как бы ни ухудшались условия его жизни. Но во время частых переброс из лагеря в лагерь — в мороз и вьюгу, на открытых платформах и в товарных вагонах — он обморозил себе ноги и поэтому ходил плохо.

В начале февраля партию заключенных пригнали из Хейнкеля в главный лагерь и втолкнули в барак № 36 — изолятор для русских. Лечь никто не мог. На каждом месте трехъярусных нар сидело по два-три человека. В течение дня в барак все приводили новых людей. Вечером, после поверки, привели еще несколько пожилых заключенных и среди них двух стариков. Оставшись без места, они присели на нижнем ярусе нар, которые уже были заняты тремя молодыми узниками. Старики все время о чем-то оживленно разговаривали по-французски, причем один из них называл другого «мсье женераль». Неожиданно «мсье женераль» обратился к своим соседям по нарам на чистом русском языке и спросил:

— Ребята, не найдется ли у вас чем разрезать хлеб?

У одного парня оказалась ложка с остро заточенным концом. Он дал ее старику.

А через несколько минут беседа уже была общей. Старик расспрашивал своих соседей, кто они, откуда и долго ли находятся в Заксенхаузене.

Ребята оказались украинцами: Роман Червинский из Львова, Дмитрий Павленко из Винницы, а Иван Друль — колхозник из Дрогобычской области.

— А вы кто такой, дидусю? — робко спросил Роман.

— Советский генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев, — произнес старик неожиданно твердым, помолодевшим голосом.

Вот когда начался по-настоящему нескончаемый разговор. Парни сразу же потеснились, устроили возле себя генерала. И пошли расспросы…

Узники, попавшие в Заксенхаузен всего несколько дней тому назад из какого-то лагеря под Познанью, уверяли, что слышали артиллерийскую канонаду, когда их эшелон стоял на станции Франкфурт-на-Одере. Дмитрий Михайлович подтвердил: вполне

возможно, так как сейчас советские войска находятся не дальше чем в 150 километрах от Берлина.

— Они еще нас нагонят! Вот увидите, хлопцы! — убежденно сказал генерал.

В лагере пробили отбой. Разговор оборвался на полуслове.

Уснули так, как сидели — согнувшись, обхватив колени или примостившись впритык к соседу.

Последний шаг в бессмертие

В Заксенхаузене 13 февраля шел снег.

Сразу же после поверки всем заключенным выдали по полулитровому черпаку похлебки и дорожный паек: 400 граммов хлеба и 30 граммов свекольного мармелада. После раздачи пайка узников загнали в отдельную загородку из колючей проволоки.

Когда стало светло, их построили в колонну и погнали на станцию Ораниенбург. Тут был сформирован эшелон из товарных двухосных вагонов для перевозки скота.

На станции узников снова пересчитали, разбили на группы по 110 человек, подвели к вагонам и приступили к погрузке. В каждом вагоне напротив дверей стоял конвой: три эсэсовца, вооруженные автоматами и толстыми дубинками.

Карбышев вместе с Романом Червинским, Дмитрием Павленко, Иваном Друлем и старым французом попали в один вагон.

На двери его мелом был обозначен № 13.

Теснота, духота, холод. Ехали, прижавшись плотно друг к другу, сидя. О том, чтобы лечь, и речи не могло быть. Если кто-нибудь хотел повернуться, он вынужден был тревожить окружающих. Но двигаться никому не хотелось: боялись терять силы, лишиться соседского тепла. Ни у кого не было теплой одежды.

Паек, выданный перед отправкой, давно съели. Но страдали не столько от голода, сколько от жажды. Лучше было тем, кто сидел у стен вагона: они могли слизывать изморозь, которая оседала на внутренних стенках.

Под вечер становилось еще холодней. В полумраке тускло мерцал единственный фонарь. Трое конвойных эсэсовцев, закутанных в длинные шубы, часто отодвигали дверь вагона, и тогда колючий холод, врываясь с ветром, пронизывал людей насквозь.

В первую ночь в вагоне умер больной бельгиец. На следующий день умерло еще двое — старый француз и шестнадцатилетний поляк.

Трупы сложили у стенки вагона.

Днем становилось теплее, но все более усиливался голод. У Ивана Друля был еще хлеб, который ему дали в Заксенхаузене друзья, работавшие на кухне, а у Дмитрия Михайловича оставалось несколько сухарей. Они поделили хлеб, сухари и съели. Дмитрий Михайлович ел очень мало — видно было, что он серьезно болен. На его ногах открылись старые раны. В ревире

Хейнкеля их подлечили немного, а от холода они снова открылись. Он упорно растирал ноги, чтобы согреться, и, несмотря на сильные боли, держался стойко, подбадривая спутников.

— Не страшно, что нас везут. Увидим еще один лагерь, новых людей. Ведь все равно через несколько недель советские войска займут Берлин. Война идет уже на немецкой земле, и в Германии не осталось такого места, которое через какой-нибудь десяток дней не займут наши или союзные войска. Главное, ребята, не унывайте, — говорил Карбышев.

Ночью эшелон подолгу стоял на запасных путях каких-то станций. На рассвете 16 февраля, когда поезд тронулся, сквозь приоткрытую дверь узники увидели, что они проезжают через большой город. На стенах домов удалось прочесть написанные большими буквами рекламы и объявления. Это был австрийский город Линц, и всем стало понятно, что их везут на восток. Дмитрий Михайлович, как и все заключенные, тоже стал более оживленным.

— Линц — второй по, величине город Австрии, — сказал он. — Это хорошо, что нас везут на восток: отсюда до Чехословакии рукой подать. Ребята, крепитесь!

Примерно через час поезд миновал станцию и остановился. На здании вокзала надпись: «Маутхаузен».

Эсэсовцы вышли из вагона и заперли снаружи дверь.

— Вот она, конечная цель нашего пути — Маутхаузен! Да, слышал о нем. Наверное, трудно будет, но ничего. Главное — верить в свои силы, — сказал Карбышев. Двери отодвинули, началась выгрузка. Из вагонов вынесли трупы умерших, сложили на платформе. Живые построились в колонну.

Но некоторые уже не могли встать. Они едва выползали из вагона и опускались возле него. Ни угрозы, ни плеть, ни пинки фашистского сапога уже не могли поднять на ноги полуживых людей. Судьба их была решена.

В колонне эсэсовцы еще раз пересчитали заключенных и приказали бежать по направлению к лагерю. Через каждые 10 метров по обочинам тротуаров стояли патрули с автоматами, на каждому углу — охранники с пулеметами и собаками. Обессиленные узники бежать не могли и едва шли, но все равно отстающих было много. Их сначала били дубинками, прикладами автоматов, натравливали на них собак, потом обессилевших стали расстреливать на месте.

Заснеженная, скользкая дорога все время круто поднималась вверх и только за городом уползла в небольшой лесок. Каждый шаг — усилие, боль. Мешали деревянные колодки на ногах. Люди

спотыкались, падали. Многие шли босиком по снегу.

Дмитрий Михайлович совершенно выбился из сил и начал отставать. Споткнувшись о булыжник, он упал, но Митя и Иван быстро помогли ему встать, взяли под руки и довели до вершины холма. Наконец показался концлагерь. Мрачные гранитные стены, сторожевые башни…

Колонна пленников подошла к ограждению из колючей проволоки, миновала шлагбаум со сторожевыми вышками. За шлагбаумом дорога свернула влево. Еще один подъем. По левую сторону дороги — несколько бараков, огороженных колючей проволокой. Пройдя мимо, узники свернули вправо и подошли к высокой каменной стене с протянутыми над ней несколькими рядами колючей проволоки.

Большие, деревянные, окованные железом ворота. Над воротами массивный, отлитый из бронзы громадный человеческий череп, под ним, на крыльях хищного орла свастика. Ниже тоже литые латинские буквы «К. М.». Расшифровать легко и просто: «Концентрационный лагерь Маутхаузен».

У ворот всех узников опять пересчитали, затем провели на большую асфальтированную площадь — аппельплац. С одной стороны стояли несколько бараков, а с другой — баня-прачечная, кухня и закопченный, мрачный крематорий. Над ним дымила труба.

Невдалеке от ворот в стене каменной ограды были вмонтированы несколько цепей, которые сдавливали двух заключенных. Один из них еще стоял на ногах, а второй уже беспомощно висел на цепи, намертво стиснутый железным удавом.

А на аппельплаце по нескольку раз пересчитывали людей. Эсэсовцы запутались в расчетах — сколько умерло в пути, сколько пришлось пристрелить, скольким удалось сбежать, сколько довезли. Считали так, будто дорожили каждым человеком, как бесценным сокровищем. В конце концов выяснилось: из 2000 узников Заксенхаузена в Маутхаузен дошло менее половины.

16 февраля 1945 года, в полдень, Дмитрий Михайлович Карбышев прошел в ворота очередного лагеря и стал узником Маутхаузена.

В тот полдень над лагерем низко нависли тучи. На горах лежал глубокий снег. Карбышев окинул взглядом всю обширную территорию: ни одного деревца, ни кустика. Южная сторона у ворот обнесена массивной десятиметровой стеной с бойницами для пушек и пулеметов. У северной стороны такая же каменная

стена, но пониже и с четырьмя рядами колючей проволоки.

За несколько лет жуткого плена Карбышев не раз слышал об этом лагере, раскинутом на плоской вершине высокого каменистого холма. Собственно, тут было несколько лагерей — один в другом, другой в третьем. И каждый разбит на самостоятельные части, которые тоже тщательно изолированы одна от другой оградами из колючей проволоки.

В каждой части по нескольку блоков. И они разобщены. Внутри блок тоже разделен на две половины — левую и правую. Обе половины назывались комнатами, хотя ничем не напоминали домашнее жилье. Это были мрачные острожные казематы: два ряда трехэтажных нар, между ними своего рода запретная зона — заключенному полагалось побыстрее пройти по этому месту к нарам, чтобы лечь на тощий сенник или голые доски.

История Маутхаузена так же мрачна, как и его внешний облик. Первые узники появились в нем сразу же после объявленного гитлеровцами «аншлюса» — присоединения Австрии к фашистской Германии.

Австрийские коммунисты и социалисты, участники вооруженного сопротивления фашистам в Австрии в феврале 1934 года и испанские республиканцы 1936 года — вот первые жертвы Маутхаузена.

Так он и остался лагерем для особо нежелательных политических преступников. Ему присвоили категорию № 3 — самую высокую. Лагерь такой категории не должен никого выпускать живым. Умерщвляли людей по тщательно продуманной системе.

Главный комендант лагеря штандартенфюрер СС Франц Цирайс подчинялся непосредственно Гиммлеру, начальнику службы безопасности Кальтенбруннеру и обергруппенфюреру Полю. Лагерем интересовался сам Гитлер, отдавая через свою канцелярию приказы на массовые убийства антифашистов.

Охраняли Маутхаузен эсэсовские отряды «Мертвая голова» и СД — изощренные палачи, обученные в специальных школах. Им был придан гарнизон в несколько тысяч солдат, носивших форму эсэсовцев.

Но даже в этом кромешном мраке от всех других отличался изощренностью, разнузданностью зверств блок № 20 — внутренняя тюрьма Маутхаузена.

В ней оказался сбитый в бою и захваченный в плен командир эскадрильи штурмовой авиации И. В. Битюков. Он сравнивает двадцатый блок, закупоренный в гранитную ограду, с огромным склепом. Это было страшилище даже для тех, кто прошел все предыдущие ступени фашистского ада. В конце войны в

двадцатый попадали почти исключительно советские офицеры, собранные из прифронтовых тюрем и лагерей. Кормили их нерегулярно по уменьшенному пайку и нередко заставляли голодать по два-три дня.

«Узник блока смерти, — рассказывает Битюков, — походил на скелет, обтянутый высохшей, как пергамент, кожей. Тело его пестрело синяками, ссадинами, ранами и нарывами от частых побоев, пыток, чесотки и других болезней. Распорядок его дня не менялся: с семи утра до восьми вечера он стоял на дворе в жалких лохмотьях, без головного убора, босыми ногами на снегу, получая побои от блокового, штубендистов, эсэсовцев.

Тех, кто не выдерживал, валился с ног, заставляли лежать в рваной одежде на снегу по 2–3 часа, затем купали в холодной воде и тут же снова выгоняли нагими на мороз.

Во дворе блока проходила канализация со смотровым колодцем. Провинившихся бросали в него и закрывали люк тяжелой бетонной крышкой…».

За две недели до того, как Дмитрий Михайлович оказался в Маутхаузене, произошло невероятное событие: массовый побег из этого «мрачного склепа».

К середине января 1945 года в блоке № 20 находилось 870 смертников: советские офицеры, командиры и комиссары партизанских отрядов, диверсанты, пленные, отказавшиеся работать на немецких заводах…

И они решили не ждать своей участи, а бежать.

Организаторы побега — Герой Советского Союза подполковник Николай Иванович Власов, участник многих воздушных боев под Сталинградом, подполковник. Александр Филиппович Исупов, командир авиационной дивизии полковник Кирилл Чубченков — объявили свое решение остальным.

Трудно утверждать, что было причиной провала — неосторожность самих узников или донос предателя, — но о готовящемся побеге стало известно коменданту Маутхаузена.

Фашистские палачи учинили жестокую расправу. На трое суток — с 23 по 26 января — весь блок лишили питания. Погибли голодной смертью и были расстреляны 358 человек, 48 офицеров повесили, шестерых живыми сожгли в крематории. Среди сожженных был и Николай Иванович Власов.

Погибли также капитан Геннадий Мордовцев, лейтенант Павел Богдан, младшие лейтенанты Николай Фурсов и Иван Писарев, полковник Кирилл Чубченков и многие другие.

Чудом выжили некоторые организаторы побега, в частности, подполковник А. Ф. Исупов, капитан И. В. Битюков, партизанский командир Виктор Уфимцев.

Но террор не остановил подготовку к массовому побегу. Узники выжидали лишь подходящего момента.

Утром 3 февраля блоковой зачитал приказ коменданта об очередной казни 20 советских полковников. Остальные офицеры должны умереть в последующие дни любой смертью, чтобы к 12 февраля никого из них не осталось в живых. Начиная с 3 февраля никакую еду выдавать не будут. Если кто-нибудь из узников до 12 февраля не умрет, его сожгут живым в крематории или задушат газами.

В ночь с 3 на 4 февраля палачи пришли отобрать 20 военнопленных для казни.

Узники оказали яростное сопротивление. Восстание началось.

Были убиты штубендисты — исполнители предстоящей казни.

Остальных фашистов связали. Палача-изувера — блокового — раздели и повесили на крюк в барачной камере, где он раньше вешал и убивал других.

Все узники блока смерти заранее разделились на несколько групп. Из них выделили три штурмовых отряда — по числу сторожевых вышек.

Захватив с собой одеяла, штурмовые отряды бросились в бой. Они забросали камнями, кусками угля, засыпали песком и облили из огнетушителей дежуривших на вышках часовых и завладели их автоматами и пулеметами.

Другая часть восставших набрасывала мокрые одеяла на колючую проволоку, вызывая короткое замыкание в сети высокого напряжения. Так было прорвано заграждение, сорваны кронштейны, повалены столбы с фонарями.

Многим, очень многим узникам пришлось в ту ночь пожертвовать жизнью. Трупы павших в неравном бою лежали везде. Часть восставших погибла на проволоке — так и остались на ней почерневшие, обугленные тела.

Но, несмотря на ураганный огонь из автоматов и пулеметов всполошившихся эсэсовцев, несколько сот узников перелезли через стены и колючую проволоку и бежали из лагеря.

В погоню за беглецами немедленно выслали конницу из гарнизона Линца и отряд эсэсовцев на мотоциклах. Были мобилизованы также фольксштурмисты и отряды гитлерюгенда.

Всю ночь не стихала стрельба из автоматов и пулеметов. Утром следующего дня вылетел немецкий самолет и по следам, оставшимся на снегу, установил, в каком направлении скрылись беглецы. Босые, полураздетые — они были пойманы и зверски

убиты там, где их настигли фашисты.

Оставшихся в блоке больных, не принимавших участия в побеге, фашисты зверски убили и сожгли в крематории.

Жители окрестных с Маутхаузеном селений видели, как эсэсовцы издевались над жертвами, глумились над их трупами. Многих узников повесили на деревьях в лесу. Беглецов гнали по дороге совсем голыми, везли на крестьянских подводах закованными в кандалы, привязывали веревками к автомашинам и волокли живыми по шоссе.

Только отдельным участникам восстания удалось уйти от преследования фашистов.

Люди, ненавидевшие фашизм, пренебрегли опасностью, спрятали, накормили, одели, помогли отважным беглецам.

Так спаслись Иван Битюков, Виктор Украинцев, Иван Бакланов, Владимир Соседко, Владимир Шепетя, Александр Михеенков, Иван Сердюк.

Восстание в двадцатом блоке привело в смятение всю комендатуру Маутхаузена.

Не знал Дмитрий Михайлович, что его дорога в плену вновь сойдется с последней дорогой Петра Филипповича Сухаревича в страшном фашистском застенке — Маутхаузене. Советского полковника доставили сюда «за разложение рабочей команды № 10 113» и за антифашистскую пропаганду среди немецких портовых рабочих Регенсбурга.

Неистовый воин, коммунист, военный комиссар был непреклонен. Понимая, какое влияние он имеет среди военнопленных, лагерные эсэсовцы, чувствуя свое бессилие, невозможность заставить его прекратить агитацию, доложили о П. Ф. Сухаревиче рейхсфюреру СС Гиммлеру. Рейхсфюрер приказал повесить большевистского комиссара. Но командование лагеря уже боялось открытой казни — была осень 1944 года. Красная Армия победоносно наступала. Неумолимо приближалось возмездие за все кровавые преступления, поэтому палачи совершили свое злодеяние в строгой тайне, ночью и не на площади, а в камере-одиночке, так, чтобы никто об этом не узнал.

По просьбе автора этой книги Генеральный секретарь Международного комитета бывших заключенных лагеря Маутхаузен Генрих Дюрмайер через Интернациональный Комитет Красного Креста в Арлозеце предпринял розыск в архивах. В «Тотенбухе», т. е. «Книге смерти», этого концлагеря обнаружена такая запись:

«Советский полковник Петр Сухаревич, рождения 10 января 1900 года, уроженец дер. Прудня по приказу рейхсфюрера СС

Гиммлера повешен 25 сентября 1944 года. Приговор приведен в исполнение в тюремной камере Маутхаузена».

Незримо, тайно и вместе с тем ощутимо и грозно нарастало сопротивление обреченных людей.

В те дни и прибыл еще один транспорт из Заксенхаузена.

Комендант лагеря просматривал поданные ему списки. Карбышев, отнесенный к категории «нежелательных», не подлежал регистрации и не был взят на учет в так называемом «политическом отделе» комендатуры. Но комендатуру заранее оповестили, кто этот советский генерал. Против его фамилии стояла пометка о категории, и этого было вполне достаточно.

Палач решил, не мешкая, расправиться с опасным для Германии человеком. Собственно, он был только услужливым исполнителем секретного приказа Гиммлера под кодовым названием «Виргилия», который предусматривал уничтожение политических заключенных, если возникнет тревожное для гитлеровского рейха положение.

Разгром гитлеровских войск в Восточной Пруссии и успешное наступление Красной Армии на Берлин, Венгрию и Австрию создали такое тревожное положение и навеяли панический страх на фашистов. К тому же в Маутхаузене недоставало помещений, продуктов питания и одежды для заключенных.

Казнь генерала Карбышева, видного советского ученого с мировым именем, с соблюдением всех формальностей, предусмотренных для его «категории», заняла бы слишком много времени.

А комендант лихорадочно торопился. И боялся официальной казни. Это стало опасным. В одиночку каждый узник бессилен и беспомощен. Объединенные вместе тысячи доведенных до отчаяния людей могут взбунтоваться и расправиться со всеми, кто стережет лагерь и распоряжается в нем.

Комендант и его помощник со списками в руках, сопровождаемые эсэсовцами, обошли ряды, проверяя номера, нашитые на полосатых куртках узников. Потом приказали больным выйти из строя. Из всей партии вышло несколько десятков стариков и калек.

— Мало! Больные стесняются признаться, помогите им, — приказал комендант эсэсовцам.

Фашисты принялись выталкивать людей из строя в группу больных.

Комендант прошел по рядам, задержался возле ссутулившегося старика — это был Карбышев, — посмотрел на него зло, но ничего не сказал и пошел дальше.

Поверка окончилась. За ней последовала команда раздеться всем догола.

Мороз достигал 12 градусов, пробирал до костей, обжигал изможденные тела.

Наступили сумерки. С Альп подул резкий холодный ветер. Мороз усиливался. От истощения и холода люди падали, умирали. Группа обреченных узников редела.

Поздно вечером оставшихся в живых перегнали на площадку между баней-прачечной и каменной «стеной плача», которая находилась слева, возле одной из центральных башен у ворот лагеря.

Надвигалась ночь. Дмитрий Павленко еще в сумерках заметил Дмитрия Михайловича. Согнувшись, он растирал свои больные ноги. Павленко окликнул его. Дмитрий Михайлович, увидев попутчика по вагону, обрадовался. Его небольшая, худая фигура выпрямилась. Он помахал ему рукой и крикнул слабым голосом:

— Держитесь, товарищи, победа будет за нами!

Около 11 часов ночи всех повели в баню.

На миг мелькнула искра надежды…

У входа в душевую помощник коменданта Бахмейер достал из кобуры револьвер и, показав его одному из заключенных, предложил ему застрелиться. Когда тот отказался это сделать, он убил его выстрелом в голову.

Заключенных вогнали в баню и пустили из душа сначала холодную, а затем горячую воду, предварительно закрыв трапы для стока. Вода в подвале душевой поднялась выше пола примерно на пятьдесят сантиметров. Люди падали, захлебывались в воде, тонули. Кое-кто пытался взобраться на площадку, имевшуюся в душевой, но ее заблаговременно заняли эсэсовцы и сталкивали узников в воду.

Прошло полчаса. Открыли дверь. Живые ринулись во двор. С них стекала вода, которая тут же замерзала на телах. Измученные, посиневшие жертвы дико приплясывали. Не давая людям опомниться, эсэсовцы погнали их к сторожевой вышке.

Когда в лагере пробили отбой, на аппельплаце появилась компания пьяных эсэсовцев во главе со страшилищем всего лагеря Шпатсом. Через несколько минут, вооруженные длинными резиновыми шлангами, привинченными к пожарным кранам, они стали обливать заключенных ледяной водой.

Крики, стоны, предсмертная агония. Люди постепенно обрастали ледяной коркой, голоса их стихали, обрывались…

Все, что нами рассказано о Маутхаузене, подтвердил участник французского Сопротивления Эмиль Валле. Его письмо,

присланное нам из Парижа, начинается словами:

«Я это видел, пережил. Я был среди узников Маутхаузена, одним из них…».

Письмо кажется сухим, изобилует цифрами. Но каждая цифра ранит сердце, вызывает лютую ненависть к гитлеровским изуверам.

«…В январе и феврале 1945 года союзники преследовали последние части эсэсовцев. На фронтах быстро продвигались советские воины-освободители, те, кто только и мог распахнуть ворота лагеря, где мы столько страдали.

Фашисты, отступая, с садистским бешенством разрушали, убивали, умножали количество своих преступлений.

…Все лагеря вблизи фронта были эвакуированы.

Длинные колонны истощенных от голода заключенных потянулись по дорогам. Шли, невзирая на погоду, — в снег, мороз, без еды, по четыре-пять и больше суток подряд.

Иногда нас подвозили поезда, составленные из побитых товарных вагонов без крыш или открытых платформ. Горе той голове, которая поднимется над другими: ее сейчас же пробьет пуля эсэсовца, он, развлекаясь, щелкнет затвором автомата и пошлет пулю в живую цель, как в тире.

Во время эвакуации лагерей Освенцима и Верхней Силезии многие узники были убиты в дороге…

В начале февраля 1945 года в двенадцатиградусный мороз нас отправили из Заксенхаузена, и 16 февраля мы прибыли в Маутхаузен. По назначению прибыло меньше половины. Но администрация лагеря нашла, что и это слишком много. Она решила уничтожить еще до 500 человек, среди них оказался и генерал Дмитрий Карбышев.

После долгих и жестоких издевательств всех отобранных узников заставили раздеться, унесли одежду и оставили голыми во дворе до шести часов вечера.

В этот час проверили, кто еще держится на ногах, не свалился. И опять оставили в том же положении на морозе.

К ночи температура воздуха резко понизилась, ветер залютовал. А люди стояли голыми. Среди обреченных было много детей. Своими согнутыми от холода телами взрослые прикрывали детей, прижимались друг к другу, чтобы леденящий мороз уносил меньше жертв.

Лагерные палачи, однако, считали, что узники умирают недостаточно быстро. Эсэсовцы стали загонять их в душевую. Через полчаса заключенных снова выгнали во двор.

Я видел, как мокрые люди из душевой шли по снегу, подставляя изможденные тела ледяному ветру. Видел, как их

загоняли обратно в душевую и оттуда снова — на мороз.

Так повторялось трижды. Десятки узников уже лежали, скошенные смертью.

Оставшихся в живых заставили плясать. Их расставили друг против друга и приказывали бежать — одних к ограде лагеря, других — наперерез — к прачечной. Они бежали, сталкивались, падали и не поднимались. Если кто на земле шевелился, пытался встать, того добивали дубинками или топорами.

Из 450 узников погибли все, за исключением французского офицера Дедиона, которому просто каким-то чудом удалось спастись в этой дьявольской бойне. Ему удалось лечь пластом среди мертвых, и фашисты не стали добивать его топором. Выбрав удачный момент он присоединился к группе узников, шедших в каменоломню. Все же полученный им еще раньше удар эсэсовской палки оставил глубокий шрам, который он носит до сих пор…

Мы не забудем никогда этих черных дней февраля 1945 года и просим вас, честные люди всей Земли: никогда этого не забывайте!

Эмиль Валле.

Лагерный № 60 652».

Руководитель антифашистского подполья советских узников Маутхаузена Валентин Иванович Сахаров оказался также очевидцем гибели Д. М. Карбышева.

«…Место, где в течение двух суток пытали генерала Карбышева, было оцеплено отрядом эсэсовцев и пожарно-полицейской командой. У пулеметов над воротами даже днем дежурила охрана. Заключенным запрещалось выходить на аппельплац…

Ночью, после горячего душа, генерала Карбышева вывели во двор. Стоял двенадцатиградусный мороз. Из брандспойтов ударили перекрещивающиеся ледяные струи. Карбышев медленно покрывался льдом.

— Бодрей, товарищи, думайте, о своей Родине, и мужество не покинет вас, — сказал он перед смертью, обращаясь к узникам Маутхаузена.

Последние слова героя-генерала передавались из уст в уста. Мы поклялись тогда отомстить эсэсовским палачам за гибель славного советского патриота. Мы еще раз поклялись отдать дорого свою жизнь и, если потребуется, умереть солдатской смертью, не позволив утопить себя в водах Дуная или отравить в душегубках».

Дмитрий Михайлович Карбышев погиб. Но в Маутхаузене еще

оставались узники. Остались те, кого не успели замучить, сжечь, заморозить. Те, кто выжил, дождался победы и вырвался из лагеря смерти на волю.

Смоленский бульвар, 15

Таким был московский адрес Д. М. Карбышева.

Здесь, в доме № 15 на Смоленском бульваре, Дмитрий Михайлович прожил с семьей 18 лет — до последней мирной весны 1941 года. Отсюда он уехал в последнюю свою командировку — в Белоруссию, на западную границу.

Читатели знают о том, что в 1923 году после назначения Дмитрия Михайловича в инженерный комитет ГВИУ РККА семья Карбышевых переехала из Харькова в Москву. К тому времени у них уже росла дочь Елена.

В Москве генералу предоставили служебную квартиру: три небольшие комнаты, в которых, по выражению самого Дмитрия Михайловича, они наконец обрели «оседлое бытие».

Здесь 1 декабря 1926 года родилась вторая дочь Татьяна, а 18 февраля 1929 — сын Алексей.

Квартира Карбышевых состояла из рабочего кабинета Дмитрия Михайловича, столовой, спальни и кухни. Необычайная простота обстановки — хозяева, не питали страсти к пышной мебели, коврам.

Скромен был и кабинет Дмитрия Михайловича, в котором он в течение многих лет готовился к занятиям, писал свои научные статьи и книги. До сих пор бережно хранится большой книжный шкаф с одной застекленной створкой, принадлежавший Дмитрию Михайловичу. Шкаф старинный, из красного дерева, но хозяин его с этим не посчитался. На всех полочках он наклеил бумажки — указатели книг, а на внешней стороне боковых стенок наколотил гвозди и развесил необходимые ему линейки и рейсшины, которыми пользовался, что-либо вычерчивая.

Был в кабинете и стол. На нем Дмитрий Михайлович, опять-таки для удобства в работе, заменил зеленый суконный верх линолеумом. На столе ни громоздких приборов, ни статуэток, ничего лишнего. Настольная лампа под зеленым абажуром, обычная чернильница, ящичек с двумя-тремя десятками остро отточенных карандашей, стопка писчей бумаги.

Кроме книжного шкафа и стола в кабинете небольшой чертежный «кульман», этажерка для рукописей, диван и два кресла. На стене карты Европы и обоих полушарий нашей планеты. В верхней перекладине двери два крюка с кольцами, на которых Дмитрий Михайлович по утрам регулярно делал гимнастические упражнения.

Дмитрий Михайлович был необычайно трудоспособным человеком и, несмотря на огромную занятость, находил время

для семьи, с любовью занимался воспитанием детей.

Елена Дмитриевна вспоминает:

«…По квартире разносились звуки музыки, топот и смех детей. Мы, дети, очень любили папу и всем своим существом тянулись к нему. Излюбленным местом для нас являлся его письменный стол. В любое время можно было с шумом ворваться в кабинет, чтобы поделиться своими горестями и радостями. Папа снимал очки, закрывал на мгновение рукой глаза, как бы переходя из одного состояния в другое, и с ласковой улыбкой включался в нашу ребячью жизнь.

Часто в эти моменты на его столе появлялись стенные газеты, плакаты, рисунки, книги и тетради. Папа давал советы, что-то подрисовывал, подкрашивал, поправлял, пояснял ход задач. И всегда охотно, как бы сильно он ни был занят.

Нередко можно было видеть моих младших сестренку и братишку, тогда еще совсем маленьких, пристроившихся на конце его письменного стола и занятых рисованием, раскрашиванием или еще каким-нибудь делом. Если они, увлекшись, „распространялись“ дальше по столу, папа безропотно отодвигал свои бумаги и продолжал углубленно, работать. А когда, не найдя общей точки зрения по какому-нибудь „принципиальному“ вопросу, брат с сестрой начинали громко спорить или силой доказывать свою правоту, папа взывал к маминой помощи. Сам же никогда не говорил им, что они ему мешают.

Когда мы жили в лагере академии, папа не забывал принести нам с полевых занятий или какой-нибудь редкий цветок или камышинку, а то даже полевого мышонка или ежа. И все это делалось с единственным желанием порадовать нас.

Папа любил животных, и они отвечали ему тем же. Собаки имели обыкновение спать у его ног, а кот — на письменном столе, под лампой. Когда же нам, детям, удавалось притащить домой клетку с птицами или аквариум с рыбками, то папа немедленно предоставлял живым существам свободу. Птицы, весело чирикая, начинали летать по всей квартире, а рыбки, помахивая хвостиками, плавали в ванне, нарушая все мамины планы.

Помнится, как в один мартовский день папа, к великому ужасу и удивлению мамы, принес огромную ветку тополя и, поставив ее у окна, удовлетворенно заметил:

— Ну вот, теперь птицы будут чувствовать себя совсем хорошо, как в лесу.

…Папа был большим оптимистом, веселым, жизнерадостным человеком, любящим и понимающим шутку и умеющим остро, но беззлобно посмеяться над кем-нибудь из своих друзей или

знакомых. До сих пор мы с подругой вспоминаем, как однажды, когда мы готовились к экзамену, папа, увидев наши грустные физиономии, спросил:

— Что это у вас, девочки, вид, будто вы лягушку проглотили?

И в искусстве он любил легкое, веселое. В последние годы ему мало приходилось читать художественную литературу, но его всегда радовал хороший юмористический рассказ или фельетон в газете. Никогда я не забуду его неудержимый смех, когда он начинал читать рассказ Зощенко, который начинался так:

„У купца Еремеева сперли енотовую шубу…“.

Папа был страстным почитателем таланта Рины Зеленой. Как бы ни был занят, узнав, что у микрофона эта актриса, он откладывал все в сторону, подходил к радиоприемнику, а потом, смеясь до слез, сам пытался имитировать то, что услышал.

Папа отлично стрелял и очень гордился этим. У него долго хранилась газета „Фрунзевец“, в которой была помещена его фотография с надписью: „Наш военкор Д. М. Карбышев выбивает 66“.

Долго уговаривал он меня заняться стрельбой. Наконец настал день, когда мы поехали в тир ЦДКА на занятия стрелковой секции. Придирчиво следил он за моими первыми неуверенными движениями, подробно и терпеливо разъяснял мои ошибки. Уж очень хотелось ему, чтобы я научилась хорошо стрелять. И когда мои пули не стали выходить из черного круга, он был очень доволен.

…Нередко я, в то время школьница, просила папу провести беседу на пионерском сборе, написать передовую статью для стенной газеты, сводить нас на экскурсию в Музей Красной Армии и о многом, многом другом. И не было случая, чтобы он отказался.

…Как радовался папа, когда я вступила в комсомол! День получения комсомольского билета был отмечен у нас как большой праздник».

В этой справедливой характеристике упущено лишь одно — неистребимая жажда Дмитрия Михайловича как можно больше знать, жажда всегда не только учить, но и самому учиться. Об этом напомнила его дочь, Елена Дмитриевна:

«Папа хорошо знал французский и немецкий языки и пользовался ими при чтении технической литературы. Когда ему было около 60 лет, он начал изучать английский язык и относился к этому необычайно серьезно. Мне кажется, что преподавателям редко попадаются такие прилежные ученики».

Дмитрий Михайлович мечтал о том, чтобы его дети получили военное или инженерное образование, посвятили себя защите

Родины. Под его влиянием старшая дочь после окончания средней школы поступила в Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева — туда, где сам Карбышев учился в свое время.

Елена Дмитриевна в 1945 году успешно окончила Высшее инженерно-техническое училище Военно-Морского Флота в Ленинграде, куда был переведен морской факультет, на котором она училась. Ныне она инженер-подполковник в отставке, воспитала двух сыновей. Вторая дочь генерала Карбышева, Татьяна Дмитриевна, окончила Институт внешней торговли и работает экономистом. А сын Дмитрия Михайловича, Алексей Дмитриевич, окончив тот же институт внешней торговли, посвятил себя педагогической деятельности. Он кандидат экономических наук, заведует кафедрой в Московском финансовом институте.

В этой короткой главе пока не сказано о Лидии Васильевне, хотя о ней можно и нужно было бы написать большую книгу — повесть о любящей, преданной женщине-спутнице, подруге воина, испытавшей и то, что выпадало солдату на поле сражений.

Она стала женой Дмитрия Михайловича в январе 1916 года. Когда Карбышева перевели в действующую 8-ю армию Юго-Западного фронта, Лидия Васильевна, медицинская сестра 6-й военно-рабочей дружины, поехала за мужем на передовые позиции. За оказание раненым солдатам первой медицинской помощи под огнем противника во время Луцкого наступления в районе Стохода она была награждена медалью на георгиевской ленте.

Во все последующие годы Лидия Васильевна всюду следовала за мужем, делила с ним все тяготы и испытания походной жизни.

Нередко приходилось жить в землянках или полуразрушенных домах, вблизи от передовой, в зоне обстрела вражеской артиллерии.

Во время бесчисленных переездов Карбышевы брали с собой ящик с книгами Дмитрия Михайловича, чемодан с личными вещами, постельные принадлежности да кое-какую мелкую домашнюю утварь.

Заботливая жена и превосходная хозяйка, Лидия Васильевна и во фронтовых условиях умела создавать на любом необжитом месте домашний уют, окружала мужа заботой и вниманием.

В годы империалистической войны она ползала по-пластунски под огнем противника, спасала раненых, укрываясь вместе с ними в воронках от снарядов и бомб. Она хорошо знала запах земли, истерзанной, исполосованной огнем, пропитанной человеческой кровью.

И она же испытала величайшее горе, по сравнению с которым

нет и не может быть ничего горше для любящей женщины.

Только спустя три года после начала Великой Отечественной войны на ее имя пришло письмо. Вскрыв конверт, она вздрогнула. Из конверта выпал небольшой листок бумаги, на котором рукой ее мужа был написан их московский адрес. Его прислал известный читателям П. М. Лычковский, встречавшийся с Дмитрием Михайловичем в июле 1941 года в тылу врага. Но о том, что случилось с генералом после их встречи, он не знал… Ходили самые разные слухи, говорили, что Дмитрий Михайлович погиб.

Лидия Васильевна продолжала ждать и верила в возвращение мужа. Она не разрешала перекладывать его книги и бумаги, боясь, что дети все перепутают.

Кончилась война. Народ радовался Победе. 30 мая 1945 года Лидия Васильевна получила письмо от Е. В. Леошени из Германии. Он писал: «Во все концы дал здесь уведомление и предупреждение насчет Дмитрия Михайловича. Все знают и ищут его. Глубоко уверен, что встречу Дмитрия Михайловича на своем мосту через Эльбу». И в сердце Лидии Васильевны, дочерей, сына продолжала теплиться надежда на встречу с любимым мужем и отцом. Увы! Вскоре в их дом стали приходить знакомые и незнакомые люди, а с ними пришла и страшная правда…

Выстояла Лидия Васильевна, все вынесла, нашла в себе мужество, превозмогая боль, сделать многое для увековечения памяти о муже, отце ее детей, верном и доблестном сыне Отчизны.

За все это — низкий поклон ей и благодарность.

Любовь и память народа

Жизнь героя, его деяния зовут поколения советских людей к новым свершениям и подвигам. Зовут и ведут, как вечно сверкающая звезда, как горящее сердце Данко…

У мемориальной доски на Смоленском бульваре можно видеть всегда живые цветы. Их сюда приносят воины и студенты, бывшие фронтовики и школьники, люди из разных городов Советского Союза и зарубежные туристы. Чаще других здесь бывают юные карбышевцы — так называют себя ребята многих пионерских дружин и отрядов. Их девиз: «Жить, учиться и трудиться по-карбышевски!» Вот уже двенадцать с лишним лет верны этому девизу пионеры школы № 2 поселка Нахабино. Многие здешние старожилы помнят генерала и гордятся тем, что были знакомы с ним. Его именем названа и лучшая улица поселка.

Когда ЦК ВЛКСМ объявил Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа, ребята из нахабинской школы вместо со своей учительницей Е. А. Власенко отправились на поиски материалов о своем герое. Они совершили большое путешествие по Закарпатью, где Карбышев строил оборонительные сооружения для русской армии. Побывали и в Брестской крепости, которую Дмитрий Михайлович укреплял еще до первой мировой войны. Третий маршрут следопытов пролегал по южной Украине, где в годы гражданской войны Карбышев готовил саперные части к героическому штурму Перекопа и Чонгара, участвовал в разгроме Врангеля.

Альбомы, стенды, фотовыставки, макеты, карты, книги, рукописи — обширна и разнообразна экспозиция музея школы, в котором уже свыше 1500 экспонатов.

Юные карбышевцы, побывав в Бресте, завязали дружеские связи со своими белорусскими сверстниками. Ведут с ними переписку, обмениваются новостями.

«Мы горды тем, что нашей дружине присвоено имя Дмитрия Михайловича Карбышева, — пишут пионеры школы Ульяновского совхоза Омской области. — В нашей дружине 159 пионеров и 50 октябрят. Мы все хотим быть достойными имени прославленного героя нашей Родины…».

«Никогда не померкнет слава генерала Карбышева, вечно будет жить он в наших сердцах, — пишут юные карбышевцы из города Ревда Свердловской области. — Читаем книги о нашем герое, об Отечественной войне, и хотелось бы еще больше знать о

Дмитрии Михайловиче, о его семье и о его детстве, обо всем, что связано с его деятельностью…».

Ежегодно юные карбышевцы устраивают всесоюзные встречи. На одну из них гродненские школьники привезли обломок стены форта, который строил генерал Карбышев. Эту дорогую для ребят реликвию они сопроводили следующей надписью:

«Омытый горячей кровью пламенных сердец героев, жгучими слезами матерей, вдов, сирот, этот немой свидетель не раз слушал твердую клятву Отчизне, последний наказ умирающих отцов своим сыновьям, не раз видел презрение к смерти и беспримерное мужество на поле боя во имя счастья людей, во имя твоего счастья, комсомолец, пионер, октябренок!»

А вот письмо, которое адресовал юным карбышевцам Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян:

«…Как хорошо, что наше юное поколение глубоко чтит бессмертный подвиг этого славного патриота нашей Родины. Столь горячее внимание к его памяти лишний раз свидетельствует о том, что вашим юным сердцам не только близок и понятен совершенный Дмитрием Михайловичем подвиг, но и вы, несомненно, учитесь у него тому, как беззаветно нужно любить свою Родину».

3 января 1970 года в Киеве был открыт у здания местной школы № 2 гранитный монумент генералу Карбышеву, сооруженный на средства учащихся и учителей этой школы. Решением исполкома Харьковского горсовета от 24 апреля 1972 года Булгаковский переулок в Червонозаводском районе переименован в переулок Д. М. Карбышева. По этому переулку Дмитрий Михайлович ежедневно ходил из дома в штаб Украинского военного округа.

Приславший автору книги эту радостную весть старый большевик Александр Леонтьевич Сарана задает вопрос: «А все ли нами сделано?» И сам же отвечает: «Нет, пока далеко еще не все». Он делится планами и намерениями подшефных юных карбышевцев. Они неутомимы в своем поиске, энергично и заинтересованно продолжают его.

Но уже теперь ими точно установлено, что в бывшей частной женской гимназии Григорцевича (ныне средняя школа № 53) на Красношкольной набережной находился в свое время Главный инженерный штаб войск Красной Армии Украины и Крыма. Именно здесь, в скромной квартире, с октября 1920 по март 1923 года жил Дмитрий. Михайлович Карбышев со своей семьей — женой Лидией Васильевной и маленькой дочуркой Леной.

Хорошо сохранилось и другое здание — в Провиантском

переулке, где был открыт первый у а Украине Дом Красной Армии. Председателем его правления избрали М. В. Фрунзе. В правление входили Д. М. Карбышев и Р. П. Эйдеман. Все трое много сделали для развития молодой тогда советской культуры в Харькове.

Старожилы свидетельствуют, что ДКА почти сразу же после открытия стал значительным в городе очагом новой культуры и привлек к себе не только военных, но и многих трудящихся-харьковчан. Сейчас тут общежитие.

«Мы вошли с ходатайством в горсовет, — сообщает А. Л. Сарана, — установить на фасаде обоих домов мемориальные доски».

Просьба юных карбышевцев горсоветом исполнена: оба эти дома отмечены мемориальными досками.

Вся доблестная жизнь генерала Карбышева так же, как и мужественных защитников Брестской крепости, до последнего глотка воздуха была отдана ради того, чтобы крепла и развивалась дружба народов, ради прочного и незыблемого мира на всей земле.

Имя легендарного генерала бессмертно. О нем написаны книги. Он воспет поэтами. О нем сложены песни и легенды. Живописцы запечатлели его образ на художественных полотнах, скульпторы — в памятниках.

Бороздит океаны мощный наливной танкер «Генерал Карбышев». Плавает по Иртышу и Оби белоснежный теплоход «Генерал Карбышев». Транссибирские экспрессы, пассажирские и грузовые поезда останавливаются на своем пути у станций Карбышево-I и Карбышево-II, неподалеку от Омска, — обе станции названы так в память о героических сражениях Красной Армии с белогвардейцами, о сражениях, принесших славу и доблестному командиру саперов Дмитрию Михайловичу Карбышеву.

Имя коммуниста-генерала с честью носят многие бригады фабрик и заводов страны, колхозы и совхозы. Из одного такого совхоза, расположенного в селе Большие Копани Херсонской области, пришло письмо: «Мы хотим быть достойными присвоенного нам имени Героя Советского Союза Д. М. Карбышева. Генерал зачислен почетным рабочим совхоза, и каждый рабочий и служащий выполняет одну дневную норму в год — так называемую карбышевскую норму в фонд мира».

Карбышев среди нас, он в делах и думах наших патриотов, в мечтах о будущем наших детей и молодежи. Он всегда служит живым примером доблести и геройства воинам, которым народ доверил защиту нашей великой Родины от любых посягательств

врагов.

Юношеская мечта Дмитрия Карбышева, высказанная им своему другу Григорию Вискунову: «Хочу найти свою звезду… У каждого человека должна быть своя путеводная звезда!», сбылась.

Найдена и отныне навечно излучает немеркнущий свет звезда Карбышева.

«*Академия наук СССР*

ПОЧЕТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИСВОЕНИИ НАЗВАНИЯ МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ № 1959

Институт Теоретической астрономии, возглавляющий в Советском Союзе работы по малым планетам, настоящим свидетельствует, что малая планета № 1959, открытая советскими астрономами, получила название в честь Дмитрия Михайловича Карбышева.

Отныне эта неотъемлемая частица Солнечной системы будет именоваться, МАЛАЯ ПЛАНЕТА (1959) КАРБЫШЕВ.

Всемирный Центр по малым планетам (Обсерватории Цинцинати, США) официально сообщил об утверждении этого названия и занесении его в Циркуляр малых планет 30 июня 1977 года.

Директор Института Теоретической астрономии С. С. Лавров

Первооткрыватель Л. Журавлева Ленинград, 1 сентября 1977»

Л. Журавлева — научный сотрудник Крымской астрономической обсерватории совершила свое открытие после долгих и настойчивых поисков. И когда она достигла цели, ей захотелось увековечить имя доблестного воина, рыцаря нашего времени, героя великого Советского Союза и её героя. Для нее, как и для многих наших современников, жизненный путь, моральная сила, нравственная чистота и беззаветная преданность Отчизне Дмитрия Михайловича Карбышева служат примером и вдохновляют ее на все новые свершения.

Подвиг Карбышева будет сверкать, как путеводная звезда, грядущим поколениям людей всей планеты, жаждущим мирного труда и всеобщего счастья.

Нерукотворный памятник воздвиг себе генерал Карбышев, героической жизнью и доблестной смертью заслужил вечную славу, любовь и бессмертие.

Так пусть же всегда звучат призывным набатом огненные строки поэта Роберта Рождественского:

Люди,
Покуда сердца

стучатся, —
Помните!
Какою
Ценой
Завоевано счастье, —
Пожалуйста,
помните!
Песню свою
отправляя в полет, —
Помните!
О тех,
Кто уже никогда
не споет, —
Помните!
Детям своим
расскажите о них,
Чтоб
Запомнили!
Детям
детей
Расскажите о них,
Чтоб тоже
Запомнили!
Во все времена
бессмертной
Земли
Помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, —
О погибших
Помните!
Встречайте
трепетную весну.
Люди земли!
Убейте
войну,
прокляните
войну,
Люди земли!
Мечту пронесите
через года
И жизнью наполните!
Но о тех,
Кто уже не придет

никогда, —
Заклинаю, —
Помните!

Герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев

Памятник, установленный у входа в бывший лагерь Маутхаузен в 1963 году. Скульптор в Цигаль, архитектор Н. Ковальчук

Памятник Д. М. Карбышеву на его родине в Омске. Скульптор В. Федоров

Памятный знак Д. М. Карбышеву на бульваре Карбышева в Москве, открытый в 1980 году к 100-летию со дня рождения героя

notes

Примечания

1

Чукарев А. Начало пламенной жизни. — Дальний Восток, 1967, № 4, с. 151–152.

2

Ленин В. И. Военная переписка (1917–1920 гг.). — Воениздат, 1956, с. 255.

3

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. документов. — М., Воениздат, 1941, с. 448.

4

В этой главе использованы материалы из книги Д. М. Карбышева «Избранные научные труды». — М., Воениздат, 1962.

5

Старинов Г. И. Мины ждут своего часа. — М., Воениздат, 1964, с. 25–30.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М., АШ, 1969, с. 220.

7

Мать Лидии Васильевны.

8

Сообщение ЧК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников «Об убийстве немцами советских военнопленных в районе г. Острув-Мазовецка в Польше». — М., Госполитиздат, 1947, с. 37–38.

9

«Правила поведения советских людей в фашистском плену», выработанные Д. М. Карбышевым, сообщили узники Т. Б. Кублицкий, А. П. Есин, П. П. Кошкаров, Ю. П. Демьяненко, А. С. Санин и другие.

Подробности об «историческом кабинете» сообщили бывшие узники Хаммельбургского лагеря И. И. Воронец, Н. Л. Белоруцкий, Т. Б. Кублицкий и другие.

Солдат, герой, ученый. — М., Воениздат, 1961, с. 164–165.

Солдат, герой, ученый. — М., Воениздат, 1961, с. 172.

13

Ныне Военная ордена Ленина, Краснознаменная академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

Исторический архив, 1957, № 3.

15

Из письма П. Д. Матвеева, переданного нам писателем С. С. Смирновым.

Солдат, герой, ученый. — М., Воениздат, 1961, с. 5–6.

17

Выдержки из дневника С. С. Евтиядиса, а также материал Е. И. Тыженко о действиях рабочей команды банщиков взяты из стенограммы выступления И. С. Юрковой на заседании СКВВ 20 июня 1958 г.

СС в действии. Документы о преступлениях СС. — М., Иностранная литература, 1960, с. 297.

19

Гофман Л. И., — См.: Исторический архив, 1957, № 3, с. 70–73; а также Сб.: Солдат, герой, ученый, с. 184–188.

20

СС в действии. Документы о преступлениях СС. — М., Иностранная литература, 1960, с. 307–309.

21

См.: Исторический архив, 1957, № 3, с. 73–77; а также Сб.; Солдат, герой, ученый, с. 189–191.